

Алексей Сергеевич Колентьев
Тени чёрного пламени

Счастье для всех – 4

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961870
«Тени черного пламени»: Крылов; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-4226-0223-0

Аннотация

Минуло восемь месяцев после битвы за Припять. Закрылись порталы в иные миры, большинство гостей покинуло мир Зоны, всё изменилось. Но тут новая угроза нависает над нашим миром. Зловещая тень черного пламени пришла из Запределья, чтобы поглотить все живое.

Ступающий в Паутине и его немногочисленные друзья вступают в неравный бой с неведомым и коварным врагом.

Алексей Колентьев

Тени чёрного пламени

© Колентьев А., 2013

© ИК «Крылов», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

*On this bed I lay,
Losing everything.
I can see my life passing me by
Was it all too much?
Or just not enough?
Wake me up, I'm living a nightmare...
«Time of Dying»
by Three Days Grace ¹*

Холодная дождевая капля, пробравшись в глазницу маски, повисла на ресницах, отчего еле заметная тропка в стоящем стеной сухостое подернулась мутной пеленой. Не двигая головой, я крепко сжал веко и спустя секунду снова открыл глаз. Пелена пропала, дождь тоже стих так же быстро, как и начался.

В наушнике зашуршало, тихий голос Норда сообщил:

– Два и шесть, дистанция – три косых.

Я сжал пальцами тангенту рации так, что получилось три длинных щелчка. Это означало, что пока шуметь не будем. Пусть «свободные» подойдут поближе, три сотни метров – слишком далеко. Может быть, они идут своей дорогой, а те, кто упал нам на хвост двое суток назад, потерялись в топи, которая поглотила все, что оставалось от комплекса «Янтарь». После событий на атомной станции и закрытия порталов Зону лихорадило месяцев восемь, может быть даже чуть больше. Рельеф где-то провалился, как это случилось на Свалке, а где-то словно бы по мановению невидимых исполинов образовались высокие холмистые сопки. Большая часть инфраструктуры вместе с дорогами и небольшими поселениями вольных старателей сохранилась, как и прежде, но граница между мирами стала более зыбкой. Внешне границы периметра не изменились, однако расстояния между поселениями постоянно росли, дороги уже больше никуда не вели, обрываясь где на середине, а где-то исчезли совсем. В районе завода «Росток» появились неизвестные развалины, которые вскоре стали именовать Ульем. Это из-за причудливых гладкостенных пирамид, похожих на воткнутые вертикально в землю веретена. Пчел или других насекомых никто там не встречал, однако же и ходить туда мало кто отваживался. Вернувшиеся только

1

Лежу на кровати,
Я все потерял.
Жизнь мимо идет стороной.
Так много прошло,
Иль не было вовсе.
В кошмаре живу, разбудите меня.

Three Days Grace, «Смертный час»

пожимали плечами, что, впрочем, ничего не означало – каждый держал находки при себе, как и свято охранял пробитые среди аномальных полей маршруты.

– Два – три, контакт на двенадцать!

Это Андрон, все такой же нетерпеливый, как и прежде, углядев в кустарнике наших гостей, поспешил с выводами. Слон в рейды с нами уже не ходил, сказывались последствия ранения, но из Андрона со временем выйдет хороший боец. Жаль, что пока парень слишком горяч, но это пройдет. Я снова дал сигнал оставаться на месте, территория кишела сфинксами, которые теперь расплодились неимоверно. Если услышат стрельбу, то нападать не станут, однако прикончат победителя, это теперь практически норма. Звери словно бы выжидали, когда люди ослабят друг друга, а после начиналась охота: уцелевших сфинксы брали в кольцо и загоняли в какое-нибудь гиблое аномальное поле. На этих четвероногих зверей, более всего похожих общей статью на африканских львов, не действовали эффекты большинства гравитационных и электрических ловушек. Как-то они умели их отключать на короткое время, и потому укрыться от гона за аномальными полями было невозможно. Тех же, кто пытался дать отпор, сфинксы разрывали походя, почти не сбавляя скорости. Кроме внушительных по своей остроте и величине когтей и зубов, сфинксы били жертву длинным узким хвостом, покрытым твердыми зазубренными костяными пластинами. Передвигаясь прыжками, стая развивала скорость до пятидесяти километров в час. Поэтому все артельщики работали только с глушеным оружием, но вот за противника поручиться нельзя. Сброда и дураков за это время не убавилось нисколько, да и кто не станет отстреливаться, коли придет нужда!..

Поле, заросшее высокой иссохшей травой, тянулось вдаль метров на четыреста, пока хватало глаз. С моей позиции у подножья невысокого холма все отлично просматривалось. Начало пустошь брала у края провала, где раньше была дорога на Свалку. После схлопывания порталов и новой серии землетрясений Свалка представляла собой неправильной формы чашу, до краев заполненную плотной завесой тумана. По слухам, несколько мелких групп вольных старателей уже обосновались на склонах кратера, некоторые даже неплохо заработали на перепродаже разного барахла и артефактов. Но сам я этих людей не встречал, хотя два дня назад мы и прошли по самой кромке тумана у восточного склона кратера. Обычная земля, даже с остатками травы и уродливыми деревцами, ни живой души, ни аномалий мы не встречали.

От воспоминаний отвлекло шевеление кустов, колыхнувшихся против того вектора, куда их гнул ветер. Переложив автомат ближе к себе, я осторожно, на короткое время глянул в монокуляр. Оптика не подвела, в доли мгновения мне удалось разглядеть цепочку фигур, идущих точно по вытоптанной зверьем тропке. Еще минут десять, и они дойдут до островка, который когда-то создал человек. Там, дальше и левее, метрах в ста от того места, где я сидел, виднелись развалины трансформаторной будки. Собственно, от кирпичной коробки, какую видел любой горожанин, выходя из дома где-нибудь в родном дворике, тут мало что осталось. На мир скалилась только угловая северная стена да груда слежавшегося мусора на месте утащенного кем-то трансформатора. Народу в группе было человек шесть, в то время как нас преследовал целый отряд хорошо вооруженных и экипированных рейдеров-сечевиков. После разгрома у Припяти группировка «Вільна Січ» почти перестала существовать, но вскоре западные покровители прикинули риски, и под видом гуманитарных и экологических экспедиций в Зону потянулись все те же хорошо вооруженные группы волонтеров. База в районе военных складов теперь называлась «Держава», хотя нашивки и общая идеология остались что и прежде. Сечевики поглотили группировку наемников, и теперь они делили общую территорию, хотя, по слухам, стычки возникали постоянно и многие были недовольны сложившимся положением. Группы разведчиков и сборщиков артефактов обновленных «свободных» отныне действовали слаженно и предельно жестко. Особенно потеснили «Альфу», потерявшую в боях за Припять более двух третей личного боееспособного состава. С финансированием и прочим у альфовцев было не густо, как, впрочем, и до той самой битвы. Однако сейчас все стало еще хуже, поскольку

финансирование из России резко сократилось. Видимо, тамошние власти больше не видели особого смысла в поддержке группировки. Но неожиданно помогли отставные бойцы и ветераны отряда, поднявшиеся на гражданке, хотя их помощь, конечно, не сравнится с тем, что могло, но не хотело дать государство. Всех, кто вроде нашей артели базировался в Промзоне как вольные стрелки, обложили подушным налогом. Но народ без особого скрипа платил, ибо все понимали, что на карту поставлена судьба отряда, который охраняет один из немногих островков стабильности во вновь изменившемся мире. Я уже подумывал было откочевать куда-нибудь, поскольку за заработком не гнался, а налог был не маленьким, но Василь, занявший место командира «Альфы», стал подкидывать работенку по профилю. Из-за этого наши отчисления порой составляли втрое меньшую сумму, чем, скажем, у Барановского, нового хозяина «Приюта старателя». Он пришел в Зону почти сразу же после окончания штурма Припяти, говорят, что дальний родственник Одессита. Все за глаза звали его Кепка из-за невеликого роста и пристрастия к теплой ушанке, которую Барановский никогда не снимал. При нем питейный шалман расширился, превратившись в целый комплекс с ночлежкой, занимавшей обширные подвалы под цехами, поскольку стал единственным относительно безопасным пунктом торговли и отдыха в разросшейся и ставшей еще опаснее Зоне. Домовые-ягеры ушли вместе со многими существами из параллельных миров, так что теперь в коммуникациях было пусто. Барановский нанял каких-то строителей из Бреднянска, за пару месяцев они обустроили подвалы, создав там нечто вроде гостиницы с номерами и просто залом, уставленным койками, где можно было переждать редкие теперь, но ставшие сильными и затяжными волны выбросов. Толковище захирело, из-за больших расстояний и убыли случайного народа в Зоне убивать друг друга на арене желающих стало не слишком много. Однако недавно я сам помогал каким-то шустрым парням с мандатами некой литовской компании «Балтспорт» переправлять в Промзону кучу камер и прочего телевизионного барахла. И обосновались они именно в пустующем здании, где раньше проводились бои. За главного теперь тут был долговязый молчаливый поляк Яцек, который, по слухам, занимался еще и ростовщицеством. Василь сначала сопротивлялся, однако после долгих переговоров, тянувшихся почти две недели, подручные польского любителя экстремальных видов спорта таки начали монтировать аппаратуру. А вскоре рядом с помещением Арены появилась блочная пристройка с прямолинейной надписью: «Букмекер: ставки под залог имущества и за наличный расчет». Правду гласит народная мудрость про то самое свято место, которое долго не пустует...

– Три – двенадцать, северо-запад. Четыре косых!..

Снова Норд углядел что-то вдаль, и, зная Юриса, я тоже чуть сместился влево, приложив монокуляр к глазам. В полукилометре справа сухостой мерно колыхался против ветра, но на этот раз это точно были «свободные», поскольку караван шел со стороны «Агропрома», где теперь у сечевиков было две укрепленные передовые базы. Как верно сосчитал Юрис, в караване было с десятков бойцов и две вьючные лошади. Судя по направлению и характеру снаряжения, это, скорее всего, снабженцы. А те, кого мы приняли за преследователей, просто встречающие. Видимо, хохлы насобирали много всяких редкостей и теперь переправляют хабар на главную базу. Будь это засада, встреченные нами раньше бродяги расположились бы примерно там, где я сейчас сижу. А так просто стали в развалинах, вынесли охранение из двух бойцов с ручняком и ждут. Значит, от погони мы оторвались, нужно отметить нынешнюю схему отхода как рабочую, но это потом, дома. Нет смысла бодаться с такой силищей, тем более что мы тоже идем домой и боекомплект всего треть от потребности на такую ораву народа. И в тот момент, когда рука уже сама убирала монокуляр в боковой карман разгрузки, взгляд зацепил что-то необычное. Вторая лошадь каравана несла на себе не тюк, а прильнувшего к гриве всадника со связанными за спиной руками. Он был одет в обычный дождевик с капюшоном, но как раз сейчас порыв ветра сбросил его набок, и я, вновь прильнув к окуляру, увидел странную безволосую голову с кожей пепельно-синего цвета. Кто-то из сопровождавших мгновенно подскочил к пленнику и с силой натянул брезентовый колпак обратно. Сконцентрировавшись, послал

мыслеимпульс в ту сторону, но ответа не получил. После исчезновения Обелиска и тяжелого ранения способности мои несколько притупились, но расстояние было небольшим даже для такого недоучки, как я. Вот так номер, чтоб я помер! Сечевики взяли в плен кого-то из племени Изменяющих, что в принципе невозможно, ведь все уцелевшие после битвы с Ткачами ушли по тоннелю, проложенному Обелиском. На отщепенцев, прислуживавших неудачливым покорителям Земли, пленник тоже не походил, те кровохлебы просто серой масти, да и в плен такого брать бессмысленно. Решение пришло подспудно, идея словно бы сама по себе всплыла в сознании и оформилась в рискованный, но вполне осуществимый план. Отжав тангенту рации на передачу, я дал один длинный и два коротких тона на частоте отряда. Это означало общую готовность, запрещающую открытие огня без прямого приказа.

Потом тихо приказал:

– Третий ко мне, второй – руби по секторам два и три. Как приняли?

– Второй принял, сектора под контролем...

– Третий принял, иду.

Я сполз вниз и медленно отошел под прикрытие холма, попутно убрав растяжку с той стороны, откуда придет Андрон. Парень появился быстро, словно призрак проступив сквозь изжелта-серую стену травы. Одетый в уже обношенный и ладно пригнанный по фигуре «сумрак»², парень смотрелся как часть пейзажа. Выделялся только обмотанный камуфляжной лентой «калаш», который боец бережно держал на сгибах локтей у груди. Все бойцы в артели были вооружены основным оружием одного калибра, так я решил с самого начала, и все, кто остался и приходил в нашу небольшую группу, с этим порядком соглашались. Так, у Андрона был грамотно облегченный АКМ³ с телескопическим прикладом, пластиковым цевьем и штурмовой передней рукоятью. Автором этого обвеса был некто Семериков, отставной альфовец, перебравшийся под крыло местного барыги. Само собой, этим дельцом был Тара, ставший главным по обороту оружия и всякой снаряди в Зоне, расширил мастерскую, где мне благодаря старым связям удалось выбить существенную скидку на починку оружия и снаряжения. Цену драл как обычно – втридорога, но после известных событий путь до Кордона измерялся уже не километрами, а днями, иногда даже месяцами. Транспортom, как и прежде, были лошади, вертушки внутрь периметра летать перестали, несмотря на то что теперь летать было не так опасно, как в прежние времена. Скорее всего, это потому, что украинские власти убрали из Зоны все научные лаборатории, следовательно, отпала необходимость в их обеспечении. Теперь, как и остальные страны, сидевшие вокруг периметра, словно голодные у бурлящего котла с похлебкой, Украина изредка оплачивала услуги частных подрядчиков. Вертолеты летали вглубь Зоны, но это событие происходило весьма редко, всего два раза за последние полгода, и оба раза это были вертушки с опознавательными знаками НАТО. Всем было понятно, к чему приведет усиление сечевых – европейцы хотят монополизировать торговлю

² БЗК «Сумрак» – легкий штурмовой защитный комплект, обеспечивающий защиту бойца от автоматных и пистолетных пуль, осколков гранат (класс III). За счет системы обеспечения, позаимствованной у украинских научных защитных комплектов, обеспечивает защиту от агрессивных сред, аномальной активности. Однако не имеет системы дыхания замкнутого цикла (установлены сменные фильтры ограниченного срока действия), за счет чего пребывание в сильно зараженных радиацией районах ограничено сроком до семидесяти двух часов. Имеет уникальную схему адаптивного камуфляжа за счет синтетической ткани «паутинка», обеспечивающей плотную маскировку бойца на любой местности. Является уникальной разработкой российского ВПК, поставляется только группировке «Альфа» небольшими партиями, исключительно для групп специальной разведки. Главный недостаток комплекта – это его вес и невозможность использования автономных транспортных систем – экзоскелетов.

³ Я не большой поклонник разнообразного оружейного тюнинга, поскольку главное в оружии – это возможность поражать противника, оно должно стрелять. Однако же признаю возможную полезность обвеса, если это необходимо. В случае с советским автоматом Калашникова АКМ это в принципе допустимо из-за общего веса оружия и новых условий ближнего боя в современных условиях.

артефактами, как недавно прибрали к рукам все украинские наработки по аномальной активности в местной Зоне отчуждения. Два месяца назад в Дюссельдорфе с помпой открылся исследовательский международный центр «Атлас Глобал Рисерч энд Инвестмент», где почему-то сразу установилось жесткое подчинение совета директоров некой закрытой группе инвесторов из США. Все артефакты, добываемые старателями из проукраинской «Вільной Січи» и большинством крупных групп вольных бродяг, так или иначе оказывались в руках закупщиков из фактории «Атлас Глобал», которая обосновалась в Бреднянске. Мне так или иначе было все равно, поскольку наша артель занималась только поиском и спасением пропавших в Зоне людей. За это тоже платили, но, само собой, не так много, как за различные диковины, вынимаемые из аномалий. Однако для меня это был еще один незабываемый принцип, из-за которого вскоре ушел Михай, прибившийся потом к небольшому отряду своих земляков. Это была ощутимая потеря, но соприкоснуться лишний раз с непонятными и потенциально опасными вещицами я не хотел. Как сразу же отклонял и завуалированные предложения на устранение тех или иных личностей. Правда, тут были исключения, бандитов и наемников мы в живых никогда не отпускали, а если надо, то и выходили на прямую конфронтацию как с теми, так и с другими.

– Что случилось, Антон Константиныч?

Андрон вот уже пару секунд выжидательно смотрел на меня, сидя напротив и теребя автоматный ремень. Стряхнув с себя вновь набежавшую задумчивость, я вынул свой ПДА, набрал код и сбросил данные по заданию на коммуникатор Андрона. Потом молча подвинул небольшой тяжелый контейнер, снятый два дня назад с обугленного и перекрученного трупа некоего австралийца.

– Планы меняются, ты берешь с собой двух бойцов и немедленно топаешь с ними на базу. За старшего в твоей подгруппе останется Кудряш, они с Мотрей и Горой сами дивизии стоят. С собой возьми Крестного и Птаху. Доложишься профессору Либерману, расскажешь, что экспедиция погибла, и передашь контейнер, о котором он говорил. Данные и отчет скинь только после того, как забашляют. Проследи особо, чтобы деньги были переведены сегодня же, без проволочек, вроде как в прошлый раз. Приказ понятен?

– Да... так точно. А вы и остальные?

– Мы пока задержимся, отцу скажешь, что контрольный срок будет трое суток. Если не выйдем на связь – работайте по обстановке, а лучше уходите за периметр. Все, ступай.

Андрон молча кивнул и тут же растворился в кустах. Я же снова прополз на прежнее место и прильнул к земле. Пока ощущался обычный мерный гул, какой для здешних мест вполне нормальное явление. Волна если и пойдет, то не раньше чем через неделю.

– Здесь четвертый, команду принял.

Кудряш и Мотря – двое новосибирских закадычных друзей Юриса, которых он подтянул два месяца назад. Оба отслужили по пять лет в войсках ООН, а до этого воевали в Югославии и еще черт знает где. Кудряш служил в мотострелковой части, потом по каким-то каналам был завербован в военную разведку. Высокий, с соответствующей выправкой, но на лицо и голос совершенно обычный русак. Кстати, Кудряш – настоящая фамилия, а по имени он никогда не назывался. Мотря, Иван Матренин, служил срочную в морской пехоте, на Северном флоте, но после этого тоже неизвестными путями оказался в разведке, где и повидал мир, так сказать. Но Иван был красавцем, причем в яркой, очень обаятельной ипостаси: смуглая кожа, карие улыбчивые глаза, ростом под два метра и соответствующего богатырского сложения. Невероятно веселый и улыбчивый, он всегда находит какой-нибудь анекдот или забавную историю из разряда «а вот у нас был случай». Оба были уволены по сокращению штатов и оказались в строительной фирме родителя Юриса. Тот питал слабость к бывшим военным, считая их лучшими кандидатами на работу. В артель оба вписались почти сразу, а с Мотрей мы иногда вместе под гитару пели разные душевные песни, когда отмечали очередную удачную операцию. Нет, спасти всех не получалось, но с давних пор удачной я считал ту войну, с которой удалось вернуться живым. Кудряш больше молчал, но он был отличным рукопашником, хорошо знал ножевой бой, и мы с ним часто и подолгу

спарринговали, само собой, только с боевым оружием. Получалось весьма неплохо, учитывая, что мы оба владели методикой волчьего сна и на тренировки уходила большая часть ночи. Для плана, который я наметил, как раз навыки Кудряша подходили более всего.

– Здесь второй, нитка рвется. Два по три на шесть и три.

Все происходило не совсем так, как я и предполагал: караван встретил охранников и шестеро из пришедших с «Агропрома» повернули назад. Лошади и пленник продолжили путь вместе со ставшими в развалинах лагерем сечевыми. Я вызвал Кудряша и приказал отходить к моей позиции, чтобы дозорная группа каравана не вскрыла наше присутствие. Наблюдать может и Норд, сейчас важно следовать за «свободными» на расстоянии. Я вынул ПДА и вызвал примерную карту устойчивых областей в этом районе. Стабильных территорий только шесть, а учитывая скорость, с которой караван шел все это время, дойти они успеют только до заброшенного поселка Знаменка. Место спокойное, зверье и бандиты туда не заходят. Первые потому, что нечего жрать, а вторые потому, что поживиться тут особо нечем.

– Второй, держи нитку, предположительно идут в квадрат десять-тринадцать. Как принял?

– Принял, сопровождаю...

Как только караван тронулся и направился ровно к тому выходу с поля, напротив которого был мой холмик, я снова сполз вниз и, разрядив обе растяжки, стал дожидаться остальных артельщиков. Первым из кустов появился Кудряш, за ним Мотря с пулеметом наперевес, замыкающим шел наш иностранный участник – черногорец по имени Горан, но мы его звали просто Гора. Прибился он к нам случайно, после того как однажды помог Юрису с редкими боеприпасами для его винтовки. Это крепкий невысокий мужик сильно за пятьдесят. Из-за густой черной бороды к черногорцу приклеилось прозвище Гном, на что тот втихаря обижался, поэтому мы его звали то по имени, то просто Гора. Специальность у него была совершенно обычная. Но для нашей артели незаменимая. Горан знал о взрывчатке и минах все на свете.

Я кратко изложил артельщикам план операции:

– Значит, так, бойцы, дело наклеивается не особо денежное, но важное для меня. Идти никого не заставляю, просто прошу прикрыть. Хохлы везут пленника, который очень похож на одного моего знакомого, который никогда бы не бросил меня при подобном раскладе. Пленного нужно выручить, а хохлов наказать. Так как оно будет?

Кудряш и Мотря только пожали плечами и согласно кивнули, что вписываются. Ведь под масками так и так не видно, что каждый из них подумал.

Вспылил только интурист, неожиданно горячо зашипевший, как раскаленная сковорода:

– Зачем ты спросил, раз там твой друг?! Я тоже твой друг, а ты меня такими словами обижаешь!

– Прости, Гора. Но дело слишком личное, а ты у нас в отряде не так давно. В бой нужно идти без сомнений, иначе всем хана. Прости и впредь не обижайся. Лады?

Черногорец энергично закивал и под смешки неунывающего Мотри сел на корточки чуть в отдалении.

Я снова достал ПДА и объяснил задачу каждого:

– Караван небольшой, всего десять рыл, плюс две лошади и пленник. Однако, судя по поведению, новичков там нет, вооружены тоже неплохо. До темноты они успеют дойти только до Знаменки. Остановятся в здании сельсовета, оно там одно с крышей и окнами. Брать будем ночью, ближе к трем часам, в пересменку. Норд страхует нас издали, где он фишку выберет, это его дело. Начнем, как только вычислим расположение дозорных. Брать нужно тихо, в ножи, и валить всех наглухо, чтобы следов не осталось. По возможности оставьте одного из сечевых для допроса, но так, чтобы мог говорить. Это специально для тебя, Кудряш. Не лютуй, без фанатизма. Лошадей жалко, с собой взять не получится, а оставлять на вольный выпас еще хуже, в округе полно сфинксов – задерут на раз. Все,

выходим, как только Норд даст сигнал. По местам. Кудряш, ты в головном, Гора замыкающий.

Дорога от поля была и по нынешним временам почти что ровная как стол. Каким-то образом посреди иссохшего непонятого бурелома из земли подняло кусок нормального шоссе. Ровный участок шел почти точно на юго-восток, а дальше обрывался, упираясь в небольшой клин запущенных лесопосадок. А там, если повезет, еще через пятнадцать километров был и тот самый поселок. Время и пространство в Зоне по-прежнему вели себя весьма вольно, то сокращаясь и ускоряясь, то растягиваясь и замедляясь, подобно патоке. Караванный водила, судя по всему, был тут не впервые, потому что по дороге людей не повел, а все время шел параллельно, по торным тропинкам. Обоз шел осторожно, пару раз нам приходилось останавливаться и маскировать свое присутствие, поскольку Норд докладывал о высланном назад дозоре. Ребята серьезные, видно, что воюют давно. Аномалии и зверье нам особо не досаждали, приобретая свойства природных явлений. Не тронь их, и они вреда не причинят. После закрытия порталов и уничтожения психотронного излучателя на радиостанции волновой выброс больше не сводил с ума. Теперь это была просто очень сильная буря, но с вихревыми грозами, попасть в которую по-прежнему означало верную смерть. А смертельные ловушки возникали не так часто, но теперь группировались в разной протяженности поля. Но появились они и в воздухе, старатели окрестили их мешками. Например, огневка или электро дрейфовали в воздухе часто всего в полуметре над землей, а иногда располагались на приличной высоте. В такое поле и попала экспедиция австралийских ученых, пытавшихся пройти к Могильнику или тому, что от него осталось. Интуристы шли по аномальному полю и каким-то чудом прошли треть, пока не нарвались на плазменную аномалию, в просторечии – огневку. Двое сгорели почти дотла, а остальные заметались в панике и угодили кто куда, в итоге никто не выбрался оттуда живым. Могильник после битвы был сильно разрушен, на месте мертвого города бушевала перманентная электрическая буря, висела плотная завеса непроницаемого тумана. На границах грозового фронта образовывались аномальные поля и как следствие попадались редчайшие по свойствам артефакты. Только Алхимики как-то проходили вглубь городских кварталов, чтобы проводить там свои опыты, думаю, дело, как и всегда, в подземных коммуникациях, которые так хорошо были освоены этим братством ученых-беспредельщиков.

– Нитка встала, к вам гости, встречайте один – три!..

Кудряш замер на месте, а я тихо скомандовал группе рассредоточиться. Снова «свободные» выслали тыловой дозор, уже четвертый раз. Все разошлись на десяток метров, образуя рваный овал. Мне досталось место под корнями вывороченного из земли разлапистого пня. Накрывшись накидкой, я замер, ожидая развития ситуации. Слишком часто сечевые стали оглядываться, это настораживает. До поселка еще идти и идти, а они только и делают, что стоят на месте. Плохо, если обнаружили преследование, тогда ночью будут сидеть в поселке и близко подойти не дадут. Среди деревьев далеко впереди мелькнуло два размытых силуэта, потом я четко различил две фигуры в отличных германских «кондорах»⁴ и одного в древнем, сильно поношенном СКАПе⁵. Двое «немцев»

⁴ БЗК «Кондор» – боевой защитный комплект производства ФРГ. Является дальнейшей разработкой идей украинских ученых по созданию защитного костюма с АТС (автономная транспортная система). Класс бронезащиты – III (осколки гранат, пистолетные и автоматные пули стандартных калибров стран НАТО – 9 мм и 5.56 мм), встроенные биофильтры позволяют на продолжительное время снизить аномальное и радиоактивное воздействие. Комплект снабжен также системой адаптивного камуфляжа «Ghost II», однако из-за проблем с источниками питания маскировка и экзоскелет работают только по отдельности.

⁵ БЗК «СКАП» – боевой защитный комплект украинского производства, обр. 2008 г. Обеспечивает защиту как от пуль и осколков по классу II. А также ненадолго предохраняет от воздействия аномалий и радиоактивного излучения. Разработан для разведгрупп военных скаутов, предназначен для длительного автономного пребывания в Зоне отчуждения. Проблемы практически те же, что и у «Сумрака»: вес, отсутствие АТС.

держались чуть позади бойца в старом армейском комбезе, видимо, это был проводник. Расстояние было приличным – метров сто, поэтому никаких нашивок или цветных опознавательных меток я не различил. Знаком местного колорита долго кружил на том самом месте, где недавно прошел караван, а потом еще минут десять шарил стволом автомата как раз в нашем направлении. Разглядеть он ничего не мог, однако в нашем деле главное – опыт и природное чутье. Наконец, не дойдя до нас метров тридцать, сечевые повернули обратно и вскоре скрылись из виду. Я выждал еще минут пять и дал сигнал продолжить движение. Теперь я заменил Кудряша и сам повел группу, поскольку путать свой след и отыскивать чужой – это мой основной талант. Про себя отметил, что вооружены все трое одинаково, значит, точно из группировки, не бандиты и не частники.

Скоро лес закончился, уступив место поросшей высоким кустарником пустоши. Теперь вся растительность в Зоне была двух цветов: ржаво-красная либо желто-серая. Зелень так и не прижилась, как не вернулся и нормальный природный календарь, когда одно время года плавно перетекает в другое, в особой чернобыльской Зоне по-прежнему царила поздняя осень. Мы затаились у кромки леса, я провожал цепочку людей, медленно ползущую по широкому полю, колышущемуся от порывов холодного ветра. Пленник, насколько я мог разглядеть в оптику, по-прежнему колыхался в седле. Капюшон был крепко примотан к голове какой-то тряпкой, и разглядеть лица не получалось. Пустоши на карте не было, судя по последним обновлениям базы данных, она тут уже дней десять. До этого тут проходил еще один кусок асфальтированной дороги, возникающей ниоткуда и так же ведущей в никуда. Однако на дальней окраине поля я заметил серую кирпичную стену – все, что осталось от Знаменского зернохранилища, а оно-то как раз на окраине поселка.

Снова вышел на связь Норд, голос его доносился с большими помехами, шумоподавление не справлялось с невесть откуда налетевшей магнитной бурей:

– ...торой! Выхожу... Готов к приему гостей! Как принял?

– Принял. Два, два, два! Внимание на серый карандаш, серый карандаш! Как принял?

– Пр...ял!.. Сде...аю!..

Проводник, замеченный в лесу, основательно действовал мне на нервы. Как минимум это кто-то из старой гвардии, из тех, кто понимает местные законы. У таких есть полезная в Зоне привычка – не верить своим глазам, идти по наитию. И к нему прислушиваются, поэтому караван останавливался так часто. Но план от этого не менялся, нужно только его подкорректировать чутьок.

Я подзвал Горана с Мотрей, чтобы уточнить их задачу:

– Караван идет, точно куда я предполагал. Остановиться они могут только в сельсовете, там большой двор, есть где разместить караульные посты и лошадей. Фишку для снайпера они могут выбрать только в развалинах зернохранилища. Пойдете мимо, обходите с восточной стороны, там канава и сектор обзора всего градусов двадцать. Стрелка оставьте Норду, это его хлеб. Гора, сколько у тебя «гостинцев»?

– Две «МОНки», грамм сто пластита и шесть «фенек».

– Хватит. Сооруди «капкан», подвесь к потолку так, чтобы незаметно было. Взрывчатки не жалей, из дома никто выйти не должен. Осматривать будут крыльцо, пороги и углы, вверх смотреть особо не станут. Сам сядешь у сухого колодца, это метров двадцать от сельсовета. Там куча щебня, кустов навалом, прикрытие хорошее. Рвешь по моему сигналу, помнишь какому?

– Три единицы на общей частоте. Обижаеть опять, командир.

– А ты плюнь. Так, Мотря, теперь ты. Прикрывай нашего волшебника, не расслабляйся. Как он сядет на фишку, иди на северо-восток, там будет перекресточек. Найди какую-нибудь щель и жди. Хохлы придут в поселок, будут посты ставить. Срисуй тот, который будет ближе, и сигналь нам. Если что, гаси всех сам.

Иван согласно кивнул, обычная лукавая улыбка мимолетно промелькнула на его

осунившимся лице. Он перебрал автомат в левую руку и спросил:

– А ежели не получится тихо?

– Тогда будет погорелый цирк и мертвые клоуны! Надо взять караул в ножи, пленника непременно нужно взять живым. Все, идите по левому краю пустоши, вам нужно оказаться в поселке раньше, чем караван войдет на окраину. Задачи ясны? Просьбы, жалобы, предложения?

Иван снова улыбнулся и отрицательно помотал головой. Черногорец пожал плечами, но промолчал.

– Хоп! Ну, тогда погнались, время не резина!

Мы с Кудряшом вышли почти сразу же, как только Мотря с Горой скрылись в зарослях. Дело было к вечеру, хотя точного времени теперь лучше ни у кого не спрашивать, иногда часы, словно взбесившись, бежали вперед, а иногда цифры и стрелки замерзали на одном значении. Более-менее удавалось поддерживать единый стандарт по региональной сети. Раз в сутки с сервера, размещавшегося где-то в Днепропетровске, приходило обновление временного эталона, и тогда на короткий промежуток все восстанавливалось. Понятие «время» свелось только к таким, как «утро», «день», «ночь», потому что вечер наступал очень быстро. Облака наливались сизой чернотой, шел мелкий дождик, и все поглощала беспросветная тьма. Но так было не везде, в глубине Зоны окончательной тьмы не случалось вот уже три месяца. Вихревые грозы то бродили высоко над землей, то взвивались чуть ли не на километры, от этой свистопляски ночь наполнялась синевато-белыми всполохами, освещавшими все вокруг слабо мерцающим мертвенным светом. Так было и сейчас: вихрь, пронизанный электрическими разрядами, закручиваясь в тугие жгуты, бродил далеко на горизонте. Но света было достаточно для того, чтобы не использовать приборы ночного видения, благо пользы от них в новообразованных территориях не особо много. Мы шли вдоль неширокой трещины, где трава и кустарник почти достигали колен. Земля осыпалась, превращаясь с помощью начавшегося совсем недавно дождя в липкое месиво, радостно облепившее подошвы ботинок. Однако, несмотря на это и общую усталость, поле удалось пересечь примерно через три часа. При неярком свете зарниц я различил черную глыбу мокрой от дождя стены зернохранилища метрах в сорока впереди. Жестом приказав остановиться, я присел так, чтобы стена была по правую руку. Где-то там, на остатках стропил, сидит стрелок «свободных». Место козырное, обзор на четыре стороны почти идеальный. Приложив к глазам монокуляр, я замер, улавливая малейшее движение впереди. Крыши и двух стен у хранилища не было, но по обломкам конструкций можно спокойно подняться на восьмиметровую высоту. Там, под обвалившейся крышей, есть несколько прямоугольных окошек. Только угол выходил глухим. А кочующая территория никогда не становится с прочной землей в стык без всякого рода оврагов и рытвин. Вот по ней-то и прошли Гора с Мотрей, и стрелок на стене их оттуда не углядит. Другое дело, что подход можно заминировать или поставить сигналку, но именно поэтому я и отправил черногорца старшим – югослав чувствовал мины. Даже при таком поганом свете он точно не зацепит растяжку или мину. Конечно, риск есть всегда, но пока умение и удача Горы не закончились, я верил в это.

Вдруг в одном из окон на стене колыхнулась и пропала тень, что-то мимолетно блеснуло, и в следующий миг я услышал тихий голос Юриса:

– Второй!.. Гнездо «кукушки», гне... ук... шки!

Почти перебивая его, последовал доклад Горы, хотя его голос звучал чисто, помех практически не было:

– Шестой на позиции. Гости в хате, стол накрыт. Как принял, первый?

Пока все сложилось как надо, но по-прежнему молчал Мотря. Иван сейчас должен быть впереди, у перекрестка главных улиц поселка, в сотне метров от окраины, в ста тридцати от нашей позиции. Даже если Норд погасит снайпера, мимо дозора нам просто так не пройти, сто пудов будет шумно. Даже ветер стих, дождь почти не идет, и каждый шорох слышно далеко вокруг.

Стараясь говорить как можно более спокойным тоном, я ответил:

– Второй, шестой – ждуть. Повторяю, ждуть!

Так прошло минут пятнадцать, снова засвистел ветер, ветки кустарника и стебли сухостоя зашуршали в унисон, шепча какую-то свою очень грустную историю.

Дав сигнал Кудряшу следовать за мной, я отжал тангенту и приказал:

– Второй – работай, шестерка – жди. Как приняли?

Горан ответил как положено, а за Юриса ответила его винтовка. Как и откуда он стрелял, я, само собой, даже не понял.

Только спустя пару секунд снова раздался спокойный голос:

– Два ноль-ноль. Как принял?

– Второму – маршрут по схеме «забор». «Земле» включить маркеры, как приняли?

И снова отозвались только Гора, Норд и, соответственно, Кудряш. Мотря опять молчал, и это уже было совсем скверно. Маркерами были инфракрасные маяки, какими пользуются во время штурмовых операций импортные вояки. Они издают мерцающий, невидимый обычному глазу световой сигнал, чтобы силы поддержки не зацепили своих в случае чего. В ночную оптику и приборы ночного видения маячки видны прекрасно. Сейчас, когда шансов на тихий вариант уже почти не оставалось, я сделал ставку на скорость. Хотя шума никакого слышно не было, не исключено, что Мотря попал в аномалию и его просто разорвало на куски так быстро, что даже пикнуть не успел. Гадать смысла нет, за размышлениями мы обогнули развалины зернохранилища и вышли на окраину поселка. Целых домов почти не осталось, у всех не было крыш и недоставало то одной, то сразу пары стен. Мы шли вдоль улицы, держась северной стороны, чтобы силуэты развалин скрадывали движение хоть немного. Вдруг впереди в нашу сторону метнулась длинная тень. Я лишь в последний момент успел разглядеть мерцающий маркер в зеленоватом свете «ночника» и вскинуть руку в запрещающем жесте. К нам широкими скачками, но почти бесшумно бежал Мотря. Я дал сигнал остановиться и, как только боец поравнялся со мной, рывком прислонил его к стене.

Скрежетнула, осыпаясь, мокрая штукатурка, и, не дожидаясь моего вопроса, Иван громко зашептал:

– Рация сдохла, хана кровинушке моей! Я вас слышу, а передаче – кирдык! Дозор я успокоил. Там сидело двое, вы сейчас аккурат на них бы нарвались. Пошли покажу.

Мы прошли вперед еще метров десять, потом Мотря вывел нас к развалинам бревенчатой хаты, где от всего строения осталось три стены, а остатки четвертой вывалились наружу, перегородив улицу. Тут лежало двое сечевых, оба мертвее бревен на дороге. Обоим Мотря сломал шеи, только, как всегда, с фантазией. Первого, который сидел у обустроенного на небольшом возвышении пулемета, он убил ударом ноги в затылок, видимо с ходу, на второго прыгнул, не замедляя движения, но тот успел выстрелить из короткоствольного «каштана» с навинченным самопальным «тихарем»⁶. Иван поймал часового в захват и в

⁶ Пистолет-пулемет АЕК 919К – «Каштан». Разработан на Ковровском механическом заводе в 1999 г., в настоящее время выпуск изделия приостановлен, хотя данный ПП активно используется как оружие индивидуальной защиты в подразделениях ФСБ и МВД РФ, а также ряде армейских частей (вертолетных и танковых). Надежное и крайне неприхотливое оружие, разработанное под стандартный макаровский патрон 9 × 18 мм.

«Каштан» построен на основе автоматики со свободным затвором. Огонь ведется с открытого затвора, переключатель режимов огня расположен слева над спусковой скобой. Он также выполняет функцию предохранителя. Ствольная коробка штампованная, стальная. Пистолетная рукоятка со спусковой скобой и цевьем – цельнолитые, пластиковые. Ствол «Каштана» имеет полигональную нарезку и может оснащаться съемным глушителем. Штатные прицельные приспособления состоят из мушки и перекидного целика на две дистанции – 50 и 100 метров, кроме того, последние варианты «Каштана» могут оснащаться съемными коллиматорными прицелами («красная точка»). Приклад у АЕК-919К выдвижной, из металла, затыльник при выдвижении может быть повернут вниз на 180 градусов для более удобной прикладки. Магазины – отъемные, секторные на 20 и 30 патронов. Скорострельность – 900 выстрелов в минуту.

Главный недостаток данного оружия – маломощный патрон ПМ, который сводит на нет все преимущества изделия.

падении свернул «свободному» шею. Вот почему было так тихо. Я перевернул труп пулеметчика на спину ногой, склонился над телом и бегло осмотрел. Нашивка обычная, уставная: круглая эмблема, униатский черный крест на желто-синем поле, внизу надпись на мове: «Вільна Січ».

Мотря подошел и шепотом пояснил:

– Второй тоже из сечевых, но нашивку еще не заслужил, видимо новичок. Ребра у меня щелкают, точняк поломало. А главное, рацию убил, рацию!..

– Новую рацию достать гораздо проще, чем башку, хорош так подставляться! Допрыгаешься, весельчак. Но работу сделал отлично, будет премия и десять раундов спарринга с Кудряшом. И ребрами не отговаривайся, впредь думать будешь не кулаками, а головой.

Я поднялся и кивнул Кудряшу на трупы. Тот вместе с Мотрей принялся собирать оружие, а я взял под прицел улицу, ведущую к сельсовету. Там было темно, «свободные» не стали разводить костра, едой тоже не пахло, значит, пожевали чего-то всухомятку и, расставив посты, улеглись спать. Разумно, но слишком беспечно, когда на руках пленник и такой ценный груз.

– Здесь второй, минус два. Тридцать, направление – юго-запад...

Норд выявил и упокоил второй дозор. Значит, в хате сейчас шестеро плюс пленник. Расклад снова поменялся в нашу пользу, и я позволил себе спросить Кудряша о трофеях. Тот только безразлично кивнул в сторону груды железа, тускло блестевшей в неясном свете грозových всполохов:

– Хлам, хотя оружие новое, недавно пристрелянное. Оптика стандартная, никакого обвеса, только самопальные глушители и все. У того, что Мотрю зацепил, есть еще итальянский дробовик-полуавтомат, но старый. Боекомплект у обоих тоже без затей, на полчаса хорошего боя.

– Добре. Оставим пока все тут, потом подчистим. Сейчас выдвигаемся к сельсовету, особое внимание на пристройки, пленника могут держать там вместе с лошадьми. Что бы ни случилось, он не должен пострадать, это главная задача для всех! Иначе все зря.

Улица, ведущая к сельсовету, скорее всего, простреливается, поэтому мы пошли прямо через развалины, что существенно замедлило движение. Кудряш, как всегда, шел впереди, следом Мотря, а я замыкал.

– Второй – первому, движение на одиннадцать от вас. Дистанция пятнадцать, сарай.

Кудряш тут же развернулся влево и пошел к зияющему дырами забору, за которым виднелась грязно-белая стена сельсовета. Это было единственное относительно целое двухэтажное здание в поселке. Внутренних перекрытий уже не было, однако крыша и стены остались в целости. Мы подошли со слепого торца дома, тут не было окон, к основному зданию примыкала какая-то пристройка, скорее всего гараж. Свежие борозды и глубокие отпечатки лошадиных копыт на мокрой земле свидетельствовали о том, что покосившиеся ворота недавно открывали. В щели между створками мелькнул луч света, и ближняя к нам половина ворот, жутко взвизгнув, чуть приоткрылась. Оттуда вышла смутно знакомая фигура и, повернувшись к нам спиной, направилась в обход дома, к крыльцу. Кудряш вопросительно повернул голову ко мне, но я только качнул стволом автомата влево. Человека я узнал, это был тот самый следопыт из дозора. Видно, сама судьба берегла «свободного», раз он решил выйти в тот самый момент, когда нам нужно осмотреть пристройку. Так и так он пошел в дом, а от гостинцев Горы еще никто живым не уходил. Как только проводник скрылся за углом, я дал отмашку на движение. Мотря остался снаружи, а мы с Кудряшом тихо проскользнули в помещение. «Ночник» пришлось одеть, и, видно, не зря. Внутри, у дальней стены стояли обе лошади, а у противоположной сидела сгорбленная фигура в дождевике. Кудряш метнулся к пленнику и, осмотрев все, жестом подозвал меня. Как бы сильно мне ни хотелось сделать это самому, правила досмотра никто не отменял – командир никогда вперед не суется. Я сел рядом с пленным и, осторожно сняв капюшон, всмотрелся в незнакомое лицо. Это был не Изменяющий, я ошибся, что неудивительно на

таком расстоянии. Хотя множество общих черт сохранялось, это существо больше походило на человека, если оставить без внимания пепельно-синюю кожу, структурно напоминавшую змеиную. Однако на ощупь температура близка к человеческой, да и жесткой я бы ее не назвал. Два глаза, сейчас закрытые, нос и рот вполне обычные. Только волос на голове нет, а от лба к затылку идут три треугольных отростка, плотно прижатых к черепу. Общее телосложение тоже гуманоидное, хотя, если встанет на ноги, будет немного выше двух метров. Мысленно потянувшись к разуму гостя, я ощутил сначала тепло, а потом меня отшвырнуло так, что из глаз посыпались искры. Пленник застонал и открыл глаза, в темноте они засветились желтым огнем. Кудряш отпрянул, наставив на незнакомца автомат, я еле успел схватиться за ствол и пригнуть его к земле.

– Отставить!.. Не всякий, кто странно выглядит, тут враг, Кудряш. Сейчас отойди и не мешай, похоже, он хочет поговорить.

Боец тихо выругался, отошел на несколько шагов, но оружия не опустил. В пленнике произошли разительные перемены. Он, поведя плечами, поднялся на ноги и молча рассматривал главным образом меня. Похоже, наставленный на него автомат гостя совершенно не волновал.

Вдруг он раскрыл синегубый рот и вполне внятно произнес:

– Голос в Пустоте принес весть для Ступающего...

Голос иномирянина был похож на женский и мужской, напоминая те, которыми говорят Алхимики. Только сейчас стало видно, что дождевик впереди весь в бурых пятнах, гостя сильно шатает и он едва-едва держится на ногах. Я подошел и с силой опустил пленника на землю, потом вынул нож и развязал стянутые впереди руки. Ладони тоже были почти обычные – пятипалые. Приложив палец к губам, я показал пленнику, что лучше говорить тихо.

– Кто послал весть?

Дыхание гостя участилось, в уголках рта проступила темная, почти черная кровь. Он согласно наклонил голову и быстро зашептал, глядя мне прямо в глаза:

– Видящий Путь шлет тебе свое благословение и весть о надвигающейся на твой мир опасности. Ждущие в Темноте нашли могучих союзников, о которых племени ничего не известно, кроме имени. Их все называют – Вейт. Старейшины Ждущих принесли им жертвы в обмен на указание пути к твоему миру. Вейты приняли подношение и скоро будут здесь.

Странно, что нечто подобное не случилось раньше. Паукообразные наемники сразу же показали мне той силой, которая не столько служила захватчикам, сколько прикидывала, как опрокинуть своих нанимателей и занять их место. Как говорят на Востоке: «Не хвастай новым халатом всем подряд, кто-то может решить, что ему он будет больше впору».

Я склонился к начавшему заваливаться на бок гостю и, удерживая быстро тяжелеющее тело, спросил:

– Племя поможет?

– Нет. Изменяющие больше не могут сражаться. Камень перенес их в родной мир, у них хватило сил нанять Вестника, чтобы предупредить... Видящий Путь дает совет: следуй за тенью черного пламени, оно укажет путь к вместилищу Вейт. Свет Маб, даруй мне его...

Ладонь пленника разжалась, и мне в руку упала небольшая, мерцающая фиолетовым цветом сфера. Артефакт был немного иной, чем тот, который я когда-то держал в руках. Тот поглотил Дашу и Охотника... вся моя семья исчезла в синем пламени без следа.

Обернувшись к замершему в оцепенении Кудряшу, я приказал:

– Гость уходит, мне нужно кое-что сделать, и это не выглядит слишком приятно. Жди меня снаружи, пора заканчивать.

Сбитый с толку необычным происшествием, Кудряш кивнул и тихо выскользнул наружу. Пленник словно того и ждал, тихо захрипел и сполз по стене на землю. Я положил его на землю, подошла очередь для самого неприятного, нужно убить лошадей. Груз «свободных» скорее всего в хате, но таковы правила – ничего забирать у хохлов нельзя. В Зоне много кто пропадает, как сейчас сгинут и эти хлопцы. Подойдя к забившимся в

беспокойстве лошадам, я сконцентрировался и увидел, как у животных бьется в голове некий теплый, ослепительно-белый сгусток. Потянувшись к клубкам, я усилием воли раздавил сначала один, а потом другой. Кони осели на землю, испустив жуткий хрип, слившийся в один долгий тихий стон. В висках тут же заломило, боль пронзила все тело холодной обжигающей волной, но я справился, вина за смерть невинной скотины была словно анестезия. Лошадей люблю с детства, а тут в первый раз пришлось расправиться с парой таких добрых и бескорыстных существ просто потому, что они оказались не в том месте. Лошади в Зоне теперь в особой цене. Приведи мы их в артель, тут же весть разнесется по округе, а там и сечевые подтянутся. Жаль, но иначе никак нельзя. Стараясь делать все, как в тот памятный день, я поднес артефакт к груди иномирянина и положил шар между его ладоней. Сфера тут же начала мягко пульсировать, тело гонца охватили языки фиолетового пламени. Ритуал требовал, чтобы уходящего в последний путь кто-то непременно проводил, поэтому я стоял до тех пор, пока пламя не поглотило тело целиком и не истаяло спустя пару минут, не оставив после себя ничего, кроме горстки белого пепла. Говорят, что, глядя на чужую смерть, живые видят в ней отражение своей собственной. По жизни этот аттракцион доводилось смотреть слишком часто, но костер, такой чуждый и непонятный, вызвал в душе щемящее чувство тоски. Вспомнился другой огонь и другое, такое близкое и далекое теперь лицо. Стиснув зубы так, что вздулись желваки, я отвернулся и выскользнул наружу. Новая беда хоть и накрывает Зону своей тенью, но с давних пор я следую правилу, согласно которому разбираться нужно с теми проблемами, которые сейчас стоят на пороге, а не маячат где-то вдали. Проскользнув через дырку в заборе к ожидавшим меня бойцам, я дал отмашку рассредоточиться. Мы рассредоточились таким образом, чтобы от здания сельсовета было метров двадцать, на случай, если кто-то выживет после подрыва. Мне достался восточный угол с двумя рядами окон, заколоченных досками и закрытых обшитыми жестью ставнями. Само собой, верхние окна можно было в расчет не принимать, полы второго этажа давно провалились, если кто и полезет изнутри, то только снизу. Позиция подобралась не совсем удачная: в обломках рухнувшей хаты с трудом удалось устроиться так, чтобы получить наилучший обзор.

Пристроив обмотанный маскировочной лентой автомат на обломок стены, лежавший плашмя, я прильнул к прикладу и отдал приказ Горе:

– Второй – внимание. Остальным – один, один, один!..

Взрыв противопехотной мины в помещении не выглядит так эффектно, как в кино. Раздался сдвоенный глухой взрыв, земля дрогнула, меня обдало теплым воздухом, брызнули мелкие осколки кирпича. Ставни вместе с досками, их удерживавшими, полетели в разные стороны. Лишь на короткий миг ночную темень осветил косматый всполох рыжего огня, и здание сельсовета окуталось клубами черного дыма. Еще какое-то время ничего не происходило, однако потом все изменилось очень быстро. Из-за угла выскочила темная фигура и кинулась вдоль стены здания влево от того места, где я сидел. Легко поймав в прицел фигуру бегущего, я плавно выжал спуск. «Ковруша» мягко прильнул к плечу, и три тяжелые бронебойные пули легли точно в центр силуэта⁷. Человека слегка развернуло на месте, и он, словно бы запнувшись, упал ничком.

– Первый – минус один.

Эфир переполняла статика помех, так и не прекращавшихся все это время.

Но шумоподавление все же работало, так что доклады остальных я услышал довольно

⁷ Антон по-прежнему использует модификацию АЕК-973, отличающуюся чуть меньшим весом от известного прототипа и доработанную под новый ГП «Обувка». Калибр: 7,62 мм. Патрон: 7,62 × 39 (обр.1943 г.). Масса оружия без магазина: 3,25 кг. Начальная скорость пули: 700 м/с. Темп стрельбы: 900 выстр./мин. Прицельная дальность: 1000 м. Емкость магазина: 30 патронов. АЕК-973 использует принцип сбалансированной автоматики, повышающий эффективность при стрельбе очередями. В настоящее время автомат данной модификации больше не выпускается, производство свернуто. Отдельные образцы все еще находятся на вооружении различных подразделений армии и МВД РФ.

четко:

- Четверка – сектор чист.
- Пятый – движения не наблюдаю.
- Шестой – чисто.

Юрис молчал, что было странно. Обычно наш самый глазастый стрелок уже прибавил бы пару скальпов себе на пояс.

Едва я только начал беспокоиться, как Норд подал голос:

- Второй, в секторе чисто.

Значит, из здания после взрыва выбрался только один, который попался мне на мушку, остальные остались в доме навсегда. Несмотря на удачно разыгранную комбинацию, у меня отчего-то было тревожно на душе. А когда сомневаешься, просто начинай действовать.

Поэтому я отдал приказ о зачистке:

– Четвертый и пятый – парадное. Второй – контроль периметра, глубина две косых. Шестой, ко мне. Один, один, один.

Здание осветилось изнутри отблесками начавшегося кое-где пожара. Кровля подернулась дымной пеленой, видимой даже в сумраке. Еще минут двадцать, и все, что может гореть, превратит сельсовет в отличную приманку для сфинксов. Хотя те особо на огонь и не сбегаются, но вполне может прийти кто-нибудь еще. Нужно поторапливаться. Шорох позади заставил меня оглянуться, в зияющем осколками стекла оконном проеме мелькнул белесый проблеск маячка, а затем осторожно показался и сам Горан. Мы обменялись условными жестами, и только после этого я указал черногорцу сектор для наблюдения по правую руку от себя. Откликнулся Кудряш, голос отставного головореза уже не дрожал, но по прибытии в базу нужно было крепко все обсудить. Мне не понравилась его реакция на гостя из запредельных миров. Если так пойдет и дальше, лучше будет расстаться, нервы в нашей работе – это лишнее.

- Здесь четвертый, мы входим.
- Принял, работайте.

Так прошло еще минут пять, за это время грозовой вихрь сместился восточнее, света стало чуть больше. Пожар тоже медленно, но верно начинал разгораться, всполохи огня виднелись уже в окнах обеих этажей. Снаружи дом пока еще не выглядел как новогодняя елка, но тот мелкий дождик, который накрапывал вот уже почти целый час, такой огонь точно не зальет.

Снова отозвалась штурмовая подгруппа, но на этот раз говорил Иван, голос его не предвещал ничего хорошего:

- Пятый – первому, у нас четыре «двести». Одного не хватает.

Почему-то отчет Мотри меня не удивил, с того самого момента, как этот клятый старожил вышел из гаража и свернул за угол сельсовета, я подспудно знал, что упустил нечто важное.

– Первый – подгруппе зачистки, выходите. Осмотреть периметр, глубина две косых. Ищите гостя. Второй – помощи им.

- Второй принял. Командир, я...
- Отставить, все потом. Отбой.

Сделав сигнал Горану следовать за собой, я пошел по старому маршруту, к гаражу. Нужно осмотреть землю вокруг, может быть, удастся разглядеть какие-нибудь следы. Тут все было засыпано мусором, в пяти шагах от двери в гараж лежал ничком труп подстреленного мной «свободного». Гора перевернул тело на спину, осветил фонарем, прикрепленным к стволу автомата. Я тоже подошел, хотя силуэт сильно отличался от того человека, которого я видел полчаса назад. Новый, не сильно поношенный «кондор», германский карабин с коллиматорной оптикой и подствольным гранатометом, ничего особенного.

– Гора, забери его ПДА и рацию, там, скорее всего, есть логи переговоров, дома послушаем. Оружие сломай, я пока вперед. Как закончишь – зови.

Подрывник согласно кивнул и тут же склонился над трупом, я же пошел дальше, подсвечивая себе фонарем, привязанным к длинному пруту, срезанному у околицы. Ночь, куча мусора и общий недостаток времени не способствовали поиску улик, но только не в моем случае. Напевая старую охотничью молитву, я медленно, постепенно все ускоряя темп, закружился на месте. Вскоре что-то удалось разглядеть у самого угла горящего дома. След был нечеткий, но шел точно тяжелый человек, в полном снаряжении. Однако подошвы ботинок были замотаны какой-то тканью, я даже нашел небольшой обрывок, зацепившийся за торчавшую из забора жердину. Хитрый старожил что-то почуял и сразу же от крыльца метнулся через улицу, а потом прямо по развалинам пошел к окраине поселка.

Отжав тангенту на передачу, я вызвал Норда:

– Второй, гость идет на юго-запад, расстояние – пятачок. Осмотрись, будь ласков.

Перейдя на общую частоту, я приказал всем сосредоточиться на зачистке. Время все убывало, нужно будет уйти до того, как пожар окончательно разгорится.

– Группе – жарить шашлык, я и второй идем за почетным гостем. Точка сбора – пять, пятнадцать северо-восток, беленая хата. Время – десять.

Пускай ребята собирают тела. Упустим мы этого черта или нет, уже не так важно. Мужик определенно шустрый и догадливый, однако одному в Зоне выжить не так уж и просто. След петлял по развалинам уже довольно долго, до окраины поселка осталось метров тридцать, когда я почувствовал чужое присутствие. Инстинкт заставил в последний момент не задумываясь прыгнуть влево. Все, что я успел услышать, это два глухих шлепка. Земля в том месте, где я только что стоял, вспухла двумя невысокими фонтанчиками. Абориген понял, что за ним идут, сообразил, что за околицей уже наверняка поджидает парочка сфинксов, и решил подкинуть им свежего мяса.

– Командир, я не вижу его! Это невозможно!..

Всевидящий Змей, хладнокровный, бьющий без промаха, вдруг запаниковал, и есть отчего. Похоже, что противник пользуется каким-то артефактом или приобретенной способностью, позволяющей вытворять подобные фокусы с оптикой и людьми. Прикол будет, если аборигена вижу только я.

– Потом, второй, все потом...

Прямо возле виска ударило, выбив из бревенчатой стены развалившейся очень давно хаты солидную щепу. Я снова метнулся влево, надеясь, что стрелок сменит позицию, чтобы выстрелить точно. На какой-то миг я увидел в десяти шагах знакомую фигуру в старом армейском комбезе и уже в прыжке дал длинную навскидку. Только одна пуля из десяти ударила аборигена в плечо, но этого оказалось достаточно. Человек дернулся, выронил пистолет с навинченным «тихарем». Автомата или ружья я не заметил, но противник, не дав мне опомниться, уже летел на меня с американской саперной лопаткой наперевес, сокращая дистанцию. И снова в последнее мгновение перед ударом сверху вниз я едва-едва успел откатиться в сторону. Абориген молча ударил, потом еще и еще. Острая кромка лопатки высекала синеватые искры, когда я дважды отразил мощные удары корпусом автомата, мысленно прося прощения у верного друга. Я уже совсем было изготовился подсесть ноги подставившегося противника, как тот дернулся всем телом и осел на землю рядом со мной, словно бы из него вынули все кости.

Кровь все еще тяжело пульсировала в висках, поэтому я не сразу понял, что в наушнике раздался обеспокоенный голос Норда:

– Командир, я попал в него? Он... черт! Вижу... теперь вижу!..

Приподняв маску к носу, я, не вставая, сплюнул тягучую слюну в сторону трупа и произнес почти шепотом:

– Иди к точке сбора, этого я сам приберу. Потом поговорим, время дорого.

Поднявшись на ноги, я первым делом трижды выстрелил в неподвижное уже тело загадочного незнакомца. Не будь на фишке Юриса, неизвестно, чем бы эта стычка закончилась. Хохол был хорош, реально хорош. Подойдя к телу, я срезал застёжки шлема и посветил на лицо покойника фонарем. Рука дрогнула, первые мгновения я даже не знал, что

думать. На меня смотрели вспученные внутренним давлением попавшей в голову пули глаза Буревестника. Пропавший, кажется, целую вечность назад в развалинах Могильника старый друг вернулся таким неожиданным образом. С трудом взяв себя в руки, я, придиричиво осмотрев тело наемника, снял его рацию и ПДА, а также срезал ощутимо тяжелый пояс с пустой кобурой и кармашками, в которых размещалось штук пять артефактов. Сложив все это у единственной целой стены какой-то хаты, я с усилием поднял мертвое тело друга и, закинув его на спину, понес туда, где детектор отметил начало обширной полевой аномальной зоны.

Через некоторое время я оказался на окраине поселка, благо погоня и так привела нас куда надо. Судя по оранжевым всполохам в метре над землей, это была плазменная жарка. Дорога шла под уклон, а потом резко обрывалась. Взобравшись на небольшой пригорок, я бережно опустил тело на землю, а потом обеими руками толкнул его вниз. Труп Буревестника покатился сначала быстро, потом все медленнее и медленнее, попадая в поле притяжения аномалии. Потом словно бы невиданная сила оторвала его от земли, и покойника закружило в ярко вспыхнувшем рыжем огненном вихре. Я развернулся назад и, не оглядываясь, побежал к месту сбора. Юрис доложил, что, мол, ни потерь, ни раненых не имеем, однако в воздухе висела понятная недосказанность. Артельщики стояли в строю вольно, но все, даже Юрис, выжидающе молчали.

В артели затаенная информация – почти всегда верная смерть для товарищей, поэтому я ничего не скрывал:

– Мы задачу выполнили, пленник уже был при смерти, спасти его было нельзя. Благодарю всех за отличную работу, но разбор полетов уже дома, сейчас нужно быстро уходить. Спасибо вам. Все, выдвигаемся к базе. Построение походное, Норд в головной дозор, Мотря – идешь в связке с Горой, вы замыкаете. Вперед!

Мы быстрым шагом уходили на юго-запад, чтобы за ночь успеть к небольшому клочку твердой земли, где можно будет отсидеться в заранее заготовленном схроне и переждать надвигающуюся волну выброса. Позади уже ярким пламенем пылало здание сельсовета, но, даже напрягая все свое чутье, я не чувствовал рядом охотящуюся стаю. И снова, как и всегда, позади и за горизонтом перед нами были только вопросы и неизвестность. Ничего не меняется, все осталось на своих местах.

Колеса от старого «запорожца» верно служили неказистой, но крепко сколоченной телеге. Они несли ее мягко, почти что без скрипа. Я сидел на облучке, рядом с ярким пятном белого света, за которым с огромным трудом угадывался силуэт попугайчика. Несмотря на туман, который окружал повозку столь плотно, что даже не было видно дороги, я знал, что мы едем к заброшенному КПП военных. Поводья тонули в облаке света, я с трудом мог различить, что кисти рук точно человеческие, с пятью пальцами, на безымянном левой виднелся знакомый узкий ободок простенького серебряного кольца. Кобыла Фрося мерно переступала по невидимому асфальту, иногда пофыркивая.

Голос, исходящий из света, царапал слух, был резким и неприятно чуждым:

– Почему ты не ушел, когда еще можно было?

Даже находясь перед лицом врага, следует либо молчать, либо говорить правду.

Тратить время и силы на вранье просто бесполезно, поэтому я сказал то, что чувствовал:

– На Востоке говорят, что дом человека там, где похоронены его близкие, там, где живут его враги и друзья.

Возничего такой ответ, видимо, позабавил, в следующей фразе слышалось неподдельное любопытство:

– Разве там, за пределами... за «колючкой»... Разве там нет родных, нет друзей и могил предков?

И снова я не лукавил с любопытным извозчиком, потому что мне было все равно, что думает этот клубок света:

– Перед теми, кто находится здесь, я в долгу. И он еще не погашен.

Руки существа резко натянули вожжи, кобыла всхрапнула и, заржав от обиды, резко встала. Телегу трянуло, и, чтобы не потерять равновесия, я ухватился за край облучка. Дерево было холодным и влажным на ощупь, по фактуре больше напоминая металл. Возница тоже слетел на землю с противоположной стороны и вдруг воспарил над землей метра на два в высоту. Цвет шара изменился, теперь он стал совершенно темным, выбрасывая вокруг черные протуберанцы.

Голос, доносившийся из шара, зазвучал теперь угрожающе:

– На этот раз простого выбора не будет, Ступающий. Пока есть время, уходи сам и уводи тех, кто пойдет за тобой. Ты потерял многих, и многие еще поплатятся за тот выбор, что уже сделан, даже не задумываясь.

Страх притупился уже давно, поэтому я просто приготовился к бою и попытался отойти от телеги, чтобы иметь больше пространства для маневра. Но ноги не слушались, каждое движение давалось с огромным трудом.

Голос преследовал, словно не замечая моего желания окончить этот бессмысленный разговор:

– Разве предложение жизни, причем не только твоей, это не щедрый дар?

Сконцентрировав волю, я собрал свои невеликие теперь силы, и вязкий туман, опутывавший ноги почти до колен, вдруг схлынул, идти стало легко. Если враг начинает говорить с тобой и запугивать, это тоже хорошая новость. Так делает тот, кто боится или не уверен в том, что может победить. Пространство вокруг меня привычно подернулось тонкой сетью вероятностных нитей. Зеленым пульсировало пересечение прямо под зависшим над землей черным шаром, опиравшимся на протуберанцы, словно на щупальца. Этот разговор пора было заканчивать, чтобы разозлить возникшего. Тот, кто злится, непременно делает ошибки.

Приготовившись нападать, я внятно произнес:

– Скверно.

Парадокс сбил гостя с толку, потому что даже внешне шар тревожно запульсировал и стал дергаться из стороны в сторону.

Голос тоже недоумевал:

– Что?! Говори внятно, человек!

– Скверно то, что ты торгуешь товаром, который тебе не принадлежит...

На последнем слове я вскинул руку с пистолетом и дважды выстрелил в пульсирующий узел, мерцающий изумрудно-зеленым светом. Что-то подсказывало мне, что именно он удерживает гостя в нашем измерении. С еле слышным звоном он разлетелся на сотни мельчайших осколков, брызнул сноп синих искр, и с резким хлопком черный косматый клубок исчез...

Глаза открылись сами собой, словно бы и не было странного разговора в странном месте. Снова над головой был окрашенный в темно-зеленый цвет низкий потолок в подвале башни. Я был дома и снова лежал на сколоченной для двоих кровати из снарядных ящиков. Привычно сев и свесив босые ноги на пол, я глянул на дисплей ПДА, где в спящем режиме плавали крупные белые цифры 02.39 AM. От лестницы, ведущей на первый этаж, в щель между косяком и неплотно прикрытой дверью пробивалась узкая полоса желтого света, там раздавались приглушенные голоса. Кто-то из артельщиков заглянул, хотя после расчета за дело все разбрелись кто куда. Крестный и Птаха с караваном ушли на Кордон сразу же, как только получили перевод доли на свои счета в Киеве, а остальные засели в «Приюте». В башне, как и всегда, остались только я сам да Слон с сыном. Видимо, Норду не повезло и он опять спустил все, что не потратил на всякие снайперские приبلуды в лабазе у Тары. Света было достаточно, и я в полумраке побрел в душ. Тут свет все же пришлось включить. Зайдя в угол, я крутанул вентиль, и сверху обрушились колючие струи воды, сначала ледяной, потом теплой, под конец просто пошел кипяток. Клубы пара окрасили свет желтой лампочки без абажура в белесо-латунный цвет. Я стоял под обжигающими струями до тех пор, пока кожа

не начала гореть огнем, пока снова не проступили тонкие белые рубцы, повторяющие узор ловчей сети Ждущего в Темноте. Каждый раз я всматриваюсь в них, проклиная тот самый миг, когда оказался таким слабым, таким беспомощным и глупым. Долг не оплачен, я все еще задолжал тебе, родная. Я с силой завернул вентиль обратно, и звуки умерли. В звенящей от падающих на пол капель гулкой тишине я стер испарину с треснувшего зеркала, вмурованного в стену. Из глубины стекла на меня смотрел все тот же мужик с коротко стриженной и посеребренной сединой головой, чье лицо расчертили быстро бледнеющие и пропадающие шрамы. В его черных глазах ничего нельзя было прочесть, они были безразличны и пусты. Так же не зажигая света, я ощупью нашел на привычном месте любимую механическую бритву и, взведя пружину, начал водить жужжащий овал по лицу, снимая пятидневную щетину. Звук этот успокаивал, заставляя собраться с мыслями, стряхнуть остатки ночного видения. С тихим скрежетом бритва замолчала, завод пружины кончился, следовательно, нужно опять выходить на свет. Одевшись в линялую «камку», я пошел наверх. Снова поле боя осталось за мной, но радости эта победа уже не доставляла. Война везде одинакова, потому что всегда подкидывает неожиданные решения и встречи. Буревестник должен был сгинуть в Могильнике, но выжил, чтобы вот так умереть у меня на глазах. Уже давно я не задаю Судьбе вопросов про то, как и почему происходят те или иные события и встречи. Если не проявлять любопытства, можно сохранить ясность рассудка и в конечном итоге остаться в живых. Вытертые до блеска ступени привели меня сначала на первый этаж, где у нас были и кухня, и гостиная, совмещенные со столовой. Вполоборота ко мне сидел ссутулившийся Кудряш, положивший руки на стол, обнимая ладонями кружку с дымящимся крепким чаем. Спиной ко мне у газовой плиты стоял Слон, одной рукой опиравшийся на суковатую палку, а другой мерно помешивавший уже почти готовую картошку, зажаренную со шкварками и луком.

Оба увлеченно и довольно переговаривались, последние фразы нельзя было не услышать:

– Он был синий, с кожей как у змеи! Такого даже с перепояю не увидишь, а он говорил с... с этим, будто бы так и надо!

Кудряш говорил быстро, язык артельщика немного заплетался, он ушел с гулянки в баре, что добавляло повод для личного разговора.

Пока я поднимался по лестнице, Слон успел ответить:

– Ты здесь человек новый, многого не видел, чего нам довелось. Тут всякой твари по паре было раньше, удивляться забывали, только успевай отстреливаться или убежать. Очконул при виде мутанта?

– Да, струхнул. Но ты пойми, старый, я ж не первый день на свет родился, всякое видеть довелось...

– Всякое, да не все! Тут место больно хитрое, Кудряш. Испытывает оно каждого на характер, чуть поддался на фокусы Зоны, и все, либо калека, либо труп... а случается и кое-что похуже. Здоров, командир!

Я не подслушивал разговор, вошел не таясь, поэтому Слон, стоящий у плиты, сразу же меня увидел и отсалютовал вилкой. Кудряш тоже повернул голову и кивнул, отчего-то отведя взгляд в сторону. Пройдя к сушилке, я взял алюминиевую миску с ложкой и протянул ее Слону:

– Здоров, сыпани картошки, есть хочу.

Сев за стол напротив Кудряша, я молча стал жевать, хотя вкуса к еде так и не появилось. Единственным положительным эффектом было чувство сытости, настроение слегка улучшилось.

Голос опять подал Слон, он все еще страдал от осознания того факта, что в рейды больше не ходок:

– Константиныч, кого вы опять зацепили? Все отмалчиваются, на тебя кивают.

Скрывать от старого друга было особо нечего. Слону и Андрону я доверял полностью. Другое дело, что произошедшее двое суток назад казалось слишком непонятным и мне тоже.

Но часто, рассказывая другим, можно заметить деталь, упущенную раньше. Поэтому пришлось коротко пересказать случайную встречу с караваном, непонятного пришельца и те туманные слова, которые он принес. И чем дальше я рассказывал, тем большие сомнения вызывало это происшествие. Известие о встрече с Буревестником удивило Слона едва ли не сильнее, чем пришелец. Да оно и понятно, из Могильника в разгар выброса уже никто не возвращается, да и потом, про наемника долго время ничего не было слышно, а при том количестве народа и накале событий это означало только смерть. И тут Слон подбросил мысль, которая пока мне в голову не приходила, но давала возможность пролить свет на события. Не на все, а лишь на историю Буревестника.

– Сажа объявился в Промзоне дня четыре тому назад. Они с братьями опять открыли лавку. Кепка им сдал часть подвала, как они и просили. Много артефактов снял с немчуры?

– Шесть предметов, почти все незнакомые, по каталогам не проходят, я сразу же посмотрел. Хочешь, чтобы Сажа определил, откуда они, которые из них природные, а какие самопал?

– Угу, точно.

Мысль была дельная, плюс я понял, как уладить шероховатость с Кудряшом, не проводя душеспасительных бесед. Наскоро закончив есть, я поднялся на второй этаж, отданный под казарму и штаб. Тут артельщики собирались перед рейдом, планировали операции и проверяли снаряжение. Я открыл окованный железом шкаф, где хранились в специальных контейнерах артефакты отряда и те, что были приготовлены для продажи. На нижней полке, в самом дальнем углу лежал контейнер, в который я поместил артефакты из пояса Зана, человека, который когда-то спас мне жизнь, а недавно хотел зарубить. Еще тогда, у лагеря моджахедов, было чувство, что если наша следующая встреча и произойдет, то только один из нас переживет ее. Пустой пояс Буревестника лежал на крышке контейнера, свернувшись, словно притаившаяся в засаде гюрза. Недолго думая, я положил его в тот же контейнер, подальше от посторонних глаз. «Свободные» уже наверняка ищут пропавший караван, скорее всего, нашли следы стоянки в деревне, но и только. От трупов и оружия нам помогли избавиться огневки, а следы боя наверняка прикрыл разгоревшийся в селении пожар. Относительно сухая погода дала огню много пищи, от поселка остались одни угольки. Так что теперь хохлы напрягают агентуру, расспрашивают вольняг и перекупщиков.

Взяв контейнер, я спустился вниз, попутно кивнув Кудряшу на выход:

– Пошли со мной, вдруг эти побрякушки окажутся чем-то ценным? У многих тут нюх на бешеные бабки, а патруль не всегда успеет вовремя.

Тот не без интереса кивнул, поднялся и вышел следом, машинально проверяя пистолет в набедренной кобуре и любимый нож, хитро скрытый в складках шва штанины на ляжке слева. Я экипировался так же, но только свой клинок прятал в левом рукаве, что обусловлено двумя отработанными связками ударов, они у каждого бойца собственные, сочиненные им самим. Снаружи было еще темно, накрапывал легкий дождик, и мы пошли к скупо освещенной вывеске «Приюта старателя» почти в полной темноте. Пока шли, я коротко рассказал о том, как в свое время мы ходили выручать Алхимика Сажу, и именно эта работа свела нас с Буревестником. О давней истории, связывавшей нас, я промолчал, это теперь только между мной и мертвецом, это только наше. Кудряш, как и все новички, никогда не видел никого из клана ученых-экстремалов вблизи. И я хотел, чтобы подробности будущей встречи были для отставного разведчика, боевого офицера, настоящим сюрпризом. Свой страх, брезгливость или что там еще он должен победить сам. По отрывку разговора выходило, что борьба эта уже началась, но слова тут не помогут, нужен еще один шок.

Перед входом в боковую дверь, ведущую в подвал, нас поджидало двое бойцов клана Алхимиков. Ребята были экипированы в бронекостюмы, которые клан производил только для своих, и никому из посторонних такой заполучить не удалось. По внешнему виду броня напоминала старые комплекты штурмовиков «Братства Обелиска»: глухой шлем с круглыми буркалами визионной системы, дыхательные фильтры, защищенные искусно подобранным

бронекожухом, и явно проступающие стержни экзоскелета, позволяющего бойцам двигаться относительно быстро в любых условиях. Каждый Алхимик был вооружен ручным пулеметом с навинченным на ствол барабаном «тихаря» и с пристегнутым коробом на сотню патронов. Два таких облома вполне способны остановить целый взвод, а может быть, и больше. Один из них выразительно поднял ствол, как только мы подошли на расстояние десяти шагов. Однако спустя пару мгновений оба, опустив оружие, посторонились, жестом предлагая пройти в открывшуюся бронированную дверь. Кудряш удивленно посмотрел на меня, но пошел следом.

Лишь когда мы спускались в подвал, он тихо поинтересовался:

– Сколько раз ходил мимо, но всегда эти обломы никого не подпускают на десять шагов. В баре говорят, что там внизу Кепка хранит все, что скупает у народа.

Я только пожал плечами. Само собой, хозяин шалмана балуется скупкой. Старательская судьба переменчива, по пьяной лавочке спустить можно все, до последних трусов. Лестница оканчивалась, как и прежде, узким прямоугольным тамбуром с окованной стальным листом овальной дверью, окрашенной в темно-серый цвет. Камеры перед дверью, конечно, не было, Алхимикам они просто не нужны.

Обернувшись к артельщику, я предупредил:

– Мы пришли к очень серьезным... людям, Кудряш. Ты здесь для того, чтобы увидеть истинное лицо обитателей Зоны. Смотри и привыкай.

На обветренном лице приятеля ничего не отразилось, но в глазах промелькнуло беспокойство. За дверью что-то лязгнуло, она отворилась наружу. Мы прошли внутрь небольшой квадратной комнаты. Как всегда, в центре ее стояли разошедшийся однотумбовый канцелярский стол советского образца и старинное кресло с высокой резной спинкой. Сидевшая в нем фигура в просторном выцветшем дождевике склонилась над столешницей. Лицо пряталось в глубокой тени, которую отбрасывал свет тусклой электролампочки, оправленной в самодельный жестяной абажур и подвешенной под потолком так, чтобы свет падал только на столешницу и пространство перед столом. Представитель клана ученых, как обычно, скрывался в глубокой тени.

Сесть нам никто не предложил, но в голове у меня раздался знакомый голос:

– Ступающий, мы рады видеть тебя снова.

Со стороны все выглядело так, будто мы с Кудряшом стоим в полной тишине, нарушаемой только звуком капающей где-то воды. Артельщик начинал оглядываться по сторонам, молчание и незнакомая обстановка, которую он не контролировал, само собой, действовали ему на нервы.

Поэтому я ответил вслух:

– Я тоже рад встрече, Сажа. Если ты не против, поговорим вслух, со мной друг, который не знает, куда пришел. Со своей стороны я ручаюсь за его надежность и прошу беседы с открытым лицом.

Тут же я почувствовал давление, потом шорох чужих, скрытых от меня разговоров. Алхимики никогда не доверяют чужакам. Лишь исключительный случай сделал возможным мое знакомство с некоторыми особенностями их внутрикланового кодекса. Похищение ради выкупа того, кто сейчас сидел в кресле, а потом еще одна спасенная жизнь стали оплатой некоторой степени доверия, возникшего между нами. Само собой, никто не мешает клану держать камень за пазухой, тем более что все Алхимики – это скорее один коллективный разум. Отдельная личность быстро поглощается им, хотя полностью не исчезает.

На попытку просканировать мои мысли я лишь развел руками:

– Я думал, мы уже закрыли эту тему с попытками порыться у меня в мозгах.

– Ты же знаешь моих братьев, Ступающий. Эксперимент для них – это по-прежнему высший критерий познания. Мы уважим твою просьбу, мотив ее странен, но о цене поговорим позже.

Голос Сажи стал таким же, как и у всех представителей этого клана, с которыми я сталкивался прежде. Он дробился, переливаясь в тональности от женского до басовитого

мужского. Совсем как тот гость, пепел которого теперь развеян по ветру в сгоревшем дотла селении. Незаметно покосившись на артельщика, я увидел, что лицо его застыло в неподвижной гримасе напускного безразличия, а кулаки стиснуты так, что набитые до омертвевших мозолей костяшки побелели. Тем временем Алхимик откинул капюшон на плечи, и я услышал тихое удивленное восклицание у себя за спиной. Забыв о контроле, Кудряш шагнул вперед, рассматривая Алхимика. А посмотреть непосвященному было на что: серая в струпьях кожа, большие, черные, без белков глаза и ненормально увеличенный череп. Более всего Сажа напоминал тех самых пришельцев, какими их изображают в фильмах и на карикатурах. Однако за этим набором уродства проступали исчезнувшие черты обычного человека, будто бы изуродованного страшной болезнью. Смотрелось это отталкивающе, даже для меня, имевшего некоторую привычку.

Показав напарнику на дверь, я тихо сказал:

– Кудряш, подожди меня снаружи, дальше разговор будет о коммерции, а это личное.

Тот, судорожно кивнув, нетвердым шагом пошел к двери, и вскоре я услышал, как он быстро поднялся по лестнице, ведущей на поверхность. Неожиданно из-под стола выдвинулся деревянный табурет и сам собой поехал в мою сторону, остановившись точно у ног.

Сажа снова переключился на мыслеречь, и в комнате опять повисла тишина.

– Зачем ты привел с собой этого человека? Разглядывать нас – это оскорбление, тут не зоопарк, Ступающий.

– Это было для его и моей пользы. Прости, если тебе показалось обидным то, что произошло. Кудряш хороший боец, но пока его пугает необычное место, которое мы с тобой зовем своим домом.

– Ты прав, Ступающий, он боялся не меня, а того, над чем смеялся раньше. Страх необычного подавляет волю, смущает разум. В его разуме я прочитал необычные события. Что за весть принес гость из-за Завесы?

– Пока не знаю, с тем и пришел. Там был старый друг, вещи и пояс принадлежали ему.

Я поставил на стол контейнер. Крышка его вдруг распахнулась, и на стол один за другим выпали шесть необычных предметов. Пояс Буревестника так и остался внутри, видимо, Алхимик не почувствовал в нем ничего необычного. Сами по себе артефакты никогда не выглядят одинаково, но есть те, которые имеют общие черты и схожие свойства. За тот срок, что я уже здесь, повидать пришлось немало диковин. И большинство из произведенных людьми или природными аномалиями вещей узнаю без особого труда. Однако в сплавах камней, арматуры и даже обломков костей, принявших причудливую форму и сейчас парящих в воздухе над столом, не было ничего узнаваемого даже приблизительно. Особенно меня поразил кусок камня, похожий на бублик резинового ручного эспандера. Вещица странно переливалась и время от времени становилась совершенно прозрачной. Пять других предметов выглядели более неряшливо, имея совершенно бесформенный вид. Сажа любовался на этот странный хоровод несколько долгих минут. Все это время между ним и его невидимыми собратьями шел интенсивный обмен данными. Я чувствовал, как гудит воздух, но содержание самого разговора искусно шифровалось. Наконец Сажа выразительно провел шестипалой ладонью над столом, и предметы послушно улеглись обратно в контейнер, крышка захлопнулась.

Когда он снова заговорил, мысль несла тревожную окраску:

– Предметы имеют обычный набор полезных свойств, ничего необычного. Сильный радиоактивный фон, но его поглощает один из артефактов, для владельца риска почти нет.

– Есть идея, откуда они?

Ответ последовал быстро, что еще более показывало, насколько обеспокоен тот, кого понятие «риск» совершенно не волнует:

– Только один из шести нам знаком, потому что я сам его сделал более семи лет назад. Остальные природного происхождения, но в подобной конфигурации ни разу нам не встречались. Нигде не встречались.

– Скажешь, кому продал артефакт, который узнал?

На этот раз Сажа долго молчал, из коробки снова вынырнул тот самый «бублик», словно бы в задумчивости стал вертикально и завертелся на месте. Неожиданно артефакт вспыхнул фиолетово-алым светом, и над столом повисло нечто вроде голограммы. Я увидел загорелое лицо мужчины лет сорока пяти, ярко выраженного блондина с длинными волосами, собранными в хвост на затылке. Он что-то говорил, но его собеседника видение не показало.

– Гил умеет отводить глаза тем, кто пристально смотрит на его владельца. И он помнит того, кто им дольше всего владел. Гил не слишком вреден, но на поясе его держать можно не более двух суток. И человек этот нам не знаком.

Артефакт перестал вращаться, изображение исчезло, а «бублик» снова улегся в контейнер. Словно бы предупреждая очевидную просьбу, у меня в кармане коротко завибрировал ПДА, сообщая о входящем сообщении.

– Снимок пришел тебе только что. Братья тоже будут искать, но о результатах тебе, скорее всего, сообщать не будут.

– Понятно.

Следующая реплика имела оттенок доброжелательности, как если бы тот, кто произнес бы эту фразу вслух, слегка улыбался:

– Иногда для того, чтобы идти вперед, нужно сделать пару шагов назад, тогда становится видна перспектива.

Я согласно наклонил голову, хотя загадки и иносказания не моя стихия. Ненавижу интриги и всякого рода ребусы, от них за версту разит неприятностями. Артефакты я продал без сожалений, а пояс Сажа при мне растворил, просто посмотрев на него. Не то чтобы на конфиденциальность Алхимиков можно положиться как на гранитную скалу, но раз им в руки угодило что-то редкое, то, скорее всего, на рынок эти предметы никогда не попадут. Что-то удержало меня от прощания, мы просто расстались, как заведено у Алхимиков. Верхний свет неожиданно погас, одновременно открылась дверь, ведущая наружу, и я поднялся наверх. Разговор вышел долгим, хотя субъективно прошло минут десять. Занимался новый день, все вокруг было окутано белым сырым туманом, тянуло сыростью и сгоревшим мазутом. Идиллию нарушил чей-то кулак, летящий прямо мне в нос. В последний момент удалось, опустив голову, закрыться плечом и уйти влево, поскольку бьющий был правша. С некоторым удивлением я увидел, что это был Кудряш. Артельщик с неподдельным остервенением снова напал. Оружия у приятеля не было, поэтому между градом сыплющихся ударов я сделал вывод, что Кудряш просто злится.

– Как щенка!.. Меня, боевого офицера, на испуг взять!.. Ты кто такой, чтобы меня, как соплю зеленую, на бздю проверять, а?!

Злость не мешала матерому пластуно быстро и точно находить слабости в моей защите, благо мы долго спарринговали в полный контакт. С каждым ударом неуверенность и страх выходили из бойца, я это физически ощущал, пропустив пару болезненных ударов в голень и по печени. Было неприятно, но вполне терпимо. Однако долго так продолжаться не могло, драка – это до первого патруля. Во время занятий я тоже подметил, что после какого-то старого ранения Кудряш иногда припадает на левую ногу. Проведя отвлекающий удар рукой в голову, я вынудил его перенести вес на большую ногу, резко присел и ткнул носком ботинка точно в коленную чашечку. Кудряш охнул от резкой парализующей боли, на мгновение открылся, чем я и воспользовался, повалив приятеля на землю.

– У каждого из нас свой страх, брат. Когда ты в команде, он перестает быть только твоей проблемой. Разозлился?

Кудряш сел, морщась от боли, но во взгляде, которым он сверлил меня исподлобья, уже не было обиды, только понимание.

– Еще как, бля!

Я протянул приятелю руку, тот, крепко ухватившись за нее, поднялся с растрескавшегося, сырого от прошедшего недавно дождя асфальта.

– Тогда сработаемся...

В башне стояла обычная суэта, но на этот раз у плиты стоял Норд, сосредоточенно гипнотизировавший закопченную турку с закипающим кофе. Я только поморщился, бросил в кружку щепоть зеленого чая из жестяной банки, к которой никто, кроме меня, доступа не имел, и присел к столу. Пока все было спокойно, а вот надолго ли, шут его знает.

Не отрывая взгляда от готовящего побег кофе, Юрис поинтересовался:

– Чего Сажа сказал?

Но пока я и сам не знал, что на самом деле имел в виду Алхимик. Старые пословицы имеют слишком много всяких значений, разгадать нужное не всегда просто. Хотя одна версия уже появилась, но вот к чему приведет реализация, пока трудно предсказывать.

Поэтому пришлось отшучиваться:

– Что темна вода в облаках, что еще может сказать этот чокнутый профессор кислых щей? Их не волнует наш интерес, Алхимикам важно то, что они смогли утаить.

Отхлебнув горячего, настоявшегося уже напитка, я поднялся и, направляясь к лестнице, добавил, оглядываясь на смотрящих с недоумением артельщиков:

– Я пока пойду к карте, померкую маленько. Через час – общий сбор, поднимайтесь на второй этаж, расскажу все, чего удалось надумать...

Старый, принесенный еще Юрисом стол покрывала карта Зоны. Такой она была когда-то, но сейчас две трети ее скрывали наложенные листы кальки с вычерченными новыми маршрутами на вновь образовавшихся территориях. По мере того как образуются и исчезают новые и старые территории, мы со Слоном убирали и снова пристраивали назад те куски, которые становились актуальны в тот или иной промежуток времени. Сейчас я достал старые листки из желтой картонной папки, никогда не убиравшейся далеко, ибо нет уверенности, что образовавшаяся неделю назад и вроде бы утвердившаяся территория не сгинет уже к утру или через пять минут. Вот план маршрута, по которому мы отходили после налета на лагерь моджахедов. Зан и его люди ушли на юго-запад, держа направление вдоль старой грунтовой дороги, ведущей в обход Могильника. Тогда он мотивировал свой отказ спускаться с нами под землю тем, что у него якобы есть надежный схрон на окраине города. Если так, то быстро дойти можно лишь до бывшего гаражного кооператива. Укрыться там от волны выброса можно в любом глубоком подвале, хотя в то время выбросы стали настолько губительны, что обычный подвал вряд ли спасет. Значит, они шли немного дальше, забирая на полкилометра западнее. А тут у нас новый микрорайон, шесть девятиэтажных домов, и четыре из них имеют подземный паркинг, а под ним еще кучу сервисных помещений и тоннелей коммуникаций. Правда, из-за особенностей места последние были плотно заселены всякой нечистью вроде стай сопунов – гуманоидов, любящих старую человеческую одежду и обожающих лазить по стенам. Их легко напугать, но очень трудно отвадить. Допустим, что Буревестник нашел прием против этих жителей подземелья. Мог же он оборудовать схрон в подобном месте? Да как к гадалке не ходи! Отхлебнув остывшего уже чаю, я откинулся на скрипучую спинку стула и, глядя в потолок, представил себе, как мой бывший друг и его подельники добираются сквозь рвущуюся из-под ног землю, без навигации, без примерного направления, вообще без любых средств, позволявших быстро найти дорогу. Выглядело это как абсолютная ересь, тем более что после событий в Припяти никто из его людей из Зоны так и не вышел, они пропали вместе с ним. Карта аномальных полей менялась более пятидесяти раз, выйти из этого гиблого места, а тем более выжить внутри него, практически невозможно. Всякий раз даже живность заселяла Могильник заново, ибо во время волны там творилось нечто, убивавшее любую жизнь.

Это то, что было год назад. Сейчас Припять скрывает пояс кочующих территорий «белого шума», дорог нет ни туда ни обратно. По рассказам тех, кто забирался в тот угол Зоны и сумел вернуться назад, сектанты выходят на аномальные поля, но таких свидетельств немного и веры им нет. Логично предположить, что Зан единственный, кто выжил в тот раз. Непонятным образом ему удалось спастись и попасть на службу к сечевым из «Державы». Ах, как сейчас нужен выход на кого-нибудь осведомленного, кто смог бы просветить по

поводу наемника! Неясное пока предчувствие говорило мне, что Буревестник и гость из-за Завесы каким-то образом связаны между собой. Зан – опытный следопыт и разведчик, агентурист. Именно эти качества будут использовать все его хозяева. Сто пудов его наняли выследить и изловить гостя, что он и выполнил!..

Скрипнула лестница, и в комнату один за другим вошли сначала Норд со Слоном, потом с чердака спустился Андрон, последними вошли Кудряш и Иван.

Я подождал, пока все расселись вокруг стола, и начал излагать уже оформившуюся идею:

– Такое дело, артель, мы опять попали...

Общий удивленный ропот пришлось переждать, хотя после отдыха никто особо дельного не говорил.

Поэтому я продолжил:

– А когда было иначе? Рано или поздно тут должно было случиться нечто большое, не может быть в Зоне по-другому.

Очевидный вопрос задал Норд, который после кружки своего любимого кофе склонен был смотреть на любую, даже самую говенную ситуацию с известной долей юмора:

– Кто на этот раз хочет все и сразу?

– Пока точно не знаю. Послание расплывчато, сам вестник мертв и пояснить ничего не может.

– Но у тебя, как всегда, есть план, командир, я прав?

Перед своими не стоит излишне пыжиться, однако и сопли распускать не надо. Пускай у них будет та уверенность, которой пока нет у меня самого. Тогда в нужный момент все будут действовать быстро, а это при любом раскладе желательно.

– Нужна информация, и сейчас каждый отправится на ее поиски. Слоны, ты расспросишь своих старых приятелей и друзей, из тех, что еще живы. Нужно знать все о рейдах в Могильник, меня интересует юг и юго-запад. Имена, события и прочее... Сможешь?

Нужно было видеть, как загорелись глаза у сильно сдавшего за последнее время земляка. Только настоящая работа делает нас живыми. Он степенно кивнул и, поднявшись из-за стола, поковылял вниз.

– Юрис, ты и остальные идете в бар и в оружейную лавку. Ищите всех, кто торгует или имеет дела с сечевыми. Нужен надежный источник информации по кадрам. Выясните все, что касается Буревестника. Раз немец выжил и попал к ним в отряд, значит, должны быть и те, кто об этом что-либо слышал.

– А ты, командир?

Вопрос не праздный, но пока я сам не знал, к кому из старых должников лучше обратиться. Подспудно мне хотелось рвануть на Кордон и повидать Одессита. Старый барыга непременно посоветует что-нибудь дельное, но туда путь неблизкий, а информация нужна уже сейчас. На ум просился еще один вариант, но это как раз тот случай, когда проще сказать, чем сделать, поэтому я все же решил на путешествие к Кордону, а в пути всякое может случиться.

– Тема больно щекотливая, связи доверять нельзя. Через три часа на Кордон идет небольшой караван, альфовцы отправляют за периметр несколько человек. Я наймусь в сопровождающие. Легенда для всех будет такая: последняя работа барышей не принесла, вы ищите местечко получше, отсюда и расспросы. Буревестник был одним из немногих знаменитых наемников, мотивируйте расспросы о нем как яркий пример того, каким образом человек с профессией может круто подняться. Должно прокатить. Только сильно не напирайте, тут народ тертый. Контрольный срок – неделя, но, если что, работайте автономно, далеко не разбегайтесь, покуда я не вернусь.

Обычно думать мне помогает полная разборка «ковруши», и сейчас я разобрал автомат, даже несмотря на то что чистил его, едва только вернулся из рейда. Детали оружия похожи на головоломку, когда из хаоса возникает нечто безупречно красивое и смертельно опасное. В голове крутился примерный маршрут отряда, который теперь пролегал юго-восточнее

Свалки, поскольку старая западная дорога контролировалась бандитами. Три месяца назад вся моя агентура там таинственным образом замолчала, и о смене власти в нашем криминальном анклавe я узнал только недели три тому назад. По слухам, из-за колючки в Зону прибыл новый положенец, коронованный на оперативно собранной в Адлере воровской сходке. Им стал некто Пантелей, возглавлявший до этого сеть нелегальных казино в Ростовской области. Видимо, короновали его авансом, определив новоиспеченного вора в законе на трудный участок работы. Пантелей прибыл на Кордон в сопровождении двадцати человек охраны из подшефного ему же охранного агентства. Военные не только пропустили взвод вооруженных представителей другого государства в закрытую зону, но и дали гостю в сопровождение десятков военных скаутов в полном вооружении и четыре грузовых вертолета как средство транспортировки. Говорят, что после небольшой стычки старый положенец, с которым мы вроде как нашли полное взаимопонимание, был убит своими же корешами. Но добились они только билета в обратный путь. Пантелей никого не тронул, но и остаться не предложил. Видимо, поэтому никто из агентов и не выходил на связь. Новый криминальный король жестко стыканулся с «Альфой», при этом всячески избегая столкновений с сечевыми. Но мир да любовь недолго длились: как только Пантелей вошел в курс дел, он перерезал единственную безопасную дорогу на западе, связывавшую дальние территории Зоны с Кордоном. Всем, кто входил в кланы, и обычным вольным старателям было предложено оплачивать разовые маршруты и «охрану». «Альфа» отказалась сразу, а вот сечевые после некоторой заминки согласились. И теперь их обозы ходили исключительно по западной дороге, а те, кто не хотел или не мог платить, шли по восточной. А Пантелей получил кличку Соловей-разбойник, что в принципе удивительно соответствовало его поступку.

Юго-восточный сектор Зоны был опасен потому, что западная сторона пролегла в опасной границе от провала, в который превратилась Свалка, а восточная окраина шла впритык к Темной долине. После известных событий весь восточный сектор Зоны отчуждения стал вотчиной кочующей земли, ландшафт менялся непредсказуемо быстро, без всякой закономерности. Неизменной была узкая полоска земли, очень сильно загрязненной радиацией. Каждый сантиметр почвы буквально светился, выжить там абсолютно нереально. Но человек привыкает ко всему, и после некоторого количества пробных ходок там был найден более-менее безопасный маршрут к Кордону. Риск заключался в том, что иногда кочующая территория могла зацепить краем любой участок тропы, и тогда возникало аномальное поле, пройти которое с грузом было практически невозможно. Короче, всегда существует риск либо сгинуть, либо повернуть обратно с полдороги...

– Почему один идешь?

У стола неслышно появился Слон. Ветеран старался не опираться на собственноручно выструганную палку и сейчас стоял напротив, уперев кулаки в стол. Серые глаза в красноватых прожилках белков смотрели испытующе, и я смог только неопределенно пожать плечами.

– Риск пока у всех равный. Сама ситуация паршивая. Вот ты, к примеру, вполне можешь получить перо в бок, если кому-то не понравятся твои расспросы.

– Сравнил тоже хер с пальцем!

– Не шуми, старый. Пока еще мы зависли в той точке, где ловить за руку очень сложно. Подозреваю, что основное веселье будет позже, когда пойдем по зацепкам, которые появятся.

Слон почесал перебитый когда-то в молодости нос, хмыкнув, пошел к лестнице, на пороге снова оглянулся и обреченно махнул рукой. Он из того сорта людей, которым постоянно вынь да покажи глубинный смысл, самую суть явления. А как я покажу то, чего пока сам не вижу? Есть предчувствие, как если бы ходишь в тумане и видишь мелькающую рядом тень. Но на самом деле тот, кто ее отбрасывает, может быть очень далеко или, напротив, слишком близко. Уравнивает вас в шансах то обстоятельство, что оба видят лишь тени друг друга. Раньше мне часто приходил на ум один и тот же вопрос: почему люди идут за мной? Нет, не все и точно не толпой с криками и лозунгами. Почему эти несколько

человек остались рядом и не ушли даже сейчас? У каждого есть приличная сумма на счету, возможность начать новую, спокойную жизнь. Со мной-то все ясно: с потерей Даши из жизни навсегда ушел покой, теперь я как машина с сорванными тормозами, летящая по дороге. Остановить такую может только стена, после которой уже не будет ничего, только темнота. Но пока я лечу вперед, пока есть эта самая дорога, кто-то ищущий свой путь, свое Счастье, обязательно будет идти следом, чтобы обрести свой смысл, независимо от того обстоятельства, что мой исчез уже давно. Щелкнула, став на место, крышка ствольной коробки, автомат лежал перед глазами на испятанной масляными разводами холстине. На этот раз я пристегнул подствольник, поскольку дорога по узкой полосе радиоактивной земли – наверняка не самая веселая часть ожидающего в пути аттракциона. Подствольный гранатомет – это своего рода туз в рукаве. С давних времен закрепилась привычка брать его в тех случаях, когда реально не знаешь, чего ожидать. Оптика в этом случае не нужна. Открытый прицел у АЕКа вполне удобен, и на рабочей дистанции его должно хватить. Опять жертвой необходимости пал сухой паек, из жратвы я взял только две плоские банки шпрот да полбуханки черных сухарей. На чем не стал экономить, так это на воде. В заплечной поилке плескалось около двух литров подсоленной воды с моими обычными добавками. К подствольнику взял шесть осколочных выстрелов, автомат, как обычно, накормил с запасом – восемь магазинов в подсумках и еще сто двадцать патронов во внутреннем подсумке небольшого рюкзака-семидневки. Пистоль, как обычно, покоился в отстегнутой сейчас набедренной кевларовой кобуре тут же, на краю стола. Казалось, старый друг обрадовался встрече и сам протянул тебе руку. Так рукоять «грача»⁸ сама нырнула в ладонь, как только я отстегнул ляжку верхнего клапана кобуры. Пистоль стал чем-то вроде талисмана, хотя в бою больше применять его не доводилось. Однажды он спас мне жизнь, поэтому я с особым настроением пристегнул кобуру и вложил пистолет обратно. Сборы были завершены, все, что зависит от меня, сделано. Эта головоломка была решена так же быстро, как и всегда.

У третьего КПП меня уже поджидал замученный службой альфовец с блеклыми лейтенантскими звездами, вшитыми на выпускном нагрудном клапане кармана разгрузки. На черном от недосыпа и гари лице выделялись внимательные голубые глаза, тоже красные как у кролика. Вся экипировка его носила следы ночного боя: грязный комбез, пустые магазины небрежно торчат из боковых подсумков на поясе. Маска с респиратором сдвинута вниз и болтается на шее. Привычно козырнув, бегло просмотрев документы на оружие и внутренний пропуск на территорию отряда, парень указал в сторону подвод, выстроившихся вдоль обочины у шлагбаума.

– Старшим конвойной группы идет младший сержант Гуревич, с ним трое контрактников, вы четвертый. Метеосводка плохая, грозовой фронт идет из центра Зоны на юго-восток.

– Тропу может перекрыть?

Лейтенант только неопределенно пожал плечами, вопрос был неуместный. Хотя не спросить тоже было не слишком вежливо.

– Пока трудно сказать. Разведка надыбала несколько укрытий через два десятка километров, потом еще одно местечко будет, но расстояние сами знаете – фигня. Гуревич поведет, он только позавчера с Кордона. Ровной дороги, Антон Константиныч!

– А тебе быстрее отстоять. Бывай, служба.

В новых условиях, когда единственной тягловой силой оставались только лошади, в «Альфе» приспособили под транспорт обычные крытые прицепы от автомобилей. Два таких

⁸ Имеется в виду МР-443-2 «Грач», пистолет, созданный специально для нужд российской армии. Главным достоинством помимо высокой надежности конструкции можно считать использование особо мощных боеприпасов кал. 9 мм, имеющих индекс 7Н21. Он создан специально для поражения защищенных целей и уверенно поражает навывлет бойца в бронежилете класса ПА. УСМ двойного действия. Калибр: 9 × 19 мм (7Н21, 9 мм Парабеллум). Вес без патронов: 950 г. Длина: 198 мм. Длина ствола: 112 мм. Емкость магазина: 17 патронов.

фургона с узкими прорезями бойниц по бортам теперь стояли, готовые к отправке. Груза не было видно, но, судя по осадке колес, снятых с легковых машин, везли нечто тяжелое. У первого фургона стоял альфовец в обычном полевом комбезе с ручным пулеметом на ремне, заброшенном на плечо. Он что-то объяснял мужику неопределенного возраста, сидящему на облучке. Немного поодаль кучковались мои коллеги по работе – трое старателей, по виду из вольных бродяг. Среди них выделялся высокий мужик, одетый в форменный альфовский комбез без знаков различия. На хитрой ременной петле, почти у пояса, у него висела гладкоствольная «сайга» со смоткой из двух коробчатых магазинов. Все лицо, почти до самых глаз, покрывала густая черная борода. Двое других одеты неброско: самопальные комбезы типа «сокол», которые шьют на Кордоне и продают всем, кто пожелает, пригнанные и прилично поношенные. У того, что чуть постарше и выше ростом, – обычный АКСУ, «чебурашка»⁹ с длинным пулеметным магазином на сорок патронов. Самый маленький из всей троицы вообще был с двуствольным ружьем и широким поясом-патронташем, опущенным на ковбойский манер – к бедрам. Но все трое новичками не выглядели, это было заметно по манере, с которой они держали оружие, и самое главное – никто из них не вертел головой, как это делают все вновь прибывшие первое время.

Я подошел и представился.

За всех ответил именно бородач, видимо, первое предчувствие было верным и это бригадир.

– Я Семен, это Стах и Анджей, или просто Джей. Ты как, ходил уже по душегубке-то?

– Приятно. Я Антон. Ходил, но всего пару раз. Претензий на командирство у меня нет, мужики. Покажите место в строю и скажите, что делать.

Бородатый Семен одобрительно кивнул и, усмехаясь в бороду, стал объяснять. Все оказалось довольно просто и толково.

– Начальник наш, Гурей то бишь, мужчина военный, весь насквозь правильный...

В разговор вклинился Стах, счастливый обладатель «чебурашки» и хриплого, прокуренного баса:

– Потому как молодой да зеленый!..

Но его тут же окоротил Семен, все время поглядывавший на сержанта, который уже закончил терки с водителем кобылы и неторопливо шел в нашу сторону:

– Цыц! Ты-то больно заматерел, проходчик глубин! А ты, мил человек, пойдешь вместе с Анджеем. Замыкающим то есть. Гурей у нас строгий и весь из себя главный, но водила тут я. И места тоже я определяю.

– Мне без разницы, где идти, главное, на Кордон попасть.

⁹ АКСУ – если совсем по-книжному, то АКС-74У. Автомат создан на базе АКС-74 для водителей бронетехники и летчиков советской и, само собой, российской армии. Изделие максимально унифицировано по узлам и деталям со старшим братом, отсюда его очевидные достоинства и недостатки. Достоинства – мощный для оружия данной категории патрон и высокая мобильность автомата в условиях узких коридоров или, скажем, кабины пилота вертолета или истребителя. Недостатки – невысокая эффективная дальность ведения огня (около 130 м), быстрый перегрев (после отстрела 60 патронов непрерывной стрельбы начинаются «плевки»). Еще можно реально оглохнуть, поскольку из-за короткого ствола и конструкции надульника звуковая волна накрывает стрелка. Из-за этой особенности АКСУ иногда ласково называют «чебурашкой». Но, несмотря на некоторые минусы, это вполне вменяемый ствол, который легко освоить и вполне уверенно можно использовать как личное оружие.

Автомат укорочен вдвое против АКС, ствол у него с соответственно передвинутой назад газовой камерой, укорочен также шток газового поршня, установлен специальный надульник, служащий расширительной камерой (для надежного функционирования газового двигателя автоматики) и пламегасителем. Крышка ствольной коробки имеет шарнирное крепление к ствольной коробке в передней ее части. Прицел открытый, секторный, целик перекидной – с установками на 200 и 400 метров, закреплен на крышке ствольной коробки. В остальном же механизмы, органы управления и общее устройство АКС-74У аналогичны устройству автомата АКС-74.

ТТХ: Калибр 5,45 × 39 мм. Длина: 735 мм и 490 мм со сложенным прикладом. Длина ствола: 210 мм. Вес без патронов: 2,71 кг. Емкость – 30 патронов в секторном отъемном магазине. Темп стрельбы: 650–735 выстр./мин.

– Добро. Не сомневайся, дойдем.

Бородач снова одобрительно кивнул, и мы пожали друг другу руки в знак того, что консенсус достигнут. Ладонь у проводника была крепкая, шершавая от трещин и мозолей. Подошел Гуревич и, узнав меня, тоже поздоровался, чем вызвал удивленный взгляд Семена и остальных. Узнав, что я уже занял место в группе, сержант махнул рукой караульному у ворот, и шлагбаум медленно пополз вверх. Семен со Стахом пошли вперед, сержант забрался на облучок переднего фургона. Мы с молчаливым Анджеем пошли слева по ходу движения обоза, возле второго крытого жестью фургона. Вдали, на севере, отдаленно рокотал гром, привычно уже перебегали меж облаками грозвые зарницы. Дорога обещала быть долгой.

Первые сутки в пути прошли относительно спокойно. Агрессивной живности в этих местах существенно поубавилось, за все время нам попало лишь две стайки диких слепых собак, быстро ретировавшихся, как только они почуяли вооруженных людей. К вечеру погода испортилась, пошел дождь со снегом. Я все так же шел в хвосте, иногда поглядывая по сторонам. Тропа пролегла по остаткам старой разбитой дороги, почти сплошь развалившейся на куски бетонных плит с густо пробивавшейся между ними травой. Пожухлые жесткие кусты сливались с плитками почти полностью, отчего иногда приходилось останавливаться, чтобы снова найти дорогу. Около восьми часов вечера, когда сумерки сгустились и разглядеть что-то впереди без приборов ночного видения стало невозможно, Семен скомандовал привал, и я понял, что настоящая дорога начинается только теперь.

Он подошел к нам с Джем и поинтересовался без всякого перехода:

– Видел что-нибудь необычное?

Я действительно ощущал некое присутствие, но никаких видимых следов опасности не замечал. В Зоне нет привычных примет, все меняется очень непредсказуемо. И то, что кажется опасным прямо сейчас, вполне может оказаться лишь безобидной странностью.

– Две стайки бродячих собак в расчет можно не брать. Одна точно до сих пор идет за нами, но ничего серьезного, просто рассчитывают поживиться объедками или трупом одного из нас.

Водила только усмехнулся и, взяв в горсть бороду, внимательно обвел глазами невысокие холмы где-то у меня за спиной. Поза его была расслабленной, никаких видимых признаков беспокойства я не заметил.

– С собачками это ты ловко заметил! Верно, идут за нами, но скоро отстанут. На ночлег останавливаться не будем.

– Как пойдем с грузом по темноте? Не сбиться бы с дороги.

Семен снова понимающе улыбнулся и махнул ладонью куда-то вперед. Там поднимались невысокие, поросшие чахлым леском холмы. Они тянулись вдоль узкой тропинки почти до самого горизонта.

– Тут дорога пока безопасная, текучей земли еще нет. Мы вешки ставим, их только в «ночник» углядеть можно. Фургоны в повод возьмем да и двинемся, помолясь. Накинь шлем да респиратор, сейчас буря нас догонит, будет кисло.

Наши возницы тоже спешили, мы с Анджеем помогли неразговорчивому, угрюмому подростку по имени Петря облачить двух его лошадок в защитные антирадиационные попоны с респираторами. Лошади, видимо, уже имея привычку, особо не сопротивлялись, послушно давая застегивать сбрую и бахилы. Я тоже надел маску и шлем, хотя у «сумрака» они не очень удобные. Сам шлем не тяжелый, со встроенной гарнитурой связи, более всего напоминает обычную армейскую «сферу»¹⁰. Маска у него комбинированная, с фильтрами и

¹⁰ Антон, как и большинство участников первой чеченской кампании, называет «сферой» шлем, который на самом деле зовется «Витязь С». Это штука более надежная, чем оригинальная «сфера-81», которая помимо своей непомерной тяжести еще и толком ни от чего не защищает. Хотя «Витязь» реально тяжелее («сфера» по весу около 3 кг), во время ношения чисто субъективно этого не ощущаешь. Также «Витязь» имеет внутреннюю подкладку из специального волокна, которая смягчает запреградное действие пулевых пуль, осколков мин

аппаратом замкнутого цикла, на полчаса автономного дыхания. Тут есть встроенный прибор ночного видения, но видимость так себе что с ним, что без него. Смотровые линзы выпуклые, с антибликовым покрытием и защитными блендами. Шланг выведен назад, где под дном поилки и находится этот самый баллон автономного цикла дыхания. За время, пока носил, к весу практически притерпелся, только вот носить не люблю, где возможно обходясь простой шапкой-маской.

Когда окончательно стемнело, Семен взмахом руки дал сигнал выдвигаться. Наш проводник надел поверх комбеза немецкий плащ-накидку с рукавами и противогазом, вмонтированным в капюшон. Прогулка закончилась, об этом говорило еще и то обстоятельство, что все мои коллеги теперь не выпускали оружия из рук. Наушники шлема резали большую часть диапазона внешних звуков. Но по тому, как резко трава прильнула к земле, я понял, что поднимается ветер. Воздух, идущий сквозь фильтры, имел стойкий привкус резины и затхлости, хотя при этом был ощутимо прохладным.

– «Ночники» включаем. Начинаем движение!..

Голос Семена по общей связи звучал отрывисто, чувствовалось приближение грозы. Я переключил ПНВ в пассивный режим, все вокруг из черного стало черно-зеленым. Однако тропа впереди стала видна довольно отчетливо. А впереди через промежутки в пять-шесть метров я различил пятна какого-то изотопа или фосфорной краски. Скорее всего, это и были те самые метки, о которых говорил проводник. Петря слез с облучка и повел упряжку в поводу, крепко ухватив кобылу справа за хитро вмонтированную в хомут скобу. Мы с напарником, обвязанные страховочным тросом, двинулись следом. Анджей знаками показал, что нам следует отстать метра на три и поглядывать по сторонам и назад. Ветер усиливался с каждой секундой, а сполохи грозы становились все более яркими. Вскоре вдобавок к треску помех и вою ветра в динамиках защелкал счетчик радиации. Интенсивность излучения возросла на треть по сравнению с обычной для этих мест, но выше не поднималась. Холмы постепенно становились все выше, и вскоре идти стало легче, потому что они заслоняли тропу от ветра. Страховочный трос и не оставлявшее меня чувство близкой опасности не давали погрузиться в мерный ритм ходьбы. Я постоянно то смотрел под ноги, то оглядывался по сторонам. Чахлый лес на склонах холмов не мог бы скрыть засады, но ночью к нам можно было подобраться относительно легко.

Так продолжалось довольно долго, пока эфир не разорвал хриплый окрик Семена:

– Сто-оп!.. Все стоим, никто не двигается, смотрите по сторонам!..

Обоз замер как вкопанный, я присел в канаве рядом с задним левым колесом фургона и стал осматриваться по сторонам. Сперва я ничего не понял, вода стволом в направлении холмов, пытаюсь вычислить угрозу, но там из-за усилившегося ветра фиг чего разглядишь. Вдруг сильным порывом ветра меня буквально вжало в колесо фургона, а от близкой вспышки молнии сработал предохранитель «ночника», и тот, мигнув, отключился. Но темноты кругом как не бывало, вдруг стало светло, словно в жаркий полдень. Сзади и слева я увидел стену светящихся молний, занявших все небо, на которое хватало глаз.

Из наушников послышался сильно искаженный голос проводника:

– Стоим, никто не шевелится! Петря, Никола – держите лошадей, делайте что хотите, но пусть скотина стоит смирно!..

Не думаю, что кто-то из путешественников вообще смог бы шевельнуться, настолько подавляющим по своей мощи было увиденное зрелище. Волна, состоящая из сотен грозových разрядов, свитых в тугие вихревые воронки, шла вперед степенно, без какой-либо видимой суеты. Это сочетание невиданной скорости и внешней незыблемости могло вызвать только страх, но отчего-то его не было. Как замороженный я смотрел на огромный черный столб, поднимавшийся к низко висящим черно-сизым облакам в окружении таких же вихрей, но

и обычных камней, что тоже немаловажно.

Производитель – НИИ Стали. Класс защиты – II. Масса: 3,5 (без забрала) кг. Материал – сталь. Подтулейная система – ременная. Шлем обеспечивает защиту от динамических нагрузок с энергией до 50 Дж.

существенно меньших размеров. Между «братьями» тянулись ломаные нити электрических разрядов, которые связывали их между собой, словно непрочные светящиеся нити. Вдруг краем глаза я различил впереди по ходу движения массивную тень и направил ствол автомата в ту сторону, но быстро опознал нашего проводника. Семен с усилием добрал до того места, где я сидел, и плюхнулся рядом на корточки, тоже прислонившись к борту фургона.

– Вот это силища, да?!

Мне трудно было различать слова, но по общему смыслу отрывков фраз я догадался, о чем он пытался сказать. Не отвечая, я махнул рукой и несколько раз энергично кивнул.

Семен, поняв, что я услышал и вроде бы все понял, приблизил голову к моей и снова заговорил:

– Волна за холмы никогда не ходит! Но это самая сильная, которую я тут видел!.. Если перескочит через холмы, лезь под фургон и хватайся за скобы на днище!

Зная, что вопрос получится глупым и скорее всего бесполезным, я все-таки спросил проводника:

– Поможет?!

Ответ вышел ожидаемо язвительным, но в данной ситуации можно либо страдать молча, либо банально шутить:

– А хрен его знает! Но хуже-то не будет, это точно!..

Хлопнув меня по плечу, Семен поднялся и, крепко вцепившись в борт фургона, пошел обратно к головной повозке. Я впервые подумал о лежащих внутри раненых и девушке-фельдшере с молодым и серым от усталости лицом, которая, сев у КПП, только пару раз показывалась наружу, переходя из одного вагончика в другой. Стены в случае чего от стихии не защитят, у нас снаружи шансов выжить куда больше, чем у запертых в этих коробках.

Тем временем волна шла вперед, задевая краем верхушки холмов, выворачивая с корнем хилые деревца, которые тут же всасывало внутрь. Низкий, похожий на утробное рычание какого-то гигантского зверя свист буквально рвал барабанные перепонки, заполняя собой все пространство, которое оставили темнота и мертвенно-белый свет зарниц. Так прошла целая прорва времени, сколько точно, я уже сказать не могу, в последний раз, как я смотрел на экран ПДА, плавающие на дисплее часы показывали невразумительное 99.00.99. Большой смерч и его младшие братья силились перескочить холмы, но каким-то чудом у них ничего не выходило. Медленно, очень-очень медленно они величаво и грозно тронулись вперед, вдоль хребта по дороге и наконец-то обогнали наш небольшой отряд. Ветер все так же перебрасывал тучи пыли и мелкого мусора, но сила его уменьшилась настолько, что я смог подняться на ноги.

– Все, народ, поднимаемся и идем дальше, до норы осталось совсем недалеко! Вперед и с песней!..

Обоз медленно двинулся вперед, мы с Анджеем все так же шли позади. Волна ушла далеко вперед, и вскоре снова стало совершенно темно. Я включил «ночник», и мир вокруг опять окрасился в черно-зеленые тона. Скоро холмы понемногу сошли на нет, и перед нами снова открылась ровная как стол степь, покрытая участками редкого леса и высокой сухой травой. Единственное, что было непривычно видеть, это то, как даже под порывами неутрахающего ветра не колыхнется ни единый стебель или дерево. Тропа была словно тонкая нить среди этого застывшего моря сухостоя, зловеще поблескивавшего в неровных всполохах отдалившейся грозы. Справа впереди я увидел развалины большого панельного дома, пространство вокруг которого неярко светилось. От дома остались только пара подъездов и игровая площадка перед фасадом. Крышу, как и весь пятый этаж, что-то срезало, словно гигантским ножом. Два подъезда с восточной стороны отсутствовали, от них остались стоять нерушимо только внешние стены, держащиеся непонятно как и на чем. Но вся западная часть хрущевки с виду была совершенно нетронута.

Вдруг молчаливый всю дорогу Анджей подошел ко мне и, указав рукой на развалины, отчетливо сказал с едва уловимым польским акцентом:

– Это Норка, наша главная резиденция!

В молодом еще голосе слышалось неподдельное облегчение. Мне даже послышалось, что парень только сейчас переводит дух. Скорее всего, то, что я принимал за угрюмость, оказалось обычным страхом. Добраться до безопасного места, своего рода тихой гавани, всегда считается хорошей приметой. Я заметил, что даже лошади пошли несколько быстрее.

Дорога пошла под уклон, караван медленно втягивался в небольшой отвилок от основной дороги, что, видимо, было вполне нормально.

Снова по общей связи прозвучал отрывистый голос Семена:

– Так, народ, прибавим ходу! Волна прошла стороной, но все еще может измениться, поднажмем маленько!

Все, даже лошади, непроизвольно стали идти быстрее, хотя, может быть, это просто дорога пошла под уклон. Я тоже старался не отставать, время от времени поглядывая по сторонам и назад. Однако взгляд невольно притягивала гигантская стена из полыхающих молниями воронок, закрывшая всю правую половину горизонта. Волна выброса не ушла слишком далеко, по дальномеру, встроенному в мой монокуляр, получалось что-то около двадцати восьми километров. Смерчи сталкивались и расходились, будто бы споря между собой за место в общем строю.

Вскоре обоз снова остановился, и по общему каналу снова отозвался Семен:

– Анджей, ты и твой напарник – вперед, осмотритесь там. Только в темпе, нужно быстрее проскочить внутрь, пока «банка» снова не закрылась.

Напарник махнул стволом дробовика в направлении дома, до которого было уже рукой подать, и пошел вперед. Отпустив его метров на десять, я пошел следом, внимательно вглядываясь в темные провалы окон. Попутно я осматривался, силясь увидеть границы аномального поля, которым обычно окружена «банка». Такие аномалии стали появляться относительно недавно, сразу же после того, как кочующие территории «белого шума» вырвались из-под контроля сектантов. Теперь они бродили по Зоне, подчиняясь неким природным законам, механизмов которых никто не понимал. Механика этого явления выглядит так: кочующая земля исчезает через положенное время, а на ее месте возникает иногда просто то, что было раньше, а иногда аномальное поле. Но в редких случаях появляется кусок пространства, где, как в консервной стеклянной банке, запечатан летний день, вещи, оставленные кем-то, лежат на своих местах и не покрываются пылью, дома не разрушаются, а ветер дует только в одном направлении. И так всегда. Никто не мог разобраться, откуда берется пространственно-временной карман, который простые старатели прозвали «банка». Как и все в Зоне, они просто объективно существовали. Закономерностей тоже было всего две: «банка» появлялась только на месте кочующей земли, и все внешние факторы никак не действовали на все то, что запечатано внутри. Но там, безусловно, можно жить, дышать и уйти когда захочется. Чем-то это явление напоминало сгинувший сейчас «теремок», хотя там шутки были исключительно с погодой, время и все остальное на заимке текло так же, как и в остальной Зоне.

– Иди за мной, быстро осмотрим подъезды и место вокруг дома. Долго снаружи стоять нельзя...

Невысокий поляк удобно перехватил ружье, почти побежал вперед, откинув капюшон и почти что сорвав с лица маску.

Потом, ненадолго остановившись, снова бросил через плечо:

– Маску уже можно снять. В Норе нет радиации, только тишина и пыль.

Я не спешил следовать его примеру, но повел стволом автомата в знак того, что услышал. С того самого момента, как смерч прошел мимо, на душе было тревожно. Вполне может быть, что Джей прав. Наверняка он прав, ведь видно же – идет уверенно, почти как у себя дома. Да и счетчик радиации давно успокоился, сменив тревожный треск на мерное пощелкивание. Однако торопиться не стоит, иногда неделю эту штуку не снимал. Привычка есть, потерплю.

– Я пока воздержусь, веди.

В доме, как и говорил Анджей, ничего необычного мы не обнаружили. Кучи бытового мусора, битых стекол и сгнивших обломков старой мебели – все это теперь было сброшено вниз. Там, в провале двух несуществующих подъездов, громоздилась приличная куча разношерстного мусора. Видимо, процесс «консервации» прошел сразу же после катастрофы на атомной станции. Вся утварь, обрывки газет и истрепанные книги были исключительно из советского периода. Уцелевшие квартиры никто не посещал уже долгое время, благодаря тому что в этой «банке» был вечный полдень, мы с напарником без труда осмотрели оба подъезда за полчаса. Следы были только на первых этажах, но по тому, как Анджей равнодушно прошел мимо, было понятно, что это место их обычной стоянки. В квартирах первых этажей все до потолка было набито обломками мебели и другим деревянным ломом. На вторых этажах по разным комнатам кто-то разложил разный стройматериал. Ребята давно нашли это место и основательно его обустроили – весь третий этаж щеголял заколоченными самодельными деревянными экранами, закрывавшими окна. Тут было относительно чисто, стояли две печки-буржуйки. В углах стояли аккуратно свернутые матрасы. Четвертый этаж был отдан под наблюдение, тут все обложено полиэтиленовыми мешками с землей, уложенными возле окон и вдоль стен. В условиях Зоны и с учетом особенностей ведения боевых действий именно здесь можно выдержать непродолжительную осаду или затяжной бой часов этак на двадцать. Чувство тревоги наконец отпустило, и я снял маску и шлем. Но особой разницы заметно не было. Воздух вокруг тоже словно бы слежался, казалось, он замер в тот самый миг, когда вместе с домом и всеми этими вещами был запечатан тут на неопределенное время.

Мы спустились вниз, Анджей доложил проводнику, что все чисто, и вскоре обоз подъехал к дому, образовав возле уцелевшей половины нечто вроде табора. Пока все устраивались, я подошел к скамейке, по-прежнему стоявшей возле развалин песочницы. Спинки, само собой, не было, но нижняя доска оказалась достаточно прочной и, даже не скрипнув, приняла мой вес. Так я просто сидел, в голове была звенящая пустота.

Подошел Анджей, присел рядом и, тоже глядя перед собой, сказал, конкретно ни к кому не обращаясь:

– Говорю же, тут тихо.

К чему-то вспомнилась какая-то глупая книжка из детства. Там герои шли через дремучий лес, их преследовали то ли орки, то ли эльфы, но факт в том, что встреча для героев ничем хорошим не кончалась. Они всю дорогу трепались о ерунде. Громко спорили без опасений, что их могут услышать чуткие уши вражеских разведчиков, а на привалах они непременно восторгались красотами и пели песни. А тут в голове ни одной внятной мысли, только ноги звенят от усталости и зудят шрамы на лице. Никакой романтики, один серый быт, несмотря на тонны удивительного вокруг.

Я лишь согласно кивнул, на что Анджей понимающе улыбнулся, показав солидную щель меж верхних передних зубов.

– Пошли мыться, тут под домом вода скапливается, чистая. Пить нельзя, но смыть грязь радиоактивную вполне можно.

– А хватит воды-то?

– Она никогда не кончается. Минут пять проходит, и все как раньше. Чудеса, пся крев!

Поляк снова утвердительно мотнул головой и развел руками. Мы вместе пошли к провалу, где за самопальной изгородью, сколоченной из обломков оконных рам, был вход в дыру, ведущую в подвал. Самое лучшее предположение, которое я смог сделать, это прорыв водопровода, хотя наверняка уже не скажешь. Вода заполняла подвал на две четверти и источала прелые запахи мокрого камня, ржавчины и чего-то еще. У стены, возле самой дыры, прямо на земле лежали два алюминиевых таза и эмалированный ковш. Анджей повесил ружье и патронташ на выступающий из стены обломок арматуры и зашел в воду по колено. Увидев, что я стою у кромки воды, приглашающее махнул рукой:

– Входи, там ковшик у стенки, бери и смывай пылюку-то! Говорю же, через пять минут вода снова будет как раньше.

Взяв белый, когда-то эмалированный ковшик, я вошел в воду и минут десять смывал с одежды, рук и лица дорожную пыль. Вода, так же, как и воздух, пахла затхлостью и болотом. Несомненно, это вода, но словно бы неживая. Даже не так, скорее не мертвая.

После помывки я хотел было вернуться к песочнице, в компанию как-то совершенно не тянуло. Но на полпути меня по общей связи вызвал Гуревич и приказал подняться на четвертый этаж. Причин отвязаться не нашлось, поэтому я снова пошел к дому и, мельком поздоровавшись с фельдшером, поднялся наверх. Охранники помогали невысокой девушке устраивать раненых, хотя покинуть повозку согласились не все. Теперь, уже вволю надышавшись затхлым воздухом аномалии, я понял почему. Всего в повозках на Кордон ехало шесть человек, все тяжелораненые. Двое из них, оставшиеся сейчас в фургоне, так и вообще сошли с ума. Слышал, что они сумели выжить после того, как сфинксы устроили охоту на небольшой отряд старателей. Звери загнали уцелевших далеко вглубь аномального поля, и те просидели, окруженные плазменным пламенем, около пятидесяти часов. Спасение тоже вышло в высшей степени неожиданным: пласт пространства начал неожиданное движение и аномальное поле просто схлопнулось. Бедолаг подобрали идущие из рейда разведчики «Альфы», но оба выживших повредились умом и никого не узнавали. Как и кто оплатил их перевозку в Бреднянск, я не выяснил, однако же, несомненно, спонсор нашелся, ибо страховка – это не для бродячих искателей приключений.

Когда я поднялся на этаж, там были только Гуревич и проводник. Сержант уже установил свой пулемет в нишу у окна с фасадной стороны. Сектор получался широкий, градусов триста. Простреливать можно было все пространство перед домом на глубину полукилометра. Никаких естественных укрытий там нет, кругом ровная как стол степь без оврагов или густых зарослей кустарника, даже деревьев нет. Семен сидел спиной к нам, проводник, не отрываясь от окуляров массивного полевого бинокля, смотрел в ту сторону, куда недавно ушла волна. Горизонт в той стороне был абсолютно черен от череды грозových смерчей, но до нас не доносилось ни единого звука. Из внешнего мира внутрь вообще ничего не попадало, тишина вокруг была в буквальном смысле мертвая. Даже голоса звучали здесь глуше, словно бы выцветая по мере того, как ты заканчиваешь каждое слово. Сержант присел на корточки возле пулемета, жестом пригласил сесть рядом:

– Антон Константиныч, пока шли, ничего в дороге не заметили?

Гуревич был из Белоруссии, хотя внешне больше напоминал выходца с юга: смуглая кожа, черные волосы и горбатый нос. Исключением были светло-голубые с прищуром глаза, а сам взгляд был цепким, внимательным.

– За нами никто не шел, если ты об этом.

Про свои ощущения я рассказывать особо не стал, каждый тут сможет выдать целый букет фобий, если спросить о предчувствиях.

Но сержант только досадливо прихлопнул рукой по колену и снова спросил, но уже с нажимом:

– Да я ж не про следы! Ну вспомните, может, краем глаза чего видели, а?

Больше всего сейчас мне хотелось прислониться к стене и закрыть глаза. Переход неожиданно вымотал все силы, чего я за собой давно уже не припомню. И поэтому я отрицательно покачал головой, ибо пока рассказывать было нечего.

Альфовец резко поднялся и уже ровным тоном, в котором тоже сквозили усталость и напряжение, сказал:

– Ладно, будем считать, что мне показалось... Стоим по двое, первая смена ваша с Семеном. Бандуру оставляю, беспокоюсь как-то на душе.

Гуревич указал мне на пулемет и направился к лестнице, на ходу вынимая из нагрудной кобуры пистолет. Потом он остановился и хотел было что-то добавить, но, передумав, махнул рукой и скрылся внизу. Я передвинулся к пулемету и осмотрел оружие. Вопреки уставу отряда, это был не наш, а американский десантный M249 с выдвижным прикладом и

укороченным стволом¹¹. Штука неплохая, хотя мне привычнее отечественный «калаш». Я открыл крышку, проверил ленту и, поправив немного сбившееся звено, вернул все в боевое положение. Затвор клацнул, оружие было готово к стрельбе. Сержант пользовался неплохой четырехкратной оптикой. Поэтому сектор сквозь него был виден как на ладони. На расспросы обозного начальника я не обратил внимания, а точнее, мне не было до них дела. Здесь безопасно, в этом я уверился после того, как случайно попробовал затхлой воды из ямы под домом. Жизнь покинула это место настолько, что даже нечто враждебное не сможет тут долго оставаться. Усталость появилась только тут, словно бы «банка» вытягивала силы, сам вкус жизни.

Вдруг сзади раздался удивленный возглас, а затем отборный мат нашего проводника. Очнувшись от исподволь охватившего меня оцепенения, я поднялся, чтобы подойти к Семену, но так и замер на месте. Звук снаружи «банка» не пропускала, это точно, однако же то, что происходило за ее пределами, худо-бедно можно разглядеть. Но открывшееся мне зрелище, скорее всего, будет видно и с орбиты. Горизонт от края и до края залило голубовато-белым сиянием. До самого неба поднимались дуговые разряды колоссальных размеров, бьющие во все стороны. Семен, нисколько не стесняясь, плюхнулся на задницу и, уронив бинокль, просто оцепенело смотрел перед собой.

– Нашла коса на камень... Последний раз я сюда сунулся, надо сваливать.

Сияние росло и ширилось, но пока границ поля не касалось. Никто, кроме нас, пока не замечал произошедшего, кругом по-прежнему стояла тишина. Я направился к лестнице, нужно попытаться укрыться в доме, хотя, быть может, это будет бесполезно. Тонкие стены бетонной хрущобы, равно как и спешное бегство, не спасут ни от ударной волны, ни тем более от излучения.

Почти на ходу я поинтересовался у проводника:

– Видел такое раньше?

Но тот только таращился на горизонт, а из угла рта его потянулась прозрачная нитка слюны. Уставив пустой взгляд вперед, он бормотал:

– К сестре... в Житомир. Ларек пивной открою, и на хер все это. Достала, все-таки она достала меня... не уйти... не уйти!..

На лестнице я столкнулся с летящим навстречу Гуревичем. На абсолютно белом лице сержанта отчетливо проступили потеки грязного пота, а в глазах застыл страх. Пришлось попятиться, и мы вместе ввалились обратно на этаж.

– Видали?!

Альфовец подскочил к окну и ткнул пальцем в разлившееся по всей равнине сияние. Поняв, что внизу уже все знают о случившемся, я кивнул в знак согласия и все же спустился вниз. Оба возницы, а с ними Джей и Стах, помогали фельдшеру переносить оставшихся в фургонах людей в дом. Туда, где на втором этаже была оборудована спальня с лежаками. В проеме ближней к лестнице повозки я увидел тяжело опиравшегося на косяк человека с туго перебинтованной грудной. На повязке проступали пятна свежей крови, видно, от усилий раны стали кровоточить. Ничего не говоря, я помог раненому спуститься вниз. Тяжело опершись на мое плечо, он скривился от приступа боли.

¹¹ Пулемет Minimi был разработан бельгийской компанией FN Herstal в 1979 г. и находится в серийном производстве с 1981 г. Состоит на вооружении армии США под обозначением M249 SAW (squad automatic weapon). Пользуется заслуженной популярностью на Западе за высокую мобильность в сочетании с огневой мощностью (750 выстр./мин.), заметно превосходящей огневую мощь такого линейного пулемета, как английский L86A1, и других зарубежных аналогов, построенных на базе автоматов, а не созданных «с нуля», как пулеметы. Может использовать как рассыпную ленту, так и стандартный натовский автоматный магазин под патрон 5.56 мм. Лента, как правило, подается из пластиковых коробок или не особо надежных брезентовых «сумок» на металлическом каркасе, примыкаемых к пулемету снизу, емкостью в 100 или 200 патронов. Гуревич пользуется моделью SPW, разработанной для сил специального применения. От других эта модель отличается облегченным стволом длиной 406 мм и предусмотренной передней штурмовой рукоятью, также он не может использовать секторные автоматные магазины.

– Идти можешь?

Тот только кивнул, на обмотанном бинтами лице я видел только один серый глаз и краешек обожженного рта. Не задаваясь больше вопросами о том, каков смысл в перемещении людей из одной потенциальной могилы в другую, я помог альфовцу дойти до подъезда, где его тут же подхватили Петря с Николой.

Та-та-ат-тах! Та-та-тах!

С четвертого этажа ударил пулемет Гуревича, и я сразу же посмотрел в сторону дороги. И зрелище было не из приятных. К дому на бешеной скорости мчалась скачками стая сфинксов. Вскинув автомат к плечу и глядя в прорезь прицела, удалось насчитать восемь голов. Прибежали возницы и оба охранника. Первые кинулись распрягать лошадей, хотя двери подъезда вряд ли выдержат напор стаи, но провести животных на второй этаж вполне реально. Стах пытался вызвать проводника, но тот молчал, все еще находясь в ступоре от увиденного. У каждого есть свой предел, его струна оборвалась в самый неподходящий момент.

– Антон Константиныч... уведите всех в дом, я их придержу!..

Это Гуревич, не отрываясь от пулемета, пытался взять ситуацию под контроль, хотя никто не знает, как воевать с самым быстрым зверем Зоны, от которого раньше все только убегали. Мне тоже было пока неясно, что делать. Еще раз взглянув на несущуюся во весь опор стаю, я невольно залюбовался этим табуном. Черт! А вот, кажется, и решение!.. Вынув из подсумка осколочный выстрел, я вложил гранату в дуло и, удовлетворившись знакомым щелчком, оглянулся на застывших в ожидании напарников:

– Идите на третий этаж, станьте у окон и начинайте стрелять, как скажу. Быстро парни, очень быстро.

Мои слова будто разбудили обоих, так скоро они скрылись в подъезде.

Вызвав Гуревича, я сказал, уже переходя на бег и направляясь к съезду с дороги, по которой мы приехали сюда:

– Сержант, перестань стрелять, ты их только разозлишь.

– Но...

– Послушай, есть одна идея. Но ты должен перестать стрелять, хорошо?

Вместо ответа пулемет замолчал. Стая приближалась очень быстро, и я встал у сваленных в кучу обломков столбов освещения. Три или четыре обломка образовывали неправильный полукруг, и я встал внутрь, надеясь, что план сработает. Время вдруг тоже обрело обычную в бою плотность, все движения не успевали за мыслью. Казалось, что воздух превратился в густой кисель и предметы потеряли былую четкость, все распалось на оттенки черного и белого. Получилось так, что стая шла параллельно дороге справа от места, где я сейчас сидел. Передвинув прицел гранатомета на сто метров и надежно уперев приклад в плечо, я поймал серовато-черный клубок, каким виделась сейчас стая, и выстрелил. Автомат привычно дернуло, отдало в плечо и руки. Но прицел почти не шелохнулся. Не отрывая взгляда от все еще движущейся массы, я перезарядил гранатомет и снова выстрелил, но на этот раз с еще большим упреждением. Расстояние все же приличное, и разрывы слышались как резкие глухие хлопки. Первый разрыв ушел в самый центр стаи, сбив с ритма крупную зверюгу размером с полугодовалого теленка. Сфинкс кувыркнулся через голову и попал под ноги бегущим сзади, а те сбили в полете передних. Строй распался, звери на полном ходу завертели на месте, сбиваясь в кучу. И в этот миг вторая граната опять угодила в середину образовавшейся свалки. Не давая им опомниться и перекрывая визг раненых животных, я высунулся из-за укрытия и открыл огонь по мечущимся в припадке боли зверям.

Что есть силы вжав тангенту рации, я почти прокричал:

– Гуревич, огонь! Парни, ко мне!..

Автомат – это, конечно, не ружье и предназначен для двуногого зверя. Однако же если знать, куда стрелять, а за шкурой вы не гонитесь, то убить из него можно любого, у кого течет кровь, есть сердце, мозг и легкие. Трех сфинксов серьезно зацепило осколками

гранат, остальные были контужены ударной волной, и поэтому, не обращая внимания на былую цель, звери сцепились между собой. Я выцелил голову жожака, терзавшего горло сородича, и тремя короткими очередями снес зверю верхушку черепа. Потом запятнал еще двоих, но дальше заработал пулемет сержанта, и от дома подоспели Стах с Джемем. Дальнейшее напоминало уже бойню: все восемь зверюг через пару минут были либо убиты, либо смертельно ранены. Вскоре охранники и начальник обоза уже ходили меж застывших туш, вырезая трофеи. Когти, зубы и особенно печень сфинксов высоко ценилась перекупщиками. Многие из старателей носили при себе контейнер со встроенным в него артефактом «бодяга». Этот серый, непонятного происхождения камень генерировал нуль-энтропийное поле, проще говоря, на несколько дней замедлял разложение. Продукты и особо ценные части тел мутантов практически не портились. Я как раз приметил у охранников один такой контейнер, видимо всегда возимый с собой про всякий случай.

Адреналин еще не схлынул, я озирался по сторонам, ища новые цели. Руки сами собой перезарядили автомат, выбив пустой «рог» на землю, щелкнул фиксатор подствольника, новый выстрел уже в стволе. Но вокруг опять было тихо, лишь слышались предсмертные хрипы добываемых зверей. Я разрядил гранатомет, убрав неиспользованный выстрел в подсумок, и перевел дух. В спертом воздухе аномалии витал тяжелый запах крови и внутренностей. Присев тут же на обломок столба, сдернул с головы «душегубку» и отер ею липкий горячий пот. Подошедший Гуревич смотрел на меня с нескрываемым восхищением, в руках у него был окровавленный нож и связка нанизанных на проволочный кукан звериных когтей.

– Антон Константиныч! Мы... вы... справились. Как?!

Во рту пересохло, но лень было достать мундштук поилки, поэтому ответить получилось только вполголоса:

– Табун...

– Что? Извините, я не понял.

– Когда-то давно я был знаком с одним парнем из Монголии. Он рассказывал, что взбесившихся лошадей можно остановить, если сбить одну во время скачки в табуне. Остальные запаникуют, и тогда ловить их легче.

Улыбка медленно сползла с лица сержанта. Он сложил дважды два и осознал: только что мы просто испытали Судьбу, даже не имея верных полшанса из тысячи, и нам сказочно подфартило. Опережая любые вопросы и возражения, я поднялся и пошел в сторону дома, руки вдруг начали мелко подрагивать, не хотелось, чтобы это кто-нибудь заметил. Успокоив девушку-фельдшера и повидав свернувшегося на матрасе в углу Семена, я поднялся на четвертый этаж и тоже сел, выбрав позицию, обращенную на юго-восток, туда, где все еще полыхало мертвенно-синее зарево неизвестного происхождения. Как я и надеялся, ни излучение, ни ударная волна внутрь «банки» не прошли. Сфинксы знали это, страх гнал животных в единственное безопасное место, и они пошли, забыв об осторожности и тем более не предполагая, что их место уже занято. Безумие забило инстинкты, только это и некий элемент неожиданности позволили нам одолеть непобедимых до сей поры хищников. Раньше они попадали в руки ученых или простых бродяг только мертвыми, трупы объедали мелкие грызуны, наконец, они просто гнили. Теперь же, если мы опять же дойдем до Кордона, оба охранника и сержант могут вернуться домой обеспеченными людьми. Я трофеев не срезал, ожерелий из когтей душа почему-то не принимала. Опять накатило это неизбывное чувство равнодушия, хотелось просто вот так сидеть и любоваться дугowymi всполохами зарниц на горизонте.

Снова возникло ощущение паучьей сети, медленно сжимающейся, режущей тело. Кровь вперемешку с холодным потом заливает лицо, и я вижу, как Охотник и Ждущий выводят причудливые па своего последнего танца смерти. Вот паук блокировал выпад когтистой руки, длинные лезвия высекли искры из его брони. Нити паутины режут лицо, кровь залила глаза, и я не вижу ничего, кроме размытых фигур побратима и Ждущего. Плевать на все, Даша где-то рядом. Нужно предупредить...

– Даша, беги! Беги в деревню!..

Послышались приглушенные хлопки, паук дергается и всей тушей разворачивается в другую сторону, заслоняя от меня стрелка. И вот знакомые и от этого еще более громкие щелчки бойка. Патронов больше нет.

– А-ах!..

Это даже не крик, просто бессильный вздох. Но оттого, что я узнаю голос, он становится таким громким, что, кроме него, я больше ничего не в состоянии слышать. Паутина опадает, рассыпается в тлен, и что есть силы я бегу на голос, потому что почти ничего не вижу. Кровь липкой пленкой залепила веки, их с трудом удается разлепить. Мельком вижу придавленного тушей паука Охотника. Побратим, собрав последние силы, раскроил паука от головы до закованного в броню брюха. Но сделал он это, уже будучи мертвым, его желтые глаза погасли, жизнь оставила их. Шатаясь от кровопотери и непонятного жжения в ранах, я вижу девушку. Охотник сумел заслонить ее своим телом, но было уже поздно. Два удара острыми наверхими паучьих лап пробили легкое, но второй не достиг цели, попав чуть ниже сердца.

Какая она легкая, тело словно бы совсем ничего не весит!.. Короткие волосы падают на лицо, я трясущейся рукой силюсь их убрать, кровь капает с пальцев ей на ресницы, глаза открываются.

– Мы... встретились, я же говорила.

Изо всех сил я вглядываюсь в начинающие тускнеть серые глаза. Так долго не видеть этого лица, этой улыбки. Но смерть крадет все краски, губы начинают синеть, из горла девушки вырывается хрип.

– Я убью их всех. Обещаю тебе, никто не уйдет!..

Бледная, в царапинах и ссадинах рука ее тянется к моему лицу. Ладонь тоже в крови, Даша зажимала рану. Кажется, она не слышит, все ее усилия направлены на то, чтобы удержать сознание, еще раз посмотреть, дотронуться.

– Кровь... У тебя кровь на лице.

И кровь на моих губах, ее кровь. В последнее мгновение она замирает, я ловлю ускользящую ладонь своими пальцами и слышу, как по телу девушки проходит судорога. Изо всех сил я сжимаю обмякшее тело, сердце рвет неизбежная дикая боль и ярость. В голове бьется и пульсирует только одна мысль: «Я убью вас всех, никто не уйдет! Всех!..»

Из грёзы, больше похожей на кошмар, меня вырывает звук шагов на лестнице. Сон ушел так же внезапно, как и возник. Воистину в странном месте мне довелось очутиться, раз сны вновь возвращаются. Те сорок минут, которые я так называю, никогда не приносят видений, только темноту и небытие. Почему память так избирательна и возвращает именно в тот самый горький момент, который и так саднит каждую свободную секунду? Ноющая боль и одуряющая пустота, оставленные в душе смертью ставших родными людей... даже существа, вообще находящегося за гранью представлений людей об эволюции. До недавнего времени в реальности удерживало это самое чувство летящего без тормозов грузовика, осознание того факта, что следом идут друзья. Беречь то, что осталось. Не дать Зоне перемолоть тех немногих, кто все еще верит в меня. Сняв перчатку, вытягиваю перед собой руку и, сжимая кулак, снова смотрю на проступающие белые шрамы. Кожа вокруг них задубелая, как и раньше, чтобы и они потемнели, обросли загрубелой коркой, тоже нужно время. Нельзя сомневаться, надо просто идти дальше.

В дверях возник силуэт, это был Гуревич. Приглядываясь к теням, очертившим зал, он, заметив меня возле стены, быстро подошел и присел напротив, оперев приклад пулемета в пол.

– Семен все еще в отключке, эта хмарь на горизонте его до печенок доскребла.

Альфовец смотрел выжидательно, в его глазах я читал некую просьбу. Однако как же будет непросто сейчас объяснить, что чудеса – это не моя специальность. Обою практически хана, это мы оба понимаем.

И все же я поинтересовался:

– Что думаешь делать?

Гуревич отшатнулся, будто бы ему плюнули в лицо. Не таких слов ожидал от меня этот парень после недавних событий, явно не таких.

Однако, быстро взяв себя в руки, ответил:

– Нужно поворачивать назад, неизвестно, что это за хрень впереди.

С одной стороны, парень прав. Если сейчас повернуть обратно, то со временем эта штука впереди, может быть, и пропадет. Вышлют разведку, проложат новый маршрут, и снова до следующего... гм, феномена. Но как быть с тем фактом, что сияние, может быть, не исчезнет никогда? Гроза пришла из ниоткуда и будет торчать тут еще черт знает сколько времени.

Я лишь помотал головой и осторожно предложил:

– Сержант, ты отвечаешь за людей и имущество, это я не оспариваю, и все такое. Но ситуация сложилась непростая, нужно посоветоваться с остальными. Эти двое парней, Стах и Анджей, ходили с Семеном давно, так?

Гуревич отрицательно покачал головой, тяжело вздыхая.

Тон его стал снисходительным, трепет пропал окончательно:

– Понимаю, к чему вы клоните, но тут не все равно. Ходить-то ходили, но Семен один все приметы знал.

И тут я его подловил, хотя, само собой, такой задачи не ставилось. Просто сейчас нужно показать, что у медали, как обычно, две стороны и талия.

– Ты можешь поручиться, что после свистопляски, которую мы видели, обратная дорога осталась неизменной? Семен-то, может быть, и разобрался бы, а вот нам может не так сильно свезти, нет?

Аргумент заставил альфовца пару мгновений только пыхтеть и переваривать сказанное. Слыша, как ворочаются мысли в его голове, я даже позволил себе снова посмотреть в сторону, на неугасающее зарево.

– Хорошо, тогда как же, по-вашему, нам следует поступить?

Парень не полез в бутылку, не стал употреблять власть, это мне понравилось. Однако шансов на выживание это нам не сильно прибавит. Но что тут поделаешь, если простых решений никогда не случается?

– Нужно поговорить с людьми, посоветоваться со всеми. Сейчас отдохнем пару часов. А потом собирай всех обозников внизу, чтобы раненые не слышали. Им и так не сладко, а про то, что трындец уже близко, знать пока не нужно. Соберемся, померкуем... может быть, чего и нарисуем совместно.

Во взгляде Гуревича читалось сильное сомнение, но, помолчав минуту и прикинув все аргументы, сержант согласно кивнул и снова отправился вниз. Я же, не меняя позы, снова стал рассматривать зарево. Может быть, слишком долго и пристально смотрел, может быть, мозг стал выдавать желаемое за действительное, но зарницы стали мелькать реже. Через какое-то время на этаж поднялся Анджей и принес мне алюминиевую закопченную миску дымящейся гречневой каши с тушенкой. Вынув из бокового кармана штанов завернутую в тряпицу ложку, я машинально поел и, кивнув на прощание сменщику, тоже спустился вниз. Дом призывал из глубин памяти неприятные воспоминания, поэтому, выйдя из подъезда, я стал обходить вокруг здания, отходя с каждым кругом все дальше. Более всего тут не хватало ощущения ветра на лице, запахов степи и просто свежего воздуха. Все это время меня не покидало чувство, будто бы все мы заперты в старый пронафталиненный сундук с никому не нужным барахлом.

– Антон Константиныч!.. Где вы?

Это Гуревич, голос его звучал явно бодрее. Видимо, подкинутая мной идея о совместном принятии решения все же оказалась не так уж и плоха.

– Я периметр обхожу, сейчас буду.

– Хорошо, собрание будет перед входом, у фургонов. Ждем.

Собрались все, кроме Джея, который все еще сидел на фишке, и фельдшерицы, она

осталась с ранеными. Наши лошади вывели животных из дома, что было не так-то просто сделать, учитывая схлынувший адреналин. Сейчас все четыре коня мерно хрустели овсом в торбах, привязанных к мордам, и на людей внимания не обращали. Никола, мужик неопределенного возраста, сидя на козлах своей повозки, правил какую-то упряжь, а его коллега что-то крутил у левого заднего колеса. От остальных наш главный извозчик отличался тем, что оружия не носил совсем, а лицом более всего напоминал запойного пьяницу, хотя ни запаха, ни характерных хваток алконавта со стажем я за ним не замечал. Стах, притащивший откуда-то пустой тарный ящик, сидел тут же, прислонившись к борту фургона.

Сержант Гуревич взмахом руки привлек всеобщее внимание и начал излагать:

– Значит, вот что получается, граждане. Впереди появилась неизвестная аномалия, и идти туда не просто опасно, а преступно глупо. Семен повредился умом, Галя сказала, что дня два еще не оклемаются. А может быть, и насовсем крыша улетела. Я считаю, что рисковать нельзя, надо возвращаться назад.

В принципе мысль эта витала в воздухе, Гуревич только ее словесно оформил. На лицах собравшихся я читал только озабоченность, всерьез спорить с сержантом никто не хотел. Тем более что в моменты крайней нужды все смотрят на того, кто назначен главным, кто ведет и в конечном итоге за все отвечает. Но о том, что власть тоже состоит из людей, делающих ошибки, люди думают уже потом, если вдруг что-то идет не так.

Никола, подняв глаза от упряжи и поскребывая тыльной стороной ладони седую щетину на щеке, вполголоса бросил:

– Овса коням на пять дён осталось. Ежели заплутаем, землю и сухостой оне жрать не стануть. Человек что? Он без жратвы куда хошь идтить будет, пока силов хватит. Поворачивать надо... но я как все. Пущай обчество решает.

Словоохотливый до сего момента Стах только пожал плечами, но, видя, как выжидательно на него смотрят остальные, тоже высказался за возвращение:

– Сеня один дорогу хорошо знал, я эти его приметы плохо разумею. Вот шел себе и шел, иногда так и вообще наобум. Выпьет старки своей пару глотков, и вот на тебе – видит дорогу. Я бы не повел, мутота одна.

Петря вообще только сплюнул в сторону и снова принялся крутить какие-то гайки. Я уже совсем собрался повторить аргументы, изложенные сержанту часом раньше, но в этот самый момент из дверей вылетел Анджей. Низкорослый поляк именно что вылетел как пробка из бутылки, до того торопился сообщить нечто важное, будто и нет у него рации.

Подбежав к сержанту, он схватил Гуревича за рукав, но обращался ко всем сразу:

– Зарево погасло! Пошли, вы все должны посмотреть!.. Только что сияло, сияло, и на тебе – хлоп и погасло!..

Известие поразило всех настолько, что люди нестройной толпой ринулись к провалу, чтобы оттуда посмотреть на случившееся. Я тоже пошел следом и в открывшемся пространстве увидел абсолютную темноту. Снаружи опять царилась ночь, чего из-за ярких зарниц не было видно. Вынув монокуляр, я силился что-то рассмотреть, но тщетно. Прибор по-прежнему отказывался выдавать расстояние, а приближение в пять раз оказалось бессильно перед завесой темноты, из которой состояло все пространство за границами аномального поля.

Когда страсти немного улеглись, все вернулись к повозкам. Возбужденные увиденным, люди громко переговаривались, и я решил, что сейчас весьма удобный момент для предложения, к которому еще пару минут назад никто бы и не подумал прислушаться. Люди были настолько ошарашены хорошей новостью, что никто не задавался вопросом, что же теперь делать. Видимо, возвращение обратно казалось им вопросом решенным.

Однако Гуревич заставил всех успокоиться, и я начал излагать:

– Эта штука вполне могла изменить все вокруг, а не только впереди. Кто из вас может поручиться, что дорога назад так же безопасна? Пойти-то можно, но вот куда мы придем без проводника, это большой вопрос.

Мои слова произвели нужный эффект, радужное настроение само собой увяло, а на лицах обозников опять появилось растерянное выражение.

Снова вступил Гуревич:

– А кто скажет, что впереди все нормально? Я раньше ходил, поворачивали с полдороги, и ничего особенного, доходили же.

Спорить было даже неинтересно. Настолько мощный аргумент был у меня в виде стухшего природного явления.

– Допустим, сержант. А такая хрень тоже была?

Тот только сокрушенно мотнул головой, мои вопросы смущали альфовца своей неразрешимостью, однако он упорно стоял на своем:

– Позади нет сияния, есть шанс, что все осталось как было.

– Есть, не спорю. Но как далеко от того места, где мы сейчас сидим, а?

Парень попытался прокрутить ситуацию, и снова на его лице появилось выражение досады, и он таки сдался.

– А вы что предлагаете? Как идти вперед, если там была эта штука? Что там сейчас?!

– То же самое, что и позади: фиг его знает что! Мы сейчас как крот в узкой трубе: вперед боязно, а назад жопа не пускает. Есть у меня одна идея, как пройти. Но прошу остальных мне подыгрывать. Так и так другого варианта нет. Как только появится наш хворый проводник, все делаем вид, что ничего не произошло.

Общие сомнения выразил молчавший до сих пор Петря. Более всего к нему подходит выражение «средний», настолько он был обыкновенный и ничем не примечательный парень лет двадцати.

Спокойным, слегка в нос, голосом он поинтересовался:

– Это чего, псих нас поведет?

Ропот усилился. Гуревич совсем было хотел что-то вставить, но я поднял руки и снова принялся убеждать:

– Я уже видел такое раньше. Псих-то он псих, но ведь не дурак же. Его сознание ищет повод вычеркнуть страшное из памяти. Природа нам теперь в помощь, давайте ей подсобим. Вы что, серьезно думаете, что до этого момента он вас по дороге вел?! А вот хрен-то там! Повторяю опять: подыграйте, и Сеня поведет караван как обычно.

Хорошо, что в памяти обозников все еще был жив эпизод со сфинксами, а про идею наобум слышал только Гуревич. Но в такой безнадеге любой намек на удачу расценивается как стопроцентный верняк. Поэтому мои слова были встречены дружным, сначала недоверчивым, но все же одобрительным ропотом. Это был шанс, и я, уговорив остальных не расходиться, пошел на второй этаж. Фельдшер Галя хлопотала возле одного из раненых, бинтуя тому простреленную и кривовато заштопанную грудь. Когда я вошел, девушка уже заканчивала и, увидев, кто пришел, вопросительно посмотрела в мою сторону:

– Что случилось, кто-то ранен?!

– Все нормально, доктор. Я спросить хочу, как там наш Семен?

Галя неопределенно пожала плечами, указав на лежащего лицом к стене проводника. Тот сейчас спал, плечи его подергивались, будто он всхлипывал во сне.

– Истерика прошла, но стоит ему увидеть тот свет от зарева, как все по новой.

– Зарева больше нет, все успокоилось.

На бледном, осунувшемся лице фельдшерицы промелькнула тень улыбки. Она, бегло окинув взглядом своих подопечных, быстро выбежала на лестничную клетку и побежала наверх. Про себя я отметил, что даже от радости убежала недалеко, помня про тех, за кем так самоотверженно ухаживает.

Я же подошел к месту, где лежал Семен, и, потормошив его, сказал будничным голосом:

– Сеня! Вставай, скоро выдвигаемся.

Проводник дернулся как от удара и, подскочив на месте, тут же уселся на матрасе. В глазах его бродила тень безумия вперемешку со сном.

– Чего?..

– Дрыхнуть, говорю, хватит, выступать скоро. Гурей приказал будить тебя. Почти сутки дрыхнешь.

Выражение лица проводника сменилось с растерянного на недоуменное. Он робко поднялся с матраса и, привычно лапнув карман штанов, достал оттуда плоскую флягу с затейливым рисунком, изображавшим здорового омара. Свинтив крышку, он опрокинул ее в себя. Но, тут же разочарованно отстранившись, встряхнул емкость, фляга была пуста. Еще бы ей не быть, ибо я перелил ее содержимое в пластиковый бутылек из-под какого-то лекарства, выпрошенный у фельдшерицы.

– Я что, выпил всю заначку?! Да как оно?!

– Само собой, выпил. Как только пришли, выжрал все и ну по дому носиться, песни орать...

Буря эмоций сменялась на лице проводника: от недоумения и стыда до неподдельного горя. Я лишь похлопал Семена по плечу и, поднявшись, указал ему на выход:

– Ну, чего остальным-то сказать? Выходим или как?..

Сама идея убедить подвинувшегося умом человека в том, что сияние ему привиделось, это жестоко. Однако тут, в Зоне, у каждого есть свой талант. По тому, как мы шли до этого момента, я понял, что Семен на самом деле дороги не знает, он ее чувствует. Страх, потрясение – все это нарушило хрупкий баланс его восприятия, и вот получите, распишитесь. Он сам хочет все забыть, вернуться к уже привычному чувству дороги, которая стала его смыслом жизни. Его Счастьем. Проводник вел людей, находил путь там, где его, может быть, и не было вовсе.

– А пока я бегал... пока я спал то есть... ничего странного не происходило?

– Сфинксы заглядывали на огонек, но это сейчас не актуально, их больше нет. Ребята поохотились. Они дурные были, мы легко справились, ты даже не проснулся.

И снова лицо проводника исказилось в гримасе отчаянья. Я было испугался, что перегнул палку, но нет. Повод был теперь совсем иным.

– Ой, так растак! Ты знаешь, сколько за когти этих мохначей на Кордоне дают?! Я ж состояние проспал!.. Не... больше не пью на привале. Но, бля, же как так?!

Он решительно поднялся с матраса и, уже не глядя на меня, вышел из комнаты, гремя ботами по лестнице.

Оттуда я слышал его уверенный окрик:

– Стах, сука! Где мое ружье?! Выходим через полчаса, харе загорать!..

Выйти через полчаса не получилось, как бы ни подгоняли обозников воспрянувший духом Гуревич и терзаемый раскаяньем Семен. Мы с Анджеем помогали фельдшерице укладывать раненых, но девушка все время с нескрываемым удивлением поглядывала в мою сторону. Примерно через час обоз вышел к границам аномалии, и я с сожалением снова вынужден был надеть шлем и маску. Затхлый резиновый привкус напомнил о том, что впереди еще несчитанные километры пути. Но было некое подспудное чувство, что на обратном пути ничего хорошего нас тоже не ждет. Тайком от остальных я передал Гале бутылку со слитой у Семена старкой и занял привычное место в хвосте колонны. Радовало лишь то обстоятельство, что «банка» с ее гнетущей атмосферой и некстати нахлынувшими видениями остается позади.

Сутки или около того мы шли вперед, почти не останавливаясь. Я так говорю оттого, что радиосвязь тут глохла и синхронизацию с закордонным сервером провести не удавалось. Даже короткая связь стала шалить так, что даже на расстоянии двух-пяти метров проще было докричаться друг до друга, чем вызвать по рации. Эфир наполнился мерным низким гудением, сквозь которое невозможно было пробиться. Радиоактивный фон остался прежним, счетчик трещал, но с течением времени и этот звук перестал напрягать. Холмы снова обступили узкую тропу, на которой едва помещались оба фургона. Стены подходили вплотную, иногда бока повозок с противным долгим скрежетом задевали какой-нибудь

особо острый выступ и нам приходилось останавливаться и вручную, очень медленно проводить фургон подальше от опасного края. Светлее не стало, и черно-зеленая картинка, выдаваемая мерцающим от фоновой радиации «ночником», уже воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Иногда я отмечал, что под ногами возникают остатки бетонных плит, о выступающие решетки арматуры которых я пару раз цеплялся протектором ботинка. Ритм марша настолько затянул своей монотонностью, что лишь большим усилием воли мне удавалось не заснуть на ходу. В паре со мной снова был Анджей, но на этот раз я стал замечать, что парень непроизвольно старается держаться неподалеку, чего раньше не было. И вот когда по субъективным ощущениям прошло уже более восемнадцати часов после нашего ухода из-под колпака аномалии, караван встал. От головного фургона к нам прибежал Стах. Подойдя ко мне вплотную и жестом подзвав Джея, он заставил нас встать в круг и прислониться к головам друг друга.

Голос его звучал глухо, но каждое слово звучало отчетливо:

– Сейчас будет поворот! Там раньше пятачок под холмом был, Семен говорит, можно отдохнуть!..

Он снова убежал вперед, и обоз стал медленно выбираться из теснины холмов, поворачивая влево. Тут же ветер усилился, яростно трепля одежду. Темень вокруг разрывали отдаленные всполохи обычной грозы, пошел дождь. Вскоре потоки воды стали падать с неба непрерывно, превратившись в бьющий наискось ливень. Даже трудно было сказать, откуда налетел ураган, стрелка компаса застыла уже давно, указывая на север. Так было со всеми приборами, включая дальномер монокуляра, они либо отключились, либо ввали абсолютно беззастенчиво. Не помогал и рельеф: теперь, насколько хватало глаз, вокруг была ровная как стол степь. Высокая мертвая трава поднималась по обе стороны узкой тропы, и поверх этого моря больше не просматривалось ничего окрест. Однако Семен упорно вел нас вперед, пока справа я не увидел громадину высокой горы. Странной была ее веретенообразная форма, отчего я сразу же вспомнил про Улей. Но одно дело – видеть нечто подобное на снимках и совсем другое – ощущать масштабы и чуждость этого явления на себе. «Веретено» стояло на узком по отношению к своей середине основании, заметно заваливаясь набок. В высоту оно было метров тридцать, вершину едва можно разглядеть. Обоз повернул еще раз, и я понял, что мы идем по земле, сминая сухостой. Тяжелые, набухшие от влаги стебли плохо гнулись, оба наших кучера вынужденно спешили и вели лошадей в поводу. Воды было так много, что вскоре степь превратилась в непролазное болото. Спасали тросы, которыми мы были прикреплены к фургону, с ними идти оказалось не так трудно. Так прошло еще около трех часов, пока вдруг под ногами не появилось ощущение твердой поверхности. Нет, вода никуда не делась, просто теперь мы шли вверх, да и травы больше не попадалось. А еще через некоторое время неправильная гора заслонила весь горизонт впереди. Болото и чавкающая грязь остались позади, и обоз снова шел по удивительно ровной, без ям и выбоин дороге.

Снова прибежал Стах, хотя на этот раз голос его звучал с неподдельной усталостью:

– Сейчас будет легче, еще немного вверх, а там и стоянка...

Поразительно, но куда-то испарились все недоверие и настороженность, которую охранники испытывали к нашему проводнику еще сутки назад. Тот же Стах снова был собран и уверен в себе.

Очевидно, к тому были веские основания, и я поинтересовался:

– Что это за место?

– Гора костяная. Ну или типа того... Внутри вся пористая, пустая, точно знаю, что не камень это. Мы тут были в прошлую ходку на Кордон. Место приметное, гору издали видать...

К подножью горы подошли, уже когда и без того темное небо стало совершенно черным от набежавших низких облаков. Вблизи поверхность горы оказалась изрыта кавернами и полостями разного диаметра. Ветер и поутихший к этому времени дождь лишь иногда захлестывали на небольшую площадку, кем-то основательно утопанную. Никакого

намека на пещеру или дыру подходящего размера я не заметил. Фургоны мы подогнали вплотную к стене таким образом, чтобы те образовали нечто вроде боковых стен. Там возницы растянули большую герметичную армейскую палатку с тамбуром, в которую с помощью электрокомпрессоров стали нагнетать отфильтрованный воздух. Лошадей распрягли и, загнав в довольно просторный тамбур, опрыскали дезинфицирующим составом из баллонов, притороченных до этого времени на крышах обоих повозок. Петря и Никола остались там со своими подопечными, а мы со Стахом и Анджеем, развернув еще одну палатку, но вдвое меньших размеров, обустроили свое временное жилище. Поместиться получилось только троим, но хитрость состояла в том, что двое всегда должны быть в карауле, поэтому большего пространства и не требовалось. Комбезы и оружие после обработки вонючим составом от радиации благоухали так, что слезились глаза, но приходилось полагаться на то, что эта штука действительно помогает. Сам состав превратился в комкообразную массу, которую мы, счистив друг с друга, отправили в специальный контейнер, чтобы затем выставить наружу. Все трое обтерлись спиртовым раствором, так что впервые за все время в пути я почувствовал некоторое облегчение. Белье развесили на специальной решетке, нагревавшейся от газовой плитки. Попутно Джей разогрел три банки перловой каши со свиной, Стах достал из застывшего печенья, а я поделился заваркой зеленого чая. Вскоре в палатке стояло ровное чавканье и урчание. Компрессор справлялся неважно, и вскоре запахи дезинфекции, прелого белья и пищи смешались в один непередаваемый букет. И благодаря этому казалось, что ешь портянки со вкусом жидкости от комаров, приправленные для остроты собственным и чужим потом и черт еще знает чем. Пользуясь свободной минутой, я разобрал и почистил оружие, осмотрел комбез и дыхательную маску на предмет повреждений, но все было в норме. Где-то час я полулежал у стены, опираясь на раму каркаса палатки, и даже ненадолго уснул. Напарники тоже затихли, Джей тихо похрапывал, за что получил по шее от Стаха и тут же затих. Мыслей никаких не было, только сытая тяжесть от горячей пищи. И все же я невольно поздравил себя с верно принятым решением. Фокус с проводником удался уже хотя бы потому, что мы вышли в известный бывалым караванщикам перевалочный пункт, за это можно сказать спасибо Судьбе. Неожиданно ожила моя рация, замигал огонек вызова. Протянув руку, я прицепил ошейник ларингофона и, нащупав в рукаве провод с тангентой, вдел в ухо наушник.

Сквозь спорадические разряды помех я уловил вызов, это был Гуревич:

– ...тиныч!.. Вы... Джей, на ...ишку! Ка... приняли?

– Принял, мы идем.

Повторив отзыв раза три, я поднялся и, попутно толкнув подскочившего на коврике Анджея, знаком показал, что пора собираться в караул. Тот с явно недовольной физиономией покосился на мирно дрыхнувшего приятеля, но все же поднялся. С сожалением я в последнюю очередь надел маску и, когда мы вышли из тамбура, включил «ночник». Все вокруг опять стало двухцветным, что даже настраивало на рабочий лад. Если не можешь чего-то изменить, постарайся обратить это себе на пользу. Жестом показав топтавшемуся возле входа в палатку напарнику на небольшой выступ у края площадки, я пошел в ту сторону, уже не оглядываясь. Оттуда вышла сгорбленная фигура в плащ-палатке, это был Гуревич. Но пока он не махнул правой рукой три раза, как было условлено, я стоял на месте, держа его на прицеле. Шутки шутками, а рейд у нас выдался непростой, и лишняя косяк – это, как правило, верная смерть. Со скалы на тропе спустился Семен, и на его место, немного заартачившись, полез Анджей. Там, на внешней стене скалы, среди множества каверн и мелких дыр была одна ниша, вполне подходящая для дозорного. С моей позиции открывался неплохой обзор на степь вдоль протоптанной нами тропы, но из-за дождевой мороси ничего видно не было уже на расстоянии двадцати метров. Я настоял на растяжках, но те четыре «феньки», которые я выставил по флангам и на тропе, от серьезного нападения не защитят, а мин никто с собой не таскал. Как мне объяснил Гуревич, «они место занимают». Услышав такое от человека, отрекомендованного мне как опытный разведчик, я мысленно выругался и

всю дорогу стерег все действия нашего начальника. Так и в этот раз: о растяжках я его и остальных предупредил, но ничего, кроме кривых ухмылок, в ответ не дождался. В принципе это не так важно, пусть резвятся как хотят, лишь бы не мешали. Первые полчаса все было относительно спокойно, ветер сменил направление и существенно убавил в силе. Дождь стих, уступив место мелкой водяной взвеси, постоянно оседавшей на одежде, смотровых стеклах маски и стволе автомата. Счетчик радиации размеренно трещал, внешний фон все же был изрядным. Несколько раз меня вызывал Анджей, ему постоянно чудилось что-то вдалеке, но, как я ни вглядывался, ничего особенного заметить не удавалось. Караул – место не для праздных размышлений, но, когда сидишь на одном месте без движения, а вокруг унылый и неподвижный пейзаж, невольно начинаешь думать о своем.

Собрав воедино все имеющиеся кусочки мозаики, я стал размышлять над тем, почему обстоятельства сложились так, как сейчас. Вестник шел ко мне, и это означает по крайней мере одно тревожное обстоятельство: Завеса прорвана и некто имеет возможность пройти оттуда к нам, в Зону. Знал ли об этом кто-то еще? Само собой, знал, ведь подстерег же кто-то гонца. И что больше всего беспокоило, этот неизвестный точно знал, где объявится Вестник. Начало комбинации благодаря дошедшему сообщению в общих чертах понятно. Некто проходит в Зону и готовит плацдарм для масштабного вторжения. И самое главное, уже здесь силы вторжения имеют довольно хорошо организованную агентурную сеть. Каким боком тут причастна «Держава», пока до конца не ясно. Может быть, руководство отряда в курсе операции, а может быть, и это почти наверняка, внутри отряда есть законспирированная группа исполнителей. Лицо в видении Сажи было сто процентов человеческое, а раз он выдал моему покойному другу этот недешевый артефакт, то вполне может случиться так, что это и есть агент иномирян. Хотя это, так сказать, вилами по воде, но иметь в виду стоит именно эту морду лица.

Порывом ветра в лицо бросило пригоршню крупных дождевых капель, утихшие было на время небесные хляби снова прохутились. Когда я украдкой отирал смотровые линзы, мне показалось, что вдалеке мигнул и погас белый огонек. Видно было отвратно, но на глаз расстояние около двухсот метров, точнее не определить.

– Джей, свет справа на твои три часа. Удаление – сто-сто пятьдесят.

– ...чего... не вижу... пусто. Сек... чист!

Неужели опять прибор шалит? Хотя при такой радиации и скверной видимости всего можно ожидать. Еще минут пять я вглядывался в том направлении, силясь поймать виденное однажды мерцающее нечто. Но все тщетно, ничего необычного, все та же мертвая степь и темнота. Слегка скорректировав сектор, но не шевелясь, я опять принялся размышлять о недавних событиях, пытаюсь ухватить то самое, ускользающее до сих пор зерно истины. Или хотя бы слабый намек на нее.

Как ни крути, но «Держава» пока остается единственной существенной зацепкой. Итак, этот некто, назовем его пока просто агент, отдает приказ прихватить посланца. Отсюда возникает сразу несколько вопросов, а именно: знал ли он, для кого предназначается весть изначально, и не вытрясли ли при допросе из синего парня все, что он знал? При беглом осмотре я видел следы ранений и ссадины от побоев, значит, не пытали. Это лишний раз доказывает, что исполнителей сыграли втемную, приказав просто поймать и непременно живьем. Буревестник мог знать больше, хотя по виду не скажешь, что именно он был во главе отряда. Он его вел, расставлял посты, проверял состояние пленника, но и все на этом. Думаю, структура отряда была такова: отряду сечевых поставили задачу взять гостя и для этого прислали наемника, знающего местность и имеющего богатый опыт в подобных делах. Тому тоже, скорее всего, описали гостя. Сказали, что взять надо непременно живьем и доставить куда следует. Слоны все еще колдуют над записями с ПДА «свободных», наверняка их маршрутизаторы и логи переговоров что-то прояснят. Так, одна вешка уже есть.

За нами тоже могли следить, ведь именно так можно объяснить тот факт, что именно мы натолкнулись на группу преследователей в глухом уголке Зоны. Я тогда еще подивился, чего они за нами так упорно идут, ведь мы приложили четверых, тут дураку ясно: народ

серьезный. Любой бандит отступился бы, а эти вцепились и шли как привязанные. Скорее всего, агент или его источники в Промзоне заметили время нашего выхода в поиск, и оно совпало с информацией по гонцу. Выслали группу, но те нас потеряли либо сгинули сами. Думаю, что второй вариант самый верный, уж слишком резко они пропали тогда. И вот мы возвращаемся, а группа, взявшая синего парня, тоже пропадает. Но никаких санкций нет, и это скорее странно, чем закономерно. Где-то зияет пробел, вся информация косвенная, большего пока не извлечь.

– ...тон... тиныч!. Два часа!

Обернувшись в указанном направлении, я заметил все тот же огонек. Слабое мерцающее пламя, из-за расстояния похожее больше на булавочную головку. В оптику ничего толком разглядеть не получилось. Дальномер по-прежнему показывал абракадабру, так что судить о расстоянии можно только на глаз. До источника света около трех сотен метров, и это, скорее всего, костер. Электрический свет от источников малой мощности так далеко не просматривается. Связавшись с Гуревичем, я доложил про источник света, но внятного приказа не последовало. Парень только что заснул, а тут я с непонятными огоньками и прочим геморроем. Вскоре альфовец выбрался из палатки, снова облаченный в комбез и маску. Последняя сидела чуть криво, придавая всей фигуре начальства несколько нелепый вид. Я осторожно покинул пост и подошел к сержанту вплотную, чтобы опять не орать по короткой связи. Соприкоснувшись лбами, мы присели возле клапана палатки, и я снова изложил все подробности про огонь в поле. Потом мы вместе ползком пробрались на позицию, и он уже через свой бинокль стал рассматривать никуда не пропавшую точку.

Через какое-то время сержант скатился вниз, присел за камнем возле меня и выдал свое мнение:

– На костер похоже, Антон Константиныч.

В принципе я тоже так подумал, поскольку лучшего объяснения пока точно нет.

Поняв, что от меня ждут собственной оценки, пришлось добавить:

– Похоже на то.

– Как думаете, по наши души кто-то идет?

– Не знаю. Хотя если бы так, костра точно разводить не нужно. Подошли бы тихо, сняли часовых и взяли остальных тепленькими.

Снова переступив с ноги на ногу, Гуревич бросил еще один взгляд в сторону равнины и, поднимаясь на ноги, приказал:

– Нужно выдвинуться в том направлении и разведать. Если это за нами, тут вполне можно укрепиться и держать оборону.

Увидев, что я мотаю головой, он с видимым раздражением снова присел, склоняясь ко мне.

Голос сержанта звучал резко, мои возражения ему явно не нравились:

– В чем дело?!

– Без обид, сержант. Не сердись, просто послушай.

– Хорошо, только быстро.

Медленно подбирая слова, стараясь говорить отчетливо и убедительно, я стал объяснять. Не люблю вступать в чужие дела, но все вполне может кончиться большими потерями, а мне очень нужно было дойти до Одессита.

– Сержант, послушай, разведка, скорее всего, не нужна. Этот огонь далеко, посты у нас выдвинуты максимально далеко от лагеря. Есть пространство для маневра, уйти тоже успеем. Не нужно себя обнаруживать.

– А если они давно за нами идут?

– Тем более соваться первыми – это глупо. Раз не напали до сих пор, значит, либо основные силы впереди, либо это просто слежка. Может быть, тут когорта какая-то обосновалась, а мы на их территорию зашли? А может, это аномалия, и тогда тем более в потемках там делать нечего.

Обычно удается быть убедительным. Но на этот раз что-то не получилось, нужные

слова пришлись не в мозг, а напрямик в сердце нашего командира.

Он просто заупрямился и, снова поднявшись, приказал:

– Пойдет Стах и...

Я тоже поднялся. Решение пришло почти так же быстро, как и ощущение безразличия к дальнейшим событиям.

– Давай я пойду. Хуже не станет, а в случае чего ты потеряешь только одного бойца. Я-то у вас нигде не числюсь, иду пассажиром.

Альфовец махнул рукой в знак того, что не возражает, и на этом все закончилось. Вскоре из палатки выбрался злой и невыспавшийся Стах. Мы с ним пошли вниз по тропе, а сам Гуревич занял мое место на фишке. Охранник шел первым, я замыкал. Пока мы находились на возвышенности, огонек был отчетливо различим. Вынув веревку из кармана дождевика, который Стах носил поверх комбеза, он замерил на глаз положение огня к вершине горы. Способ старый и по-прежнему такой же надежный, теперь мы выйдем к месту назначения, даже не видя его. Ветер опять изменил направление, и теперь резкие порывы кидали пригоршни дождевых капель точно нам в лицо. Трава гнулась почти что до самой земли, и скорости это не добавляло. Раза три пришлось останавливаться и сверяться с ориентирами, одним из которых была гора, а другим – невысокий холм у самой дороги. Идти пришлось без дороги, постоянно лавируя между теми участками, где трава росла не так густо, и теми, где из-за стоящего неколебимой стеной сухостоя пройти невозможно. Видимость упала до десяти метров, а иногда я не смог бы различить ничего даже на расстоянии вытянутой руки. На слух тоже надеяться не приходилось, ибо ветер задувал с таким злобным воем, что слышно было только его. Вдобавок накладывался треск набухших от воды стеблей травы, и в результате мы шли к цели в грохочущем и бурлящем море, которое скрывало нас почти по самую макушку. Сам источник света то скрывался среди травы, то вдруг появлялся где-то впереди. А потом стали твориться вообще странные вещи. Источник света вдруг сорвался с места и свечой взмыл в небо. Затем с той же стремительностью он спикировал вниз и стал быстро перемещаться по полю, закладывая неровные петли и выписывая зигзаги. Мерцающий свет, словно играя с нами, то исчезал, то вдруг появлялся в совершенно произвольной точке пространства. Наконец, выписав невероятной сложности фигуру в небе, он сначала исчез, но спустя пару мгновений вдруг возник у нас за спиной. Стах сначала пытался идти ровно, но потом заметался и вдруг остановился как вкопанный, опустив руки.

Я подошел и, прислонив лицо к его шлему, спросил:

– Видел такое раньше?

Тот помедлил с ответом, руки напарника судорожно сжимали автомат, плечи дергались. Да и вся поза говорила, что Стах боится и всерьез.

– Нет... лешак это нас водит. Пропадем.

Голос охранника дрожал, это было слышно даже сквозь скрадывающую интонации глухоту маски. В лешака я особо не верил, однако эта нечисть вполне могла верить в нас.

Взяв Стаха под локоть, я развернул его в обратную сторону и сказал:

– Пошли обратно, пока еще можем выбраться.

Повернуть – значит не выполнить прямой приказ, однако кружить в потемках без направления, да еще с риском угодить в засаду, еще хуже.

Помедлив немного ради приличия, Стах согласно кивнул:

– Согласен, хрен с ним! Пускай Гурей сам идет...

И в тот самый момент, когда мы оба уже сделали по паре шагов в направлении горы, огонек впереди вспыхнул ярче любого солнца. Пискнул и выключился мой «ночник», Стах громко вскрикнул, и я увидел впереди за кустами сгорбленную фигуру. Напарник и я отреагировали мгновенно, однако произошло совсем не то, чего я ожидал. Секунду назад стоявший словно истукан охранник вдруг, бросив оружие, обхватил руками голову и с жутким воем повалился на землю. Крик его был настолько силен, что пробивался даже сквозь вой неутрахающей непогоды. Вскинув автомат, я силился поймать фигуру в прицел, но

нахлынувшая волна тошноты и слабости заставила ослабить хват. В глазах двоилось, сердце бухало с интенсивностью парового молота, стремясь проломить виски и вырваться на свободу. Мозгоед!.. Только эта человекоподобная тварь способна сначала завлечь жертву, сломить ее волю и поработить сознание. Я стоял на ногах только благодаря приобретенным в племени способностям. Нападавший этого не мог знать, потому, видимо, импульс пси-поля был рассчитан на обычного человека. Стах все так же выл, вонзив пальцы рук в землю и раз от раза все сильнее прикладываясь головой. Тварь, видя, что я все еще стою на ногах, усилила напор излучения, теперь уже сконцентрировавшись только на мне. В ушах зашумело, голова словно бы заполнялась колючей стекловатой. Но я больше не пытался увидеть противника, просто закрыл глаза и сел на землю.

Узор паутины замерцал ярко-алым, мозгоед пытался блокировать и чувственный диапазон тоже, но мне удалось нащупать его ускользающую тень на грани восприятия. Тварь была очень старой и обитала здесь долгое время. Отголоски мыслеобразов тянулись за зыбкой фигурой, блуждающей среди полыхавших алым светом нитей. Много было смутно, некоторые картины поражали своей фантазмагорической бредовостью настолько, что разобрать что-то конкретное не получалось. Но были и понятные, довольно отчетливые. Сначала тварей было три. Их забросило сюда случайно, в момент перехода одного пласта реальности в другой. После того как паника улеглась, они, быстро освоившись, стали охотиться на все, до чего могли дотянуться. Сила их была велика, люди, животные и гости из других миров – никто не смог оказать сопротивления. Потом пришли Ткачи и для доказательства своей силы убили одного из троих, поработив остальных. При упоминании хозяев ткани Вероятности мой оппонент испытывал невероятно сильную смесь ужаса и ненависти. Волна, сотканная из этих чувств, нахлынула с такой интенсивностью, что в какой-то момент я едва не потерял контроль над собой. Что случилось потом, в видениях показывалось очень путано, разобрать ничего не получалось. Однако я понял, как можно вывести существо из равновесия. Сконцентрировав оставшиеся силы, я вызвал в памяти образ того единственного Ткача, с которым довелось сражаться на станции. И как только образ возник, сеть дрогнула, нити замерцали и начали терять цвет. Тень противника заметалась, почуяв знакомый образ, мозгоед пытался спрятаться еще надежнее. Но страх перед бывшим хозяином был настолько велик, что все случилось с точностью до наоборот. Нити Вероятности снова обрели зеленовато-мертвенный цвет, а фигура твари, пытавшейся сожрать наши со Стахом мозги, вдруг появилась в десятке шагов впереди. Я бестрепетно вынул пистолет и три раза выстрелил мозгоеду в голову. Из-за плохой видимости и завываний ветра ничего расслышать не получилось, но жуткий ментальный всплеск боли я получил такой силы, что едва не выпустил оружие из рук. Силуэт дернулся и пропал в тут же сомкнувшихся над ним стеблях сухостоя. Спрятав пистоль в кобуру, я огляделся вокруг. Стах лежал в двух шагах слева, свернувшись клубком. Подтянув «коврушу» к себе, я поднялся с земли и пошел туда, где упал мозгоед. Он лежал ровно там, где я и ожидал его найти, в десятке шагов впереди. Погасив «ночник» и вынув небольшой фонарик, я, бегло осмотрев тело, вынул нож и отрезал твари голову. Во рту ощущался привкус крови, невероятно хотелось сплюнуть тягучий сгусток соленой слюны, преодолев рвотный позыв, пришлось сглотнуть. В ушах стоял противный писк, дыхание сбилось и шло с каким-то противным посвистом на выдохе. Отшвырнув голову неудачливого любителя чужих мозгов как можно дальше от тела, я побрел обратно. Напарник уже стоял на карачках, слепо шаря по земле вокруг себя. Подняв охранника на ноги и прихватив с земли его «чебурашку», я сориентировался на местности, и мы пошли к лагерю.

Мозгоед водил нас кругами, стараясь заманить как можно глубже в заросли, где, скорее всего, у него берлога или нечто вроде столовой. Раньше мне приходилось видеть отчеты групп исследователей, нанимавших вольных старателей для разведки мест обитания разных существ. Мозгоеды не едят там, где живут. Обычно они оборудуют одно или два временных убежища, где сначала мучают своих жертв, а потом поедают их, иногда еще живых. Сейчас он увел нас довольно далеко от дороги, но очухавшийся Стах быстро нашел ориентиры, и

вскоре мы вернулись на свою проторенную колею. Напарник теперь шел сам, все еще пошатываясь. Время от времени нам приходилось останавливаться, тварь словно бы высосала все оставшиеся силы. В какой-то момент я настолько был затянут ритмом ходьбы, что пропустил появление твердой утоптанной земли под ногами. Тут Стах снова махнул рукой, и мы остановились на очередной привал. Ветер не утихал, швыряя в нас редкие капли почти полностью прекратившегося дождя.

Приблизив свою голову к моей, напарник спросил:

– Как ты его увидел? Я даже близко не понял, где этот черт сидел.

Отвечать на такие вопросы не мое любимое занятие. Вот скажи я про паутину, про всякие пси-поля и прочее, что подумает обычный трудяга, пускай и живущий в таком непростом месте?

Поэтому я просто свернул с темы, ответив как обычно:

– Повезло... наверное, опять просто повезло. Пошли дальше, хреновая вахта вышла.

Мы поднялись и вскоре уже вошли в лагерь, где встречать нас собрались все, кроме, пожалуй, Петри, которого, как я успел заметить, ничего, кроме лошадей и энергетических напитков в жестянках, не интересовало. Нас обступили, со всех сторон послышались вопросы. Общий смысл их, конечно, крутился вокруг природы того самого огня, который пропал почти сразу, как только мы отошли от лагеря на приличное расстояние. Стах, при моем молчаливом согласии, взял все внимание на себя и принялся повествовать про страшного мозгоеда-из-кустов. Я махнул рукой столпившимся обозникам и, потихоньку проскользнув в палатку, после процедуры дезактивации сразу же присел возле навивавшей спокойное тепло сушилки. В общем чайнике было на треть остывшего чаю, который я вылил в припасенную на такой случай эмалированную кружку и стал пить маленькими частыми глотками.

Шум снаружи, не утихая, переместился в палатку. Но я в общей беседе участия не принимал, сославшись на усталость. Никто особо не возражал, ведь Стах рассказывал все в лицах и припоминая такие подробности, коих я, честно сказать, не упомяну. Мысли опять вернулись к инциденту с мозгоедом лишь в тот момент, когда Никола спросил, куда делась голова существа.

– У этих тварей два мозга, как у динозавров. Один головной, а еще один справа, под сердцем. Если голову не отрезать, мозгоед регенерирует через сутки, может, чуть позже. Поэтому башку я отфутболил, встать бы он так и так не смог.

Галдевшие на разные голоса обозники вдруг притихли, Галя, даже побледнев, приложила ладошку ко рту, прикрыв его. Не понимая, в чем дело, я, пожав плечами, снова прислонившись к стене палатки, принялся за чай. Лишь немного погодя до меня дошло, что говорил я своим обычным, немного резким полупшепотом, забыв добавить интонаций. Получилось слегка враждебно, хотя и в мыслях не было кого-то пугать. Все тихо разошлись по своим делам, стало относительно тихо. Ветер снаружи крепчал, немилосердно трепля ткань палатки и ведя со степью только им понятный разговор. Мне всегда нравилось слушать его, да еще, может быть, шорох дождя. Но тут, в этом непонятном месте, даже ветер и дождь были враждебны и до крайности странны. Здешняя музыка имеет свой извращенный ритм, слушая который не уснуть и даже на секунду не расслабиться.

Так прошло еще часа два. Вскоре Семен подошел к палатке и заорал в тамбур, что всем нужно собираться, нужно сворачивать лагерь. За все это время Гуревич ни разу не подошел ко мне, кажется, сержант всячески избегал оставаться со мной наедине. Чтобы в дальнейшем не возникало разногласий, я подошел к нему сам. Альфовец прикручивал свернутую уже палатку к навесному багажнику первой повозки и был один. Случай как нельзя более подходящий. Выяснить отношения на виду у всех – последнее дело. Что бы ни случилось, авторитет командира страдать не должен. Подойдя вплотную, я кивнул в знак приветствия и жестом пригласил сержанта подойти. Тот нехотя оставил свое занятие, и мы присели возле переднего правого колеса повозки. Времени у нас было минут пять, пока Джей и Петря колдуют над упряжью второй повозки.

Сразу взяв деловой тон, я сказал:

– Сержант, я не в обиде на твое решение. Между нами все равно.

Тот долго молчал, лишь махнув рукой в знак того, что понял мои слова.

Я совсем было собрался идти, как Гуревич, удержав меня за локоть, вдруг быстро и сбивчиво заговорил:

– Правила не я придумал... всегда ходили, всегда были проверки. Сколько раз впустую, иногда на засаду нарывались. Взводный все равно отправляет. Так надо... так правильно. Ненавижу это!..

Понятно, парня трясет всю дорогу. Только он это неплохо скрывал, а я не обратил внимания. Но если сейчас сказать, как реально было дело, лучше никому не станет. Любой приказ, любое действие командира проистекают из опыта, из тех знаний, которые он получил. Гуревич неверно толкует чужой приказ, считая его такой же бессмыслицей, как тот, что отдал нам. Просто выучка в данном случае обогнала личные наработки по обстановке. Парень еще не до конца разобрался, когда следует то или иное действие, и просто ошибся. И хорошо еще, что эту ошибку пережили все, в том числе и он сам.

– Ты у нас командир, сержант. Приказ есть приказ, его надо выполнять. А бремя командира – это ответ за последствия. Ты действовал быстро, принял решение по обстановке. Только в следующий раз попробуй просчитать ситуацию и последствия до того, как откроешь рот.

Ответом мне было лишь напряженное сопение. Сжав руки в кулаки, Гуревич сидел на корточках, прислонившись спиной к борту фургона, и смотрел себе под ноги.

Я уж было собирался уходить, когда он, неожиданно повернув ко мне голову, спросил:

– А если не получится угадать... не выйдет сделать правильно?

– Тогда есть два выхода. Первый, это когда ты снимаешь погоны и идешь в рядовые. Тут думать не надо, только быстро исполнять чужие приказы. Но тогда есть риск погибнуть одним из первых. Второй, это когда ты учишься жить с последствиями и в следующий раз все же верно оцениваешь обстановку. Чаще всего командир выживает. Выбирай, оба варианта имеют свои плюсы и минусы. Тебе решать, как оно будет дальше. Но знаешь что, сержант? Доведи нас до пункта назначения, а потом кисни. Сейчас не очень подходящее время для самокопаний, соберись, лады?

Сказано было резко, пускай и без особого ожесточения. Кто я такой, чтобы учить взрослого человека, командира, как ему жить и как воевать? Но в этом вся соль, иногда совет нужен даже тем из нас, кто по своему положению вроде бы должен знать и уметь все на свете. Радиосвязь ненадолго улучшилась, возможно, это было связано с тем, что небо немного расчистилось и иногда в просветах меж плотными слоями облаков проглядывала луна. К нам подошли Семен с Николой, возница сразу же, взобравшись на козлы, щелкнул вожжами, и повозка тронулась с места.

Проводник пошел рядом с лошадьми и, не оборачиваясь, крикнул в общем канале:

– Пошли! Вперед потихоньку!..

Гуревич остался впереди, а я опять пошел к своему законному месту. Идти стало значительно легче. «Ночник» отлично усилил те крохи лунного света, которые нам перепали, и видимость увеличилась метров до ста. Дождь утих, ветер сменил направление и сейчас дул нам в спину. Обоз еще немного проехал по проторенной им же колее, а потом проводник повел нас извилистым зигзагом, прямо по нехоженой степи. Отдавая ему должное, следует отметить, что трава на пути попадалась тонкая, а значит, более податливая. Так мы шли часов шесть, иногда меняясь с Анджеем, запрыгивая на козлы к Петре, который только бубнил что-то в маску и на окружающее его уныние не обращал ни малейшего внимания.

Степной океан кончился так же неожиданно, как и возник двое суток тому назад. Теперь мы снова шли меж вздыбившихся холмов с поросшими чахлым леском плоскими вершинами. Вскоре я стал замечать, что чего-то в общей обстановке сильно не хватает, и когда стало понятно, чего именно, то хорошее настроение сдуло как ветром. Замолк счетчик

радиации, его треск перешел сначала в мерное пощелкивание, а затем стихло и оно. Я обернулся к напарнику, жестом указал на коробочку прибора и провел ребром ладони себе по горлу. Затем, спохватившись, что связь вроде бы наладилась, попробовал вызвать его на общей волне, но чуть не оглох от ворвавшегося в уши визга помех. Однако Джей сам подошел ко мне и взмахами рук показал, что нужно снова сойтись лбами.

– Не снимай маску! Тут всегда так... Но это хорошо, скоро будет спуск под гору, а там уже будет виден виадук и все наладится! Мы почти пришли!

И я было поверил, вопреки неприятному шевелению где-то в районе желудка. Некое предчувствие нового подвоха настолько сильно захватило, что, кроме ощущения близкой западни, ничего не приходило на ум. Но вокруг все так же мерно плыли холмы, даже луна скрылась за тучами, и ветер с новой силой стал пригибать тонкие деревца на сопках почти к самой земле. Так, в напряжении и полной тишине, прошло еще около часа. Холмы плавно закончились, уступив место ровному отрезку обычной шоссейной дороги с совершенно прозаическим, потрескавшимся от времени и непогоды асфальтом. Темнота постепенно уступала место предрассветным сумеркам, хотя нельзя наверняка сказать, сколько времени действительно прошло. Вскоре рассвело, «ночник» можно было выключить. Хотя видимость по-прежнему была так себе: откуда-то с равнины стал выползать белесый, плотный туман. Вскоре все заволочило настолько, что дорога просматривалась в обе стороны едва-едва на полсотни метров. Туман двигался неспешно, но невероятно прихотливо, словно огромное живое существо. Ничего хорошего такое поведение не сулило, я внутренне напрягся, приготовившись к самому худшему. По тому, как резко остановилась первая повозка, а следом за ней и наша, стало понятно, что все же предчувствие и на сей раз меня не подвело, впереди ждет новый сюрприз.

Джей подошел ко мне и, выразительно кивнув в сторону головного фургона, попросил сходить и узнать, в чем причина остановки. Окинув обе стороны дороги и не заметив там ничего особо примечательного, я пошел вперед и вскоре увидел то, что послужило причиной внеплановой остановки. Гуревич, Стах и Семен стояли в двух шагах перед фургоном и молча смотрели на открывающуюся картину. Дорога, шедшая снова под уклон, заканчивалась примерно через пятьдесят метров впереди. В оптику я увидел нечто странное, но не необычное для здешних мест. За туманом угадывались очертания искусственных построек, а за участком, где обрывался асфальт, просматривался край железнодорожного полотна.

Увидев меня, Гуревич указал на открывшийся пейзаж и спросил:

– Не хило, да? Что теперь скажете, Антон Константиныч?

Что можно сказать, если и сам видишь подобное впервые? Однако следует говорить спокойно, ведь если и есть дорога на Кордон, то она, без сомнений, где-то впереди.

– Это «белый шум», тут даже сомневаться не приходится. Я ходил через такой, могу первым пойти. Думаю так, что надо спешить, покуда светло.

– Да уж придется! Так и так в обратку уже не повернуть.

Если бы не маска, то, скорее всего, на лице альфовца проступила бы саркастическая улыбка. Да и вся его поза говорила о том, мол, он-то предупреждал, а теперь сами виноваты. Но вдруг помощь пришла с неожиданной стороны.

Стоявший до этого момента без движения Семен вдруг обернулся к нам и без всякой интонации сказал:

– Дорога там есть, вижу, что можно пройти. Только надо быстро, там что-то такое... Пошли, я проведу вас.

Гуревич снял с плеча пулемет и, демонстративно громко клацнув рычагом затвора, занял свое обычное место впереди. Но Семен сделал то, чего никто не ожидал. Проводник замахал на сержанта руками, вынудив его и Стаха отойти на несколько шагов назад.

– Там идите, я один поведу, вы только мешать будете. – Затем, сняв с плеча карабин, он мерным неторопливым шагом пошел вперед, попутно бросив в рацию на общей волне: – Пошли. Только за мной, след в след. Как остановлюсь, вы тоже не зевайте.

Обоз, замерший было перед самым обрывом обычной твердой земли, медленно пошел

вперед, втягиваясь в полосу белесой пелены, покрывавшей все вокруг плотной и почти непроницаемой завесой. Я передвинул флажок предохранителя в положение автоматической стрельбы и ободряюще махнул стволом топтавшемуся в нерешительности Анджею. Что бы там ни было впереди, пусть оно случится поскорее, так даже лучше.

Когда опасность становится частью повседневной жизни, она перестает будоражить нервы, как раньше. И какой бы вид она ни принимала, того волнения и прилива адреналина вызвать уже не в состоянии. Поэтому сейчас каждый шаг по внезапно возникшему у нас на пути куску земли вызывал лишь обычную настороженность. Как и всегда, удивительное не выглядело особо примечательным: вынырнувшая из ниоткуда территория, судя по характеру построек, была частью какого-то заводского комплекса. Туман не давал разглядеть все в подробностях, пока мы шли вдоль перрона по узкоколейным железнодорожным путям. Немного все увиденное напоминало исчезнувший полгода назад цементный завод на Промзоне. Там тоже была своя железнодорожная развязка и куча складов. Но в том-то и дело, что сходство было чисто внешним, так делает хамелеон или другой хищник, который не хочет гоняться за жертвой. С «белым шумом» всегда одна и та же история – вещи тут не то, чем кажутся на первый взгляд.

Примерно час с небольшим ничего не происходило. Фургоны шли ходко, насыпь практически не была захлавлена обломками и мусором. Только однажды нам пришлось объехать поваленную опору электропередач, которая перегородила основной путь. Датчики аномалий сдохли, как и остальная аппаратура. Радиосвязь вытворяла такие странные фокусы, что пришлось ее отключить. В эфире постоянно слышались оживленные переговоры на непонятном языке. Радиочастоты были буквально забиты непонятным разноголосым бормотанием. Часто слышалась незнакомая странная музыка, отдаленно напоминавшая симфоническую. При этом мы не могли расслышать друг друга даже на запасных частотах. Поэтому Гуревич распорядился рации выключить и общаться только жестами. Люди нервничали, Стах пару раз стрелял по сторонам, объясняя, что видел, как среди длинных пакгаузов перемещаются низкорослые серые фигуры. Первый раз его просто отmaterил альфовец, но когда заливистая очередь из стаховского «чебурашки» сыпанула вдоль левой стороны дороги, Гуревич приказал остановиться. Подозвав меня, сержант молча указал в ту сторону, куда стрелял охранник. Ничего особенного я там не видел: «ветка» колеи там делала поворот и скрывалась среди стоящих на путях вагонов.

Мы присели за нашим фургоном, и альфовец спросил:

– Антон Константиныч, это может быть засада?

– Вполне. Но сейчас мы в таком месте, что я бы на это не поставил.

– Тогда что это за... существа?

– Скорее всего, там никого и не было. Тут всегда так: что покажется одному, всегда спрячется от другого, даже если они стоят рядом и смотрят в одном направлении.

После некоторой заминки сержант все же выпрямился и с плохо скрываемым волнением приказал:

– Нужно выдвинуться на левый фланг и осмотреть. Далеко отходить не надо, просто проверить на предмет следов. Пойдут Анджей и вы, Антон Константиныч. Держитесь на открытой местности, я буду прикрывать. Задача ясна?

Я просто молча перехватил автомат поудобнее, а Джей что-то забубнил в маску и вдруг присел в шутовском книксене. Гуревич показал парню кулак, а потом дал отмашку в направлении поворота. Придержав напарника за ремень, я показал, как лучше пойти.

– Джей, если там что-то есть, то, скорее всего, они за поворотом. Идем уступом влево, ты впереди, я прикрываю. Если чего увидишь – падай и откатывайся в сторону, ищи укрытие. Как начну стрелять, ползи назад.

Низкорослый поляк кивнул и, выставив двустволку перед собой, пошел вперед, осторожно перешагивая через рельсы. Я двинулся следом, стараясь не упускать его сгорбившуюся спину. Сама по себе идея проверки не слишком отличалась по оригинальности от той, что случилась с нами не так давно у костяной горы. Тем более тут,

где вообще в сторону от безопасной тропы лучше не делать ни шагу. Джей дошел до края перрона, где на путях стоял целый состав из десятка вагонов, тянувшихся, подобно змее, до самого поворота. Там они исчезали в туманной дымке, и дальше ничего разглядеть не получалось, как я ни старался. Напарник взобрался на перрон и, пройдя вдоль него в обе стороны, махнул рукой в знак того, что все чисто. Я взобрался следом, и мы пошли в сторону забетонированной узкой дорожки, которая была выше путей. Она шла мимо трех приземистых складов, за которыми открывалась обширная автостоянка, упиравшаяся в скелет недостроенного трехэтажного дома. Катастрофа застала строителей на той стадии, когда уже залит фундамент, возведены основные несущие балки и перекрытия, даже лестничные пролеты. Но подробно там ничего рассмотреть не получалось, туман опять скрывал все. Дорожка упиралась в невысокую стену надстройки, которую Джей не колеблясь форсировал, взобравшись на нее с ходу и спрыгнув немного дальше. Я тоже полез следом, оказавшись на крыше какой-то будки, с которой поспешил тут же убраться вниз. Торчать на открытом пространстве без нужды – это глупо, в городе либо замираешь в укрытии надолго, либо беспрестанно движешься.

Мы двинулись по парковке вдоль путей, осматривая все, что может выдать недавно прошедшего тут. Все выглядело брошенным уже давно, никаких следов пребывания живых я тут не увидел. Мы уже дошли до середины парковки, когда Анджей вдруг остановился на месте и, вскинув руку, привлек мое внимание, указав стволом ружья перед собой. Я подошел, при этом внимательно осматриваясь. Но вокруг стояла все та же глухая тишина, что и обычно. Дойдя до напарника, я присмотрелся к тому месту, куда он указал. Тут определенно кто-то проходил: меж двух вагонов я увидел обрывок ткани от научного комбеза ярко-оранжевого цвета, а чуть дальше валялась оторванная человеческая нога. То, что это была именно нога, а не выброшенная кем-то рванина, было видно с первого взгляда. На стенах вагонов я увидел темные бурые пятна, словно кого-то втянули туда с большой силой. Я подошел вплотную и, сняв обрывок ткани, присмотрелся. Он тут довольно давно, цвета уже поблекли от непогоды, грязь въелась в те места, где ткань цеплялась за железные скрепы стены вагона. Месяц, может быть полтора тут лежит. Махнув напарнику, чтобы прикрывал, я полез в карман штанов и, достав оттуда «волчок», метнул его так, чтобы он пролетел над останками и упал неподалеку. Шарик, описав в воздухе невысокую дугу, прошел в метре над останками и, ударившись о землю, прокатился еще пару метров. Потом зонд замер на месте, не шелохнувшись. Цвет его прозрачной части остался матово-белым, значит, известных аномалий кругом не было. Я полез следом на противоположную сторону и, присев возле ноги, внимательно все осмотрел. Кто-то схватил беднягу еще на той стороне, протасил через прореху меж вагонов. Видимо, за эту ногу и тащили, раз она вырвана по самое бедро. Оглядевшись, я понял, что сейчас мы в пятидесяти метрах от каравана, разделенные двумя рядами вагонов. Один из них тянется вперед, насколько хватает глаз, а второй сворачивает влево ровно от того места, где я стою. По привычке глянув на компас, встроенный в ПДА, я снова выругался про себя – экран компьютера все так же покрывала серая рябь помех. Пришлось достать обычный лист бумаги и огрызок карандаша. Вскоре появилась приблизительная карта местности, хотя точность, само собой, аховая, но это все же лучше, чем ничего. Семен вел нас по одному из путей, который был относительно незахламлен. С правой стороны его подпирали какие-то заводские цеха, отделенные от дороги бетонным забором и одноэтажными надворными постройками, стоящими сплошной стеной. Пройти к цехам с «железки» не получится, по крайней мере пока. Слева все заставлено вагонами, обоз там не пройдет, так что выбор не слишком большой.

Подобрав «волчок» и положив датчик аномалий в подсумок, я жестом позвал Анджея к себе, чтобы продолжить осмотр путей.

Тот проворно подлез под днище вагона и, присев рядом, спросил:

– Остальное-то где?

– Пошли посмотрим, след есть.

Мы снова двинулись вдоль вагонов вперед, следуя за прерывистой полосой бурого

цвета. Метров через двадцать след прервался у широкого съезда, ведущего сначала к узкой заасфальтированной двурядной дороге, нырявшей в подземный тоннель перехода.

Джей остановился перед темным провалом въезда в тоннель и, подождав меня, снова спросил:

– Можно подсветить шашкой? У меня осталась пара штук.

– А ты уверен, что мы справимся с тем, кто ползет на свет? Пошли обратно.

Но парень вел себя странно, видимо, пока ничего не произошло, чувство опасности притупилось и бродягу потянуло на риск.

– Может, найдем чего ценного?

– А может, нас кто-то найдет, или там очаговая радиация, или «божья коровка» вдоль стен обосновалась?

Услышав последнее предположение, парень ощутимо занервничал, даже отступил на два шага назад. Оно и понятно, «коровка» – это одна из тех новых аномалий, которые появились сразу после ухода Обелиска и многих иномирян. С виду просто ржавая плесень с неровными черными вкраплениями. Образуется на стенах, деревьях и даже опутывает целые поля. Ее можно обойти, но если подошел на расстояние вытянутой руки – пропал. В сторону человека или любого живого существа «божья коровка» выстреливает тучу спор и отростков. Споры пробивают любой фильтр и размножаются с ураганной скоростью. Отростки опутывают так, что двинуться невозможно. И через пару секунд аномалия пожирает быстро разлагаемую спорами органику. То, что остается, тоже несет на себе неистребимые даже огнем споры и для вторичного использования не годится. Многие сгнили заживо, позарившись на чужое оружие или предметы снаряжения.

Потоптавшись немного, Джей с явной неохотой повернул обратно, и мы пошли к той линии вагонов, сквозь которую пролезли сюда. На сей раз мы попали в узкое пространство между высоким бетонным забором и вагонами, за которыми, видимо, было нечто вроде складских помещений. Но на выяснения уже не осталось времени, мы и так удалились от обоза на порядочное расстояние. Пройдя еще метров десять, мы снова вышли к парковке, но с противоположной стороны. Теперь от перрона нас отделял скелет здания и какой-то пустой цех. Безопаснее пройти под стенами скелета, хотя это вдвое дальше, но в нашем положении выхода нет. Стараясь идти вдоль наружной стены, мы двинулись через заросшую невысокой рыжей травой стройплощадку, держа пути слева, а пустующий цех с сорванными с петель воротами по правую руку. Вдруг Джей остановился, предостерегающе подняв руку. Я осмотрел все вокруг, но ничего подозрительного не заметил. Хотя из-за тумана трудно что-либо различить на дальнем расстоянии, но метров на двадцать все просматривалось неплохо. Напарник бросил вперед свой «волчок», но тот просто описал дугу и хлопнулся об асфальт в нескольких метрах впереди. Обернувшись ко мне, Джей сделал жестом знак «прикрой» и вдруг быстро побежал вдоль стены, пока наконец не скрылся за выступом забора, отделявшим стройплощадку от путей. Прокляв чужую жадность, я тоже поспешил следом. Особого выбора поляк мне не оставил, идти можно либо вперед, либо поворачивать обратно. Говоря о жадности, я имею в виду, конечно, «волчок». Штука эта не то чтобы дорогая сама по себе, их продают в любой лавке, даже самому сделать труда не составит. Вся суть в начинке, которая добавляет цену этого нехитрого датчика аномалий. Схема у него проста: болт в качестве оси, две полусферы из ударопрочного матового пластика и кусок ики. Это бледно-серая, по консистенции напоминающая мох субстанция, которая растет везде в Зоне. Она безвредна и сама по себе никакими полезными свойствами не обладает. Назвали ее так из-за одного бродяги, который якобы наелся икой до глюков, хронической икоты и суточного поноса. Так было, пока за дело не взялись Алхимики и не вывели одну особенность серой гадости. Ели заключить ику в контейнер, который я описал выше, и бросить в любую невидимую или зримую аномалию, он мало того что не уничтожится, он будет светиться. Чем ярче свет, тем опаснее ловушка. Мох как бы запоминает свойства аномалии и создает отталкивающий импульс. «Волчок» зависает в аномалии и сам выскакивает за ее границы. А если снова пройти мимо подобной ловушки достаточно

близко, он может засветиться, даже кидать не понадобится. Я слышал, что есть датчики, которые помнят десятки видов самых разных ловушек, но мне такие не попадались, владельцы их берегут как зеницу ока. Видимо, Джей своим «волчком» реально дорожил, раз понесся за ним сломя голову.

Вдруг один за другим бахнуло два ружейных выстрела, где-то впереди слева взвизгнула картечь. Я, едва успев выбежать из-за стены на открытое место, увидел, как мой напарник, опустив ружье и схватившись руками за шею, борется с накинутой на нее петлей. А тот, кто ее метнул, сидит на крыше вагона и злобно шипит. Дальше все случилось очень быстро, хотя для меня все растянулось во времени подобно тому, как это обычно случается в бою. Я уже вскинул автомат к плечу и, поведя стволом, поймал человека в прицел, когда осознал, что это нечто иное. Особой статью существо не отличалось: гладкая чешуйчатая серая кожа, длинные пятипалые руки, босые ноги с широкими ступнями и невероятно длинными, как у обезьян, пальцами. Но самое неестественное – это голова. Безволосый череп, ощутимо вытянутый к спине, безглазая морда на короткой шее, две трети которой занимала пасть. Усеянная сплошным ковром из крючковатых желтых клыков, она открывалась во все стороны, словно лепестки уродливого цветка. А из глотки в сторону моего напарника тянулся вовсе не аркан, а длинный язык, усеянный такими же, как в пасти, зубами. Тварь уперлась всеми четырьмя конечностями о крышу вагона и с видимым напряжением тянула Джея к себе. Я прицелился и послал в голову «серого» три пули. Тот, вздрогнув всем телом, повалился вперед, напарник, тут же рухнув на колени, принялся отдиравать от шеи намертво прилепившийся язык существа. Я подбежал к надсадно хрипящему парню, одновременно осматриваясь вокруг. Перед вагонами на нашей стороне было пусто, очевидно, «серый» пришел с той стороны. Туман рассеялся настолько, что впереди стали различимы заводские корпуса, отстоящие от нас примерно метров на сто пятьдесят или двести. Присев возле брыкающегося на земле напарника и прижав его коленом, я принялся срезать захлестнувший ему шею язык непонятного существа. Сама тварь валялась без движения, но сперва Анджей. Язык оказался настолько прочным, что даже моим ножом, спокойно режущим стальной лист, его удалось отделить лишь спустя пару минут. Клыки не прорвали плотную ткань костюма, а один даже обломился, попав в соединительный металлический обруч воротника. Хотя по характеру царапин было видно, что я успел вовремя.

Хрипя и глухо, отрывисто матерясь на родной мове, Анджей поднялся на ноги и, подобрав ружье, принялся оправдываться:

– Оно «волчок» схватило и шасть на соседнюю вагонную крышу. Я стрелять, а оно... переместилось. Шустро скачет по стенам, как...

Я уже опустил автомат, кем бы ни было это существо, собратья его явно мстить не собирались. Я вынул монокуляр и принялся осматривать окрестности. Тварь пришла из-за путей, как раз оттуда, где что-то увидел Стах. Они шли за караваном параллельно, укрываясь за вагонами. И вот одна напала. Что-то еще в этой ситуации было неправильно. Подсказка была перед глазами, но из-за своей очевидности соль произошедшего ускользает.

Не отрывая глаз от оптики, я подсказал поляку аналогию:

– Как обезьяна...

– Твоя правда, похожа... издали.

Должно быть что-то еще. До рези в глазах я всматривался в окрестности, но туман, словно издеваясь, смыкался в непроглядную завесу. Иногда видимость улучшалась, но это были какие-то доли мгновения, за которые трудно ухватить большинство деталей. И вдруг, когда я осматривал внешнюю металлическую лестницу на уровне, близком по высоте к пятиэтажке, там во весь рост поднялась невысокая фигура с характерным силуэтом. Это, несомненно, был человек в защитном комбезе неизвестной системы, с полуавтоматической снайперской винтовкой в руках. Оружие было обмотано камуфляжными накладками, так что марку я с такого расстояния не смог определить. Заметил только характерный выступ секторного магазина, сошку и длинную трубку оптического прицела. Тем временем стрелок

медленно вскинул оружие и направил его в мою сторону. Инстинкт заставлял метнуться в укрытие, но стрелок повел себя странно. Убедившись, что я смотрю точно в его направлении, человек высвободил кисть рабочей руки, которой жмут на спуск, и слегка отвел ее в сторону. Долгий миг мы смотрели друг на друга, пока его силуэт не растворился в набежавшей вновь туманной дымке. Не говоря больше ни слова, я спрятал оптику в чехол и пошел к трупам обезьян. Тварь лежала ничком, раскинув непропорционально длинные руки в стороны. Я вынул пистолет и для проверки еще три раза выстрелил в разные точки на теле существа. Обезьяна дернулась, но это были только конвульсии. Перевернув тело, я убедился в правильности своих подозрений. Все три моих пули прошли мимо, тварь убил единственный меткий выстрел в голову, пришедший с противоположной от моей линии огня стороны. Пуля прошла навывлет, разнеся обезьяне череп. Поручиться не могу, но, скорее всего, существо было мертво в тот момент, когда падало с крыши вагона. Стрелок, помахаивший мне рукой, опередил мой первый выстрел на самые важные доли мгновения. Мы бродили в «белом шуме» не одни, призраки снайперскими винтовками не пользуются. Или нет?..

– Ы-мм!

Джей успел перебраться вниз, только он смог бы протиснуться в ту узкую щель, которая отделяла эту часть перрона от путей. Я два раза грохнул прикладом автомата в металлическую стену и побежал в обход так быстро, как только мог. Если этот придурок опять нарвался, клянусь, что убью его своими руками, после того как вытащу.

– Ы-ым!..

Всегда есть место удивлению, но на сегодняшний день первое место определенно осталось за открывшейся мне на перроне картиной. Вдоль вагонов, ровно напротив того места, где мы были десять минут назад и столкнулись с непонятным существом, лежало в разных позах еще четыре таких твари. Анджей стоял там, где вылез из-под вагона, выставив перед собой так и не перезаряженную двустволку. Подойдя ближе, я ухватил ружье за ствол и с силой опустил его вниз.

Наклонившись к напарнику, я отчетливо сказал:

– Джей, они дохлые!.

– Т-только перелез!.. А они уже тут!

Приподняв парня за плечи, я с силой потрянул его, для того чтобы прекратить истерику. Подействовало вроде. Анджей замолчал и, глухо всхлипывая, принялся заряжать двустволку. Тем временем я пошел в обратную сторону и внимательно осмотрел каждый труп. Через некоторое время стала складываться приблизительная картина всего произошедшего. Эти обезьяны тут давно. И либо изначально живут в таких местах, либо пришли сюда и остались насовсем. Они следили за обозом, выжидали случая для нападения, но тут случилось две вещи: мы остановились, пошли шарить по окрестностям, разделившись, и некто следил за обозом или этой стаей существ. Твари выжидают в укрытии, пропустив нас за пути, чтобы перебить по очереди. Обезьяны рассредоточиваются вдоль состава, но тут возникает мой стрелок и валит почти всех до того, как они смогли организованно напасть. Пока я смотрел, выяснилась интересная подробность об этих обезьянах. Не все они были слепы, одна, чей труп лежал на крыше вагона, метрах в семи от основного места боя, была оснащена тремя парами черных как бусины глаз. Они размещались попарно вдоль безносого лица, а пасть существа напоминала узкую и совершенно беззубую щель.

Судя по характеру ранений, эта умерла первой. Две пули вошли в висок и то место, где у людей ухо. Точность выстрелов впечатляла, но еще больше она говорила о самом стрелявшем. Он определенно знаком с повадками обезьян, раз управился с целой стаей так быстро. Значит, стрелок выследил тварей, подождал, пока они отвлекутся на нас, и выбил у них вожака, единственного, кто направлял стаю. Возникла паника, и он уложил остальных. Но наш спаситель точно был один, пара человек с подобным оружием управилась бы гораздо быстрее. Думаю, что из-за условий местности мы с Джейем просто прошли бы мимо, так ничего и не увидев. Пока вроде все логично, хотя непонятны причины, по которым мы до

сих пор еще живы. Хотят взять живьем и это просто разведка? Но тогда нет смысла так явно обнаруживать себя. Нет, пока не следует думать об этом.

Я отрезал голову вожаку и подождал, пока стечет на землю кровь. Она была ярко-алая, ощутимо светлей человеческой. Потом вернулся к напарнику, который с остервенением рубил башки остальным трупам и швырял их за вагоны, в сторону пустыря. Анджей разошелся не на шутку, вымещая на трупах свой недавний страх. Сейчас он стоял ко мне вполоборота и рубил труп обезьяны, уже лишенный всех конечностей. Лезвие топора входило в тушу с ощутимым усилием, во все стороны летели брызги и ошметки кожи вперемешку с осколками костей.

Подойдя ближе, я задержал его руку с окровавленным туристским топором и попросил:

– Одну башку надо взять с собой, Алхимики за новых тварей дают хорошую цену. Завязывай, пора идти к обозу.

Словно бы опомнившись, он опустил топор и пошел прочь от изуродованного тела, распростертого на земле. Напарник снова нырнул под вагон и достал оттуда одну из безглазых голов. Мы перебрались через перрон и вскоре вернулись к чистому отрезку путей, откуда уходили в поиск более двух часов назад. Туман не рассеялся окончательно, но стало ощутимо светлее. Обозники встретили нас с заметным волнением. А увидев трофеи, обступили плотной толпой, рассматривая головы местных обитателей.

Больше всех говорил Стах, первым заметивший стаю:

– Я же говорил! А вы заладили: померещилось да показалось!..

Подойдя к Гуревичу, я отозвал сержанта в сторону, хотя тот пошел с явной неохотой. Ему хотелось поближе рассмотреть головы и послушать деланно бравый рассказ Джея, который стал душой общества. Как только мы отошли за вторую повозку, я коротко изложил все, что удалось узнать. При упоминании неизвестного стрелка альфовец выказал совершенно не ту реакцию, которой я от него ожидал:

– Значит, это кто-то из прикордонных вояк и ни фига не «белый шум»!

– Сержант, то, что он нас не тронул и даже помог избавиться от этих тварей, не делает стрелка дружелюбным.

– Но почему?!

– Сам суди: обезьяны бы нас схарчили. Твари определено собирались напасть не сегодня, так завтра, это очевидно. Значит, в плен к тем, кто послал стрелка, мы не попадаем. А они наверняка где-то не слишком далеко.

– То есть ты не допускаешь мысли, что это был друг?

– Пока мы идем через неизвестную территорию, это опасное допущение. Расслабляться сейчас – самое последнее дело, сержант.

– Хорошо, но если все же выяснится...

Разговор опять начинал ходить по кругу, это определено раздражает. Понятное дело, альфовец непременно хочет убедить себя в том, что Кордон уже близко и тут даже есть некто, отправленный ему в помощь. Со временем, если доживет, Гуревич примирится с мыслью, что вся помощь, которую он может получить, выполняя задачу вроде этой, всегда будет исходить только от его подчиненных. Но в первую очередь только от него самого. Отправив обоз, командование играет в рулетку с Зоной. Если все проходит удачно и обоз дойдет – операция была хорошо спланирована, если нет, то все очевидно – небоевые потери, так получилось. Цинично? Да, так и есть. Но другого закона на войне не существует. Любой поступок тут – это лишь каприз Судьбы и только потом план и прочие человеческие выдумки. Поэтому я только согласно кивнул и пошел к развернутой палатке – нужно хоть немного отдохнуть и осмотреть костюм и оружие.

Через два часа мы свернули лагерь и двинулись вперед. Мы с Джем так же шли в хвосте, но настрой в отряде резко поменялся. Люди стали более нервными, несколько раз мы открывали огонь просто по неясным движениям в тумане. Но до самого наступления сумерек нас так никто и не атаковал. Обоз мерно двигался вдоль путей, петляя между относительно небольшими аномальными полями и завалами из техники и груд мусора непонятного

происхождения. Заводской комплекс оставался справа, а склады и остальные пристройки явно железнодорожного назначения тянулись неровным частоклом по левому флангу. Две попытки пройти на заводскую территорию окончились неудачей. Мы то натыкались на плотно заваренные ворота проходной, то подходящая для повозок дорога оказывалась заблокирована непонятным лабиринтом каких-то пристроек. В конце концов мы вернулись на прежнюю дорогу. Странностей прибавилось в тот момент, когда сумерки так и не перешли в абсолютную темноту, ночь не наступила, лишь туман снова сгустился. Серая завеса вокруг каравана сомкнулась так плотно, что вскоре мы вынуждены были надеть приборы ночного видения. Это мало помогло, туман был настолько густым, что более всего напоминал густую пену. С огромным трудом нам удалось вывести обоз за пределы железнодорожного узла, на какую-то забитую ржавыми остовами автомобилей дорогу. Там мы прошли еще примерно километр или чуть больше, пока не остановились у спуска в крытый тоннель. Справа и слева все оказалось забито машинами, но тоннель вроде был относительно свободен. Лошади запрянулись, Семен дал отмашку, и повозки снова остановились. Это никого особо не радовало, но другого выхода просто не было.

Гуревич выставил в охранение Стаха и Джея, а остальным приказал собраться на некий общий совет. Пришла даже Галя, хотя всю дорогу я видел ее не особенно часто, девушка была с ранеными и в общих посиделках не участвовала. Сержант начал не с постановки задач, а просто спросил нашу фельдшерицу, как там раненые. Доклад не радовал: двоим стало совсем плохо, если не добраться до Кордона в ближайшие трое суток, они точно могут умереть. Извозчики тоже не порадовали, лошадям выдавалась половинная норма, а черед двое суток и этого не будет. Да и балахоны с масками раздражали коней настолько, что порой они категорически отказывались идти вперед. Об укусах и двух болезненных ударах копытом обмолвился только Петря, его напарник только смачно выругался.

И тогда Гуревич сказал:

– Ночного привала не будет, пойдем вперед с небольшими остановками. Так можно сократить путь. И кроме того, если будем двигаться, так будет меньше шансов, что нас смогут застать врасплох.

План был отчаянный, хотя зерно истины в нем было. В Зоне лучшая защита – это непрерывное движение. И самое главное, нужно четко себе представлять то место, куда ты хочешь попасть. В обычной жизни движение никого еще от засады не спасло, но в том-то и дело, что мы сейчас находимся даже не в антимире, где все наоборот и против. Мы сейчас находились внутри еще одного кусочка хаоса, который вступил в конфликт с тем, что побольше. Даже сами предметы иногда подергивались вполне различимой зыбью, теряя привычные очертания, что уж говорить о направлениях и частях света? Все, что мы могли, это идти вслед за инстинктом проводника, отбросив сомнения. Идти только вперед и не оглядываться. Думаю, что и у остальных были схожие мысли, только вслух этого никто не сказал. Тем не менее все согласились и мы начали претворять задумку сержанта в жизнь. Семен и я, обвязавшись тросами, пошли вперед, выбирая более-менее проходимую для обоза дорогу. Следом тронулись обе повозки, ведомые Петрей и Николай в поводу.

Стены тоннеля были деформированы и крошились, свод местами провалился вовнутрь, и туман стелился по асфальту, достигая колен. Вот я все время говорю «туман», но что это было на самом деле, сказать не берусь, слишком уж прихотливо он себя вел, словно живое существо. Но даже если догадка и верна, вреда он не наносил. Мы с проводником шли в паре метров друг от друга, стараясь шагать как можно более тихо. Машин в тоннеле действительно оказалось меньше, чем на поверхности, я замечал глубокие борозды в дорожном покрытии, словно кто-то тащил нечто угловатое и тяжелое. Думать о том, что некие местные обитатели специально расчищали тоннель, совершенно не хотелось, однако Семен упорно шел вперед, ведомый чутьем, будто гончая по верхнему следу. Я все время старался разглядеть какие-нибудь признаки засады или чужого присутствия, но все тщетно. Все вокруг выглядело так, будто в тоннеле никого не было лет двадцать, а то и больше. При каждом шаге мы поднимали небольшие султанчики пыли, скovyривая с насиженных мест

слежавшийся мелкий мусор. Но тем не менее с каждым метром, который я проходил, нарастало ощущение чужого присутствия. И опять же, тут многое можно списать на общую усталость и напряжение, но инстинкт, спасавший меня много раз до этого, зудел в самое ухо, что скоро нас ожидает неприятный сюрприз.

Вдруг Семен, шедший чуть впереди, вскинул руку и, включив активный режим «ночника», указал стволом карабина перед собой. Поравнявшись с проводником, я увидел, что тоннель обрушился вниз, образуя нечто вроде подъема в не очень крутую горку. По неизвестной причине часть свода рухнула так удачно, что теперь там вполне могли пройти наши повозки. Отстегнув от пояса карабин с тросом, я передал его проводнику и полез наверх, чтобы проверить, свободен ли путь впереди. Метров через пять обломок свода закончился, и я выбрался на поверхность. Туман не то чтобы рассеялся, его вокруг не наблюдалось вовсе. Более того, ночь так и не наступила: низкие серые облака были наполнены приглушенным мягким светом, позволявшим видеть все на расстоянии нескольких километров. Все выглядело так, будто мы попали в новый пласт кочующей земли, где царили другие законы. Справа и слева от того места, где я вышел на поверхность, текла какая-то река. Она приходила из тумана и в него же возвращалась. Впереди был спуск на широкую автостраду, всю переполненную битой техникой и местами затопленную водой. Дальше справа шла полоска искусственных лесопосадок. А за ней виднелись строения какого-то предприятия. В центре – высокое четырехэтажное здание, окруженное гаражным боксом машин на шесть-семь и двумя одноэтажными кирпичными складами, тянущимися вдоль фасада главного здания. От основной магистрали, тоже справа, к этому островку шла небольшая узкая однополосная дорога. Покрытие было вполне сносным, да и техники там не наблюдалось. При должной сноровке повозки вполне смогут там пройти. Еще одной приятной новостью оказалось то, что эта же дорога, проходя сквозь комплекс, шла в обход основной магистрали, запруженной транспортом. Пройдя по ней, можно на приличной скорости миновать затор и возвратиться на прежний маршрут. Вернувшись назад, я прислонился к шлему проводника и рассказал об увиденном. Сквозь маску голос Семена звучал отрешенно, интонаций почти не улавливалось. В тот момент я не обратил на это внимания, хотя следовало бы.

– Говорил же, дорога впереди есть. Стой тут, солдат... я скажу остальным. Стой, а то вдруг проход передвинется.

Хотя в словах-то ничего странного не было. Много раз я сам был свидетелем того, как дорога или вход в обычный подъезд в Могильнике вдруг вели в тупик, хотя до этого там была лестница или проход на соседнюю улицу. Просто в обычной Зоне эти фокусы с пространством не так явны, практически незаметны. А «белый шум» показывает наглядно, как тонка грань между тем, что есть, и тем, чего быть не может.

Вскоре обоз подошел к провалу, и мы совместными усилиями вытянули обе повозки сначала на дорогу, а потом через узкий промежуток между перевернутым КамАЗом и перилами ограждения к боковому съезду на ту самую дорожку, которую я разглядел. Семен не высказал никакого протеста, просто повел обоз так же уверенно, как и обычно. Я занял свое место в хвосте. Появилась еще одна странность, которую почти все обозники встретили радостно. Пропали помехи, и связь заработала почти так же, как на обычной земле. Только иногда слышалось некое приглушенное бормотание, но больше никаких визгов или злобных воплей, как раньше. Ожили ПДА и все измерительные приборы, но отчего-то никто не торопился снять маску или опустить оружие. Согласно карте, мы миновали большую часть пути и теперь находились не далее чем в сорока километрах юго-восточнее железнодорожной насыпи, отделявшей глубинные территории Зоны от Прикордонья. Доверять этим показаниям не следует, однако само появление связи и оживление навигационных систем означает, что неким образом к нам пробивается сигнал из информационного центра особого района, что размещается в Бреднянске. Граница «белого шума» точно где-то недалеко, и мы к ней почти подошли. Это стало очевидно для всех, даже Гуревич стал реже шпынять всех по общему каналу и просто сидел на облучке рядом с

Николай, ссутулившись и опустив голову вниз.

Ко мне подошел Анджей и спросил, указывая на видневшуюся вдалеке крышу непонятного здания:

– Солдат, а ты раньше эту контору нигде не видел?

Вопрос не праздный, я давно уже понял, что все это напоминает исчезнувший комплекс «Агропром», только тот был полуразрушен, а тут все даже издали выглядело новым, даже стекла в окнах двух верхних этажей были не выбиты и иногда давали слабый отблеск.

– На «Агропром» похоже. Но не он, конфигурация построек другая. Хотя напоминает очень сильно.

– Ты был там... ну, когда еще он не изменился?

– Был, отчего же не быть? Руины как руины, ничего особенного.

– А я слышал, там домовые жили и эти, как их... серые, кровь пьют. А, вспомнил! Вампиры, да?

В другое время я бы охотно поболтал с парнем и даже немного расширил его историческую базу в мифологии Зоны «до Исхода». Но сейчас я был занят тем, что старался вычислить новые угрозы, которые, несомненно, таил этот излучающий спокойствие и благополучие кусок земли. Поэтому ответил формально, хоть и не соврал, как это принято у определенной категории местных старожилов. Черт, по ходу я тоже стал коренным, поскольку остаюсь в живых по местным меркам почти сотню тысяч лет.

– Домовые – да, жили в канализации. Кровохлебов не было, только про мозгоедов слышал. Но сам не встречал ни тех ни других.

– Почему?

– Жить хотелось...

Исход покорежил старую географию Зоны, и район вокруг института «Агропромстрой» исключением не стал. Часть территорий просто исчезла, а на их месте появились обычные теперь в наших краях степные пустоши. Зато теперь это было одно из самых безопасных мест особого района. Аномальные поля встречались, но реже, чем, скажем, у нас, в расположении «Альфы». Дороги, как уже было сказано раньше, тоже были безопасны, и путешествие с базы «Державы» на тот же Кордон занимало не более двенадцати часов. Нет, бывало всякое, но риск не сравним с тем, что терпит каждый обоз альфовцев. Я уже совсем было собирался рассказать о своих наблюдениях Гуревичу, как вдруг обоз снова остановился, хотя видимых причин я не заметил: дорога пуста, вокруг ни души.

Из первого вагончика вышла фельдшерица Галя и прямо так, в заляпанном кровью и какими-то цветными лекарственными пятнами белом халате, присела на ступеньки и тихо заплакала, уткнув голову в колени. Плечи девушки вздрагивали в такт рыданиям, к ней тут же подбежал Никола, а следом и Гуревич со Стахом. Джей тоже было дернулся, но сначала все же оглянулся в мою сторону, как бы спрашивая разрешения. Я поощряющее кивнул, иди, мол, а сам остался на месте. Что бы там ни случилось, а помощников и так явный переизбыток. Примерно я уже догадывался, что могло так расстроить нашу докторшу до такой степени, чтобы она выскочила на открытый воздух без защиты. Очевидно, кто-то из раненых не пережил путешествия, что в сложившихся обстоятельствах было только лишь делом времени. Даже здоровые лоси вроде Семена прыгивают с катушек от местных красот, чего уж говорить про беспомощных и больных! Говорят, что каждый раз, видя чужую смерть, мы смотрим в глаза собственной. Примеряем на себя, как оно будет выглядеть со стороны, когда все долги и волнения останутся позади. И ничего, кроме покоя, уже не будет... совсем ничего.

Анджей вернулся и, подойдя ко мне вплотную, по выработанной уже привычке прислонился лбом и сообщил:

– Витек-моторист из второго взвода помер. Раны открылись. Галя говорит, что внутреннее кровотечение.

Что может сделать девочка в трясущемся полутемном вагоне посреди хаотичного «ничто», когда бессильны бывают даже доктора с именем и в самой супернавороченной

операционной? Она пыталась, я вижу, как Галя смотрит на этих беспомощных парней, бывших еще совсем недавно такими сильными и полными жизни. Но человек может не все, хотя часто гораздо больше, чем от него ожидают многие.

Я кивнул напарнику на место у повозки и уже по рации спросил:

– Хоронить тут будем?

Парень снова было метнулся ко мне, но, сообразив, что это уже лишнее, ответил на выделенной частоте, чтобы слышали только мы одни:

– Там в фургонах жара, кондиционер слабо работает, аккумуляторы почти сдохли. Как думаешь, Солдат, тут можно его похоронить, не оживет?

Вот я и опять получил прозвище. Теперь и эти люди будут звать меня так, как я себя давно ощущаю. Почему Солдат? Может быть, есть какая-то очевидная всем черта характера, которая стала частью меня настолько, что я уже ее не замечаю, приняв как должное? Скорее всего так. Интересно, Даша тоже видела меня так? Все было слишком быстро, многое так и осталось недосказанным. Смерть быстро нашла ее, а могила затерялась в таком же хаосе, на краю которого я теперь нахожусь. И опять еще одна смерть, еще одни похороны.

– Тело нужно сжечь. А покойники не оживают, это сказки.

– А зомби как же?

– Ты когда-нибудь убивал человека, Джей?

– Ну... было раз несколько, а что?

– Они ожили?

Анджей всерьез задумался над этим парадоксом жизни и спустя несколько секунд все же отрицательно покачал головой. Но тут же снова вступил с вопросом:

– А что же эти ходуны? Я видел: ходят и воют.

– Что бы это ни было, это не те, кого мы убиваем, и подавно не те, кого мы хороним. Люди умирают, и умирают навсегда, парень. Покойники не ходят и не разговаривают, а просто лежат и гниют. Этого даже Зона не в силах изменить...

Тело покойного альфовца завернули в простыню и перенесли на небольшой холм слева от дороги. Семен добросовестно пытался насобирать валежника или срубить пару-тройку чахлах местных деревьев, но огня они не давали, только чадили едким белесым дымом при попытке их поджечь. Сухое топливо нужно было живым, на покойника тратить его никому не хотелось. Поэтому пришлось поступить так, как предложил Никола, имевший некоторый опыт в захоронении тел погибших в подобных условиях. Мы с Анджеем, попеременно сменяя друг друга, вырыли глубокую могилу. Яма получилась действительно солидной, метра четыре в глубину. Никола тем временем достал топор и, отделив конечности и голову от тела, аккуратно разложил части тела по отдельным сверткам. Все это мы бережно сложили в яму и закопали, насыпав сверху не слишком высокий курган. Семен соорудил из срубленных веток прочный большой крест, который мы и вбили довольно глубоко, чтобы его не сразу повалило непогодой. Последнее слово говорил Джей, как оказалось неплохо знавший покойного. Я просто стоял в стороне, руки приятно ныли от физической работы. В прощании я не участвовал, ибо не люблю подобных церемоний по вполне очевидным причинам. Стоя чуть поодаль, я просто смотрел, как Галя, так и не надевшая больше маску, стоя на коленях возле могилы, цеплялась руками за едва утрамбованную землю. Может быть, это было нечто личное, а может, она, просто еще не успев зачерстветь душой, слишком близко приняла к сердцу смерть пациента, которого не смогла спасти, этого я не знаю.

Ко мне подошел Гуревич и, все еще глядя на могилу, произнес:

– Никак не могу к этому привыкнуть. Вроде и не первый раз, а привыкнуть не могу.

– Там, в мире, где-то поучаствовать удалось?

Он повернул в мою сторону голову. В глазах за стеклами маски читалось некое отсутствующее выражение, какое бывает у людей, поглощенных своими воспоминаниями.

Уловив суть вопроса, альфовец рассеянно покачал головой:

– Нет. Срочную в Абакане проходил, потом по контракту пять лет, но тоже без войны обошлось. Тогда уже деньги за Чечню брали, а у меня столько не было.

Как ни страшно это прозвучит для обычного человека, но война в какой-то момент стала выгодным способом заработка, и первыми это поняли те, кто никогда в горячие точки не ездил. Работники армейских кадров, тыловики и сотрудники МВД. Последние развернули бойкую торговлю командировками на Кавказ и даже умудрялись неплохо на этом зарабатывать. Я сам часто видел этих дельцов с автоматами. Чаще всего на блокпостах и военных базах, находящихся вне зоны боевых действий. Им война была в радость, некоторые даже бахвалились наградами за чужие боевые выходы, перечисляли, сколько «чехов» они лично завалили. Я даже дрался с парой таких вояк. После того как, не выдержав потоков вранья, предположил, как духи завалят их обоих и отымеют у костра под свою веселую музыку. Тогда все обошлось: мои бойцы подъехали к комендатуре на броню и просто навели ствол орудия на здание. Комендачи струхнули, я отделался каким-то выговором и кучей бумажек в виде объяснительных. Грозил прокуратурой и прочими гадостями за самоуправство и оскорбление действием офицеров МВД, но как-то забылось все.

– А вы, Антон Константиныч?

– Был там, куда тебя не пустили. Но гораздо раньше, когда это было не особо прибыльно.

– Многих схоронили там?

Разговор опять стал входить на территорию, которая закрыта для посторонних. Даже самому трудно говорить о том, как и что было, пускай и так давно. Время бессильно перед этой болью, воспоминания, подобные этим, не тускнеют. Даже кровь на асфальте и стенах домов имеет свойство выцветать и смываться. Но отчего-то воспоминания оказываются более стойкими, их время щадит. Единственное, чего я часто действительно не могу вспомнить, так это лиц сослуживцев, их имен. И не потому, что не стараюсь, просто их слишком быстро убивали. Слишком быстро для того, чтобы потом вспомнить, чтобы постоянно повторять про себя эти имена.

– Больше, чем здесь. Пошли к обозу, командир. Мертвому уже торопиться некуда, он дома, а мы с тобой от него очень далеко забрались.

Гуревич не сразу внял моему совету, видимо, хотел что-то выпросить до конца, но, увидев, как я, не дожидаясь, отправился вниз, тоже пошел следом. Иногда разговоры и воспоминания должны оставаться внутри, показывать их посторонним не следует, даже если к тому есть очевидный повод, таково мое давнее решение.

Обоз снова тронулся в путь, на этот раз более ходко, и без особых препятствий мы прошли еще километров десять, пока дорога не вошла в плавный поворот. Неожиданно мой ПДА пискнул, приняв некое текстовое сообщение. Я было потянулся к клапану нагрудного кармана, чтобы достать коммуникатор, как то же самое действие стали проделывать все, кого я видел: Джей лапнул карман брюк, Петря, зажав вожжи под мышкой, потянулся к карману плаща, идущий меж повозками Стах тоже приостановился и полез в боковой карман своей разгрузки. И все же, продолжив движение, я вынул прибор и вызвал на экран меню сообщений. В почтовом ящике было только одно сообщение, адресат неизвестен. Открыв текст, я прочитал набранное странными скачущими буквами послание: «ЛЮВЕЦ в НеБЕ ... бЕрЕГитЕСь». Невольно глянув в небо, я ничего там не заметил: низкие серые тучи, сквозь которые иногда проглядывал редкий луч света. И все. Остальные тоже прочли сообщение и пристально разглядывали небесные хляби, силясь разглядеть загадочного ловца. На этот раз я сам пошел в голову колонны, потому что обоз снова, стремительно теряя ход, останавливался.

Гуревич и Семен о чем-то горячо спорили, мне удалось услышать только конец разговора:

– Семен, нужно выслать разведку, ведь кто-то же послал это предупреждение.

Голос проводника звучал глухо, с толикой раздражения и злости. В последнее время он держался еще более замкнуто, чем обычно, совершенно не прикладываясь к заветной фляге. Его взор всегда был прикован к горизонту. На людей Семен теперь редко смотрел.

– Нет там ничего, парень! Чистая дорога, надо идти.

– Да пойми же ты, долдон! Как идти, если нас кто-то предупреждает?!

Проводник только замахал на альфовца руками и отошел на пару шагов вперед, давая понять, что разговор окончен. Увидев меня, Гуревич принялся было повторять свои доводы, но я жестом остановил его:

– Сержант, мы все получили эту абракадабру. Чего ты взъелся на Сеню, а?

– А как же тот снайпер на заводе, это тоже мираж?

Резон в словах парня неоспоримо присутствует. Да, есть некая третья сила, которая принимает участие в нашем походе. И пусть пока был факт помощи, никто не поручится, что так и будет продолжаться дальше. Неожиданно слабый до этого времени западный ветер стал крепчать, и вскоре стало ощутимо темнее. С северо-запада потянуло холодом, заморосил легкий дождь, и видимость упала до сотни метров почти в одно мгновение. Надвигалась обычная в Прикордонье буря. Это была одновременно и хорошая и плохая новость. Руины мнимого «Агропрома» были уже совсем рядом, до них по дороге осталось пройти всего каких-то пару километров. Я уже отсюда видел дыры в бетонном заборе и открытый шлагбаум проходной. В окнах вахты отражались далекие всполохи грозы, они сияли как будто новые. На душе вдруг стало неимоверно тоскливо, скулы свело непрошеной зевотой. Нужно дойти, а там будет видно, что это за Ловец такой. В любом случае обходить руины по зыбкому мертвому полю было еще рискованнее. Осмотрим руины, может быть, просто пройдем сквозь них, и все.

Вслух же я сказал:

– Мы пока еще в гостях у «белого шума», сержант. Хаос поет нам песни по рации, показывает разные вещи, теперь вот пишет письма.

– И что, это не может быть правдой?!

– Смотря для кого, сержант... смотря для кого. Давай так поступим: сразу на территорию комплекса входить не станем, осмотримся. Помнишь ведь, что Ловец в небе. Значит, под крышей от него будет удобнее отбиваться. Пошли, ветер крепчает. Скоро ни черта видно не будет.

Гуревич помялся немного, но, видимо, на этот раз мои доводы все же оказались весомее, и он, согласно кивнув, снова пошел вперед, заняв место рядом с проводником. Я, как и обычно, занял свое место рядом с Анджеем. Обоз снова пошел вперед. Вскоре, преодолевая сильный встречный ветер и потоки дождя, наш небольшой караван остановился перед сломанным шлагбаумом, и сейчас предстояло сделать непростой выбор: идти дальше либо остановиться на привал, остерегаясь неизвестной угрозы, о которой говорилось в сообщении.

Первыми в ворота пошли я, Стах и сам Гуревич. Не сговариваясь, мы начали осмотр территории с надворных построек. Нужно сказать, что все здесь действительно сильно напоминало «Агропром». Хотя настораживало как раз не это сходство, а именно различия. Так, вместо двух теплиц во дворе перед входом в главное здание стояли два закрытых склада. Замки на воротах обоих строений казались совершенно новыми, их не тронули непогода и ржавчина. По общему молчаливому согласию, мы не стали сбивать замки, а просто пошли дальше, обходя территорию вокруг главного здания по часовой стрелке. Ворота гаражных боксов за четырехэтажным зданием оказались распахнуты настежь. Внутри трех из них ничего не было, а в самом дальнем стоял старый грузовой ГАЗ-66 с кунгом. Гуревич открыл легко поддающуюся дверь кунга и, посветив внутрь, показал жестом, что ничего интересного там нет. Некто сложил там в несколько рядов новенькие покрышки. Фильтры не пропускают запахов, однако сам вид этой горы новой резины просто наводил на тот резкий запах, который обычно их сопровождает. Потом мы пошли вдоль парковки и вышли в небольшой парк, обставленный скамейками, в центре которого находился пересохший фонтан в виде трех гусей, стоявших спинами друг к другу, запрокинув головы вверх. Я перегнулся через бортик и зачерпнул пригоршню высохших листьев, лежащих на дне небольшими кучками. Листва распалась у меня под пальцами в мелкую белесую труху,

похоже, воды тут не было очень давно, как, впрочем, и дождя. Хотя последнее обстоятельство выглядело очень странно: за проходной вовсю бушевал шквалистый ветер с дождем, а на асфальт внутри комплекса не упало ни единой капли влаги.

Мы дошли до второй проходной, через которую нам и следовало выходить, чтобы попасть на дорогу, ведущую в обход забитой машинами магистрали, и тут нас ожидал первый сюрприз. В сторожке и на деревянной вышке перед воротами было два трупа. Тот, что на вышке, свесился через ограждение головой вниз, а его автомат валялся тут же, под забором. Второй покойник находился в сторожке. Он умер еще на улице, но упал уже внутри коридора, лицом вниз. Этот тоже сжимал в руках автомат, обычное «весло»¹², ничего особо навороченного. Гуревич сунулся было в дом, но я остановил альфовца, жестом призывая подождать, пока я осмотрю труп. Стах уже полез на вышку, так что Гуревичу ничего не оставалось, как послушаться. Картина получалась такая: покойник номер два, тот, что в сторожке, некоторое время ходил перед воротами КПП и вдруг начал палить во все стороны. Стрелял он долго, на дороге валялось шесть пустых магазинов от «калаша» и куча стреляных гильз. Судя по следам рикошетов, палил он в сторону главного здания и вдоль дороги. Потом, когда патроны кончились, попытался укрыться в сторожке, но умер или был убит. Подойдя к трупу, я осмотрел его со спины. Нет никаких ран, крови под телом тоже не было ни на полу, ни на крыльце.

С вышки спустился Стах и, подойдя к нам, сообщил:

– Чертовщина какая-то. Этот нижний высадил в того жмура наверху патронов десять!

Я махнул обоим в сторону аллеи, ведущей к одноэтажному строению, служившему чем-то вроде общежития или гостиницы. Там, в глубине, я увидел плотно прикрытую крышку канализационного люка.

– Осмотритесь там, я пока продолжу с покойниками. Неприятно это говорить, но, похоже, я их знал раньше.

Стах пошел без вопросов, а вот альфовец еще какое-то время оглядывался через плечо, но я уже не обращал на это внимания. Снова присев возле тела, я отсоединил застежки шлема и срезал маску с его лица. Оскол высохшего черепа с остатками ткани приветствовал меня словно старого приятеля. Тело успело мумифицироваться, значит, прошло как минимум полгода или около того. Срезав с шеи мумии медальон с личным номером, я прочел то, чего, надеялся, не увижу. Это был лейтенант Никольский из конвойного взвода «Альфы», который пропал те же полгода тому назад, нашивки на комбезе это подтверждали. Шитые лейтенантские звезды. Эмблема отряда – круглый щит, в центре литера «А», по краю надпись: «Жизнь человека – высшее благо». В карманах разгрузки ничего особенного, так, всякие походные мелочи. Не было ни одной гранаты, хотя Андрей всегда носил с собой не менее четырех. Растяжек мы нигде не обнаружили, следов взрывов тоже. Значит, они могут быть в зданиях или у коллекторных колодцев. Я предупредил Стаха с Гуревичем, а сам

12 «Весло» – жаргонное название автомата Калашникова образца 1974 г., т. н. «складного/модернизированного». Созданный под новый малоимпульсный патрон 5.45 × 39 мм, он является гигантским прыжком назад по сравнению с линейкой АК-47 – АКМ. Его достоинства можно перечислить легко: возможность установки оптики, ПББС и меньший вес как самого оружия, так и б/к. Пуля его штатного патрона 7Н6 крайне неустойчива в полете и не пробивает большинство известных средств индивидуальной защиты даже класса ПА. Из-за своих высоких рикошетирующих свойств пуля 7Н6 представляет серьезную опасность для самих владельцев АК-74М при ведении боевых действий в городах, лесистой и горнолесистой местности. Более того, даже без бронежилета, у пораженного такой пулей противника есть все шансы нанести стреляющему урон и выжить. После ввода советских войск в Афганистан в работу взяли новые доработанные боеприпасы, так уверяют «знатоки». Эти патроны имеют индекс 7Н10, но автор по собственному опыту с уверенностью может сказать, что заметного улучшения не наблюдалось. Данный автомат как индивидуальное оружие пехотинца вполне подойдет необученному и слабо развитому физически новичку, т. к. он достаточно легкий, прост в обращении и обслуживании, а также относительно надежен в сравнении с предшественником – первой версией – оригинальным АК-74. «Весло» существенно проигрывает серии АК – АКМ под 7.62 × 39 мм по боевой эффективности. Все вышесказанное – личное мнение автора, как, впрочем, и самоназвание «весло», которое часто используется некоторыми для обозначения в обиходе снайперской винтовки Драгунова.

пошел к сброшенному охранником второму труп. Тут почти та же история, этот боец тоже их отряда, но лично мы не были знакомы. Его жетоны я тоже взял, а потом оба тела перенес в комнату сторожки и накрыл срезанной со стола клеенкой. Скверно, очень скверно все выходило.

Невольно вспомнились события семимесячной давности. Тогда я только-только начал заниматься спасательным бизнесом и, честно говоря, еще не полностью оправился от потери всего, что обрел в Зоне. Мы с Юрисом и случайными подельниками хватали один контракт за другим, в башне я практически не бывал. Но как-то в один из суматошных дней между сборами для очередного рейда я получил письмо от Крота, в свое время так помогшего нам с сектантами и их суперсолдатами. Из многословного и крайне неуклюжего послания я понял, что сапер наскочил на мину, которую не смог разглядеть: разразившийся кризис обанкротил его фирму по производству пиротехники, банки, как по заказу, отказались его кредитовать. И он просил о помощи. Денег я тогда перевел столько, сколько Крот попросил. А потом напрочь забыл об этом. Но спустя еще два месяца Григорьев вдруг объявился в «Приюте» собственной персоной. Он сидел в дальнем углу, за отдельным столиком и хитро шурился, глядя на экран телевизора, подвешенного к потолку у стойки. Едва завидев меня, эвенк приподнялся, и мы, не стовариваясь, крепко обнялись, когда я подошел ближе.

Говорить начал Иван, я же мог только молча удивляться, как он оказался в Зоне снова:

– Слышал про твою жену, командир... жаль ее. Прости, если бы знал, что так все повернется, остался бы до самого конца. Бараном себя чувствую. Ты так мне помог... По первому слову помог, а я...

Иван в искреннем порыве стиснул кулаки так, что скатерть на столе пошла волнами и все тарелки со снедью поехали в разные стороны. Стыдно это признавать, но о том, что я выслал ему денег, я вспомнил только теперь, когда он упомянул об этом. События первых месяцев после Исхода и сейчас помнятся фрагментарно, о чем впоследствии не раз еще пришлось пожалеть. Я махнул рукой, стараясь сделать более-менее беззаботное лицо:

– Брось, Иван! Это всего лишь деньги.

Лицо сапера неожиданно помрачнело еще больше, он замкнулся и вдруг высказал все, что произошло с ним за последнее время. Жена забрала детей и ушла к матери через месяц после того, как за долги описали городскую квартиру и дачный участок с недостроенным домом. Друзья и даже родственники перестали здороваться и вообще отвечать на звонки, словно бы вычеркнув из памяти того, кто устраивал их детей к себе на производство, также одалживал денег и дарил подарки ко всяким праздникам и юбилеям. А те, кто по-прежнему был рядом, ничем, кроме слов утешения, помочь не могли.

– Ты думаешь, я не пытался?! Да все перепробовал, все пороги оббил! Душу только в заклад дьяволу не предлагал. Кругом словно стена выросла, я говорю, а люди меня не понимают. Кивают, соглашаются... Зайдите завтра, через неделю!.. И тут я Город вспомнил. Как мы тогда в руинах валялись, тухлую воду пили из лужи, где ещедохлый «дух» валялся! Ты тогда сказал, что, если выживем, все круто будет. Что мы никогда в это говно больше не полезем!

Глаза Григорьева блеснули лихорадочным огнем, я вдруг как наяву увидел тот полуподвал. Почувствовал запах мочи, дерьма и мертвечины вперемешку с пороховой гарью. Вспомнил, как мы на троих добились последний окуроч найденной в кармане Иванова бушлата «Примы». Услышал, как «духи» орут в мегафон матерные ругательства, мешая их с предложениями о сдаче в плен. Все снова было рядом, война опять показала свое лицо, даже когда прошло так много времени. Говорят, что и самого времени как такового вовсе не существует. Нет ни «вчера», ни «завтра». Есть только одно понятие – «всегда». Только люди представляют себе время как реку, текущую из одного края в другой. И в тот миг за столом в прокуренном кабаке я почти физически ощутил правоту тех, кто так считает. Нет ни прошлого ни будущего, все взаимосвязано и происходит одновременно. Нет забвения, есть только вечный миг, бег которого прервет лишь смерть. Или нет?

Но вслух я сказал нечто иное, не все следует произносить, иначе подобные разговоры

будут длиться вечно:

– Брось, Иван! Ты пришел, когда я позвал. Теперь я помог тебе, хотя это были всего лишь деньги. Мы даже не квиты, брат.

Григорьев опять прищурился и обескураженно покачал головой. Он был совершенно седым, морщины избороздили не старое еще лицо, словно у глубокого старика. Война пьет нашу жизнь полной чашей, даже когда мы воюем только с собой.

– Нет, Антон. Там было проще: «духи» и офицеры на одной стороне, а мы на другой, стоим друг за друга. Против тех и других!.. Все просто, враг известен. Друзья тоже. А на гражданке никто тебе ни друг, никто не враг. Кругом только приятели и знакомые. Нет друзей, только ты да еще Юрка вот...

Потом мы еще некоторое время молча пили, изредка перебрасываясь короткими, только нам понятными фразами. Потом пели старые песни и силились вспомнить тех, кто больше с нами за стол не сядет никогда. Мы даже вместе так и не сумели вспомнить того отчаянного парня, который засел на втором этаже и почти час прикрывал наш отход, почти бегство. Никто его не просил, никто его не знал, все помнили только то, что он сделал. Может быть, в этом и есть смысл памяти живых о мертвых? Может быть, главное, чтобы было кому вспоминать о том, что сделано и как? Я уже почти второй десяток лет пытаюсь ответить на этот вопрос, но пока тщетно, пока что мертвые просто сделали что-то и ушли. Это их право, право на покой.

Григорьев ушел на следующий день после этого разговора. Ушел с караваном, который как раз охраняли эти двое бойцов, иссохшие тела которых я сейчас нашел у ворот. Опять же в угаре событий я так и не вспомнил о том, добрался ли Григорьев до Кордона или нет. Помню, как на прощание мы обменялись личным оружием. Я отдал ему своего «германца» УСР¹³, а он подарил мне своего «грача», почти такого же, как тот, который разрезало паутиной в тот злосчастный день. У КПП мы расстались, крепко обнялись на прощание, а через два часа я уже шел к точке, где разбилась итальянская вертушка с гуманитарным грузом. Тогда нам удалось спасти обоих пилотов и троих еле живых журналист с российского ТВ. Сопровождавшие груз трое врачей из какого-то онкологического центра не выжили. Эпизод с Кротом отошел на второй план, сейчас я даже не смогу точно припомнить, что еще, кроме вечного движения, занимало меня тогда.

– Эй, Солдат! Аллея за пакгаузами, северо-восток. Иди к нам, тут кое-что по твоей части.

Это был Стах. Голос охранника ничего, кроме обычного в таких случаях напряжения, не выражал, поэтому я сначала спрятал жетоны бойцов в нагрудный карман разгрузки и только потом вышел из сторожки. Снова зайдя в ворота, свернул в аллею из высоких, засохших теперь тополей и, пройдя почти до конца, увидел стоящих возле открытого канализационного люка обозников. Гуревич, стоя на четвереньках, пристально смотрел в жерло колодца, а Стах озирался по сторонам. Завидев меня, охранник хлопнул сержанта по плечу, отчего тот, заметно вздрогнув, отпрянул. Бурча что-то неразборчивое, альфовец поднялся на ноги и показал мне на раскрытой ладони «эфку» и моток почерневшей от

¹³ Имеется в виду довольно редкий в наших краях армейский пистолет Бундесвера, а именно УСР – Heckler-Koch Ultimate Combat Pistol. Автоматический специальный пистолет, разработанный в рамках программы перевооружения армии ФРГ. Пистолет использует малоимпульсный патрон кал. 4,6 мм высокой пробивной силы. На дистанции 35–50 м уверенно поражает бойца, защищенного индивидуальными средствами бронезащиты по классу II. Имеет модульную конструкцию и до десяти вариантов компоновки, позволяет подогнать оружие под конкретного человека с учетом индивидуальных особенностей. Успешно прошел испытания и с 2006 г. поступает на вооружение германских сил специального применения (в т. ч. знаменитой GSG-9), но пока только ограниченными партиями, т. к. не найдено возможности удешевить процесс производства.

ТТХ: УСМ: двойного действия. Тип автоматики: полусвободный, движущийся затвор с роликовыми замедлителем. Калибр: 4.6 × 30 мм. Вес без патронов: 850 г. Длина: 200 мм. Длина ствола: 130 мм. Емкость магазина: 20 патронов.

непогоды медной проволоки.

– С тропинки снял. Давно стоит, там все в пыли было.

Я принял гранату и, осмотрев, увидел красную полоску, нанесенную на корпус запала. Все правильно, это специальный для растяжек. Дело в том, что за то время, пока сработает штатный запал, проходит три-четыре секунды, и любой, кто зацепит подлянку, вполне может выжить. Поэтому запал для растяжки вымачивается в керосине, тогда время срабатывания сокращается и подрыв происходит мгновенно. Я выкрутил запал и вернул части гранаты Гуревичу.

– Эта «фенька» тут лежит полгода реального времени или около того. В здании, скорее всего, найдем еще три таких. В вестибюле и на лестницах, ведущих на этаж.

Обозники переглянулись, точное время и прочие детали всегда так действуют на людей, даже бывалых.

Стах невольно потянулся к затылку, чтобы почесать его, но, вовремя отдернув руку, спросил:

– А откуда такая точность, Солдат?

– Эти двое жмуров у ворот оба из конвойного взвода. Лейтенант Никольский и ефрейтор Баранов. Последнего не знал, но лейтенант вел караван примерно через два месяца после Исхода.

Гуревич встрепенулся, видимо, он каким-то боком был причастен к этой операции, потому что, забыв об изумлении, невольно сделав пару шагов в сторону ворот, вдруг замер на месте:

– Помню... Тогда маршрут еще только прокладывали, погибло человек десять. Из удачного поиска вернулся как раз Никольский, я тогда только в отряд пришел, в новичках на КПП стоял сутками напролет.

Еще один фрагмент мозаики встал на место. Выходит, Крот пошел не просто со знающим проводником, его караван вел ас. Но все еще оставалась последняя надежда на то, что конвойщик просто вел другую группу в расположение отряда и Иван сейчас на своем отвоеванном заводе, крутит петарды.

– Никольский этот маршрут открыл?

– Да, был одним из первых, кто пять раз провел обозы без потерь и в рекордные сроки. Наверное, вы правы, на этот раз не удалось. Что могло случиться?

Вопрос не праздный, пожалуй, я и сам хотел бы знать точный ответ. Следы указывали на ментальное воздействие, довольно длительное по времени. Бойцы некоторое время стреляли в разные стороны, пока лейтенант не задел Баранова случайной очередью. Я осмотрел колодец, даже заглянул внутрь, подсветив фонарем. Но все, что там было видно, это абсолютная, непроницаемая чернота. В «белом шуме» такое постоянно случается: где-то просто нет совершенно ничего. Мозгоед вполне мог появиться из этого колодца, но тогда бы сработала растяжка. Убить, может, и не убила бы, но подать сигнал, сориентировать часовых это вполне может. Контроль у этих существ напрямую завязан на визуальный контакт с жертвой, проще говоря, для порабощения им нужно видеть цель. Я осмотрел все вокруг, но никаких следов второго разрыва не заметил. Так тоже бывает: растяжек ставится две, на случай, если одна из них не сработает. Но вокруг все было чисто. Следы, даже если они и были раньше, то сейчас кругом царил только белесая пыль, которая покрывала все тонким слоем. Стах и Гуревич ждали чуть поодаль, внимательно следя за моими передвижениями.

Чтобы попытожить все обнаруженное, я сказал:

– Похоже на воздействие мозгоеда. На парней навели сильный морок, их корежило примерно минут двадцать. Но вряд ли он пришел из портала в аллее. Видите, тут крышка колодца нарочно сдвинута, чтобы инициировать подрыв, если кто-то хоть слегка ее заденет. Был бы взрыв, он точно бы оставил следы. А их просто нет. Что бы ни убило этих людей, оно пришло не отсюда.

Гуревич решительно глянул на экран своего ПДА и на все еще стоящие под дождем у ворот повозки.

Альфовец решительно клацнул рычагом затвора своего ручняка и спросил:

– Отлично, значит, он... или они могут быть в основном здании?

Я мельком глянул на целехонькие окна фасада и рискнул высказать вполне логичное предположение:

– Один разрыв в помещении или на лестнице, и стеклам хана. Внутри ничего не взорвалось, значит, мы найдем растяжки целыми. Мозгоеды хитрые, но ума у них не так много. Мимо грамотно поставленной подлянки им не пройти. Это вообще могло быть что угодно, мы в «белом шуме», тут нет ничего закономерного и одинакового.

И тут в разговор вклинился Стах, который все это время почти приплясывал от нетерпения. Известие о том, что мозгоед тут не при делах, его заметно приободрило.

– Тогда чего народ под дождем мочить? Пускай заходят во двор, а мы пока по этажам пробежимся, а?

Гуревич обреченно махнул рукой и, вызвав Семена, пояснил ситуацию. Вскоре обоз начал втягиваться в ворота, повозки расположились на заднем дворе возле гаражных боксов. А мы втроем с соответствующими предосторожностями вошли в гулкую пустоту вестибюля главного здания комплекса. И снова нас встретила только гулкая тишина да выщербленные временем барельефы на стенах в стиле позднего соцреализма. Из просторного холла на второй этаж вели две лестницы в противоположных концах зала, а прямо напротив входных дверей зияли пустотами провалов две лифтовые шахты. Самих лифтов давно уже не было, о чем свидетельствовали кучи разного хлама, заполнявшие шахты почти на метр в высоту. За лестницами размещался ряд дверей с потускневшими от времени табличками, но внутри ничего подозрительного мы не нашли. Обычная казенная мебель, старые бумаги в папках и рулонах, наградные треугольники вымпелов на стенах. Полное запустение и разруха. Складывалось такое впечатление, что люди не уходили отсюда в спешке, просто окончился очередной рабочий день, служащие завершили все свои дела, закрыли кабинеты на ключ и... больше сюда никогда не вернулись.

Когда мы осмотрели шесть комнат в холле, Гуревич нашел в одной из них план пожарной эвакуации здания. Согласно ему, второй этаж отдан под различные исследовательские лаборатории, на третьем находился актовый зал и кабинеты администрации. На четвертом уровне все было точно так же: кабинеты, служебные помещения персонала и еще какие-то непонятные закутки и отделы, а также выход на крышу. Мы решили не разделяться и прочесать все, начиная с первого этажа и до самой крыши. Это займет какое-то время, хотя лично я бы двинул отсюда уже через полчаса короткой передышки. Но все же раненым и лошадям нужен отдых после сложного перехода по железной дороге, значит, более длительный привал был необходим. Альфовец пошел вперед, и вскоре после того, как мы миновали два пролета, отделявших нас от второго уровня, дал сигнал остановиться, а потом жестом позвал меня:

– Антон Константиныч, похоже, вы были правы...

Меж перил лестницы, за три ступеньки до ее окончания, я увидел натянутую леску. Сама граната обнаружилась выше, примотанная скотчем к ручке двери какого-то кабинета. Просто и эффективно: человек поднимается вверх, задевает малозаметный шнурок, и ему сносит голову взрывом. Даже если надел шлем, от перелома шеи он точно не спасет... умно, я сам бы так поставил. Осторожно отстранив сержанта, я переступил сначала одну нить, а потом, чуть погодя, вторую, натянутую на ладонь ниже предыдущей. Это была страховка на случай, если обнаружат первую линию датчика. Человек расслабился, ведь он уже перешагнул леску, а тут оп, незадача! Я свинтил запал у гранаты и положил пыльный рубчатый кругляш в карман разгрузки. Сам запал я развинтил и выбросил, чужие подлянки лучше целиком повторно не использовать.

Тронув тангенту рации, я сказал напарникам:

– Лейтенанта работа. Давно тут стоит, как и та, внизу у колодца.

– Как вы думаете, они... остальные из каравана... Они все еще здесь?

– Скоро мы это узнаем, сержант. Предлагаю идти к самому большому помещению. В

том обозе было человек двенадцать пассажиров и шестеро из конвойного взвода.

– Актальный зал?

– Точно так.

Бегло осмотрев несколько кабинетов возле лестницы и найдя их в полном запустении, мы поднялись на третий этаж, где пришлось немного повозиться. Я снял со стены противопехотную мину, закрепленную таким образом, чтобы выкосить всех, кто сделает четыре шага от входа на этаж. Поставлено так же изобретательно, как и растяжка внизу, судя по всему именно Никольским. Взрыватель тоже особого доверия не внушал, поэтому я просто занес мину в первый попавшийся кабинет и, соорудив из трофейной гранаты и куска пластита небольшой детонационный заряд, предложил остальным отойти подальше.

Гуревич слегка заартачился, но, уже привыкая доверять моим суждениям, предупредил остальных по рации о подрыве:

– Семен, будем шуметь!.. Скажи водителям, пусть лошадей придержат.

Проводник отозвался быстро, хотя особой радости в его голосе слышно не было. Как я уже и говорил, в последнее время он вообще говорил мало, а когда это случалось, то это были рубленные односложные фразы.

– Чего там у вас?

– Предыдущие постояльцы мин понатыкали, Антон Константинович настаивает, чтобы взорвать.

– Делайте что хотите, только быстрее.

Гуревич после этих слов повернулся ко мне и, выразительно пожав плечами, разрешающе махнул рукой. Я соорудил все в кабинете, окна которого выходили во двор с торцевой части здания, чтобы осколки шли наружу и в стену кабинета, тогда отраженная часть ударной волны и осколков пойдет в коридор существенно ослабленной. Втроем мы свалили вокруг мины два деревянных шкафа с документами, так что получилась дополнительная баррикада. Потом, присоединив детонатор, я выгнал всех в коридор, и мы спустились на пролет ниже.

– Всем приготовиться, подрыв на счет «три»!

Подрывную машинку и некоторое количество саперного инструмента я с собой беру на любой выход. Места у нас не особо гостеприимные, и люди не стремятся сделать их безопаснее.

Убедившись, что все отошли на безопасное расстояние, я повел отсчет:

– Один, два, три – подрыв!

Ву-умб!

Со звоном вынесло стекла в нескольких кабинетах рядом с выбранным для подрыва, и еще парочка посыпалась в коридоре. Поднявшись на этаж, я осмотрел место и про себя порадовался тому обстоятельству, что все рассчитал верно. Даже если бы мы находились рядом с кабинетом, максимум, что нам грозило, – легкая глухота на полчаса, не более того. Взрывная волна и осколки ушли в пространство за окнами и в стены, никто бы не пострадал. Так же бегло осмотрев все прилегающие к лестнице кабинеты, мы поднялись на третий этаж, где, как ни странно, растяжек не было. Двери актового зала оказались снятыми с петель, их кто-то аккуратно сложил слева от входа. Гуревич остановился, вопросительно посмотрев на меня:

– Почему тут нет сюрпризов? Может быть, мы ошиблись и надо вернуться на этаж ниже?

– Трудно сказать наверняка, сержант. Двери открыты, там явно кто-то побывал до нас. Давай так поступим: осмотрим актовый зал и, если там пусто, вернемся вниз. Мы так и так уже здесь, лучше не останавливаться.

– Ладно... Стах, иди первым.

Охранник ничего не сказал и, молча передернув рычаг затвора «чебурашки», пошел вперед. Похоже, и ему передалась вера сержанта в необитаемость третьего этажа. Дальше стали происходить странные вещи. И я говорю так потому, что это было непохоже на все,

что мы видели до сих пор. Пол под нашими ногами сначала мелко задрожал, а потом, когда Стаху осталось до входа в актовый зал не более трех шагов, здание содрогнулось от пары сильных сейсмических толчков с интервалом в доли секунды. Встряска получилась такой силы, что все мы повалились с ног, словно кегли. Лично меня сильно приложило виском о стену. И хотя шлем спас, но зубы здорово клацнули. На какой-то миг сознание помутилось, и последнее, что я увидел, перед тем как зрение отказало, это расплывчатый силуэт в облаках. Это было нечто большое, полупрозрачное, и оно двигалось со стороны второго КПП, где мы обнаружили трупы альфовцев. Более всего эта штука напоминала медузу или, может быть, осьминога. Очнулся я оттого, что Гуревич тряс меня за плечо и что-то орал прямо в лицо. Оттолкнув сержанта, я рывком поднялся на ноги и осмотрелся. Все, кроме меня, уже стояли на своих двоих. Стах держался за косяк двери актового зала и, вытаращившись куда-то вперед, дико орал. Гуревич рывком втащил охранника назад в коридор и что есть силы стал трясти, обхватив за плечи. Тот прекратил орать, и сквозь маску я слышал только отдельные всхлипывающие стоны. Не обращая внимания на разыгравшуюся сцену, я рывком вошел в двери, сразу же уйдя влево и присев на колено. Но тут же пришлось опустить автомат, ибо стрелять тут было не в кого. Начать с того, что ряды кресел, какие бывают в кинотеатрах, были сорваны со своих мест и сейчас перегораживали зал ровно посередине, образуя нечто вроде баррикады. Сцена с провалившимся полом и оборванным занавесом представляла собой темную кучу досок и тряпья, в которой с первого взгляда было не так-то просто разобрать что-либо конкретное. Возле подножия этой кучи были аккуратно уложены тюки и ящики, покрытые брезентом. Края дерюги задрались, и я различил в скупом свете, льющемся из рядов поднятых высоко небольших окон, маркировку «Альфы». Белая литера «А» на фоне красной звезды, вписанная в круг того же цвета. Опустив автомат и поднявшись, я пошел к баррикаде, внимательно осматриваясь по сторонам. Первое тело лежало лицом к входной двери. Это был еще один солдат-конвойщик, что следовало из нашивок и форменного комбеза. Вокруг тела россыпью валялись стреляные гильзы, автомат покойник так и не выпустил, крепко сжав оружие в руках. Кроме него перед баррикадой в разных позах лежало еще трое, но это уже были «пассажиры». Все в самопальных комбинезонах, с разномастным оружием. Все выглядело так, что они вступили в перестрелку с первым бойцом и просто перестреляли друг друга. Но примечательным было не это, в конечном итоге трупами тут никого не удивить. Тела оказались словно бы перекручены, будто бы кто-то огромный скрупулезно сворачивал в жгуты конечности и туловища, оставляя нетронутыми лишь головы. Такого мне лично видеть еще не приходилось, и, судя по реакции Стаха и Гуревича, им тоже. Я махнул рукой в знак того, что пока опасности нет, и оба моих напарника с опаской прошли внутрь, при этом постоянно озираясь по сторонам.

И тут совершенно некстати запищал вызов на общем канале, это был Семен:

– Эй, что там у вас? Земля трясется мелкой дрожью, лошадей еле-еле уняли! Отвечайте, ети вас...

Гуревич хриплым от напряжения голосом ответил, и надо сказать, парню удалось взять себя в руки:

– Западло тут внутри, Семен. Скажи конюхам, пускай делают что хотят, а через десять минут повозки должны быть у вторых ворот. Уходим отсюда.

– Что, еще жмуры?

Не знаю почему, но чаще всего люди задают очевидные вопросы просто по инерции. Сознание тормозит стресс, давая организму время на подготовку. Гуревич не стал ничего пояснять, а просто послал проводника в некое эротическое путешествие и оборвал связь.

И тут же обратился ко мне с другим, более уместным вопросом:

– Сможете сказать, что тут произошло, Антон Константиныч?

Просьба застала меня именно в тот самый момент, когда я, зайдя за баррикаду, осматривал остальные тела. Их тут было шесть штук, все так же, как и остальные, сильно обезображенных неведомой силой. Ткань комбинезонов настолько плотно спрессовалась с иссохшей плотью, что отделить одно от другого было уже невозможно. С замиранием сердца

я искал среди тел того, кого менее всего хотел бы видеть среди обезображенных трупов.

Не отрывая взгляда от положения тел, я ответил:

– Попытаюсь, следов слишком мало.

– Торопитесь, у нас мало времени. Нужно еще личные номера снять с бойцов.

– Валяй, дело хорошее.

Иван лежал возле самой сцены, его перекрутило точно так же, как и остальных. Опознать друга оказалось легче всего, в правой руке он все еще сжимал пистолет, мой прощальный подарок. Затворная рама была в крайнем заднем положении, Григорьев расстрелял куда-то все патроны, а новый магазин так и остался зажат в другой руке. Смерть настигла его как раз в тот миг, когда сапер перезаряжал пистолет. Срезав с головы друга шлем, я в последний раз пристально всмотрелся в искаженное смертью и разложением лицо. Глаза широко открыты, рот искривлен в немом крике. На моей памяти Иван был самым спокойным у меня в отряде. Работа не позволяла быть дерганым, да и сам по себе он был хитроватым, веселым парнем, совершенно беззлобным. Война ожесточила его, но понимание этого пришло позже. Тогда, в баре, во взгляде Ивана сочилось только отчаянье да рот постоянно кривился в жесткой горькой ухмылке. Это был человек, которого обманули. Помню, как он радовался тому, что уйдет со службы, займется мирным ремеслом. Делать красивые, яркие фейерверки – казалось бы, что может быть лучше? Но вот мир и показал ему свое нутро, для человека, привыкшего к коварству войны, отвратительное и непонятное. Каждый, кто выжил в том аду, когда бетон плавился от жуткой температуры и дома оседали в пыль, думает, что, уйдя от всего этого в мирную жизнь, он уходит и от неприятностей. Но у мирной жизни свои сюрпризы, и привыкший спасаться от пуль и осколков мин их не понимает. Мир съедает душу, оставляя тело жить и по инерции симулировать какую-то деятельность. Человек уже умер, но еще не осознал этого.

– Эй, Солдат! Ты чего там замолк?

Слова Стаха заставили меня отвлечься от созерцания оскаленного черепа Григорьева и вернуться в реальность. Я с трудом отделил пистолет от пальцев покойника и вынул из другой руки полный магазин. Все мои подарки приводят их владельцев к смерти. Сначала Дашу не уберег подаренный ей карабин, а теперь вот Иван не спасся, отбиваясь от какой-то твари моим пистолетом. Больше этого не случится, все мое будет при мне, раз для остальных такие подарки бесполезны. Я вынул из набедренной кобуры «грач» и вложил в руку Григорьева. Пусть все остается на своих местах, может быть, это и есть наилучший выход.

Сунув «немца» на место возвращенного подарка и поднявшись с колен, я ответил:

– Этот караван ушел с Промзоны полгода назад. Тут мой старый товарищ, служили вместе.

– Извини, не хотел мешать. Просто жутко тут, свалить бы побыстрее, а?

– Я не против. Только надо бы тела прибрать.

Стах было дернулся сказать нечто резкое, видно, как его трясло от окружающей обстановки. Однако, видимо, в моей фразе было нечто, заставившее охранника согласно махнуть рукой:

– Ладно... так и так надо ждать, пока лошадей запрягут.

Само собой, быстро уехать у нас не получилось. Всего в зале было двенадцать тел, это явно были не все, кто шел с обозом, но на более тщательные поиски у нас не было времени. Земля больше не тряслась, но того, что случилось, вполне достаточно. Тела мы сложили у дальней стены слева, укрыв их куском брезента, которым был закрыт их груз. Странно, что мы не нашли повозок и лошадей, в «белом шуме» нет грызунов, и все, что умирает, просто гниет само по себе. Обычно бывает наоборот: крысы выживают там, где человек или любое другое существо довольно быстро погибает. Ни разу за все время путешествий по обновленным территориям мне крыс не попадалось. Видимо, в кочующих землях есть нечто такое, отчего грызунам делается стремно. Я последним опустил кусок фиолетовой пыльной портьеры, скрывшей Григорьева. Странно, в Зону он пришел по моей просьбе и выжил там, где шансы были, прямо скажем, не ахти. Но стоило прийти сюда по собственной воле, и вот

получите, распишитесь. У Судьбы действительно фиговое чувство юмора, это очевидно.

– Так что с ними произошло, как думаете, Антон Константинович?

Гуревич не отстанет до тех пор, пока не получит какую-то теорию. Ладно, придется опять заниматься пустым делом, ибо без явных следов я практически ничего наверняка утверждать не берусь.

Подойдя к темным пятнам перед баррикадой, я начал излагать:

– Да ничего толком не скажешь, сержант. Как они сюда попали, это большой вопрос. Лошадей и повозок нет, пост наблюдения только в одну сторону.

– А может, это из-за того свечения?

Эта реплика заставила меня удивиться про себя. Парнишка-то не дурак, верно подметил. Мне тоже стало казаться, что вся эта иллюминация случилась из-за того, что маршруты дрейфа разных территорий «белого шума» совпали и они просто столкнулись друг с другом. Это в какой-то степени объясняет такие перепады рельефа и условий микромиров, которые образуются внутри этих аномалий. Дело в том, что мир каждой такой земли статичен. Он никогда не меняется сам и мало влияет на предметы, попавшие в его поле притяжения. Жизнь покидает все, что находится внутри, остается лишь внешняя оболочка. Люди сходят с ума внутри «белого шума» именно из-за всепоглощающей статичности этих мирков. А мы прошли через три разные территории, вдруг ставшие единым целым. И похоже, что эта последняя стоянка моего мертвого товарища была обречена на бесконечный дрейф в полном одиночестве, если бы не коллизия.

– Может, и так, сержант. Но в любом случае мы этого не узнаем.

– Ладно, что было дальше?

– Да опять фигня получается. Они стали лагерем, заминировали вероятные подходы к месту базирования. Потом сложили пожитки, свинтили кресла и соорудили баррикады. Первыми заметили опасность часовые, они-то и предупредили остальных. Ковриков и спальных мешков нет, значит, все бодрствовали на момент нападения.

– Значит, все-таки мозгоед?

Черт, как любит этот пацан задавать неудобные вопросы. Про мозгоеда я подумал в первую очередь. Тварь вроде той, что мы встретили в пустошах, вполне могла закошмарить целый отряд и даже покрупнее этого.

– Однозначно не скажу, но нет, это с большей долей вероятности не мозгоед. Ловушки не тронуты, а на этаж можно попасть только этим путем, даже на плане это показано.

– Но ведь сильно похоже: люди стреляли друг в друга, значит, были под воздействием.

И тут с настырным сержантом не поспоришь. Однако есть кое-какие обстоятельства, которые меня смущают. Люди действительно палили друг в друга, но не сразу. Мозгоед работает по принципу замещения образов: был напротив тебя Вася Пупкин – и оп, вместо него трехглавый ящер. Это несложная галлюцинация, и все. Она работает только с эффектом подавления воли, человек, одурманенный мозгоедом, плохо соображает. А тут люди видели нечто, координировали свои действия, пока их кто-то не запутал. Но действовал этот некто иначе. Быстрее, я бы сказал.

– Похоже на то, однако не обязательно.

– Значит, маскировка?

И тут мне вспомнилось виденное сразу после толчков нечто. Это, несомненно, мог быть и мираж, морок. Тогда этим, а не галлюцинациями можно объяснить результат перестрелки. Люди видели врага, он был реален. А что, если эта тварь неуязвима для обычного оружия или может быть уязвима не целиком? Он караулит случайных попутчиков, ждет, пока они расположатся в здании, и затем нападает. Но тогда почему мы все еще живы? Вероятнее всего, столкновение миров напугало существо, согнав его с насиженного места, и только поэтому наше знакомство пока не состоялось.

– Хватит копаться, лошади сходят сума, Никола с Петрей их еле сдерживают!

Голос вклинившегося в наш разговор Семена прозвучал излишне резко, хотя в данном случае я его понимаю. Мы оборвали разговор и спустились в вестибюль, но было уже

поздно. Я шел последним и поэтому оказался отброшенным в сторону, перелетев через перила. Землю снова потряс сильнейший удар, с потолка посыпались солидные куски штукатурки, а стены пошли большими трещинами. Стекла фасада лопнули как по сигналу, воздух сотрясался от низкочастотного рева неизвестной природы. Ни одно существо в мире не издает таких звуков, поэтому сознание отказывалось воспринять их как нечто исторгнутое чем-то живым. Рев сопровождался ударной волной такой силы, что людей раскидало по всему вестибюлю в радиусе пяти метров. Нам всем повезло, что шлемов так никто и не снял, лично мне на голову свалился солидный кусок штукатурки, и, будь я с непокрытой головой, в ней появилась бы еще одна лишняя дыра.

– Что за херня, откуда этот звук?!

Гуревич и Стах уже стояли на ногах, а в эфире матерился Семен. Обоз был в относительной безопасности, ибо по какому-то счастливому совпадению проводнику удалось инстинктивно выбрать безопасное место для стоянки. Альфовец с охранником плохо соображали, поэтому отвечать пришлось мне.

Собравшись с силами и сглатывая кровавую слюну, я сказал на общей частоте:

– Это нападение, стойте за домом.

– Солдат?! Это ты?! Где остальные?! Что за?..

Объяснять особо некогда, если я правильно все понял, тварь вышла из засады несколько раньше. Подрыв его растормошил, заставил обнаружить себя. Однако теперь все зависит от того, верны ли другие мои догадки.

– Времени нет, водила! Слушай меня, Семен... Слушай внимательно.

– Говори.

– Это какая-то воздушная тварь... часть ее невидима или вроде того. Если увидите нечто... короче, доставайте ножи, нельзя стрелять в то, что окажется рядом с вами.

– А как?..

Рев снова повторился, и на этот раз источник сместился влево, звук стал отчетливее. Значит, неизвестное сообщение все же оказалось предупреждением. Это тот самый Ловец. Нужно попытаться отвлечь внимание, дать каравану возможность выйти за пределы комплекса.

Прервав вопросы водилы, я почти крикнул в эфир:

– Да не знаю я! Просто делай, как говорю, и, может быть, останешься цел!

Я подбежал к все еще стоящим на месте напарникам и, притянув их к себе, не включая рации, стал объяснять:

– Эту тварь действительно зовут Ловцом. Сообщение было со смыслом.

Гуревич дернулся было в сторону, но на этот раз я деликатничать не стал, время поджимает. Решать нужно быстро, от скорости сейчас очень много зависит.

Снова прижавшись лбом к шлему сержанта, я продолжил:

– Взрыв его вспугнул, сейчас оно идет к комплексу. Тварь нужно отвлечь, Ловец не знает, где мы и сколько нас. Похоже, тварь не зрячая, он ориентируется на звук.

Гуревич перестал вырываться, и на этот раз его хватило на еще один дельный вопрос, хотя выбор и так был очевиден для всех:

– Его нужно отвлечь, чтобы вывести обоз, так?

Само собой, это так. И есть по крайней мере четверо, кому этого делать нельзя. Нельзя Семену, поскольку он у нас проводник, нельзя фельдшерице и ководам по очевидным причинам. Нельзя Гуревичу, ведь он у нас главный. С остальными есть вопросы, но про себя я решил, что их тоже тут быть не должно. В таком деле важен фактор времени и опыт. Даже если поставить любого из охранников вместо меня, ничем серьезным они Ловца не привлекут, а у меня еще и подствольник с четырьмя выстрелами и до фига патронов к автомату. Плюс по старому обычаю нужно попробовать сквитаться с этой штукой. Ивана я ему не прощу, раз уж довелось встретиться.

– Сержант, сейчас ты мне приказать не сможешь, я иду добровольно.

– А с...

– И со мной больше никто не идет, надеюсь, это ясно?

Маска не дает возможности рассмотреть выражения лица, скрадывает интонацию голоса, но примерную гамму чувств я мог себе представить. Парень колебался, как любой начинающий руководитель, он все еще не изжил в себе рядового исполнителя. Решимости ему придало новое сотрясение здания и повторившийся протяжный вой.

– Хорошо, мы идем к обозу.

– Ты принял верное решение, сержант.

– Но...

– Движение начнете по моей команде или в тот момент, как услышите пятый по счету взрыв. Иди, сержант, время и так уже не на нашей стороне!

Когда Гуревич и Стах скрылись в задних комнатах вестибюля, чтобы выбраться уже с другой стороны здания через окно, я снова поднялся по лестнице на второй этаж и снарядил подствольник. Снова все вокруг затянуло легкой дымкой тумана, но сильно видимости это не ухудшило. Земля снова мелко затряслась, и окрестности огласил еще один мощный акустический удар. Я нырнул под покрытие широкого окна, зиявшего оскалом стеклянных осколков. А когда снова вынырнул обратно, то без помех смог разглядеть этого самого Ловца. Существо парило в пятнадцати метрах над землей и по внешнему виду более всего напоминало осьминога. Только у этого было десятка два длиннейших щупалец и кожа постоянно меняла окраску с бледно-серого до почти прозрачного состояния. Видимо, в тот, первый раз взрыв тварь исполошил, и она, скинув маскировку, показалась во всей красе, пусть и на короткое мгновение. Не отрывая глаз от силуэта медленно плывущего к КПП Ловца, я вынул монокуляр и измерил расстояние до цели. Сто девяносто пять метров. Пока это еще далеко для уверенного выстрела. Если это зверь, то он, несомненно, идет к тому месту, которое привык считать своей главной кормушкой. Так не годится, его непременно нужно отвлечь от здания и дать обозу выйти. Но сразу этого делать не стоит, нужна игра.

И я уже вскинул автомат, чтобы выбить несколько очков по ростовой фигуре, когда в наушнике вдруг послышался тихий шепот:

– Предупреждение было для всех, беги!

Сигнал шел на выделенной частоте, которую я оставлял только для своих артельщиков, в обозе о ней никто не знал. Или нет?

Стараясь не терять из виду цель, я ответил, стараясь сохранить ровный безразличный тон:

– Ловец услышит обоз, я не могу уйти.

Неизвестный откликнулся почти сразу, и я не мог отделаться от чувства, что голос мне очень знаком. Только по какой-то непонятной причине сознание отказывалось мне помогать. Я слышал его раньше, знал владельца, но...

– Твой бой впереди, Антон. Сейчас ты должен уйти, прошу тебя!

Мало кто знает, каких усилий это мне стоило, но я заблокировал этот канал и вновь прицелился в Ловца. АЕК – машинка очень точная, поэтому первое время пришлось очень серьезно привыкать к его поведению в работе. Если бы у меня был обычный «калаш», то логично было вести только одиночный огонь. Двести метров – это серьезная дистанция для открытого прицела, тем более если в руках у тебя автомат. Но ковровские оружейники сотворили настоящее чудо. При стрельбе с отсечкой, когда огонь ведется короткими очередями по три выстрела, разброс у моего «ковруши» на такой дистанции размером с пятирублевую монету. Поэтому даже такая серьезная туша, как этот воздушный осьминог, получит серьезный повод для беспокойства.

Та-та-дах!

В пустом здании эхо выстрелов прозвучало необычно глухо и безжизненно. Приклад мягко вжался в плечо, прицел даже не ворохнулся. Три тяжелых пули седьмого калибра ушли к цели, и в следующие несколько мгновений ничего не происходило. И вдруг туша дернулась, словно налетев на какую-то преграду. Почти одновременно раздался дикий рев, и Ловец неровными рывками поплыл в сторону главного здания, удвоив скорость. В глазах

потемнело от навалившейся перегрузки, сам воздух вокруг стал тяжелым и почти не проходил в легкие. С трудом преодолевая боль, я побежал в противоположный конец коридора, чтобы сменить позицию. Расчет был на то, чтобы разозлить существо, заставить следовать за собой. В одном моя догадка подтвердилась: Ловец либо был полностью слеп, либо видел очень скверно. Сейчас он шел на звук, подминая под себя иссохшие тополя лесопосадок вдоль дороги, ведущей к КПП. Вот еще один рваный скачок серой туши, и открытые настежь ворота влетели внутрь вместе с обломками бетонного забора, к которому крепилась. Видимо, вес у твари не маленький, на уровне полутонного грузовика, точно. Длинный ворох полупрозрачных щупальцев был уже у входа в вестибюль, а брюхо «осьминога» почти что тащилось по земле. Словно бы опомнившись, Ловец набрал высоту и теперь парил на уровне третьего этажа.

Не спуская глаз с туши, покрытой мелкой серебристо-розовой чешуей, я передвинул «собачку» переводчика огня в положение автоматического огня и дал три короткие очереди. Целиться пришлось так, чтобы получился треугольник, нужно нащупать болевую точку.

Та-та-та-тах! Та-та-дах! Та-хх!

Падать вниз пришлось мгновенно, однако это не слишком помогло. От рева и навалившейся невидимой тяжести меня едва не выворачивало наизнанку, в глазах плыли черные пятна. Двигаясь в полной темноте, озаряемой лишь кратковременными вспышками боли, мне удалось добраться до лестницы и скатиться на площадку ниже. И тут я увидел причину, по которой погибшие обозники перестреляли друг друга. Щупальца еще не проникли в здание, однако каждый отросток отбрасывал некий мираж. Толстые, с руку взрослого человека, полупрозрачные змеи слепо шарили уже внутри, натываясь на предметы и стены. Механизм атаки был прост и эффективен: сенсоры нащупывают жертву, и только потом приходит черед вполне реальных, из плоти. Так Ловец обнаруживает добычу, оценивает ее размеры и способность к сопротивлению, прежде чем атаковать. Жертва ведь не замечает особой разницы, атакуя ложные цели как настоящие.

Мне удалось пробраться вдоль стены, миновав объятия фантомного отростка, и добраться до выбитого окна в восточной части вестибюля. И тут я намеренно выстрелил так, чтобы пуля прошла вдоль помещения, задев сразу пять или шесть ложных щупальцев.

Тах!

Они тут же всколыхнулись, ринувшись в мою сторону. Снова тварь издала свой рев, но меня зацепило лишь краем. Перемахнув через подоконник, я ринулся вперед, к закрытым пакгаузам. Добежав до угла и выдохнув, я вскинул автомат к плечу и дал выстрел из подствольника.

А-аах!

В тот короткий миг, когда тварь еще только-только начала реагировать на разрыв гранаты, лопнувшей в районе ее предполагаемого хребта, я увидел его кровь. Осколки и взрывная волна взрезали бледную плоть, показалось розово-серое мясо, во все стороны брызнула розовато-прозрачная жидкость. Хотя кто его знает, может, у Ловца нет крови или я до нее еще не добрался? Но затем все снова затряслось, земля дрогнула раз, потом еще и еще.

– Солдат! Долго еще?! Лошади бесятся!

Туша медленно стала отходить от здания, полупрозрачные щупальца взметнулись в воздух. Несколько отростков, мягко проникая сквозь гофрированное железо стены пакгауза, потянулись в мою сторону. План сработал, теперь надо удержать ее внимание. Новый выстрел был уже в стволе, нужно отходить в сторону первого КПП, через который обоз входил на территорию комплекса.

– Держитесь! Еще немного нужно побыть на месте!

– Солдат!

Но разговаривать некогда, настоящие щупальца уже ринулись следом за фантомами, ломая ветки кустарника. Отбежав метров на десять к распахнутым дверям трансформаторной будки, я снова прицелился и выстрелил.

А-х-а!

Граната должна была разорваться точно в том месте, где пучок щупальцев соединялся с остальным телом. Но этого не случилось. Каким-то непонятным образом граната прошла сквозь тушу и взорвалась внутри здания, влетев в окно второго этажа. Момент выстрела совпал с резким скачком существа, которое оказалось от меня на расстоянии пяти метров. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что, скорее всего, уйти живым не получится. Но это не особо расстроило, компания будет подходящая. Ваня Григорьев так любил рассказывать всякие забавные истории про повадки таежных зверей. Нет, компания достойная. Резко выглянув из-за угла будки, я снова дал две короткие очереди по туше и, спотыкаясь на ходящей ходуном земле, что есть силы припустил к забору, чтобы выманить тварь на себя.

На этот раз все получилось, тварь дернулась и, заверещав особенно противно, со всей силы врезалась в будку, превратив ее в тучу красной пыли и мелких обломков.

Уже почти теряя сознание, я отжал тангенту рации и крикнул:

– Вперед, быстрее!

– Солдат!

– Быстрее!!!

Краем глаза я успел заметить, как из-за дальнего угла покореженного здания вывернул головной фургон и на приличной скорости помчался ко второму КПП. Следом ехал второй, а охранники и даже Галя бежали рядом, чтобы максимально облегчить повозки. Гуревич бежал последним, как и положено командиру. Тварь, не обращая внимания на пробиравшихся позади нее людей, ломилась сквозь забор, отчего-то быстро теряя высоту. И в тот момент, когда вторая повозка уже почти скрылась за строжкой, заржала одна из лошадей. Животное чего-то испугалось, повозка, опасно рыскнув влево, зацепила бортом угол сторожки. Ловец мгновенно замер, фантомные щупальца ринулись к новому источнику звука. Его от обоза отделяет метров двадцать, учитывая скорость, с которой он перемещается, догнать не составит труда. Фургон медленно, очень медленно выправился и стал двигаться дальше по дороге, но тварь уже нащупала след. Время вновь замедлилось, в голове пульсировала единственная мысль о том, что, даже если я выстрелю, не факт, что Ловец снова обратит на это внимание. Рука сама потянулась к подвеске на поясе, где лежат гранаты к подствольнику. Щелчок фиксатора почти с грохотом оповестил о том, что выстрел встал на положенное ему место. Руки очень медленно поднимали автомат к плечу...

– На теплоходе музыка играет!.. А я одна стою на берегу-у!

На всю территорию раздался искаженный хрипами голос популярной лет тридцать назад певицы. Кто-то врубил радиотрансляцию, и из динамиков, закрепленных на крыше здания, зазвучала эта самая песня.

– Машу рукой, а сердце замирает! И ничего поделать не могу!

Ловец буквально подпрыгнул на месте, взлетев в воздух на десятиметровую высоту. Растопырив в разные стороны щупальца, он стремился уловить источник звука, бьющий его словно кувалдой. Отраженные аккорды льющейся из динамиков музыки были везде, тварь ослепла. Кто бы ни включил трансляцию, он дал нам всем время для маневра. Я успел прицелиться и выстрелить в брюхо Ловца, а обоз наконец-то смог выправиться и отъехать от комплекса на два десятка метров. Дорога шла под уклон, и фурионам удалось набрать приличную скорость. Тем временем Ловец вертелся на месте, испуская во все стороны убийственной силы звуковые импульсы. Разрыв гранаты застал его в тот миг, когда он, уже снижаясь, собирался обрушиться на крышу здания.

Умп-ах!

От встречного импульса тушу повело в сторону от крыши. Испуская хриплые визги, тварь вдруг засветилась ослепительным белым светом, и воздух сотряс мощный хлопок, поднявший тучу пыли. Музыка вдруг осеклась, певица замолчала на полуслове. Теперь, кроме затихающего свиста непонятной природы, еще долгое время ничего не было слышно. Все это время я лежал в заросшей сухой травой придорожной канаве, наблюдая, как оседает пыль. Последствия непонятного воздействия, которое применял Ловец, постепенно стали

сходить на нет. Отерев пыль со смотровых линз маски, я вынул монокуляр и стал осматривать территорию впереди. КПП оказался цел, пакгаузы и главный корпус тоже стояли, но были сильно разрушены. У обоих пакгаузов снесло кровлю, а стены самого «Агропрома» пошли опасно широкими трещинами. Пройти на дорогу, ведущую к границам «белого шума», скорее всего, можно, только миновав сам комплекс. Сверни я с дороги сейчас, и неизвестно, куда выйду в итоге. Спрятав оптику и сменив полупустой магазин в автомате, я поднялся из канавы. Жутко ныли суставы, в голове стоял легкий звон, а рот наполняла вязкая кровавая слюна. Короткими перебежками добравшись до угла главного здания, осмотрелся вокруг. Похоже, Ловец просто испугался устроенной ему ловушки и сбежал. Другого объяснения быть не могло, ведь труп таких размеров не заметить было бы непросто. Так, перебегая от укрытия к укрытию, я вышел к дыре, оставленной Ловцом в самом начале боя. Миновав сторожку, вышел на дорогу. Обоза уже не было, дорога впереди абсолютно пуста. Это скверно. Без чутья, которым обладает Семен, я опять рискую зайти в какие-нибудь дебри. Это не факт, но весьма вероятное развитие событий.

– Дорога выведет тебя к Кордону, только не сходи в сторону.

Голос звучал не так глухо, как если бы говорящий был в маске вроде моей. И это точно не радиоканал, он заблокирован. Все это пронеслось где-то на периферии сознания в тот момент, пока я перекатом уходил за угол сторожки. Опять этот странный наблюдатель. Несомненно, это он включил трансляцию, и, следовательно, он не прямой враг. Но привычка – вторая натура, доверять странным помощникам не в моих правилах. Насколько позволяли слуховые мембраны маски и шлема, вокруг было тихо. Пройдя вдоль глухой стены чуть назад, к забору, я выглянул с другой стороны и увидел его. На дороге, среди покореженных половинок стальных ворот, стоял человек в лохматом костюме разведчика. Невысокий. Почти субтильный. Это женщина или подросток. Костюм подогнан правильно, обношен по фигуре, ничего лишнего. Рукоять пистолета в набедренной кобуре, это «вальтер»! Она стояла расслабленно, разведя руки в стороны, сложив обмотанную камуфляжной лентой винтовку у ног.

– Я не враг, Антон.

Этот голос, рост... то, как она произносит мое имя! Нет, это невозможно. Если кто-то украл ее лицо, голос, я лично подвешу его вверх ногами и выпущу наружу потроха.

Выйдя из укрытия, но не опуская автомата, я сказал как можно более ровным тоном:

– Украсть голос просто, лицо тоже смогли подделать?

Руки девушки опустились, хотя сделано это было очень медленно. Значит, она все же боится пули, это хорошая новость. Кто бы знал, как трудно сдержаться и не пойти на захват прямо сейчас. Медленно, чтобы сократить расстояние для броска, я стал подходить ближе. Если возьму живьем, буду снимать с этой твари шкуру пластами, пока не увижу настоящего лица. Пока не добьюсь правды, зачем они украли любимый голос.

– Антон, все не так, как ты думаешь! Ох... Мысли... кровавые мысли!.. Нет!

Существо очень быстро нырнуло вниз, схватив оружие, и, прежде чем я успел что-то предпринять, бросилось в сторону аллеи.

Та-тах! Тах!

Пули оказались не так быстры, выбив лишь сноп искр в металлоломе и взбив осевшую было пыль. Забыв обо всем и издав удививший даже меня самого рык, я ринулся следом. Тело взбунтовалось в самый неподходящий момент, и я повалился наземь от жуткой боли в левом колене. Существо уже добежало до тропинки, ведущей к канализационному колодцу. Я пытался прицелиться, перекатившись на живот, но снова опоздал. Эта тварь ловко нырнула в люк и пропала. Впервые за долгое время я, не сдерживая рвущегося наружу гнева, выпустил в ту сторону целый «рог». Автомат захлебнулся, но я все жал и жал на спуск, пока на смену ярости не пришло полное опустошение. Ей точно было что-то нужно, иначе со мной не пытались бы говорить. Обман, это очевидно. Расчет был на то, что я, как и некоторые идиоты, приходящие в Зону за чудесами, приму воскрешение как данность, и вот, ешьте Васильева без соли и хлеба. Того, что я сделал, никто из пославших мнимую...

мнимую... Черт, они не заставят произнести ее имя, применив его к этой твари!

Поднявшись с колен и присоединив новый магазин, я пошел в сторону дороги. Кем бы ни было это существо, какие бы цели ни преследовали пославшие ее, им выгодна моя жизнь. Поэтому совет про дорогу, скорее всего, верен, поэтому основная цель не изменилась, мне все еще нужно попасть на Кордон и разобраться с посланием Видящего Путь. Другое дело, что теперь появилась жесткая мотивация найти того комбинатора, который сотворил это кощунство с дорогим мне образом. Точно я уверен только в одном: быстро он не умрет.

Как я и предполагал, дорога к границам «белого шума» оказалась относительно безопасной. Не считая двух аномальных полей, разбросанных вдоль обочин, еще двое суток прошли вполне спокойно. Изредка вдалеке раздавался странный протяжный вой, но на слух, да еще сквозь скверные слуховые мембраны шлема, определить его природу не удалось. В любом случае, если это было что-то живое, приближаться ко мне оно не решилось. Навигатор ПДА все еще привирал, однако обновления карты проходили регулярно. Это означало, что есть точка доступа к серверам в Бреднянске и выход на твердую землю где-то недалеко. Погода испортилась, даже дождь, в какой-то момент просто едва-едва моросивший, опять превратился в отвесно падающие потоки воды. Видимость снизилась до расстояния вытянутой руки, и сейчас не было повозки, к которой прикреплен трос, чтобы выдерживать направление. Я буквально шаг за шагом плелся по еле видимой полосе асфальта весь первый день после ухода из ловушки странного существа, названного кем-то Ловец. Наконец, когда, выбившись из сил, я сделал привал возле проржавевшего до черноты остова грузовика, дождь прекратился. С трудом заставив себя проглотить несколько глотков теплой воды из заплечной поилки, пришлось подняться на ноги и снова идти вперед, пока дорога видна. Мысли о встрече с призраком постоянно роились где-то на периферии сознания, хоть я и гонял их со всем усердием. Большого труда стоило просто считать шаги и периодически осматривать окрестности да дорогу впереди. Очень помогало то обстоятельство, что вдоль шоссе были высажены деревья, чьи высокие, изуродованные непонятной силой, перекрученные стволы иногда попадались вдоль обочин. На вторые сутки, примерно во второй половине дня, за пеленой мелкого дождика я различил впереди кисельное дрожание мембраны границы аномалии. Так всегда бывает в пути, особенно если идти куда-то очень долго. Если видишь то место на горизонте, где высится дом или даже уродливый короб автобусной остановки, эта точка произвольно приближается, хочется добраться до нее быстрее. Но чаще всего дорога оказывается значительно длиннее, чем нам бы хотелось думать. Еще сутки в прибавку к двум предыдущим я шел вперед, почти постоянно останавливаясь, чтобы осмотреться. Более всего нервировала невозможность маневрировать, сойти с узкой ленты асфальта и вернуться назад либо идти параллельно шоссе. Деревья с голыми ветвями и низкорослый кустарник – не очень хорошее укрытие. Если мне сходить не стоит, то некто из местных обитателей или тех, у кого свой маршрут, вполне могут срезать одинокого путника, если заметят. А может быть, зайдут вперед и устроят мне теплую встречу, такое тоже вполне вероятно. В короткие минуты передышки я все время старался гнать от себя крамольные мысли о том, что, вероятнее всего, чуть не застрелил любимую женщину. Весь мой опыт восставал против такой возможности, знания о природе здешних мест говорили примерно то же самое, но человек так устроен, что именно самая бредовая идея кажется ему вполне возможной. Это никак не лечится, иррациональность у людей зашита в подкорку, и время от времени именно это самое: «А вдруг правда есть летающие свиньи?» – приводит нас к совершению чего-то безумного. Часто это просто мелкий блудняк, но в тридцати процентах случаев приходят серьезные неприятности. Однако со мной ничего такого не происходило, что изматывало почище любого многокилометрового марш-броска. К исходу третьих суток я вышел к тому месту, где асфальт обрывался, вздыбившись уродливым холмом, поросшим пожухлой серо-желтой травой. Поднявшись на его вершину, я увидел туманное серое марево, дрожащее как плохо сваренный студень. Дурак прыгнул бы вниз и, скорее всего, погиб, такое «белый шум» не

прощает. Я осторожно, шаг за шагом отмеряя почти что по сантиметрам все движения, стал спускаться вниз. Несколько раз нога срывалась вниз и сердце замирало от появлявшегося ощущения потери твердой опоры. Но в последний миг носок ботинка или каблук нащупывали землю, и скольжение по краю продолжалось. Сам момент перехода я пропустил, но граница напомнила о себе резким перепадом давления, от которого заложило уши и мозгу стало неимоверно тесно в черепушке. Тут важно не паниковать, не поддаваться соблазну идти быстрее, иначе давление разорвет на части. Спасла мысль о том, как нашим обозникам удастся всякий раз проводить через это лошадей. За подобными рассуждениями я ощутил, как граница смыкается за моей спиной, и два шага спустя меня мягко вытолкнуло наружу. Перекатившись влево, я что есть силы оттолкнулся ногами от земли, чтобы уползти как можно дальше от границы зоны перехода. Мембрана лопнула через пару секунд с резким щелчком, воздушная волна взбила пучки желтой травы вокруг. Первым знаком, что я нахожусь на обычной земле, был десяток текстовых сообщений, восемь из которых – это предложения о работе. Убедившись, что детектор радиоактивности показывает норму, я с наслаждением сорвал с себя маску и шлем. Стригусь я очень коротко, а в шлеме есть специальные картриджи-поглотители, однако пота там было точно на четверть, хоть пей. Карта показывала, что выбросило меня в юго-западном секторе, за железнодорожной насыпью, километрах в полутора от заброшенного АТП. Пришлось пройти метров двести в сторону небольшой свалки, чтобы привести себя в порядок и проверить оружие. С пистолетом пришлось повозиться, а патроны выбросить в крутившуюся неподалеку «воронку». Боеприпасы, как и многое другое, в «белом шуме» имеют свойство терять присущие им качества. Так случилось и на этот раз: вихрь жадно подхватил тусклые цилиндры, раскручивая их до огромной скорости. А когда раздался завершающий хлопок, во все стороны брызнула лишь белесая труха. Свежие «маслята» точно бы взорвались, опыт такой был, а эти просто раскрошились. Сам пистоль не пострадал, вычистить пыль и присохший нагар было делом даже приятным. Положив его в кобуру, я подтвердил новый принцип, согласно которому я никому больше не дарю оружия. С «коврушей» все привычно, смазать и набить два магазина заново – это практически с завязанными глазами. Но когда все было закончено, я поймал себя на мысли, что смотрю на виднеющиеся вдали крыши военной базы и непроизвольно поглаживаю рукоять пистолета. Нет, новое правило определенно имеет смысл. Дарить что-то из железа знакомым и друзьям не стоит. Видимо, оружие имеет привычку возвращаться и приносить новым хозяевам лишь неприятности. Натянув вынутую из рюкзака запасную свежую «душегубку», я сосредоточился на переписке. Контрольный срок истек, поэтому нужно дать артельщикам знак, что все прошло нормально. По календарю прошло без малого десять суток, хотя по меркам «белого шума» от силы дней шесть. Погода на твердой земле более предсказуема, хотя разнообразием тоже не отличается. Дождь кончился по всем признакам совсем недавно, уступив место холодному порывистому ветру и иногда пробрасывающему мокрому снегу.

Заслонив экран ПДА от налетающих мелких снежинок, я открыл архив сообщений. Сначала я вежливо ответил всем потенциальным клиентам, что подумаю. Оставшиеся два были от Юриса и Слона. В принципе ничего нового артельщикам нарыть не удалось. Хотя оба нашли пару намеков на зацепки. Слон переслал пару любопытных набросков старых карт Могильника, которые ему дал какой-то старый приятель. В принципе ничего особенного, но на втором листе была схема подземных коммуникаций, выходивших чуть ли не к самой Промзоне. Конечно, многое устарело, кое-чего вообще, скорее всего, уже нет в природе, но теперь есть очевидная наводка на примерный маршрут. И был у меня неплохой вариант растрясти Сажу и его улей, дабы получить от них контракт на экспедицию в город-призрак. Если это выгорит, можно опять получить нечто эксклюзивное из снаряжения. После Исхода большинство стран свернули свои проекты в Зоне, военные тоже перестали снабжать свой контингент, как встарь. Патроны и взрывчатка пока не дефицит, но напряжение все же присутствует, это стало заметно. Хуже всего дело обстоит со специальным старательским снаряжением, без которого перемещение по внутренним областям Зоны отчуждения просто

невозможно. Теперь, чтобы достать запчасти к ребризерам да те же фильтры для дыхательной маски, это огромная проблема. Лабораторные комплексы сейчас в полном запустении, персонал либо погиб, либо эвакуирован. Постепенно все разработки защитных средств переместились за периметр. Самый ближний к нам исследовательский военный центр украинских ВС теперь находится в районе Губинского лесничества. Именно туда вывезли все оборудование и персонал их трех основных номерных исследовательских комплексов с литерой «Х» в названии. Объекту присвоен длинный номер, а в прессе его называют общевоинским полигоном ВС Украины. Но по некоторым данным, именно оттуда во внутренние области Зоны идут вертушки, однако, что они там делают, никто не знает. Охрана чисто украинская, однако я видел в местной инфосети сообщения и фотографии въезжающих на территорию полигона крытых грузовиков с военными номерами сил НАТО. И у местных вояк, стерегущих периметр, ресурсов существенно поубавилось, поэтому достать что-то по старым каналам снабжения контингента удается все реже и реже. И не потому, что не продают, а просто продавать стало нечего. Знак тревожный. Поскольку периметр по-прежнему нужно удерживать, а как это делать без снаряжения и боеприпасов? Нехорошие сигналы, очень нехорошие. Зато оживились местные спекулянты. Тара ломит астрономические цены, и я уже начал подумывать о налаживании собственного канала поставки, хотя пока это только проект. Все упиралось в транспорт, кроме того, нужно проверить, а будет ли это выгодно. Экономика никогда не была моей сильной стороной, поэтому задумка шевелилась в своем уголке сознания, и не более того.

Сообщение от Юриса оказалось малосодержательным. Друг писал, что сообщение о Буревестнике как о реальной фигуре вызывает у сообщества вольных стрелков только легкое недоумение. Похоже, о нем давно никто ничего не слышал. Как сечевые вышли на него и смогли нанять, никто даже не может себе представить. Все считали Зана покойником, причем довольно давно. Юрис напросился за стол к компании наемников, иногда берущих контракты от «Державы», те тоже ничего про Зана не слышали. Однако один из них опознал по фотографии белобрысого владельца редкого артефакта, показанного мне Сажей. Им оказался недавно пришедший в Зону норвег, некто Харалд Дансель. Кроме имени, Юрису ничего конкретного выяснить не удалось. Вроде служил в афганском корпусе НАТО, потом был в Ираке, но это лишь общие слова. Большинство наемников и вольняг в Зоне – это бывшие вояки или менты. Хотя это лучше, чем ничего. Присев у подножия невысокого холма, я отстучал Слону сообщение с новой радиочастотой, поскольку старая раскрыта, и приказал пока вести расспросы. Резких телодвижений сейчас совершать не стоит. Про норвега лучше расспросить Серого и Одессита, не может быть, чтобы такой человек не оставил совершенно никаких следов.

Вдумчиво перекусив завалывшимися на самом дне рюкзака сухарями и запив теплой водой из практически пустого «горба» поилки, я поднялся и пошел почти строго на юг, огибая холмы. На Кордоне бывать приходилось редко, поэтому от любых построек лучше держаться подальше. Через час, когда стало смеркаться, я подошел к темнеющим впереди руинам АТП. Укрывшись в полосе густого кустарника, захватившего почти все открытое пространство вдоль шоссе и грунтовой дороги, ведущей к АТП, я вынул монокуляр и стал осматривать руины. Со времен Исхода тут практически ничего не изменилось, если не считать того, что военный блокпост под виадуком более не существовал. Военные ушли оттуда полгода назад, когда стали проявляться первые признаки упадка, вызванного сокращением финансирования группировки. Теперь тоннель постоянно переходил из рук в руки. То его брали под контроль ополченцы Серого, то какая-нибудь мелкая банда уголовников, решившая таким образом завоевать авторитет и привлечь к себе внимание баяна Соловья, как уважительно прозвали бандиты своего нового лидера. Военные периодически объявляли беспределу бой и гоняли как ополченцев, так и их оппонентов. Сейчас у трех вагончиков, дырявых от пуль и закопченных частыми пожарами, обосновалась непонятная шайка искателей удачи. В оптику я заметил, что все одеты пестро, оружие тоже разное. Однозначно это не милиция Серого, те носят черно-красные нарукавные шевроны с

белой волчьей головой в центре. А тут никаких знаков различия, скорее всего бандиты. Для меня это могло означать только одно: скоро тут будет жарко и лучше уйти, не привлекая внимания. Чтобы вновь не оказаться замешанным в совершенно не касающийся меня конфликт. Оккупанты точно проиграют, прояви потенциальные нападающие самый минимум смекалки. Вояки сняли все мины, поэтому фланги остались уязвимы для обходного маневра. Кроме того, нынешние хозяева тоннеля выставили только два поста вдоль дороги по обе стороны насыпи, вынеся их слишком далеко. Да и в целом вели себя крайне беспечно: ветер доносил до меня громкие голоса и треньканье традиционной в наших местах шестиструнной гитары. Азарта, как в былые времена, уже не было, поэтому я не стал даже прикидывать свои шансы на возможную акцию, хотя, по приблизительным оценкам, разогнать эту толпу мародеров вполне можно одному. Две гранаты в каждый костер, а потом только стрельба по мечущимся в панике мишеням. Но сейчас не хотелось думать об этом в более-менее серьезном ключе. Убрав монокуляр в подсумок, я осторожно выбрался из укрытия и двинулся в обход руин АТП, пока темное нагромождение построек не осталось далеко позади.

Окрепший ветер, налетевший с юга, принес небольшое потепление и разогнал низко висящие тучи. Но обещание Обелиска все еще действовало, луна из-за рваных облаков так и не появилась. По еле видной в сгустившихся сумерках тропе я вышел на окраину широкого поля, заросшего редкими деревцами и высоченным густым кустарником. В деревню сегодня уже точно попасть не получится, ополченцы – ребята не шибко опытные, начнут пальбу сразу же, как только увидят какое-то движение. Хуже всего, что воды практически не осталось, есть тоже хотелось ощутимо, однако голод – это не жажда, можно перебороть. Зато тут вполне можно развести костерок, признаться, за время путешествия я соскучился по живому запаху обычного походного огня. Деревья тут почти обычные, сучьев насобирать не проблема. Рубить деревца вблизи постов охраны не стоит – наблюдатель вполне может обнаружить изменения, а может быть, какое-то дерево стало привязкой на местности, и тогда совсем хана. И с такими вот мыслями я двинулся на поиски сухих веток. Но метров через десять я почувствовал, что кто-то уже осуществил мою заветную мечту. Недалеко, у самого края небольшой рощи, я увидел мерцающий рыжий огонек, а еще через несколько шагов ноздри защекотал ароматный запах горячего мясного варева. Некто вроде меня, припозднившийся в дороге, тоже решил не искушать Судьбу двусмысленными предложениями и остался ночевать в поле. Лучше будет обойти этих путников стороной, мало ли что. Огня тоже разжигать не стану, перебыюсь несколько часов до рассвета, а там пойду по дороге, как это делает большинство. Караван, скорее всего, уже добрался, следов боя у тоннеля не было, Гуревич и остальные просто так этой шпане не дали бы. Да и урки тоже с «Альфой» связываться не стали бы. Группировка эта не из богатых, но бойцы славились своей подготовкой. Поэтому шансов сорвать куш нет, а вот проблем может быть куча. Скорее всего, пропустили либо обоз миновал тоннель раньше, чем это отребье успело его занять.

От рассуждений отвлек близкий и довольно отчетливый хруст в кустах. Некто шел прямо на меня, шумел, будто нарочно хотел быть услышанным. Звери и люди ведут себя в Зоне почти одинаково. Это означает подлость и коварство вне зависимости от количества пар рук, ног или наличия клыков. Тот, кто ломился сквозь колючий кустарник, знал, что я здесь, и просто обозначал свое присутствие, а может быть, и отвлекал внимание от настоящего охотника, бесшумно заходящего с другой стороны. Прикордонье – открытая местность, здешняя растительность и холмы не помогут в скрытном перемещении. Поэтому глупых вопросов типа «Как меня выследили?», само собой, не было. Раз срисовали, нужно воевать.

– Эй, Ступающий, только вот палить по мне не надо!

Низкий пропитой голос, в котором иногда проскакивали высокие нотки, я узнал без напряжения. Причем это был именно тот, на кого я подумал, подстава была исключена, прежде всего из-за запаха.

– Тихон, опять наши дороги сошлись!

– Это не я, Ступающий. Нужда гонит опять срываться с насиженных мест и брести в это проклятое место, где каждый сопляк норовит продырявить безобидного путешественника!

Издав очередную порцию трескучих звуков, из кустов появился Подорожник, откликавшийся на человеческое имя Тихон. За все прошедшее после нашей последней встречи время Тихон ни капли не изменился. Его сторбленную невысокую фигуру по-прежнему покрывал рыжий от грязи и непогоды брезентовый дождевик, за плечами висел неизменно тощий вещмешок, практически сливавшийся цветом с плащом. Только коричневые вытертые кожаные ремешки застежек верхнего клапана и боковых карманов выделялись на общем фоне как совершенно посторонние, не принадлежащие этому предмету. Лицо моего давнего знакомого тоже мало изменилось, может быть, только мешки под глазами стали больше, а красная толстая шея в вырезе плаща стала толще и приобрела совсем уж багровый оттенок. Потеребив мясистый сизый нос и пригладив остатки волос на плешивой круглой голове, Подорожник протянул мне свою обычную руку:

– Ну, будь здоров, что ли. Со свиданьем, Ступающий.

Я без колебаний пожал крепкую узловатую ладонь, более всего напоминавшую ковш экскаватора. Тихон крепко сжал мою руку в ответ и быстро выпустил, спрятав руку за спину. Нужно сказать, что две обычных руки Подорожники используют, только чтобы брать пищу, поэтому сам факт рукопожатия мог считаться у них жестом высшего доверия к человеку.

Зыркнув на меня зелеными, с вертикальным зрачком глазами из-под опухших век, Тихон продолжил:

– Время к ужину, я тут недалеко костерок развел. Ночь будет холодная, но дождь сегодня нас минует. Пошли посидим и поедим горячего, а?

Я молча согласно кивнул. Вдруг снова подумалось, что наша встреча, как всегда, не случайна. Подорожники ушли вглубь Зоны, как только там стало относительно безлюдно. Они вечные бродяги, обожают рыться в мусоре и ютиться вдали от любого жилья. Так близко к человеческому жилью его могли заставить выйти только крайние обстоятельства... или чей-то приказ. Тихон и его соплеменники – слуги Вероятности, они ходят между мирами, выживая там, где другие, гораздо более грозные воины умирают в промышленных масштабах.

Мы молча, не говоря больше ни о чем, пересекли край поля, заросшего росистой желто-серой травой. Но в отличие от той, что растет в пустошах кочующих земель, эта имела знакомый и такой родной запах мокрой соломы и сырой земли. Я шел следом за Тихоном и украдкой с жадностью втягивал этот живой аромат настоящей реальности. После высушенных мумий, изуродованных катаклизмом территорий «белого шума», это был своего рода опьяняющий допинг. И еще к этому одуряюще родному запаху примешался аромат костровых углей и съестного варева. Еще немного пройдя в направлении роши, мы оказались в небольшой прогалине, окруженной четырьмя могучими тополями. Тут, в самодельном очаге, собранном из обломков кирпичей, горел огонь. На камнях сверху стоял закопченный пятилитровый котел, черные брюхо и бока которого лизали рыжие языки огня. Под сдвинутой вбок крышкой кипел наваристый кулеш. В золотистом пшене плавали коричневые кусочки сала с лоскутами синего лука, а также крупные куски моркови и разварившегося картофеля. Рядом, в алюминиевом и таком же чумазом чайнике, судя по запаху, доходил только что поспевший чай. Сглотнув невольно набежавшую слюну, я прошел к костру, а Тихон уселся напротив, выжидательно глядя на меня. Вспомнив о традиции, я вынул из бокового подсумка два автоматных магазина и протянул их Тихону:

– Дорога была длинной, больше ничего дать не могу. Возьми и не сердчай, друг.

Тихон серьезно кивнул, ткань плаща на его груди зашевелилась. Подорожник высвободил из складок одежды третью, костяную руку и протянул ее прямо над котлом, где было жарче всего. Я вложил в желтую узкую ладонь свой подарок, который тут же исчез с поразительной быстротой. Это было уже не в первый раз, но все еще оставляло тревожные

ощущения. Как только складки плаща снова улеглись, Подорожник сбросил рюкзак на землю и приглашающим жестом обычной руки с короткими волосатыми пальцами указал на котел:

– Угощайся, Ступающий. Сало нормальное, картошка чищенная, а пшено казенное.

Я достал из своего рюкзака ложку и пустой котелок, а радушный хозяин доверху насыпал в него аппетитного варева. Следующие полчаса мы практически не разговаривали, пока котел, убранный с огня на землю рядом с очагом, не показал мятое дно. А когда пришел черед чая, я, с наслаждением вытянув ноги к очагу, стал прихлебывать черный ароматный напиток мелкими смакующими глотками. Тихон отпил только из вежливости полкружки. Подорожник достал откуда-то початую бутылку перцовки, приглашающим жестом предложил мне, но, увидев, что я отрицательно покачал головой, вынул из горлышка самодельную деревянную пробку и в три долгих глотка опустошил содержимое.

Затем, сыто рыгнув, Подорожник прислонился к стволу дерева спиной и, посмотрев на меня довольным взглядом счастливого человека, спросил:

– И вот теперь скажи мне, Ступающий, почему ты выбрался из Зоны на эту окраину, а?

Вот оно что! За свою не такую уж и короткую жизнь я научился не верить в совпадения. Случайная встреча оказалась кем-то тщательно спланирована. И возможности у них впечатляют: тварь с ворованным лицом и голосом, теперь вот вытащили Тихона, которому, пускай и с некоторыми оговорками, можно верить. Ну, продолжим игру. Посмотрим, каков будет их следующий ход.

Спрятав кружку с недопитым чаем в ладонях, я ответил, глядя в нечеловеческие глаза иномирянина:

– Где-то с неделю назад из-за Завесы пришел гость.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Тихона, только губы так же кривились в пьяной улыбке, что ровным счетом ничего не означало. Подорожник не потрудился даже удивление изобразить. Значит, эта часть истории ему уже известна.

Поэтому я продолжил, стараясь улавливать нюансы мимики, реакцию собеседника:

– Но при переходе что-то случилось, либо на этой стороне его уже поджидали.

И опять ничего, бродяга даже не подался вперед, что было для него нетипично. Тихон, как и все его соплеменники, обожает всякие истории.

Значит, продолжим:

– Мы выполняли поручение для ученых. Искали экспедицию, пропавшую примерно месяц назад, и случайно натолкнулись на тех, кто забрал гостя.

– Как он выглядел?

Ну вот, теперь я точно знаю, до какого момента вы все отследили. Так и знал, что нетерпение выдаст посланца этих непонятных и влиятельных. Тихон никогда не любит пересказов того, о чем ему известно. Значит, история ему известна ровно до того момента, как я вышел с обозом из Промзоны.

– Тихон, мы оба знаем, как он выглядел и что случилось потом. Давай к делу, говори, что им нужно.

Лицо Подорожника побагровело от напряжения. Но все же он сумел совладать с собой и ответил ровно, своим обычным тоном:

– Я говорил, что с тобой нужно играть в открытую. Прости, Ступающий, у всех из нас есть обязательства.

– Понимаю. Но вопрос все тот же. Говори, так мы оба получим то, к чему стремимся.

Крякнув от смущения и придав лицу серьезное, совершенно не свойственное ему выражение, Тихон начал с вопроса:

– Что ты помнишь, о Ждущих в Темноте?

– Наемники, живут в кораблях-ульях и работают на тех, кто больше заплатит.

– Верно, таковы они и есть. Только, видишь ли, какое дело, не всегда их услуги можно купить за деньги. У каждого есть нечто, не измеряющееся выгодой.

– Они что, из-за религиозных догм сюда снова рвутся?

Лицо Подорожника исказила гримаса крайнего раздражения и досады. Видимо, ему не особо нравилась отведенная роль говорящего письма.

– Нет, вернее, не совсем так.

– Что же тогда?

– Им пообещали новую Родину...

– Здесь, на Земле?!

Этот вопрос, казалось, снял некоторое напряжение, возникшее с самого начала встречи. Тихон заулыбался, показав все свои синие, никогда не чищенные зубы.

– Нет, что ты! Пойми, Ступающий, на вашем мире свет клином не сходится. То обстоятельство, что вы стали участниками большой игры, не означает, что вы особо ценные или страсть какие исключительные. Вы – перекресток, удобная перевалочная станция. За этот перекресток назначена определенная цена, а Ждушие просто выполняют заказ.

– Вейт?

Веселое настроение словно ветром сдуло, и Тихон мгновенно побледнел, втянув голову в плечи, став похожим на карикатуру колобка из детской сказки. Эдакий сморщенный, грязный и сильно пьющий колобок.

– Прошу, не произноси этого имени больше, а?

– Я уже встречался с ними недавно. Мне предлагали уйти в сторону, грозились убить всех, кто мне дорог.

Лицо Подорожника, не утратив своей бледности, снова претерпело поразительные метаморфозы. Редкие брови поползли вверх, подперев морщинистый низкий лоб. В глазах светился неподдельный страх, которого я не видел у Тихона уже очень давно.

Дрожащим от напряжения голосом он спросил:

– И что ты им ответил?

– Что и должен был: нельзя торговать чужим товаром, это несерьезно.

Страх не исчез, но напряжение мало-помалу стало отступать, Тихон, уже немного успокоившись, снова пробормотал куда-то в сторону:

– Видящий Путь не ошибся, он и вправду невосприимчив. Легенды не врут на этот раз.

– Эй, а можно с подробностями?

Снова переведя затуманенный от размышлений взгляд на меня, Тихон согласно кивнул и начал рассказывать:

– Те, с кем ты встречался, были союзниками Ткачей. Легенда гласит, что именно они развязали войну. Нашли способ изменять ткань Вероятности и обучили этому способу Ткачей. Но сами всегда оставались в тени, никто из воюющих рас никогда не видел их, не говорил с ними. Только вожди Ткачей общались с Вейт, да и то немногие.

Дрожащей от переживаемого напряжения рукой Тихон достал новую, непечатую бутылку перцовки и, с хрустом свинтив фабричную пробку, сделал один долгий глоток из горла, забыв даже из вежливости предложить мне.

Допинг подействовал, лицо Подорожника вновь приобрело сизовато-кирпичный оттенок, голос стал звучать увереннее:

– Ткачи стали теснить противника, это было не трудно. Они действовали сплоченно, как один. А среди племен, им противостоявших, не было согласия, каждый мир воевал сам за себя. Лишь Изменяющие да еще одна сильная и древняя раса, Райн, достойно сопротивлялись захватчикам.

– А как же Обелиск?

– Они не воюют ни с кем. Разумных камней слишком мало, для войны они стары, ибо не видят в ней смысла. Бежать – вот все, на что они способны.

– Ты упомянул вторую расу. Кто они?

И снова лукавая улыбка прогнала страх и напряжение с лица рассказчика. Тихон пожал плечами и ого рошил:

– Кому, как не тебе, Ступающий, лучше всех знать об этом? Одного ты спас в разрушенном поселке, а другого... другую чуть было не пристрелил совсем недавно!

И тут удивляться пришлось уже мне. Лежавшая рядом догадка, словно холодный душ, окатила с ног до головы, но лишь на короткий миг. Ярость, дремавшая все это время, снова дала о себе знать.

С трудом сдерживаясь, я проговорил сквозь зубы:

– Украсть голос и... Черт! Что они еще сделали, обокрав мертвую девушку?!

Не знаю, куда делась вся выдержка и хладнокровие, меня словно бы подбросило, и, перемахнув через очаг, я уже с ножом в руке держал другой Подорожника за горло, блокировав локтем его третью костяную руку. Острие вороненого клинка смотрело точно в глаз иномирянина. Тихон пытался вырваться, и что-то в его взгляде заставило меня отступить, отбросив Подорожника от себя, разорвав дистанцию. Но тот не сделал попытки подняться, а лишь с непонятым выражением смотрел на меня.

И только когда он заговорил, стало ясно, что это было сочувствие:

– Прости, Ступающий.

– Бог простит.

Ярость ушла так же быстро, как и возникла. Поднявшись из глубин подсознания, она снова взбаламутила осадок горечи утраты, воскресив былые сожаления и неудовлетворенное чувство мести. Но Тихон не виноват, иномиряне не понимают нас, а мы не до конца понимаем их, отсюда все проблемы. Снова обойдя очаг и сев на свое место, я взял несколько толстых сучьев валежника, лежавших рядом, и, поворошив уголья почти прогоревшего костра, сунул их подальше в огонь, который радостно вспыхнул, принимая новую пищу. Тихон тоже сел напротив, с опаской поглядывая в мою сторону.

Не поднимая глаз от разгорающегося пламени, я сказал:

– Если они так хотели завоевать мое доверие, то ошиблись. Даша мертва, кадавр, пускай даже и очень похожий, это уже не она. Если хотят разговора, пусть уберут эту... это... Иначе я убью эту тварь, а потом отыщу способ найти и тех, кто ее послал сюда. Образ близкого мне человека – это святое... не троньте его.

Подорожник все еще смотрел на меня испуганным взглядом, стараясь держаться на безопасном расстоянии. Не спуская с меня настороженного взгляда и потирая шею, он с раздражением пробурчал:

– Ты сильно изменился, Ступающий. Кидаться с ножом на друзей – это неверный подход.

– Мы никогда не были друзьями, Тихон. В прошлый раз ты меня крепко подставил. Если помнишь.

Реплика попала в цель, Подорожник опустил голову, я успел заметить, как лицо его побледнело, желваки на скулах вздулись. Но, быстро совладав со смущением, он тем же глухим тоном сказал, цедя каждое слово сквозь стиснутые зубы:

– Не у всех есть столько мужества, чтобы всегда поступать правильно, Ступающий. Если ты слаб, тогда обстоятельства ведут тебя, если силен – можно самому эти обстоятельства создавать.

Слова вечного бродяги подействовали на меня, словно ушат холодной воды. Легко говорить о выборе тем, кто живет, неся посильный крест, выбрав спокойствие. Им есть что терять, а мне уже нет.

Снова поднявшись, я сказал, стараясь не пугать и так подобравшегося иномирянина:

– Прости, ты тут действительно не при делах. Но с теми, кто вынудил тебя прийти сюда, я говорить не стану. Для разговора они выбрали не тот язык, пускай даже неумышленно.

Если я хотел удивить собеседника, то это получилось. Видимо, нечасто кто-то брал на себя труд обращать внимание на посланца и его чувства.

Подорожник слегка качнул головой, будто бы соглашаясь с какими-то своими мыслями, и ответил уже своим обычным тоном:

– Они не хотели тебя оскорбить, Ступающий. Это традиция – брать облик и воспоминания уже умерших, чтобы не оскорблять двуличием живых. Не уверен, что знаю

точно, однако Райн не манипулируют союзниками.

– Тогда как они скопировали... все о ней?

– Свет Маб не уничтожает память быстро, в момент уничтожения, информация может звучать. Потом она растворяется бесследно, но есть способ услышать все один последний раз. Райн слушают некросферу, чтобы вести мировую летопись Вероятности. Они услышали и запомнили.

– Они бесполое?

Подорожник, отвлекшись от каких-то своих воспоминаний, поднял на меня затуманенные воспоминаниями глаза и неопределенно пожал плечами:

– Если не убьешь посланца на этот раз, ты сможешь об этом спросить.

– Зачем они ищут меня?

Тихон утратил интерес к разговору, он все более отдалялся, думая о чем-то своем. В нашем общении что-то пошло не так, понимание исчезло. Может быть, иномирянин прав и я просто стал другим. Одного я не утратил – это ощущения момента, когда нужно уходить. Пицца сделала свое дело, невероятно хотелось спать. Но ночевать тут было неправильно. Навьючив рюкзак и подняв лежавший рядом автомат, я поднялся и, не прощаясь, развернулся вполоборота, чтобы уйти. Выпускать Тихона из поля зрения и поворачиваться к нему спиной я не рискнул. С того самого случая, когда он чуть не сдал меня Ткачам, пускай и опосредованно, я больше не доверял никому из местных.

И когда круг неровного, мерцающего света остался позади, я услышал окрик:

– Не важно, что нужно от тебя другим, Ступающий. Всегда важно, чего хочешь ты сам. Желания не умерли, как глубоко их ни хорони!.. А вокруг нас место, куда каждый приходит со своими надеждами.

Я не стал оглядываться, разговор действительно себя исчерпал. Цель осталась прежней, последние события никак на приоритеты не повлияли. Даже этот грязный трюк с двойником пускай и ранил, но с пути не сбил.

Обойдя поле по краю, я осторожно форсировал небольшое аномальное поле, расположенное недалеко от заваленного железнодорожного тоннеля, и оказался в овраге с относительно сухим дном. Расставив по склонам растяжки и замаскировавшись в кустарнике, удалось уснуть. Сновидений избежать удалось удивительно легко, будто и не было всех этих долгих месяцев, покореживших душу сильнее, чем десять лет войны там, в большом мире. Закрыв глаза, я видел только тьму, звуки, доносившиеся сквозь ее черное покрывало, были привычны: где-то стреляли, зверье протяжно выло, жалуясь на судьбу. Но все это кончилось в то самое мгновение, когда пискнул радиовывозом зашифрованный канал, по которому мы общались с обозниками. Из наушника вновь раздался знакомый и одновременно ненавистный голос посланца... или посланницы Райн. С одной стороны, это было неплохо. Смена каналов помогла, и, следовательно, в первый раз имел место какой-то неизвестный вид пеленга. А вот то обстоятельство, что репликант говорит на частоте конвоя, определенно настораживает. Палец все еще в нерешительности замер на клавише передачи. Вызов не прекращался, настойчиво пищал, долбился прямо в мозг. Бросив мимолетный взгляд на циферблат часов, я отметил время – 03.14 утра. Выходит, прошел почти час после разговора с Тихоном. Интересно, успел он уже связаться с этими фокусниками или нет? В любом случае подобраться незаметно у репликанта не выйдет, теперь я начеку. Пускай приходит, испытаем нашу удачу вместе.

Отжав клавишу, я ответил:

– Говори, я слушаю.

Связь в виду Кордона почти всегда нормальная, а на моем ПДА стоят хорошие системы шумоподавления и подстройки частот. Так что сейчас было слышно громкое дыхание вызывавшего, словно он медлит в нерешительности.

– Я... мне известно о твоей потере, Ан... Ступающий в Паутине. Когда я приняла этот облик и все, что с ним связано, это был акт уважения. Мы не хотели оскорбить твоих чувств, клянусь Светом милостивой Маб.

На Востоке моджахед вполне спокойно может приносить клятвы неверным, чтобы тут же с легкостью их нарушить. Важен ритуал, а на войне победа – это единственный приоритет. Поэтому я верил только своим друзьям, а из местных только Охотнику и его соплеменникам. Их мотивы и устремления были близки любому, избравшему путь воина, а потому лишенному не боевого двуличия. Проще всего было не отвечать и ни на что не соглашаться, однако я понимаю, что так просто эти комбинаторы не отстанут. Посмотрим, чего они хотят.

– Я так и не услышал, что тебе нужно. Или говори, или уходи с волны.

Опять последовало продолжительное молчание. Это тоже хорошо. Врут обычно по заготовке, для этого не нужно подбирать слова.

Прошло секунд десять, я уже совсем было собирался заблокировать и этот канал связи, когда голос раздался вновь:

– Твои недавние попугачики скоро умрут, осталось порядка двух часов.

Новость действительно не из рядовых. Хотя навскидку репликант вполне мог говорить правду. Время и пространство в кочующих землях ведут себя непонятно. И длина пути часто зависит от того, кто ведет. Семен идет интуитивно, подбадривая себя старкой, что может сказаться на расстоянии, как к гадалке не ходи. Нужны подробности, пока все слишком туманно.

Ровным, ничего не выражающим тоном я спросил:

– Где они сейчас?

Может быть, это воображение, но, когда прозвучал ответ, мне отчетливо послышались нотки облегчения в голосе собеседницы:

– Они миновали границу и сейчас движутся по шоссе от заброшенного армейского блокпоста. Это в двух часах от моста, где их уже ждут.

Ерунда, абсолютная чушь. Обычная шпана решила напасть на неплохо вооруженный обоз одной из сильнейших группировок?! Без гарантии получения прибыли. Просто чтобы пострелять?! Чушь.

– Ты лжешь, кадавр. Те бродяги, что сидят сейчас под виадуком, не остановят сержанта и его людей. Это просто мелкое хулиганье.

– Так и задумано! Послушай, Ступающий... Ве... известные тебе силы очень изобретательны. В Зоне у них есть сторонники, и довольно могущественные. Люди, которые сейчас греются у костров под мостом, ничего не знают. Ты прав, это обычные мелкие бандиты.

И опять в словах кадавра был смысл. План нападавших вдруг возник перед глазами как наяву. Некто очень сведущий устроил мне ловушку. Он знал, что я нанялся в караван, к тому же отказался от предложения Вейт уйти без боя. Но чего они не знают, так это истории нашей встречи с Ловцом. Разумный подход, очень разумный. В кочующих землях вполне можно затеряться, следить за кем-то очень сложно. Поэтому меня поджидали на выходе, поскольку точно известен пункт конечного назначения.

– Пока я верю тебе, говори дальше.

– Две группы по пять воинов. Одна в сотне метров от виадука, направление – юго-восток. Там развалины какого-то строения...

– Это зерновой элеватор, сейчас там довольно горячо в плане радиации.

– В группах опытные воины, пришли недавно как группа экологов. У них современное снаряжение, с ним радиация некоторое время не страшна.

Забавно. Сторонняя группа приходит извне, только чтобы устранить одного человека. Связи оппонентов действительно впечатляют. Бросив мимолетный взгляд на часы, я прикинул расстояние до элеватора. Минут двадцать на то, чтобы выйти на дистанцию броска. Еще минут десять, чтобы вычислить стрелка, прикрывающего основную группу. Вряд ли это снайпер, дистанции тут слишком короткие для длинных перестрелок. Так что, может быть, найду и быстрее, все-таки места знакомые.

– Подходы заминированы?

Голос трупа больше не дрожал, но на этот раз я расслышал в нем нотку сожаления. Вообще эмоции были практически человеческими, что злило еще больше.

– Этого мне выяснить не удалось, я слишком поздно обнаружила засаду. И одна я не смогу им помешать.

– Ну, вдвоем у нас тоже шансов не много.

– Ты очень известный человек, начальник ополчения даст тебе воинов.

Слова иномирянки заставили меня горько усмехнуться про себя. Ополченцы – это уже лестное название для горстки неопитов, прибывших в Зону за счастьем и романтикой. Там были разные люди, в том числе поэты и безработные экономисты. Люди именно такого сорта оставались на Кордоне дольше чем на пару недель. Нет, само собой, были еще журналисты, которые не рисковали углубляться в опасные районы и строчили свои опусы и репортажи в местной рыгаловке. Были еще опустившиеся старатели, побирившиеся среди прогуливающих свой фард артельщиков из тех, что поудачливее. Именно от таких вот опустившихся личностей журналисты, оплатив им выпивку, узнают о «страшных тайнах Зоны», после пересказывая обывателям всего мира пьяные бредни местных алконавтов. Самым известным похмельным менестрелем был Валера Гундос, пока не сгорел от паленой водки полгода назад. Один московский писак отвалил этому ханыге приличные деньги за стандартный набор сказок и простенький артефакт «слезница». Эти кусочки непонятной субстанции выпадают после каждого прохода волны. Они светятся причудливым голубовато-синим светом, но и только. Валера наплел москвичу, что эта штука исполняет одно желание, если таскать «слезницу» в кармане и постоянно думать о предмете вожделений. На вырученные деньги Гундос справил себе новый комбез, а потом, как обычно, обмывал его недели три. Видимо, под конец удача ему изменила, организм не вынес издевательств над собой и сдался. Настоящие искатели Счастья уходили с Кордона при первой возможности и иначе как для того, чтобы сдать намытый хабар, больше туда не возвращались. Поэтому воинство у Серого было еще то. Сам же он был вещь в себе, как и все мы здесь. Опытный старатель, отличный вояка. Но дальше Кордона никто его не видел. Говорят, что была какая-то история, после которой он вышел к военному блокпосту один, без товарищей и совершенно безумный. Шифер потом вроде встал на место, но за пределы того самого брошенного КПП Серый больше не выходил. Зато он многому обучил тех, кто не стеснялся спросить, многим помог найти свой талант, свое место под нашим небом. Среди его выводка только волчата, матерых охотников за скальпами там не водилось.

Все это за доли мгновения пронеслось у меня в голове, поэтому я ответил иномирянке все тем же ровным голосом:

– Им бы польстило бы такое звание. Нет, если все так, как ты говоришь, есть только мы... с тобой.

Последние слова невольно задержались на языке, мне было почти физически больно их выговорить и тем более осознать их смысл. Но иномирянка ничего не заметила, по крайней мере мне так показалось в тот момент.

– Это самоубийство!..

– Почти всегда так оно и есть. Где вторая группа?

Голос собеседницы снова дрожал от напряжения. Поняв, что, как и тогда, у мнимого «Агропрома», мы снова будем одни, решительности у трупа существенно поубавилось.

– Ждут у брошенного длинного строения, перед мостом. Их задача проконтролировать, чтобы никто не ушел.

Хм, опять грамотно устроились. Там неподалеку есть только коробка недостроенного коровника и гаражный бокс. Место хорошее, на холме. С широким сектором обзора на шоссе и окрестности.

– Ладно, где ты сейчас?

Ответ пришел практически сразу же, видимо, иномирянка не придавала значения всем тем словам, что я сказал раньше:

– Иду параллельно шоссе, следом за обозом, направление – юго-восток. Твои

попутчики торопятся, но лошади выбились из сил, скорость почти как у пешего.

– Оставь обоз, иди к кор... к тому зданию, что облюбовала вторая группа. Найди хорошее место и возьми их под наблюдение. Какое у тебя оружие?

– Полуавтоматическая винтовка с оптическим прицелом, бьет далеко... ты должен знать.

Еще бы мне не знать! Хотя справедливости ради нужно признать, стреляет кадавр очень даже неплохо. С такой скоростью может получиться все, что я задумал.

– Патронов сколько осталось?

Последовало долгое молчание, спохватившись, я понял, как трудно отвечать тому, кто еще недавно хотел тебя убить. Поэтому пришлось уточнить:

– По твоим словам, народ в засаде сидит опытный, просто так они на мушку не пойдут. Скажи просто: сможешь подержать их минут пять-десять без движения?

– Думаю, да.

– Отлично, тогда решено. Как выйдешь на исходный рубеж, дай знать.

– Хорошо, пусть будет так, но...

– Другого выхода нет. Сейчас есть только ты, я и они.

– Я сделаю как договорились, Ступающий.

Ситуация, прямо скажем, не из идеальных. Неизвестный напарник. Десяток профессиональных головорезов и еще столько же обычной гопоты. С пятью профессионалами справиться – это уже проблема. А вот когда их целый десяток... Но выхода просто нет, это очевидный факт. Преимущество первого выстрела, безусловно, на нашей стороне. В тот короткий промежуток времени, пока я проверял снаряжение и оружие, в голове уже сложился вполне четкий план действий. Патронов вполне хватит на затяжной бой, гранат к подствольнику осталось всего пара штук, и это скверно. Однако в любом случае они предназначены той шушере под мостом, профи так просто не напугать.

Выложив все, что могло стеснять движения и добавляло вес в полупустой рюкзак, я устроил небольшой тайник прямо на месте ночевки. Кустарник густой, так, с ходу захоронку не найти. Ничего особо ценного в тайник не закладывал, ибо ничего и не было. В качестве сторожки оставил одну «эфку», на короткий срок этого должно было хватить. Присоединив к автомату «тихарь» и проверив, как клинок двигается в наручных ножнах, я направился в сторону дороги. Двигаться пришлось рывками, чтобы случайно не привлечь внимание дозоров ополчения. Кроме того, вполне реален риск нарваться на старую растяжку, оставленную кем-то и благополучно забытую. Сколько раз именно на такой вот проржавевшей подлянке подрывались опытные старатели, забывшие, что не только они проходили этой дорогой, останавливались на ночевку вот на этой удобной поляне. Но первое время мне относительно везло. К тому моменту, когда я добрался до обочины, на посту ополченцев происходила пересменка и на метнувшуюся через дорогу тень никто не обратил внимания. Мельком бросив взгляд на оборудованный на невысоком холме наблюдательный пункт, я оценил возможности тамошних сидельцев как неплохие. Полнопрофильные окопы с выложенным мешками со щебнем бруствером, врытая в землю бытовка для свободных от смены бойцов. Три стрелковые ячейки под ручные пулеметы держат под контролем дорогу и фланги, а сам пост просматривается с вышки, оборудованной уже в деревне. С тыла такой блокпост обойти будет сложно, если наблюдатель в деревне не спит. Тревожным было то обстоятельство, что пулеметов у ребят Серого в этот раз не было вообще. Это подтверждало мои опасения, высказанные в разговоре с репликантом, бойцов среди ополченцев было не много. Да и вооружение оставляло желать лучшего. Судя по наблюдаемому в данный момент эпизоду, ополченцев самих нужно охранять.

Следующие метров двести пришлось ползти, огибая холмы и довольно сильные очаги радиоактивного загрязнения. Аномалий в Прикордонье не слишком много, тут они скорее исключение, нечто вроде достопримечательности. Как только маршрутизатор пискнул, сообщив о выходе на исходный рубеж, я поднялся и перебежками направился к одиноко стоящему дереву, возле которого начинался глубокий и длинный овраг, примыкавший к

элеватору через полторы сотни шагов. Ночь выдалась довольно светлой, поэтому прибор ночного видения я оставил в тайнике. От природы имея хорошее ночное зрение, различать предметы при рассеянном лунном свете сейчас получалось без особого труда. Это очень приятное ощущение: ты даже не видишь предметы, а чувствуешь их так, как не сможет ни один «ночник». Почти бесшумно ступая по мокрой траве, я достиг противоположной оконечности оврага довольно быстро, примерно за четверть часа. Слева небо заслоняла глубокая непроницаемая тень, отбрасываемая гаражным боксом, бывшим частью элеватора. Некоторое время ушло на то, чтобы осмотреть руины, где, по информации репликанта, некие граждане устроили засаду Гуревичу и его подопечным. Сам комплекс состоял из двух зданий и недостроенного склада, от которого остался только раскрошившийся фундамент. Посмотрев сначала просто невооруженным взглядом, ничего необычного. Силуэт был статичен, никакого движения внутри или снаружи, ни единого огонька. В оптику тоже мало что удалось рассмотреть, если все так, как сказал кадавр, парни точно крепкие профи. Напоследок я поймал направление ветра и еще минут пять принохивался. В лесу или вот в таких заброшенных местах выдает человека именно запах. И в какой-то момент получилось уловить нечто особенное. Это был резкий, но выдохшийся сейчас дух человеческого обиталища, в котором смешивается сразу множество ароматов, которые распространяются вокруг, как их ни маскируй: дым небольшого костра, запах еды, экскрементов, зарытых в землю, немытого тела, оружейной смазки и много чего еще. Это не истребить, каждое живое существо имеет свой неповторимый дух. Ребята блюли осторожность, это без вопросов. Но когда проводишь большую часть времени в поле, далеко от любого жилья, обоняние обостряется. Правда, до звериного ему далеко, но вот такое стойбище я унюхаю метров за двести, так что попались. Не они первые решили, что оказались хитрее всех. Ну, придется ребят огорчить... Смертельно огорчить.

Стараясь держать за основной ориентир раскидистый одинокий дуб, росший почти у самого края оврага, подходившего к гаражу практически вплотную, я двинулся на северо-запад, обходя руины по дуге. Предусмотрительные люди без приглашения в гости не ходят. Особенно если где-то неподалеку сидит на фишке часовой с чем-то не шибко дальнобойным и коротковолновой рацией. Говоря об оружии, я более чем уверен, что настоящего снайпера у головорезов нет. Расстояния тут не подходят для дальних перестрелок. От оккупированного гопниками блокпоста под виадуком до руин элеватора всего четверть километра, может быть, метров двести восемьдесят. Хорошо пристрелянный автомат с оптикой либо такой же ручняк. Всего было три места, где такой вот специалист по встрече незваных гостей мог бы расположиться с относительным комфортом. Хотя более всего подходила небольшая рощица в пятидесяти метрах от того места, где я стоял. Три старых дуба расположились практически параллельно шоссе на плоском холме, поросшем густым колючим кустарником. Оттуда и элеватор был виден как на ладони, даже просматривалось дно оврага, хотя и не слишком отчетливо. Несколько раз сменив направление, мне удалось подобраться к роще. И теперь осталось только выждать. Замерев неподвижно, держа в виду черную, почти непроницаемую для рассеянного лунного света путаницу кустов, я ждал. Человек не может находиться в абсолютной неподвижности, время от времени нас выдают именно движения. Так случилось и на этот раз, ждать долго не пришлось. Впереди, примерно метрах в пятнадцати на юго-восток, кустарник колыхнулся против ветра, нечто большое на какое-то мгновение мелькнуло среди перепутанных ветвей и снова затихло. Зверье тут уже практически не водилось, почти все кабаньи выводки и стаи слепых собак ушли вглубь новых территорий, подальше от человеческого жилья. Только местные крысы остались там же, где и раньше, а вся крупная живность давно людей не беспокоила. Виной тому был дикий отстрел всего и вся на сувениры приезжавшими со всего мира туристами. Поэтому, кроме двуногих, крупной дичи тут быть не должно. Расчехлив саперную лопатку, перехватив ее для рубящего удара, я осторожно двинулся в обход того места, где засек движение. Чтобы подобраться к такому стрелку со спины, никакой особой премудрости не требуется. Достаточно выдержать направление от блокпоста ополченцев. Стрелок держит

под контролем элеватор и шоссе, смотреть назад ему незачем. Тут, скорее всего, стоят растяжки, но на этот случай нужно просто идти очень осторожно. Погода не радовала. Дул только слабый западный ветерок, поэтому каждый шаг приходилось отмерять очень осторожно, чтобы не шуметь излишне. Передвигаясь исключительно в полуприсяде и потратив на это минут тридцать, я наконец достиг зарослей в том месте, где видел нечто крупное. Прислонившись плечом к стволу дерева, я снова замер, всматриваясь в заросли впереди. Стрелка выдало экономное движение ствола оружия. Тут я не угадал – это был самозарядный карабин СКС¹⁴ с какой-то сильной оптикой на хитром кронштейне. Человек едва шевельнулся, и с большого расстояния, да еще в темноте этого никто бы не заметил, но нас разделяло всего-то метра три. Стрелок был укутан в маскировочную накидку и лежал точно спиной ко мне, удобно оперев подошвы ботинок в землю. Удобно перехватив лопатку, я, не раздумывая больше, в два прыжка сократил дистанцию и обрушил лезвие на шею стрелка. Будь у меня нож, все могло получиться иначе. Из такого положения есть риск промахнуться, что приведет к последующей борьбе, и часовой точно попытался бы достать оружие. Перестрелка, шум, прощай внезапность. Остро заточенная кромка лопатки с глухим хрустом перерубила человеку шейные позвонки, преодолев осязаемое сопротивление. Тот дернулся всем телом несколько раз и затих. Легкий запах мочи возвестил о том, что противник умер. Крови, судя по тому, что я успел разглядеть в потемках, натекло не так много, все впитал костюм. Оттащив труп глубже в кусты, я достал потайной фонарь и быстро обыскал тело. Документов никаких, накидка и комбез фабричные. В набедренной кобуре – обычный украинский «форт» с тактической обрешиненной рукоятью и полимерным антикоррозионным покрытием корпуса¹⁵. Сам по себе пистоль – дрянь, но такая доводка стоит недешево. Без особого сожаления выщелкнул патрон, бывший в стволе, вынул сам магазин, снял раму, отсоединил ствол и возвратную пружину, а потом разбросал детали далеко по сторонам. Та же участь постигла и карабин, не пожалел даже оптику, хотя наверняка шутка тоже не из дешевых. Еще некоторое время ушло на то, чтобы осмотреть рошу, но больше никого тут не было, стрелок пришел сюда один. Зачехлив лопатку и снова спустившись с холма вниз, двинулся на юго-запад, ориентируясь на верхушку дуба, росшего у оврага. Лунный свет стал немного ярче, поэтому добежать до дерева удалось относительно быстро. Осторожно нащупав ступней край оврага, я в несколько движений аккуратно спустился на дно. Вода, собравшаяся тут в неглубокую лужу, легонько хлюпнула под подошвами ботинок. Но всплеск получился аккуратный, едва уловимый для слуха. Взяв немного левее, я выбрался на пологий склон и двинулся вперед. Пока все шло как запланировано, хотя отыскать в темном лесу одинокого стрелка – это практически как

¹⁴ Карабин Симонова самозарядный, или СКС, является очень популярным среди охотников оружием для средних дистанций до 600 м. СКС построен на основе автоматике с газовым двигателем. Газоотводная камера и газовый поршень расположены над стволом. Газовый поршень не связан жестко с затворной рамой и имеет свою собственную возвратную пружину. Запирание осуществляется перекосом затвора вниз, за боевой упор в дне ствольной коробки. Затвор установлен в массивную затворную раму, на правой стороне которой жестко закреплена рукоятка для заряжания. УСМ курковый, предохранитель расположен в спусковой скобе. Использует промежуточный автоматный патрон 7,62 × 39 мм. Магазин коробчатый, неотъемный, на 10 патронов, заряжается с помощью специальной обоймы-зажима.

Есть довольно удобный открытый прицел, но есть также возможность установки оптики, дневной и ночной. Карабин выпускается также в Китае и странах бывшей СФРЮ.

Штука надежная, подходит как для охоты, так и для чего-то более серьезного. Но по точности ощутимо уступает карабину Мосина из-за известных особенностей конструкции. Автор лично видел порядка двадцати различных тюнинговых решений для данного карабина, что говорит о его популярности среди гражданских пользователей. Охотник не пойдет в тайгу с негодным или неудобным оружием, поэтому в данном случае народный выбор – главный критерий качества.

¹⁵ Имеется в виду «модель 15», созданная для армии. Сам по себе пистолет представляет почти точную копию бельгийской линейки «Браунинг», которую копирует вплоть до внешнего вида. «Форт-15» использует 9 × 19 мм боеприпасы Luger, магазин на 16 патронов. Сейчас практически не выпускается.

выиграть миллион по лотерейному билету, полученному на сдачу в магазине.

Опустившись на землю, я пополз вверх по склону, осторожно ощупывая пространство перед собой, особенно землю. Рывок, затем еще... опа! Пальцы натолкнулись на тонкую холодную нить в каплях конденсата. Нет, это не обычная растяжка с гранатой, такую на склоне ставить без толку, слишком просто укрыться от осколков. Отложив автомат, я вынул саперную лопатку и, повернув колпачок наверх рукояти, повернул отделившийся колпачок с небольшим узким алюминиевым щупом так, чтобы он оказался снаружи, и снова завернул колпачок. Получился безопасный щуп, которым я осторожно проверил землю по обе стороны от того места, где лежал. Справа что-то слегка скрежетнуло, потом еще и еще раз. Противопехотная мина, корпус, судя по звуку, пластиковый. Стоит без сюрприза, тут ребята пожадничали. Обычно в такой закладке под днищем основного заряда лежит дополнительный, как своего рода подарок для решившего снять мину. Это может быть другая мина либо ручная граната. Поверьте, даже самая маломощная из перечисленного с гарантией вышибет глаза любому, кто поторопится снять такую закладку. Времени на то, чтобы полностью извлекать мину, не было, поэтому я просто вынул взрыватель, а на его место поставил деревянный колышек, за который и зацепил леску. Внешне, если особо не приглядываться, ничего не изменилось. Больше растяжек на пути мне не попало, и я без приключений достиг задней, глухой стены гаража. Лопатка для дальнейшей работы не годилась, поэтому с величайшим сожалением пришлось снова убрать шанцевый инструмент в чехол на поясе. Сейчас главное – действовать аккуратно и тихо, поэтому пришла очередь ножа. Вынув вороненый клинок из закрепленных под нарукавным швом ножен, я двинулся вдоль стены вперед, чтобы обогнуть строение слева.

Дойдя до угла и осторожно выглянув, я увидел огонек, мелькнувший в темноте. Некто, стоящий шагах в десяти впереди, у входа в гаражный бокс, курил, спрятав сигарету в кулак. И в доказательство правильности теории сырой холодный ветер донес аромат табачного дыма. Где стоит один, вполне может оказаться и другой, однако, кроме легкого шороха шагов и едва слышного треска тлеющего табака, ничего расслышать не удалось. Человек стоял спокойно, прислонившись плечом к стене, и смотрел на отлично видимый отсюда костер в бочке, который запалили урки на блокпосте под виадуком. Подбравшись к курящему наемнику почти вплотную, я еще раз осмотрел его силуэт. Высокий, под два метра, вооружен автоматом, который сейчас держит за пистолетную рукоять, уперев стволом в землю. Комбез новый, хорошо подогнан по фигуре, тоже немецкий «кондор». Сейчас забрало маски отстегнуто и болтается на груди. Немцы сделали хороший костюм, удобный и надежный. Штука в том, что если маску снять, то носящий его человек открыт для удара в одну из кровеносных артерий на шее. Поднявшись на ноги, я левой рукой зажал курильщику рот, а зажатый в правой руке ножом резко ударил его в шею сверху вниз. Ударом ноги удалось выбить автомат из руки наемника, пальцы его разжались, потому что, скорее всего, сломались. Клинок прошел сквозь термоизолирующую ткань подшлемника, а потом, словно в масло, погрузился в тело. Не вынимая ножа, я аккуратно потянул обмякшее тело на себя и только потом осторожно высвободил клинок. Оттащив тело за угол, я спустил его в овраг, труп с легким шорохом укатился в темноту. Обыскивать времени уже не было, скоро уже начнет светать, а при свете работать будет гораздо сложнее. Теперь наемников предположительно осталось трое, но даже это многовато на меня одного. Заходить в приоткрытые ворота гаража могло оказаться ошибкой. Обстановка внутри мне неизвестна, вполне можно нашуметь. Поэтому, проскользнув вдоль ворот к противоположной стене, я взобрался на плоскую крышу строения. Используя для подскока массивный ящик с песком возле настенного пожарного щита, от которого осталось лишь несколько досок да две вбитые в стену скобы. В свое время приходилось разбирать подобное здание на кирпичи, поэтому я знал, что у левого дальнего от входа угла под слоем рубероида есть нечто вроде вентиляционной отдушины, и довольно широкой. Но резать ничего не пришлось: покрытие настолько прогнило, что крошилось под пальцами. Но тут удача изменила, труха просыпалась вниз и загремела по той самой трубе, издавая противный скрежет. Тут же

распахнулись створки ворот, и у выхода загорелось сразу два фонаря. Не получится совсем тихо, ребята среагировали очень быстро. Спрятав нож, я отцепил притороченный сзади автомат и в полуприсяде подобрался к краю крыши.

У входа стояли двое, один держал у плеча автомат с включенным тактическим фонарем, пристегнутым к цевью, второй водил по сторонам пистолетом, снабженным такой же прибудой, но немного меньших размеров. Оставшегося пятого с ними не было, что совершенно не радовало.

Автоматчик высунулся за угол и тихо позвал, видимо включив рацию:

– Шульга, отзовись!

В ответ на этот призыв нечто ворохнулось на дырявой крыше элеватора, в башенке. На мгновение там тоже мигнул и погас точно такой же, как у автоматчика, фонарик. Раздумывать больше некогда, случай уж больно подходящий. Вскинув «коврушу», я дал две короткие очереди в сторону башенки. Брызнули остатки шифера. Звякнул металл, и следом послышался приглушенный вскрик. Не дав опомниться стоящим внизу, я за доли мгновения перенес огонь на них и срезал обоих длинной, патронов в десять очередь. Судя по тому, как дернулась голова автоматчика и скакнул луч света, идущий от ствола пистолета его напарника, в каждого попало по крайней мере по три тяжелые бронебойных пули. Оба, должно быть, умерли еще до того, как их тела осели на землю. Спрыгнув с крыши, я снова дал еще пару коротких очередей по башенке элеватора, но оттуда никто не ответил. От земли послышался глухой стон, темная масса тел у ворот вдруг зашевелилась. Не раздумывая, я разрешил в шевелящуюся темноту остаток магазина и сменил его на полный. Сыто клацнул рычаг затвора, теперь осталось только проконтролировать недобитков.

В гараже было пусто, тлел погашенный совсем недавно костер, валялись рюкзаки и автомат того из наемников, что выбежал на шум с пистолетом. Репликант не соврал, всего рюкзаков пять штук, один прибран так, словно его хозяин попросил приятелей присмотреть за ним. Думаю, это того стрелка из роци. Выйдя на улицу, я снова вскарабкался по боковой лестнице на крышу элеватора, сторожась на случай, если не добил сидевшего на чердаке. Но опасения оказались напрасными, одна из моих выпущенных наудачу пуль вошла тому точно в левый глаз. Еще одна пробила пластину бронежилета на груди и застряла в теле. Но крови не было, значит, уже в труп попала. У прорезанного в шифере отверстия лежал такой же, как у стрелка в роце, самозарядный карабин. Пистолет американский, армейская «беретта». Наскоро разобрав оружие и распотрошив ПДА покойника, я спустился вниз, где так же лихорадочно быстро вынужден был поступить с остальными. Когда все было закончено и я бросил взгляд на циферблат наручных часов, было уже 04.57 утра. Скверно, очень и очень скверно.

Пискнул вызов на прежней частоте обозников, затем послышался тихий шепот репликанта:

– Я готова, можно начинать.

Пока она не врет, хотя, скорее всего, это сейчас не в интересах тех, кто отправил сюда первого гонца и это ненавистное мне существо. Выверты начнутся позже. Как только я стану следовать выписанной для меня роли. Но пока рано об этом думать.

– Хорошо, я тоже закончил. Видишь кого-нибудь из наемников?

В голосе репликанта мне послышались нотки удивления. Сначала Тихон, теперь вот эта непонятная девица – все сегодня смотрят на меня как баран на новые ворота.

– Вижу двоих, это дозорные. Остальные сидят в развалинах, иногда вижу движение внутри дома.

– Отлично. Теперь слушай, как мы поступим. Сейчас будет два взрыва, бандиты под мостом будут палить во все стороны, начнется паника. Я постараюсь сделать так, чтобы часть тех, кто сейчас у тоннеля, побежала в твою сторону. Следи за наемниками, докладывай, что они предпримут. Понятно?

– Да, все поняла.

– Тогда до связи.

Расчет мой был довольно прост. Бандиты не пойдут к загаженной радиацией АТП, там после Исхода стало практически невозможно укрыться. В случае угрозы урки дадут тягу за насыпь, а там единственное место, где можно спрятаться и держать оборону, тот самый коровник, где сейчас сидят наемники.

Для того чтобы шанс попасть куда нужно был выше, пришлось снова взобраться на чердак элеватора и высунуться наружу почти что по пояс. Ветер стих, уступив место нудному мелкому дождику. Холодная влага стекала редкими каплями по окантовке глазных прорезей маски. Поймав в прицел ярко-оранжевое пятно костра у дороги, я аккуратно выжал спуск. В плечо опять отдало, граната пошла к цели с характерным, едва слышным шорохом.

М-боп! Ах-х!

Черный клуб дыма расцвел и исчез в двух метрах от бочки, в которой горел костер. Осколками гранаты и силой взрывной волны емкость опрокинуло, угли высыпались на траву и одежду сидящих вокруг людей. Все это я увидел в доли секунды, когда уже снарядил подствольник снова. На сей раз целиться пришлось тщательней, ибо для точного выстрела из гранатомета это была рискованная дистанция. По дальномеру, как я вычислил раньше, до второго костра, горящего у вагончиков под сводами тоннеля, было сто двенадцать метров. Нет, само собой, закинуть гранату можно и дальше, но без гарантий нужного результата.

М-боп! Ах-х!

Второй выстрел отстал по времени от предыдущего всего лишь на четыре секунды. Разница была в том, что взрыватель почему-то сработал несколько раньше и взрыв произошел за спиной у начавших поворачиваться на звук людей. Едва ли не сразу же после второго взрыва началась беспорядочная стрельба, заглушаемая бранью и воплями покалеченных. В синей предрассветной мгле засветились полосы трассеров. Люди беспорядочно метались между вагончиков. Те, что пострадали от первого взрыва, но остались на ногах, кинулись назад к тоннелю, чтобы найти там укрытие. Однако трое так и остались лежать у опрокинутой бочки, один из них дико орал и катался по мокрой траве. Спустившись с крыши, я отсоединил бесполезный сейчас подствольник и, снова навинтив на ствол «ковруши» глушитель, присел у северной стены элеватора, откуда хорошо просматривались дорога и тоннель. Все случилось не совсем так, как я рассчитывал. Часть напуганных людей ринулась в сторону деревни. Шесть человек, бросив оружие и размахивая руками, ринулись вдоль дороги, прямо на меня. Поймав в прицел вырвавшегося вперед невысокого мужика в темной туристической ветровке и широких стеганых штанах, я выстрелил, пуля попала ему точно в середину груди. Взмахнув руками, человек опрокинулся на спину, заваливаясь назад. Бежавшие следом остановились, запнувшись о тело, группа смешалась, люди начали метаться по обочине. Один побежал обратно к тоннелю, остальные все же ринулись вперед, на меня. Расстояние небольшое, поэтому на каждого вышло ровно по одной пуле. Между тем уцелевший добежал до своих и с какими-то криками указал в мою сторону. Там уже было светло словно днем. Второй взрыв разметал костер, искры подожгли остовы многострадальных вагончиков, где сейчас были сложены дрова и какие-то припасы. Бандитов осталось довольно много, я видел, как в пламени зарева перемещается от пяти до восьми вооруженных людей. Дабы подтвердить слова оравшего что-то урки, я сместился ближе к дороге метров на пятьдесят и, присев у заросших кустарником бетонных коробов, сваленных тут в давние времена, дал по толпе еще пару коротких очередей.

Пули стеганули по асфальту и стенам, одна задела ногу стоявшего ближе всего к огню полураздетого человека, сжимавшего в руках помповый дробовик с отпиленным прикладом. Тот волчком завертелся на месте и, выронив оружие, упал, зажимая рану ладонями. Крик раненого и наглядная демонстрация чужого присутствия вывела толпу из ступора. Все они не сговариваясь кинулись в противоположную сторону и скоро скрылись в тоннеле. Я пошел следом, держась в тени у обочины дороги.

Ожила рация, знакомый голос сообщил:

– Какие-то вооруженные люди вышли из тоннеля и бегут вдоль дороги прямо на меня.

Толпу нужно направлять, хаос тоже требует некоего приложения сил. Бандиты, скорее

всего, пьяны. Многие, если не все, под наркотой и связно мыслить не могут.

– Подрань того, что бежит впереди остальных, но не убивай. Пускай остальные видят это.

Звука выстрела я не услышал, только из темноты впереди послышался жуткий многоэтажный мат и крики боли. Миновав лагерь и стараясь держаться вне света разгорающегося пламени пожара, я миновал небольшой спуск и тоже выбрался из тоннеля. Репликант отлично стрелял, один из бандитов, припадая на левую ногу и зажимая ладонью рану в плече, уже ковылял в сторону коровника, увлекая за собой остальных. Пора было взбодрить притаившихся там наемников. Ребята решили, что бандиты угомонятся и их никто не обнаружит. Но верно говорят, что знание есть сила.

Я взобрался на пригорок, откуда коровник и бегущие по полю люди были отлично видны, а затем вызвал своего нежеланного напарника:

- Видишь кого-нибудь из наемников?
- Только одного, он сидит у груды щебня возле ворот в...
- Убей его, не стремись ранить. Просто пристрели.
- Сделаю.

Как она выполнила работу, я не увидел, часовой хорошо замаскировался, и с дороги его заметить не удалось. Но уловка опять подействовала, и вскоре руины ожили, оттуда раздались одиночные выстрелы, я заметил три вспышки в окнах. Бегущие по полю урки стали падать в траву, потом залегли все, завязалась перестрелка. Выцелив несколько подранков, я одного за другим упокоил четверых бандитов. Запищал сигнал вызова, репликант снова хотел знать, что делать. Хорошо стреляет, однако! Видимо, я очень нужен.

- По засветкам в окнах сколько можешь взять?
- Трех, они особо не скрываются.
- Вали всех, времени мало.

Выстрелов я снова не услышал, вспышки тоже не было. Но из руин стрелять перестали, а бандиты, залегшие в бурьян в десятке метров передо мной, осмелев, пошли на штурм. Снова пискнул зуммер радиовызова.

- Последний наемник все еще в здании.
- Контролируй периметр, но сама не вмешивайся. Подождем, теперь время на нашей стороне.
- Хорошо.

Всего уцелело трое из всей банды, оккупировавшей переход под виадуком, и один из наемников, посланный по мою душу. Я уже совсем было собирался сказать, что нужно пойти и зачистить остальных, как вдруг коровник осветила изнутри ослепительно яркая вспышка синего света, а потом наступила тишина. Рефлекс сработал в тот же миг, и я кубарем скатился вниз, к обочине дороги. Счетчик радиации молчал, в наушнике стоял дикий вой помех, но в остальном вроде все цело. Всегда что-то идет не так, это закон подлости.

Пепел был везде: на закопченных стенах коровника, на полу. Привкус сторевшей человечины и паленой синтетики витал в утреннем воздухе. Не знаю, что тут произошло, но эпицентром был левый дальний угол помещения. Высвобожденный импульс энергии оказался настолько силен, что испепелил все вокруг. Кирпичная кладка стен пошла мелкой сеткой трещин, от нее до сих пор исходили ощутимые волны жара. Температура ощущалась и сквозь толстые подошвы ботинок, даже несмотря на внутренние стальные вставки. Стремясь что-нибудь отыскать, мы с репликантом уже битых пару часов рылись в белесой трухе, в которую превратилось как минимум семеро вооруженных людей. Посланица Райн не сняла маску, что в сложившихся условиях было лучшим решением. Из всей второй группы наемников уцелел только труп часового, залегшего снаружи, но его снаряжение и оружие были профессионально безликими. На всем снаряжении спороты бирки производителя, оружие со сбитыми номерами. Последняя надежда была на рацию и ПДА, но все оказалось запаролено какой-то серьезной программой. Слон, конечно, посмотрит и

попытается взломать защиту, но на это надежды совсем мало. Можно попытаться удачу и обратиться к Алхимикам. Их спецы одни из лучших в мире, в этом я как-то раз успел убедиться. Хотя это на крайний случай, ведь тогда информация потеряет свою цену.

– Что будем делать теперь?

Она стояла в дверях, держа в руках винтовку таким образом, чтобы в случае чего сделать первый выстрел. На какое-то мгновение между нами повисла неловкая пауза. Бой закончился, репликант вел себя безупречно. И что паршивее всего, подсознательно пришло ощущение, что за этим кроется не только некий корыстный интерес. Всегда трудно смириться с мыслью, что тебя просчитали и волей-неволей ты вынужден поступать так, как этого желает манипулятор.

– Обоз теперь в безопасности, наши пути тоже расходятся...

– Антон!

Даже направленный в лицо ствол винтовки не смог бы меня удержать от попытки осуществить все свои намерения в отношении этого существа. И я уже разворачивался в ее сторону, чтобы прикончить. Словно бы чувствуя это, репликант вдруг аккуратно положил винтовку у ног и замер. Ее плечи обреченно опустились, голова понуро склонилась вниз. И тут пришло понимание, что, если я сейчас нападу, она не станет сопротивляться.

Это было неправильно, поэтому, остановив движение руки с ножом, я сказал совершенно не своим голосом, хриплым и глухим:

– Назовешь меня так еще раз, и я точно вырежу твой поганый язык! Ты хочешь заслужить мое доверие, выказав добрую волю. Я начинаю тебе верить, потом делаю то, что хотят твои хозяева, и цель достигнута. Хитро, а главное, очень просто. Так вот, этому не бывать. Никогда. И пока я не передумал, лучше тебе уйти. Прямо сейчас.

– Но...

– Еще одно слово, и я выполню все, о чем говорил раньше. Иди, не искушай свою удачу, кадавр.

Но репликант вдруг повел себя совсем по-человечески. Она вдруг опустилась на землю, и я увидел, как мелко задрожали узкие плечи под мохнатой маскировочной накидкой. А потом она откинула капюшон, спустила маску на грудь и, сорвав с рук перчатки, заплакала, спрятав лицо в ладонях. В сером утреннем свете я увидел знакомый овал лица, коротко обрезанные светло-русые прямые волосы. Самые противоречивые чувства вдруг накрыли с головой, бросило в жар. Не зная, что делать, я стоял как вкопанный, сжимая в левой руке рукоять ножа. Так продолжалось какое-то время, пока репликант вдруг не отнял от лица ладони, и серые родные глаза, сейчас красные от слез, не глянули мне прямо в душу.

И вот так, глядя прямо мне в глаза, она тихо, но решительно заговорила:

– Я помню все. До самого последнего момента, когда закрылись ее глаза. Нас учат сопереживать, принимать чувства и эмоции. Пусть ты мне не веришь, но я действительно понимаю всю глубину твоего горя. Она не хотела отпускать тебя, не хотела уходить...

Слышать знакомый голос и одновременно понимать, что говорит им кто-то другой, вдруг стало немного легче. Хотя неприязнь все еще оставалась стойкой. Желание убить это существо по-прежнему оставалось очень сильным, но впервые за все это время мне удалось его обуздать.

Тем временем она продолжала говорить все тем же полным отчаянья хриплым шепотом:

– То, что идет, больше, чем ты себе можешь представить. Ты видел пустоши? Это остатки разорванных миров, поработанных Вейт. Они пьют жизнь даже из камней, оставляя лишь пустую оболочку. Наш мир почти уничтожен, Землю ожидает похожая участь. Многие другие разумные будут стерты, даже не оставив по себе достойной памяти! Это полное небытие. Сейчас тебе кажется, раз удалось выгнать Вейт из своего сна, то и потом все будет так же легко? Они умеют одурманивать разум, сбить с верного пути. Все обернется против тебя: друзья предадут, прямая дорога приведет в тупик!..

Злость, душившая меня до этого момента так сильно, что перехватывало дыхание,

вдруг совсем отступила. Страх в глазах репликанта был совершенно искренним, такое трудно подделать. Хотя разведчик и жулик вполне могут поспорить мастерством с любым артистом, ведь артист притворяется только за деньги, а мошенник или шпион в конечном итоге расплачиваются свободой либо жизнью. Ответил я совершенно ровным, обычным голосом. И знавшие меня довольно долго уже насторожились бы, однако репликант ничего не сообразил.

– Со мной тебе точно нельзя. Ребята в артели... они знали Дашу в лицо. Будут вопросы, на которые тебе придется отвечать.

Слезы продолжали течь из уголков глаз, но во взгляде, обращенном на меня, появилась некая тень надежды. Это я понимаю: полное небытие, даже не покой. Такого никому не пожелаешь.

– У Лесника была родная сестра, так что для твоих воинов я вполне могу представиться двоюродной сестрой твоей... Я представляюсь Дашиной двоюродной сестрой. Нам нужно работать вместе, Ступающий. Как ты верно сказал недавно, есть только мы с тобой. Другие не справятся.

Легенда неплохая, однако обманывать своих не годится. Такой финт имел смысл, если бы возникло подозрение о внутренней утечке информации. Но случайных людей в отряде нет, поэтому врать друзьям я не стану. Однако для представления посторонним вполне годится.

– Врать друзьям не стану, им я верю больше, чем тебе.

Репликант хотел что-то сказать, но я жестом остановил ее. Если намечается игра, то некоторые правила лучше установить самому.

– Пока у тебя нет права на возражения. Я верю своим людям, на каждого из них можно положиться, а с тобой... пока все сложно. Бойцы узнают, кто ты и откуда, но посторонним мы расскажем предложенную тобой легенду.

На лице девушки, а внешне так оно и было, отразилась целая гамма эмоций: страх, отчаянье, а затем злость и упорство. Поднявшись с колен и приведя в порядок одежду, она согласно кивнула:

– Пусть будет по-твоему, Ступающий. Все, чего я хочу, это не дать Вейт победить... не сейчас... только не в этот раз.

– Тогда нужно имя, которым мне придется представить тебя остальным.

Губы девушки вдруг изогнулись в легкой полуулыбке, и она достала из недр мохнатого костюма заламинированную карточку беженца, а потом протянула мне. Документ был настоящий, со всеми положенными штампами и печатями. Его выдали в комендатуре особого черныбыльского района, расположенной в Бреднянске, месяц тому назад. Томашевская Ксения Григорьевна, двадцать лет. Статус беженца получен за месяц до получения свидетельства о статусе, все в высшей степени надежно. У тех, кто ее сюда отправил, тоже есть определенные связи в нашем маленьком мирке, и довольно солидные. После Исхода подобные документы выдавали всем, кто проживал даже в не затронутых катаклизмом районах близ Зоны. Однако у Ксении документ с желтой косой полосой. Это означает, что ее дом сейчас именно внутри аномальной Зоны, а это дает еще право на ношение оружия, помимо неограниченного права находиться среди таких, как я. Но вот как раз я-то был в Зоне на птичьих правах. Каждый раз при поездке в Бреднянск мне приходилось делать новые документы иностранного гражданина и временное разрешение на пребывание без права ношения оружия. Вернув девушке удостоверение, я указал на едва видневшуюся в кустах тропу:

– С обозниками встречаться не будем. К Кордону лучше прийти вдвоем.

– Воины у земляной заставы обратят внимание на это. Ты значишься в бумагах командира обоза.

– Ополченцы Серого не знают, как правильно проверять документы и тем более выявлять нежелательных. Это дилетанты... Ксения. Не обращай на них внимания. Форма и оружие еще не означают власть в наших краях. К тому же, как ты помнишь, я хорошо знаю

их командира. Серый не станет задавать лишних вопросов.

Пропустив мимо потрепанный нелегким путешествием обоз «Альфы», мы с Ксенией двинулись следом. Пришлось выдержать приличную дистанцию, чтобы не привлекать внимания охранников. Насколько можно судить со стороны, все вышли из серых земель. Джей все так же шагал в хвосте, Семен дремал на облучке первой повозки, откинув голову назад. Стах тоже уцелел, его долговязая фигура тоже маячила возле первого фургона, я даже разглядел перекинутый на грудь автомат, который болтался почти у самого пояса на длинном ремне. Гуревич вышагивал впереди довольно бодро, хотя это и было против правил. В который уже раз я провожал уцелевших, считал потери. Это никогда не закончится, пожалуй, война нужна мне как воздух. Без ее обжигающего пламени я бы давно истлел, потерялся.

У блокпоста ополченцев нас остановил патруль. Двое одетых во что попало хлопцев с дробовиками наперевес вышли прямо на середину дороги, и ближний ко мне, молодой еще парень, громким окриком приказал остановиться. Потом они, отталкивая друг друга и постоянно пялясь на Ксению, начали мусолить наши пропуска, делая хмурые значительные лица. Часовым на двоих можно было дать сорок лет, а манера держаться больше сместила, нежели вызывала почтение. Мысленно я уже раза три убил обоих, настолько явно ополченцы подставились под возможную атаку. Девушка, напротив, вела себя дружелюбно, но без заигрывания, сдержанно. Наконец, когда больше причин для задержки у часовых не осталось, старший отпустил нас, важно махнув рукой на открытые сейчас ворота в новом частокле ограждения деревни.

Собственно, кроме ограды из гофрированного металлического листа, вышки да грубо сколоченных невзрывных противопехотных заграждений, в деревне ничего не изменилось. После Исхода вся жизнь на Кордоне замерла. Большинство барыг и прочих заинтересованных в нелегальной перепродаже хабара лиц откочевали на сорок километров южнее, в Бреднянск. Там отстроили несколько хороших гостиниц, появились офисы подставных фирм. Целый квартал складских помещений на восточной окраине. Население издыхавшего от безработицы городка выросло почти в три раза за каких-то полгода. Однако Кордон полностью своего значения не утратил, ведь в Бреднянске была какая-никакая, но местная власть, законы и продажные менты с вояками. Да и туристам с журналогами нужен был колорит, а какой он в отделанных по евростандартам гостиничных номерах и освещенных, не замусоренных улицах? Поэтому в деревне осталось три очага самобытности: подземные катакомбы Поповича, где тот по-прежнему скупал у старательского люда хабар и иногда давал пинка особо ретивым труженикам видеокамеры и ноутбука, пытавшимся взять у него интервью. Осталась столовая, где сменились хозяин и вывеска. Теперь это было кафе «Шалаш», а за барной стойкой обретался немногословный пятидесятилетний армянин Ашот, а еду с выпивкой разносили двое его племянников-подростков. Ребята работали быстро и молча. И в шалмане, несмотря на не прекратившиеся гулянки старательской вольницы, теперь большей частью стало чисто и даже уютно. Нет, дым коромыслом никуда не делся, просто теперь это происходило гораздо реже, чем раньше. С Кордона, как и прежде, уходили во внутренние области Зоны люди, целые караваны с оборудованием и снаряжением, однако сейчас стало меньше одиночек вроде меня. Безопасная дорога осталась только одна, работы для дилетантов не стало. К примеру, чтобы поднять пару-тройку дорогостоящих артефактов и оправдать закупку снаряжения и припасов, сейчас нужно идти за десятки километров, по нехоженным маршрутам. Причем без особой гарантии на успех или прибыль. В первые два месяца внутренние области забрали более трех сотен человек. Из пяти организованных мелких партий обратно на Кордон или к форпостам группировок вроде «Державы» и «Альфы» выходила только одна, сильно поредевшая. Это не способствует романтическим настроениям и привлекает разве что отчаявшихся самоубийц. Или людей с прошлым, которых тут держат привычки и неоконченные дела. Короче, таких, как я и мои нынешние артельщики. Деревню отстроили, пустующие развалины разобрали, на их месте возвели щитовые домики с глубокими подвалами. И они не пустовали, давая приют регулярно

наезжавшим туристам и прочим любителям экзотики. Дальше того злосчастливого коровника они забредали редко, отстреливая мелкую живность вроде крыс или собак. Нет, случались и дальние вылазки, но это больше по пьяной лавочке. Колорит стал искусственным, вроде киношной декорации. Хотя было и кое-что настоящее, ради чего настоящие жители Зоны, рискуя жизнью, возвращались на Кордон. Попович выискивал в старательской сети слухи о редких диковинах и снаряжал поисковые партии в глубинные области. Его информация действительно оказывалась верной, Обелиск все еще держал слово. Только вот задания часто выходили с подвохом. И браться за них отваживался не каждый. Но дело жило, отчаянные головы в наших краях далеко не феномен. Ну и, само собой, остался оружейный магазин, куда нам нужно заглянуть в первую очередь. Хотя, как говорится, если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

За воротами был еще один пост, где нас опять остановили. Дорогу перегородил грубо сколоченный переносной проволочный еж, а навстречу вышел Серый собственной персоной. Предводитель ополчения мало изменился за последние полгода, что мы с ним не виделись. Одетый во все тот же линялый и засаленный «стриж», с неизменным АКСУ на плече, Серый, недоверчиво смерив меня взглядом, настороженно кивнул в знак приветствия:

– Твое появление, как всегда, означает неприятности, Солдат.

Видимо, прозвище становится постоянным. Стоило паре охранников его придумать, и вот, вся Зона им вторит. Но кто я такой, чтобы спорить с народом? Пусть все останется как есть.

– И тебе доброго дня, Серый. Не переживай, я... мы с Ксенией тут не задержимся. Твоя ясельная группа не пострадает, неприятностей больше не будет.

Ополченец только досадливо скривил рот, явно показывая, что моим словам веры нет. Потом он одним взмахом руки дал команду, и двое стоявших в стороне парней проворно оттащили ежа на обочину.

– Через два часа жду тебя в «Шалаше», поговорим о ночной бойне у виадука.

В ответ я, безразлично пожав плечами, улыбнулся как можно более дружелюбно, что Серый воспринял как согласие. Предводитель – парень нужный и прямой как рельса, поэтому часть истории ему рассказать можно. Сделав спутнице знак следовать за собой, я кивнул на прощание, и мы направились вдоль по единственной деревенской улице к отстроенной заново хате, на которой красовалась скромная самодельная вывеска на русском и английском языках: «Охота и Рыбалка: оружие, припасы, срочный ремонт». Выведенная черными буквами на листе кровельного железа, покрытого для фона белой краской, сейчас вывеска имела черно-рыжий цвет, и двуязычная надпись еле просматривалась. У порога стояло несколько человек в разномастной одежде, навьюченных разномастными рюкзаками и свертками. Михаил Анатольевич Цвирня, более всего известный в наших краях как Мишка Одессит, баловался тем, что принимал у старателей оружие на комиссию. На внешнем прилавке у него было все как положено: резиновые сапоги, аляповатые камуфлированные фуфайки для лохов, чуток гладкоствольного оружия. Настоящий бизнес Одессита размещался в подвале, куда не было ходу обычным клиентам. Там для знающих ценителей находились порой самые редкие экземпляры стрелкового и не очень оружия, хитрое программное обеспечение для ПДА и прочие незаменимые в Зоне вещи. Однако для этого нужно заслужить доверие, что порой сделать очень трудно, ибо, сам делающий невозможное, Цвирня требовал такой же отдачи от наемников, жаждущих эксклюзивного сервиса.

Мы тоже остановились у входа, чуть в стороне от этой живописной группы, среди которых выделялся невысокого роста мужик с заросшим седой щетиной смуглым лицом. Он говорил громче всех, матерясь через слово. Ругался грязно, без изобретательности, чем вызывал только раздражение. Я встал к бродягам спиной, заслонив девушку от еще более откровенных взглядов, которые на нее бросали диковатые собеседники.

– Мне нужно встретиться с хозяином магазина, это мой знакомый. При посторонних он, скорее всего, говорить не станет.

– Я могу остаться здесь.

Предложение было так себе. Ополченцы иногда патрулируют улицы, но такие вот бывалые бродяги вполне могут скрутить с десятков людей Серого. Поэтому, с сожалением глянув на бурую от ржавчины и грязи вывеску магазина, я решил отложить историческую встречу с Одесситом еще на полчаса.

– Нет, разговор у нас будет долгий. Пойдем к другому моему знакомому, снимешь там комнату, а я подойду, как только освобожусь.

Однако тут иномирянка заупрямилась по вполне понятной причине. Зная меня только по бумагам, она опасалась, что мне таким образом захотелось ускользнуть. Зону я знаю лучше пришельца из далеких миров, поэтому опасения имели под собой определенные основания, пусть и чисто умозрительного характера.

– Иди, я вполне смогу за себя постоять, Сту... Антон. Не беспокойся за меня.

Не видя реальных предпосылок для оптимизма, я все-таки решил: пускай поступает как хочет. Если будет потасовка и посланница вдруг исчезнет, мне это только на руку.

– Если что, беги внутрь, там сидит охранник. Я скоро вернусь.

Девушка отрывисто кивнула, словно бы невзначай бросая быстрые взгляды на шумно переговаривающихся старателей. Я развернулся и, поднявшись на крыльцо, открыл скрипучую, обитую кровельным железом зеленую дверь.

Бывает так, что, когда возвращаешься в знакомые места, подсознательно ожидаешь встретить тех же людей и привычную обстановку. Так и я мысленно представил себе полноватую фигуру Одессита, который стоит, положив оба локтя на стойку, поделившую все помещение пополам, и слушает свою любимую психоделику. Но внутри из ожидаемого была только звучащая тихо музыка. Джим Моррисон опять пел про хрустальный корабль, странно звучала гитара, нагнетали таинственности ударные. В остальном магазин более всего напоминал сильно уменьшенную копию своих обычных собратьев: стеклянные витрины с ножами, биноклями, разнообразными прицелами и прочей мелочью расположились вдоль стен из конца в конец. Две длинные стойки с одеждой, расположенные по центру комнаты, почти упирались в отгороженный буквой «Г» прилавок с машинкой для кредитных карт и кассовым аппаратом. Там же за стойкой на стене развешаны гладкоствольные ружья, карабины и три вида арбалетов. И более всего я поразился, увидев упершегося отсутствующим взглядом в стену подростка. Парень лет шестнадцати с коротко стриженными соломенного цвета сальными волосами сидел у стены возле кассы. Длинная, нескладная фигура его, пребывая в некой стадии полной нирваны, казалась лишенной скелета. Я подошел к стойке и, поняв, что парень так и продолжает пялиться в стену напротив, три раза стукнул костяшками пальцев о прилавок. Смерив меня взглядом пустых грязно-зеленого цвета глаз, парень выжидательно уставился куда-то в район моей лежащей на прилавке руки.

Почти не разжимая губ, труженик прилавка прошелестел едва слышно:

– Слушаю вас.

Не обращая внимания на такое приветствие, я протянул руку вперед и сгреб парня за отвороты болоньевой черной парки, надетой поверх камуфляжной расцветки футболки. Не ожидая ничего подобного, продавец, тихо пискнув, забился в конвульсиях, что, очевидно, выражало его желание освободиться.

Поймав мечущийся в панике взгляд округлившихся глаз, я внятно сказал:

– Скажи Михаилу Анатольевичу, что пришел Антон Васильев.

Парень испарился где-то в недрах магазина в то самое мгновение, как только я освободил от своей хватки его модную безрукавку.

Уже через пару минут входная дверь у меня за спиной хлопнула и знакомый голос заголосил с притворно преувеличенным акцентом:

– И Боже ж мой, зачем было так пугать Додика, я не понимаю? Бедный мальчик только-только начал немножко учиться ремеслу, а теперь из-за вашей хватки у парнишки в голове снова сплошной тарарам!

У порога стоял Цвирня собственной персоной, а из-за его плеча опасно выглядывал давешний пацан. За прошедшие несколько месяцев Одессит почти не изменился: тот же толстый вязаный свитер под горло, добротные английские штаны и добротные берцы того же производства. Правда, появилась и новая деталь, теперь на поясе у торговца висела рыжая длинная кобура с узким ремешком застежки-фиксатора. В ней покоился вороненый американский револьвер 44-го калибра. «Кольт» уютно грелся у торговца под изрядно выступающим брюшком. Однако, увидев, кто стоит перед ним, Цвирня немного расслабился и, радушно всплеснув руками, пошел мне навстречу. Мы обменялись крепким рукопожатием. Хватку бывший одесский спекулянт подержанными иномарками все еще не растерял. Не переставая говорить, он, одними глазами обведя комнату, жестом указал на предусмотрительно открывшуюся за кассовой стойкой дверь.

Увлекая меня за собой, Цвирня без умолку продолжал сыпать какими-то прибаутками:

– Таки прошла уйма времени, теперь это солидный человек, боязно дотрагиваться до ваших рук! Давид, иди работать! Вместо того чтобы считать чужие шекели, пора бы занять немножко своих! Покуда такие клиенты не по твоим годам.

По темной узкой лестнице мы спустились в уже знакомый мне подвал. Тут тоже произошли изменения, и надо сказать, что глаза просто разбегались от разнообразия стволов, выставленных за толстым армированным стеклом многочисленных стеллажей. Тут было только армейское оружие, разного рода обвес, ремни и несколько стоек с укладками защитных комбинезонов. Взгляд зацепился за две модели «стрижей», над которыми кто-то потрудились настолько основательно, что этот индпошив вполне мог потягаться с фабричной работой. Были тут и немецкие «кондоры» тоже двух видов: облегченная рейдовая модель и тяжелый штурмовой вариант с массивной рамой экзоскелета. Но более всего поразил бельгийский комбез «горец». Про него ходили разные слухи, но вживую удалось увидеть только сейчас. Выполненный из темно-серой полимерной ткани, «горец» предоставлял своему владельцу возможность более сорока часов движения в автономном режиме. Это означало, что автопилот вынесет человека даже в бессознательном состоянии за пределы опасной зоны, поддерживая состояние искусственной комы. Так же защищал от аномальных и боевых воздействий по четвертому классу, плюс при этом можно было включить систему термооптического камуфляжа. Почти двое суток боец в таком костюме практически неуязвим. В мягком свете неоновых ламп тускло блеснули смотровые линзы маски, прикрепленной к круглому шлему-капсуле. На какое-то мгновение мне показалось, что костюм пристально следит за мной взглядом.

– Сразу вижу, что моя музейная редкость таки зацепила еще одного воздыхателя!

Ловко забежав вперед, Одессит нажал какую-то потайную кнопку, и прозрачная дверца шкафа отворилась наружу. От костюма пахло новизной, пластиком, резиной и металлом.

Не спуская с меня азартно заблестевших глаз, торговец продолжил как бы между прочим:

– Это диво месяц назад заказал один московский шаромыжник, задумавший пройти к реактору. И если бы его не посадили позавчера за большую коммерцию с цветными металлами, старый еврей таки имел бы свой гешефт уже сейчас!

Про себя прикинув стоимость такого комплекта, а потом цену транспортировки сюда, плюс интерес самого Цвирни, получалась солидная сумма. И хоть штука была явно хороша, с сожалением пришлось отступить от витрины. Случись что, таких костюмов нам понадобится шесть штук, а это уже неподъемная цена. Поняв, что интерес мой не смыкается с возможностями кошелька, торговец с видимым сожалением закрыл дверцу шкафа и, пройдя за привычный уже прилавок у дальней стены комнаты, чуть убавил музыку, звучавшую откуда-то сверху.

Посерьезнев лицом, Одессит спросил:

– Я не из тех, кто кормится слухами, молодой человек. Но в последние сутки вы главный их персонаж. Таки я чувю, что намечается швах не хуже прошлогоднего.

Скрывать от старожилы я почти ничего не стал. Обладая прочной связью с самой

сущностью этого места, Одессит и так многое знал. Рассказ получился довольно длинным, по некоему наитию я опустил лишь подробности миссии Ксении. Торговец внимательно выслушал, почти не задав ни одного вопроса. Отвлекаясь он только один раз, когда молча выложил на стойку две коробки патронов к моему пистолету, протестующее махнув рукой, когда я полез за деньгами.

– Молодой человек, история, которую вы мне рассказали, скверно пахнет. В прошлый раз был просто ужас, но это были свои, знакомые все лица. Даже эти ваши Прядильщики...

– Ткачи.

– Ой, да кого интересует, как там у них записано в метрике, я вас умоляю!

Торговец лишь небрежно отмахнулся, вынимая из кармана бархотку. Сняв с носа неизменно блестящие пенсне, он принялся задумчиво полировать стекла сиреневой тряпочкой.

Глянув на меня своими дальнотзорными глазами, Одессит продолжил:

– Когда Обелиск уходил, он закрыл дверь, но не так плотно, как хотелось бы тем, кто остался. И, натурально, не так плохо, чтобы имеющийся сквозняк устроил непрошенных гостей.

Набивать магазин патронами в присутствии хозяина было бы дурным тоном, поэтому, убрав обе коробки в рюкзак, я продолжил прерванную мысль:

– Буревестник пропал в Могильнике, отсюда же тянется след наемника по имени Дансель. Нужно найти способ пробраться туда и...

– Ой, да способ-то есть! Наши с вами добрые знакомцы, у которых на всех одна голова и один кошелек плюс ни грамма совести, сами попросят вас пойти туда. Один из трофеев был с сюрпризом, и Алхимики пока не знают, как его повторить.

Мимолетное предчувствие вдруг со всей ясностью оформилось в догадку. Все опять лежало на поверхности, нужно было только внимательнее искать.

– Артефакт этого норвега был каким-то образом изменен. Сажа утаил это в прошлый раз, думая, что его братья смогут разобраться, что к чему. Однако...

– Таки вы правы! У них ничего не выходит. Именно поэтому они прислали весточку с еще одним нашим общим знакомым, который сейчас уже затарился бухлом у Ашота и наверняка дрыхнет где-нибудь, пьяный в дрезину.

Так, значит, вот кто вынудил Тихона тащиться в такую даль. Подорожник работает как ударник соцтруда, этакий слуга двух господ. Но винить его за такое совместительство нелепо. Почтовый ящик чужих секретов не выдает. Новость, сообщенная торговцем, оказалась не зряшной. Он косвенно подтвердил мои предположения по поводу Могильника. Плюс прояснил мотивы очень влиятельных сил, помощь которых мне вскоре очень пригодится. Так или иначе, но защитные механизмы Зоны пришли в движение. Исчезновение Обелиска, может быть, ослабило их, но не уничтожило полностью.

Я поблагодарил Одессита за разговор, поинтересовавшись напоследок:

– Почему патроны на этот раз без боя отдаете, Михаил Анатольевич?

Тот ответил не сразу, все еще сосредоточенно протирая стекла очков тряпочкой.

Задумчиво глядя на меня и снова водрузив пенсне на их законное место на носу, торговец ответил:

– Этого удовольствия меня лишает тот заказ, который мне сделают ваши новые наниматели. Уверяю вас, молодой человек, мой гешефт будет более чем солидный. Удачи не желаю, она сейчас не с нами.

Я безразлично пожал плечами. Желать удачи перед боем у нас во взводе считалось дурным тоном, так ее можно спугнуть. Только мои суеверия сейчас вышли на новый виток, поэтому старые законы уже утратили силу. Следующие слова Одессита запали мне в душу, я храню их в сердце и по сей день, ибо они снова выразили смысл моего нынешнего поиска. Смысл жизни, если хотите.

– Наши с тобой желания уже загаданы и исполнены, Ступающий. Они удерживают нас здесь, но они же дают нам силу противостоять любому, кто переступает Завесу. Это место не

идеал, просто другого и получше у нас никогда не будет. Здесь мы крепки, помни это!

Он произнес это другим, совершенно незнакомым тоном, без деланного акцента, неровным, хриплым шепотом. Но, несмотря на это, каждое слово словно бы опалило мне душу и вместе с тем придало сил.

Выйдя из магазина на крыльцо, я осмотрелся в поисках Ксении. Оставлять ее наедине с бандитского вида мужиками было оправдано моментом, но внутренне мне не особо хотелось таким образом привлечь внимание к собственной персоне. Но девушка стояла почти на том же самом месте, что и раньше, а гомонившие до этого момента забуддыги с опаской тарасились на нее, нервно перебирая в руках ружья. Выглядело это странно: одинокая фигурка Ксении и пятеро здоровых мужиков, косящихся в ее сторону с явными признаками страха на грязных небритых физиономиях. Видимо, что-то произошло в мое отсутствие, однако конкретика в данном случае особо не интересовала. Сейчас важнее было найти душ. Привести в порядок экипировку и дожидаться попутного каравана в расположение «Альфы». Последнее казалось совершенно проблематичным. Старый обоз, скорее всего, распался, и Гуревич поведет своих в обратный путь не раньше чем через неделю. Но сперва помывка, я это точно заслужил.

– Что сказал Двоедушный?

Ксения все это время молча шла рядом и решила прервать молчание, только когда мы подошли к двери вырубленного прямо в склоне холма входа в гостиницу.

Спускаясь по кривым, полустертым от времени и частого употребления ступеням, я ответил без подробностей, коротко:

– Мы пойдем туда, откуда практически невозможно вернуться, и попытаемся найти того, кто не желает быть найденным.

– Звучит не очень.

Лестница закончилась. Перед тем как отворить тяжелую обшарпанную дверь, ведущую в тесный коридор прихожей, я обернулся, чтобы посмотреть в глаза репликанту. Знакомое лицо, спокойный взгляд серых внимательных глаз. Черт, как же трудно это видеть!

Пересилив себя, удалось сказать спокойно, без нервов:

– А выглядеть будет во сто раз хуже. Из тех мест выбрался только один человек.

– Значит, все не так скверно.

– Это еще хуже, поверь мне на слово. Дальше идем молча. Комнату снимем одну, никуда одна больше не ходи... ну, кроме, если нужно... по нужде, короче.

У Поповича ничего кардинально не поменялось: обшарпанная конторка, забранная толстой решеткой, куча всякого барахла виднеется из задней комнаты. А сам владелец все так же угрюмо нависает над столом, щелкая клавишами ноутбука.

Едва глянув в мою сторону, он угрюмо бросил:

– Твоя комната занята, для бабы могу дать второй матрац и комплект белья. Плата как обычно. Кредиток мне не суй, беру только наличку. И только нашу, всякие евры не катят.

Ксения немного опешила от такого обращения, но мне вовремя удалось поймать репликанта за локоть и предостерегающе сжать его. Непонимающе глянув в мою сторону, девушка остановила какие-то слова, готовые было сорваться сгоряча. Я же кивнул и, взяв ключи, отсчитал положенных полторы тысячи рублей. Горсть мятых советских сотенных купюр словно бы по волшебству исчезла со стола. Несмотря на Исход, в Зоне по-прежнему имели хождение только советские дензнаки, оказавшиеся самой стабильной валютой, чему способствовал наш местный банкир Исмаил. Никто не звал его по фамилии, имени, как правило, всегда было достаточно. Он и его два десятка бойцов держали почти всю оптовую торговлю припасами в особом районе. Кроме того, именно хлопцы из многочисленной семьи Исмаила нашли где-то несколько вагонов советской валюты, приготовленной к вывозу, но из-за угрозы заражения брошенной на путях в районе военных складов. Сначала он тоже оставался в тени, рулил его родственник, но реальная власть всегда была именно у этого невысокого человека средних лет, всегда ходившего в барашковой высокой папахе и цивильном черном костюме. Исмаил никогда не расставался с изящным резным посохом,

носил зеленую ленту хаджи, однако более ничего о нем известно не было. Потом многие спохватились, но кавказцы крепко держали свой кусок, и после трех лет войны за Исмаилом остался опт и банковское обеспечение анклава.

– Если чего притащили, я могу посмотреть.

Выцветшие, водянисто-серые глаза Поповича выжидательно смотрели на нас поверх толстых круглых очков. Не утерпев, барыга сам выложил свой главный интерес. Исход мало что изменил в плане основного источника дохода этого человека. Попович по-прежнему скупал артефакты, которые были главной его страстью. Однако на этот раз торговцу изменило чутье, я не носил ничего подобного уже очень давно. После известных событий продолжительность собственной жизни не была в числе основных приоритетов. Вопросительно глянув на девушку и получив отрицательный кивок, пришлось разбить надежды хозяина подземной гостиницы:

– Прощения просим, ничего такого у нас при себе нет.

Лицо торговца осталось таким же невыразительным, как и секунду тому назад. Новость словно бы и не огорчила его.

Двинув массивными покатыми плечами, он произнес, глядя поверх наших голов, будто обращался к облезлому потолку:

– Если передумаете, дам хорошую цену.

– Договорились.

В комнатах все осталось как и раньше, даже постельное белье было того самого серого цвета. Панцирная кровать, скатанный в ноги матрас, рукомойник с одним краном, откидной столик и два табурета. Возле шкафа, обитого железом, стоял дополнительный матрас, а сверху лежала плоская подушка и комплект постельного белья.

Бросив рюкзак у кровати, я сказал озирающейся с любопытством девушке:

– Душ прямо, в конце коридора. Слева сортир, следующая дверь – вход в прачечную. Вместе идти не стоит, иди первой, а я пока разберу вещи.

Но репликант стоял у порога. Она что-то хотела спросить, но как будто бы не решалась.

На тот момент я чувствовал такую дикую усталость, а желание стать под горячие или не очень струи душа в конце коридора было настолько сильным, что голосом, не склонным к сантиментам, я спросил:

– Что опять?

Иногда слова обретают плоть, потому что моя фраза заставила девушку заметно вздрогнуть и побледнеть. Мгновением позже я уже пожалел о своем срыве, но было поздно.

– Кровать и... белье. У меня ничего с собой нет.

Прощай, душ, не видать мне твоих стен еще некоторое время. Прихватив оружие и заперев рюкзак в шкаф, я вернулся в прихожую и, назвав размеры, которые помнил очень хорошо, попросил два комплекта нижнего белья. Хмыкнув, Попович заломил дикую цену, как он выразился, за срочность. В рейде о грязи особо не беспокоишься, но как только опасность уходит, некоторые мысли становятся особенно навязчивыми. Представив, как пласты спрессованной черной массы отваливаются от кожи и с грохотом валятся на пол, я отсчитал просимую сумму и ждал еще минут десять, пока некий малозаметный субъект из местной obsługi не вручил мне полиэтиленовый пакет, внутри которого было два комплекта армейского белья подходящего размера.

Вернувшись в комнату и застав девушку понуро сидящей на табурете у стола, я положил перед ней пакет и сказал уже спокойным тоном:

– Белье, скорее всего мужское, но размер... размер подходит... должен подойти.

Репликант сначала робко, а потом все более уверенно разорвал упаковку верхнего в стопке пакета и с благодарностью посмотрел на меня. В глазах девушки читалась смесь страха, удивления и чего-то еще.

– Спасибо, Ступающий! Я...

подавив рвущийся наружу тяжелый вздох, я указал на кучку постельного белья, лежавшую на кровати:

– Там есть полотенце, мочалка в шкафу. А в душе точно должно быть хозяйственное мыло. Штука так себе, но грязь отскоблить поможет. Спишь на кровати и больше ни слова не говоришь. Ступай уже, я устал как собака.

Когда я подвинул табурет к столу и разложил на нем принадлежности для чистки, то услышал, как репликант сначала открыл дверь, но потом задержался в комнате. Пришлось снова отложить любимое дело и обернуться. Девушка осталась в стоящей колом от засохшего пота и грязи американской полевой форме.

Выражение ее лица в тот момент можно было назвать решительным, хотя голос уже не дрожал.

– Как бы ты ко мне ни относился, я сумею доказать, что мы не враги.

Слова в нашем мире штука дешевая, любые эмоции тоже можно разыграть. И кроме того, меня сильно тяготило присутствие этого существа.

Снова повернувшись к холстине, на которой лежал единственный верный друг, я все же ответил:

– Думаю, что такой шанс скоро представится. А сейчас, ради всего святого, иди. Может, у вас мыться после отхода с передовой и не принято, но тут другие традиции. Иди сама, или сволоку силой.

Через полтора часа, как только Ксения улеглась на скрипучую койку и тут же тихо засопела, отвернувшись к стене, я решил выйти наружу. Вдумчиво помыться не получилось, поскольку пришлось подгонять свое расписание под намеченную встречу в «Шалаше». При гостинице была не только прачечная, но и небольшая мастерская, в которой за пять тысяч мне откалибровали «ночник», провели дезактивацию, прочистили дыхательные фильтры и заменили измочаленные влагопоглотители в комбесе. Хорошо еще, что по мне никто в этот раз не стрелял и бронепластины остались нетронутыми. Сейчас у меня стояли легкосплавные, произведенные в Сингапуре. От титановых и керамических они отличались большей устойчивостью к бронебойным боеприпасам, были почти на четверть легче. Тут ничего подобного достать нет шансов даже с переплатой.

Когда я, чистый и опрятный, выбрался наружу, было уже далеко за полдень. Автомат пришлось закрепить за спиной, чтобы не возбуждать воображения патрульных. После инцидента у виадука вся деревня напоминала разворошенный муравейник, в который злой мальчишка ткнул палкой. По дороге меня три раза останавливали хмурые ополченцы, но едва их взгляд упирался в фамилию, тут же отпускали, давая пройти. У высокого крыльца закусочной я оббил с ботинок налипшую широкими пластами вязкую грязь и, войдя внутрь, осмотрелся. Народ сидел не плотно, вечер еще далеко. Четверо старателей из вольных тихо гудели в левом дальнем углу, видимо, еще со вчерашнего дня. На их столе высилась батарея разнокалиберных бутылок, вокруг которых царил неразбериха из пластиковых поддонов с объедками салатов и разнообразной нарезки. Кроме этих «мушкетеров» зал наполняли случайные компании по два-три человека, зашедшие просто перекусить. Большой частью это были ополченцы и несколько молодых парней из новоприбывших. Последних отличали не обмятые туристские шмотки, яркие спортивные рюкзаки и беспечные, чистые лица. Скоро румянец схлынет, блеск в глазах из здорового превратится в лихорадочный, а порой вызванный выпивкой или наркотой. Одежда потускнеет, кожа приобретет мертвенно-пепельный оттенок, а разговоры перейдут на хабар и воспоминания, кто, когда и как сгинул. Ну и самих лиц точно станет ровно вдвое меньше, кто-то из этих молодцев пришел сюда в первый и последний раз.

Все эти мысли пронеслись в сознании, пока я шел к угловому столику, за которым в одиночестве поглощал жареную картошку Серый. Глава ополчения запивал дымящуюся золотисто-коричневую массу томатным соком, который он с аппетитом прихлебывал из обычного граненого стакана. Увидев меня, он воздел свободную руку в приветствии, указывая освободившейся от снеди вилкой на стул напротив. Глаза наставника молодежи светились дружелюбием, похоже, он действительно рад меня видеть. Мы крепко пожали руки, я заказал мгновенно подскочившему к столу молодому парню бокал темного пива и

пакетик соленых сухариков. Из деликатности, а может быть, потому, что сам был голоден, Серый дождался, пока мне принесут заказ. Сделав первый длинный глоток из основательной глиняной кружки, я с наслаждением навалился на столешницу. Пиво оказалось в меру густым, горечь приятно освежала, а хмельная волна мягко окутала сознание теплой волной. Бросив в рот горсть сухарей, я вопросительно посмотрел на Серого. Тот отставил тарелку в сторону и, прикончив сок, начал сразу о деле, что не удивительно. Суэта в деревне стоит нешуточная, бой вышел масштабный.

– Ты имеешь отношение к стрельбе сегодня под утро?

Врать старожилу не имеет смысла, однако и всей правды я говорить не обязан. Лишние знания могут стать проблемой прежде всего для него самого. Пусть тот, кто будет спрашивать ополченца о содержании беседы, утрется.

– Нет, но видел, кто это сделал. У нас в пути случилась встреча с какой-то летающей тварью, так что я с караваном разминулся. Девушка прибилась чуть позже, она... вроде как дальняя родственница.

– Твоя?

– Нет, это племянница Лесника. Ксения из беженцев, шла на Кордон за припасами.

– Извини, я...

Я изобразил улыбку и успокаивающе провел ладонью над краем стола. Не хватало мне еще одного непрошеного разговора по душам!

– Все ровно, начальник. Ты у нас власть. Спрашивать, это часть работы. Дальше слушать будешь?

Серый кивнул, попутно заказав еще стакан сока и пару бутербродов с копченой рыбой. Похоже, парень реально решил заправиться, совместив приятное с полезным. Я кратко изложил придуманную за время возни со снарягой легенду:

– Меня выкинуло в трехстах метрах от заброшенной фермы, там же я встретил Ксению. Она рассказала о подозрительных людях, прячущихся в развалинах. Патронов у меня осталось очень мало, нарываться не стал. Мы решили переждать до утра, огня не разводили, отошли на юго-запад, к заваленному тоннелю...

– Младший сержант из «Альфы» сказал, что примерно в это время они вышли к заброшенному КПШ. Почему ты их не предупредил?

– На границе разрядилась вся электроника, ПДА сильно глючил. Да и мы-то были уже далеко, откуда я мог знать, что обоз обгоню?!

Поняв, что перегнул с вопросами, Серый примирительно воздел ладони, словно бы отталкивая от себя всякие подозрения. Подловить не получилось, смущение пополам с досадой явственно проступило на его лице.

– Ладно, не обижайся. Ты же понимаешь...

– Понимаю, но и ты не борзей, великий вождь желторотых.

– У каждого тут свое место, Солдат.

Потом я бегло изложил командиру ополченцев, что был свидетелем нападения уголовной шантрапы на коровник и последовавшего затем взрыва. По следам все сойдется, тут придраться не выйдет. Скорее всего, ни он сам, ни военные ничего раскапывать не станут. Те, кто отправил наемников по моему следу, тоже меня привязать к инциденту не смогут. Им проще нанять еще людей и организовать новую пакость, чем выяснять причины срыва. Рассказ Серого удовлетворил, хотя по выражению его унылой физиономии было видно: от разговора ожидал большего. И теперь пришла моя очередь просить, хотя особой надежды на ополченца не было.

– Не знаешь, как скоро пойдет караван во внутренние районы? Мне бы хоть до Развилки дойти с транспортом, а там уже сам доберусь.

Развилкой теперь назывался кусок твердой земли между «Агропромом» и бывшими военными складами. Там выбросило кусок сооружений местной электроподстанции. Два одноэтажных корпуса и глубокий котлован со вбитыми сваями. Место сейчас держали бандиты, но старателей не обижали, позволяя укрыться от волны за умеренную плату.

Оттуда можно вполне безопасно обойти кратер на месте свалки старой техники и выйти к Промзоне. Дорога так себе, но зато маршрут вполне безопасный, и дойти до базы «Альфы» можно за трое суток. С новой информацией мне необходимо начать подготовку к рейду в Могильник. Если Дансель там, то и ответы на главные вопросы можно получить именно в заброшенном городе.

Серый задумался лишь на пару секунд, потом вынул свой ПДА и, что-то набрав в текстовик, с сомнением посмотрел на меня:

– Через полчаса выходит колонна на «Агропром», это миссия «Врачей без границ»¹⁶.

Положение было не из приятных. Это наверняка хохлацкий конвой, а упомянутая Серым организация – это всем известная крыша американской военной разведки. Личность я в Зоне известная, поэтому, не привлекая к себе внимания, затесаться в толпу не получится. Но прямых столкновений у нас вроде бы не было. Открытой вражды между «Альфой» и сечевыми тоже нет. Но могут просто не взять, опасаясь засветить характер груза и кого-нибудь из своих.

На невысказанные возражения Серый ответил с удивительной прозорливостью:

– Если будешь готов через час, я смогу задержать выход обоза. Ведет конвой мой старый товарищ, с моей рекомендацией вас возьмут без лишних вопросов. До Развилки они вас подбросят.

Где-то внутри возникло ощущение, что запустился какой-то невидимый глазу таймер. Отсчитывающий мгновения до начала некоего важного события, он мерно щелкал, цифры стремились от ноля к шестидесяти. Иногда мы вынуждены просто следовать за обстоятельствами, подчиняясь ритму событий, не в силах оказать влияние на них. Поэтому я одобрил идею командира ополченцев замолвить за нас словечко перед водилой сечевых. Как поведут себя конкуренты альфовцев, увидев одного из своих противников в собственном обозе, оставалось только гадать.

Мы с Серым вышли из закуской вместе и пошли по главной дороге в сторону КПП армейского фильтрационного пункта, через который в Зону попадали почти все, кто имел на то разрешение. После Исхода я несколько раз пользовался этим способом, чтобы съездить в Бреднянск. Само собой, делалось это по подложным документам, ибо в моих пометка о въезде на территорию особого чернобыльского района никогда не ставилась. Фальшивка была качественная. Но дальше единственного близкого к карантинной зоне городка их предьявлять не стоит. Украинский язык я знал очень плохо, поэтому сейчас и в прошлые визиты с охраной общался кто-то другой. Серый перебросился несколькими словами с дежурным офицером, и кривой шлагбаум пополз вверх, пропуская нас внутрь. По левой стороне дороги стояло восемь крытых фургонов, запряженных сытыми, ухоженными лошадаками. В «державном» обозе все разительно отличалось от тех двух побитых повозок, на которых я почти что добрался к Кордону. Сами фургоны были трехосными, окрашенными в цифровой осенний камуфляж и изготовленными из каких-то легких материалов фабричным способом. На крыше каждого красовалась штыревая антенна связи, а два в середине колонны имели тарелки спутниковой связи. У головной повозки стояло трое сечевых, одетых в привычные уже «кондоры». Двое внимательно слушали высокого мужика средних лет с непокрытой головой. Короткая стрижка, седые светлые волосы и аккуратно подстриженная боцманская бородка. Кожа лица говорящего покрыта ровным, нездешним загаром, а в голубых внимательных глазах читалась тревожная сосредоточенность. Как только мы

¹⁶ MSF – Medecins sans frontieres («врачи без границ», фр.). Неправительственная международная организация по оказанию медицинской помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Организация была создана в 1971 г. в Париже с целью оказания помощи жертвам вооруженного конфликта в Нигерии в 1967–1970 гг.

Под прикрытием MSF активно работают представители разведсообществ стран НАТО. В частности, американская ЦРУ под прикрытием миссий именно этой организации поставляла оружие и разведданные, а также финансовую помощь чеченским сепаратистам в 1994–2002 гг.

подошли, двое слушавших боцмана парней напряглись, и пожилой жестом велел им уйти. Скользя безразличным взглядом по моей физиономии, он вдруг открыто и тепло улыбнулся, увидев Серого. Они обнялись как старые приятели, завязался какой-то свойский разговор, который из-за скудного знания языка я понимал с пятого на десятое. Серый время от времени указывал глазами на меня, и теплые нотки из голоса проводника сечевых мало-помалу испарились. Как я понял, водила не мог взять лишних людей без согласования с какой-то важной шишкой, и сейчас хохол виноватил приятеля за подставу. Но командир ополченцев что-то быстро заговорил, упомянув знакомое мне имя Тарас. Так звали того самого парня, которого мне довелось выручить почти год тому назад. Его схватили бандиты, а Серый попросил пацана вытащить. Дело обернулось круто, Тарас получил пулю в ногу, до деревни его пришлось буквально тащить. Не знаю, что было после, но хлопец клялся, что не забудет, и все такое. В тот момент я был слишком занят собственными ощущениями от новой обстановки, и чужие клятвы особо не волновали. Однако вот же тесен мир!

Боцман подошел ко мне и протянул узловатую, крепкую ладонь. Рукопожатие оказалось крепким, ощущения остались хорошие.

Проводник заговорил по-русски, с характерным легким акцентом:

– Добрый день, я Павел Мовчан. Спасибо за сына, Тарас говорил, кому обязан жизнью.

Я тоже представился, хотя при упоминании моей фамилии лицо сечевого слегка изменилось. Видимо, слава все-таки есть, и вряд ли это нечто лестное.

Но жизнь сына перевесила личную неприязнь, потому что Мовчан продолжил:

– Вражды меж нами нет, но... лучше будет, если вам двоим идти рядом со мной. В обозе идет отдельная группа, это ученые из какого-то германского института. Оборудование и охрана там своя, лучше не говорить с ними.

– Благодарю, что входите в наше положение. Накопилось много дел, а наш маршрут... намного длиннее.

В моих словах проводник почему-то услышал скрытый упрек, потому что помрачнел еще больше, но возразил:

– За свой мы платим, безопасность даром не дается.

Я постарался улыбнуться, но по тому, как еще больше напряглось лицо проводника, стало ясно, что добродушие изобразить не вышло.

Поэтому пришлось сказать не совсем то, о чем я вспоминал, когда мы рыли могилу умершему от ран альфовцу в непонятном месте, а потом рубили его останки на куски:

– «Альфа» – это не самый зажиточный отряд, Павел. Тем, кто живет своим умом, приходится платить за выбор очень дорого. И к вам у меня нет никаких претензий, мы с родственницей просто хотим побыстрее оказаться дома. Никакой политики, только необходимость.

Что-то в моем ответе не понравилось обоим. Серый нервно перебирал ремень висящего на плече «чебурашки», а Мовчан полез в карман и, вынув оттуда пачку сигарет, закурил, втянув за одну затяжку треть сигареты.

Добив ее за рекордные две затяжки, сечевой махнул рукой и тихо проговорил, не глядя мне в глаза:

– Не понял ты меня, парень. Но добре, через полчаса мы остановимся у блокпоста ополченцев, жди нас там. С нашим старшиной я договорюсь, только ни слова по-русски. Идите рядом, что спросят – отправляй ко мне.

Мы попрощались, Серый как-то вдруг замолчал, и весь обратный путь прошел в давящей неловкой тишине. Не знаю чем, однако мои давешние слова задели обоих, хотя причины у Мовчана и моего давнего приятеля Серого, скорее всего, не схожи. Ополченец надул за свое, а хохла грызла совесть, что уже неплохо. Если чувствуешь вину за других, значит, душа еще цела. У закуской мы попрощались, Серый старался держаться дружелюбно, но досада нет-нет да и мелькала во взглядах, которые он бросал украдкой.

В гостинице ничего не изменилось. Ксения спала, отвернувшись лицом к облупленной стенке, я от порога слышал совершенно человеческое сопение. Подходить вплотную не

решился, кто знает, каким фокусам учат в иных измерениях тамошнюю разведку?

– Вставай, на сборы у тебя десять минут.

Репликант сел на кровати почти мгновенно, таращась на меня сонными, ничего не понимающими глазами:

– О, боги!.. Как долго я спала?

– Полтора часа.

– Мало, я...

– Что-то большое произойдет, и очень скоро. Механизм уже запущен, я чувствую, как уходит время. Обоз уходит через полчаса. Провизию я собрал, вода в бутылках на столе. Если пьешь, наполни флягу. Отстанешь, ждать не буду.

Караван состоял из восьми фургонов, но только четыре из них несли на себе эмблему «Державы». Четыре других, с нанесенным на борта логотипом «MSF», разместились в середине колонны и смотрелись как бы особняком. Каждая повозка охранялась четверкой бойцов, вооруженных ручными пулеметами и экипированных в германские «кондоры» военного образца с усиленной бронезащитой. Державники старались к немцам не подходить, концентрируясь в хвосте и головной части конвоя. Экипированные схожим с немцами образом, бывшие «свободные» производили смешанное впечатление. Вооружение их, очень пестрое, отличалось меньшим единообразием. Лишь у троих бойцов «Державы» были американские карабины М4, что удивило. Большинство же ходило с советскими АК74М, увешанными разного рода улучшениями типа ствольных накладок, тактических фонарей и разнообразных прицелов. Никогда не был фанатом обвеса, единственное, что пригодилось лично мне, – мэдждпуловская рукоять на цевье «ковруши»¹⁷. Хотя сейчас от нее тоже пришлось отказаться по вполне понятным причинам.

Мы с репликантом дождались, пока колонна остановится для формальной проверки документов у блокпоста ополченцев.

Обменявшись с Серым рукопожатием, я спросил:

– Все без изменений?

Командир ополченцев смотрел большей частью в сторону виадука, откуда напознал густой туман, первый предвестник волнового выброса, за которым всегда идет перетасовка территорий «белого шума».

Приветственно махнув быстро идущему в нашу сторону родственнику, он тихо пробурчал:

– Туман вышел за границы заброшенного КПП, такого не случалось уже больше полугода. Ты принес нам неприятности, Солдат.

– Если что, вы всегда можете свалить, граница рядом. Расслабься, начальник, мы уже уходим.

– Зря ты так! Не всем же ходить по краю, многим это не дано.

– Тогда за каким лядом они приходят сюда?

Туман действительно шел стеной, напозная с поразительной быстротой. Вот скрылись в его пелене остовы вагончиков, скоро мост вообще стал невидим глазу.

Помолчав немного, Серый все же ответил:

– Не каждый знает цену своего Счастья. Многие рассчитывают на оптовую скидку, Солдат.

Подошедший Мовчан поздоровался со всеми. С интересом глянул на Ксению, но, встретив ее равнодушный взгляд, быстро переключился на нас:

– Проблема улажена, немцы особо не возражают, лишь бы никто не подходил к их

¹⁷ Имеется в виду Magpul AFG-1 (Angled Fore Grip). В отличие от обычных вертикальных передних захватов, называемых «grip», Magpul AFG учитывает природную механику тела и обеспечивает удобное управление огнем, что существенно снижает усталость и дает возможность более эффективно вести бой. На взгляд автора, «мэдждпул» обладает большей эргономичностью, не цепляется за экипировку, что в бою и на марше весьма существенно.

драгоценным медикаментам. Прогноз неплохой, думаю, что через сорок часов будем у Развилки.

Мы присоединились к обозу, который ходко двинул вперед по дороге. Ксению я посадил рядом с разговорчивым водилой головного фургона. Невысокий смуглокожий парень с блестящими лукавством черными глазами и головой, бритой наголо, говорил не умолкая. Жуткая смесь украинских и русских слов была удивительным образом понятна всем, а когда Павло, так звали сечевого, принялся травить анекдоты, то с лица девушки не сходила смущенная улыбка. Я шел рядом с Мовчаном, разговаривать было не о чем, хватало громкого голоса возницы, вещавшего словно радио. Туман оказался вполне проходимым и вскоре почти рассеялся. Но опасения командира ополченцев обрели новый импульс, как только мы, миновав границу Прикордонья у заброшенного армейского КПП, вступили на растрескавшийся асфальт Западного шляха. Дорога шла под уклон, петляя меж безликих холмов, поросших густым рыжим кустарником. Вскоре пришло привычное уже ощущение враждебного взгляда в спину. Зарядил мелкий дождик, резкий порывистый ветер нагнал с востока низких туч, нависших над холмами так, словно еще немного, и сизая масса свалится нам на голову. Вдруг в завывания ветра вклинился протяжный звериный вой, мгновение спустя усиленный гулявшим меж холмами эхом. Ксения тут же оказалась рядом, а Павло, замолчав, снял с зацепов у облучка американский карабин положил его себе на колени. Репликант спустил маску на лицо и, расчехлив прицел, повел им вдоль левой обочины, где до холмов было метров двести ровной степи. Еще немного погодя Ксения, тронув меня за рукав, указала вперед, где у трех холмов виднелась черная точка на фоне рыжей листвы кустарника. Вынув монокуляр, я увидел на склоне холма крупного псевдособа. Черная клочковатая шерсть зверя стояла дыбом, широкая пасть его задралась к небу, и ветер снова донес тот самый злобный призывный вой.

Колонна встала, появление новых попугчиков вызвало среди обозников легкое замешательство. Обоз сбавил ход, пока повозки не остановились у съезда на узкую грунтовую дорогу, ведущую к обширной лесополосе. Мовчан ушел куда-то в середину колонны советоваться с немцами. Пользуясь остановкой, я решил внимательнее присмотреться к незваному гостю. Дальномер показывал, что до твари неполных триста метров. Но даже на таком приличном расстоянии псевдособ казался крупнее тех особей, которых мне доводилось встречать раньше. Огромный черно-рыжий кобель с обожженным левым плечом спокойно смотрел в нашу сторону. Этот наверняка около метра в холке, а зубами способен перекусить руку взрослого мужика.

Та-ах!

Откуда-то сзади звонко щелкнул одиночный выстрел, а через мгновение пуля ударила в землю возле передних лап существа. Однако, вместо того чтобы убежать, псевдособ уселся на задние лапы и еще пристальнее уставился в нашу сторону. За спиной снова послышалась ругань, которой я почти не понимал, а помня наказ Мовчана, не стал на это событие реагировать. Оторваться от любопытного зрелища заставила Ксения. Девушка, тронув меня за локоть, спросила:

– Что это значит?

Хотел бы я и сам это знать, но однозначно ничего хорошего появление пса нам не сулит. Псевдособы были в Зоне всегда, хотя никто точно не может сказать, мутанты это либо тоже гости из другого мира. С виду это обычная собака с непропорционально широкой грудью и чем-то вроде горба на холке. Шеи у них почти нет, из-за чего при броске тварь всегда прыгает с небольшим смещением. Псевдособы являются слабыми телепатами. Транслируя в мозг жертвы импульс сильного страха, они парализуют жертву, поэтому близко их лучше не подпускать. Живут и охотятся в стае, состоящей из трех-пяти особей. Самец всегда один, так что это, скорее всего, он и есть. Настораживает другое: западная дорога – это не место жительства для такой твари. Живности тут нет, да и открытых пространств больно много. Псевдособы селятся в развалинах, где за добычей особо гоняться

нет нужды.

– Пока трудно сказать наверняка. Тварь перед нами на холме, это вожак. Стая прячется где-то поблизости, это еще штук пять, но наверняка это самки, а они существенно мельче этого...

– И еще до сегодняшнего вечера нам не попадалось тут ни одной псины уже месяца три.

Это в разговор вклинился подошедший недавно Мовчан. Проводник нервничал и, не желая этого обнаружить, снова закурил. Спрятав сигарету в кулак, он скупым жестом указал назад, где у головного немецкого фургона стояло человек пять оживленно переговаривавшихся охранников. Один из них снова поднял самозарядную снайперку, но стрелять в псевдособа больше не решился.

Я понимающе кивнул и вежливости ради поинтересовался:

– Интуристы нервничают?

Проводник щелчком отправил окурочек в кювет и длинно плюнул ему вслед. Лицо сечевого выражало крайнюю степень досады.

– Рисковать не хотят, приказывают своим убить животину.

– А вы как егеря с ними пойдете?

Неудовольствие сменилось тихой яростью. Похоже, он понимал, как неприглядно это выглядит со стороны.

Однако вслух Мовчан произнес нечто иное:

– Тут давно никого не было, в любом случае стоит проверить.

– Плохая идея, псевдособ очень крупный, стая наверняка где-то поблизости.

– Знаю, не первый год замужем!.. Ты фрицам это скажи.

В разговор снова вступила Ксения. Но репликант заговорил со мной тихо, так что Мовчан слышать не мог. Привстав на цыпочки, девушка предложила:

– Я могу убить зверя, винтовка позволяет.

Еще на Кордоне я близко рассмотрел оружие репликанта. Это была германская самозарядная винтовка, сделанная под боеприпас увеличенной мощности. Восьмикратная оптика, облегченное алюминиевое цевье, магазин на двадцать патронов. Дорогая, сложная игрушка, слишком навороченная, на мой взгляд. Но там, в серых землях, была возможность убедиться, что винтовка своих денег стоит¹⁸. Идея не плоха, по крайней мере пока нам никто стрелять не запрещал. В любом случае поведение зверя казалась неправильным. Он не испугался выстрела, хотя с человеком точно сталкивался. Места у нас хоть и не особо людные, но встретить существо, не знакомое с человеком, было нереально сложно.

– Пробуй, пока фашисты план придумывают. Не играй с псом, они чувствуют, когда в

¹⁸ В данном случае Антон говорит о германской снайперской винтовке Heckler – Koch НК G28. Военные эксперты считают, что G28 – это развитие направления оружия поддержки на уровне «взвод-рота», начатого еще в СССР. Иными словами, данный образец снайперского оружия – это то, чем могла и все еще может стать советская СВД.

G28 использует газоотводную автоматику с коротким ходом газового поршня и поворотным затвором. Двухпозиционный газовый регулятор обеспечивает надежное функционирование оружия как в обычном режиме, так и с использованием глушителя звука выстрела. Ударно-спусковой механизм обеспечивает только одиночный огонь. Ствольная коробка винтовки состоит из двух половин – верхней стальной и нижней из алюминиевого сплава. Ствол консольно вывешен внутри цевья. Питание патронами осуществляется из отъемных коробчатых магазинов емкостью 10 или 20 патронов. Есть возможность установки дневных и ночных прицелов, приборов беспламенной и бесшумной стрельбы, сошек, штурмовых рукоятей. Предусмотрена также смена ствола, что повысит или уменьшит дальность и эффективность огня сообразно поставленным перед бойцом задачам.

G28 обеспечивает пехоте возможность ведения эффективного огня на дальности, недоступные для штатного оружия калибра 5.56 мм (порядка 600–800 метров), в условиях, когда использование более мощного оружия поддержки (пулеметы, минометы, артиллерия и т. п.) недоступно или неприемлемо из каких-либо соображений.

Появление этого оружия обусловлено опытом ведущейся до сих пор войны в Афганистане, где традиционная концепция поддержки пехоты, принятая в НАТО, показала свою полную несостоятельность.

них целятся. Убей быстро, нам нужно посмотреть, как среагируют его приятели, которых мы не видим.

Девушка отошла на десяток метров, взобравшись на небольшой пригорок слева от дороги. Я снова вынул монокуляр и навел оптику в сторону холмов. Псевдособ сидел на прежнем месте, будто ждал чего-то.

Та-ахх!

Голова зверюги дернулась влево, пес старался укунить небольшую аккуратную дырку в своем горбатом загривке. Но в следующий миг лапы его подогнулись и вожак завалился на правый бок, конвульсии сотрясли все его тело. Ксения, не вставая, чуть сместилась влево, выискивая следующую цель. Я тоже посмотрел в том направлении и увидел мелькавшие за кустами неясные силуэты. Стая точно рядом, еще штук пять, не меньше.

– Эй, вы чего творите!

Ко мне подбежал один из державников, стоявших до выстрела где-то у второго фургона. Рослый молодой парень попытался схватить меня за локоть, однако я высвободился и, разорвав дистанцию, заслонил собой увлекшуюся девушку. Сечевой выругался сквозь зубы и ринулся было вперед, но его жестко окрикнул Мовчан, и потом они еще минуты три переругивались, споря о чем-то. Конфликт вроде начал утихать, как к спорящим державникам подошел невысокий немец с нашивками какой-то частной охранной конторы. Отстегнутая маска, болтавшаяся на груди, позволяла рассмотреть изрытое оспинами обветренное лицо. Темные, коротко стриженные курчавые волосы, оливковая кожа, только глаза гость прятал за узкими солнцезащитными очками, какие в моде у стрелков. Мулат заговорил по-немецки, отчего я мысленно вздохнул с некоторым облегчением – этот язык мне знаком довольно неплохо. Немец поинтересовался, в чем дело, а молодой охранник стал сбивчиво на том же языке с жутким акцентом пояснять. Оказалось, что оружие нам доставать нельзя, хотя Мовчан ничего такого не упомянул. Мулат выслушал, потом повернулся ко мне и приветственно приложил правую руку к шлему, отдав честь. Я ответил тем же, хотя на голове имелась только скатанная на лоб «душегубка». Подойдя ближе, немец попытался говорить по-русски, но делал это так скверно, что пришлось обнаружить наличие познаний в его родном языке.

Сохраняя некоторое изумление на темном лице, немец представился:

– Обер-лейтенант Энке, командир конвоя миссии «Врачи без границ». Кто вы и ваша спутница, почему открыли огонь?

Покосившись на поднимающуюся с земли Ксению, держащую винтовку так, чтобы можно было стрелять навскидку, пришлось тоже назваться:

– Васильев, мы с родственницей беженцы, идем домой.

Глянув на мое снаряжение, а потом изучив винтовку Ксении повеселевшим лукавым взглядом, Энке продолжил:

– Для беженцев вы неплохо вооружены, господин Василеф. Впредь не стреляйте без предупреждения, наши коллеги немножко нервничают.

– Хорошо, нас просто об этом не предупредили, господин лейтенант.

– Где так научились говорить по-немецки?

– Дед много занимался со мной.

– Он немец?

– Нет. Он был на войне, допрашивал военнопленных.

Энке больше не улыбался, в моих словах он уловил какой-то скрытый подтекст, которого я опять-таки не вкладывал. Не говоря больше ни слова, он козырнул на прощание и, бросив вполголоса несколько фраз ожидавшим его сечевым, отправился к своим.

Ксения подошла и, не спуская глаз с удалявшейся фигуры, тихо спросила:

– Почему он так разозлился?

– Наши народы воевали в прошлом. Давно, почти семьдесят лет назад.

Сквозь прорези маски я увидел, как заблестели ее глаза. Девушка понимающе кивнула, и на этот раз возникло чувство, будто она действительно поняла больше, чем я сам.

Стремясь сменить тему, Ксения сообщила:

– Зверей пятеро, но ведут себя осторожно, больше никто под выстрел не подошел.

– Съесть труп жожака не пытались?

Девушка вскинула на меня полные удивления глаза и отрицательно покачала головой. Я снова глянул через оптику в сторону холмов. Труп псевдособа лежал на прежнем месте, земля вокруг него потемнела от вытекшей крови. Скверный знак. Обычно псевдособы пожирают труп жожака, а потом дерутся тут же на месте, пока не выберут нового. Но труп на месте, а его сородичи сидят в кустах. Спрятав монокуляр и сказав девушке оставаться у первой повозки, я подошел к стоявшему в одиночестве проводнику. Мовчан сосредоточенно осматривал окрестности, зажав в углу рта измочаленную сигарету.

Стараясь не мешать, я сказал то, о чем подумал с самого появления странной стаи:

– Пес неправильный, стая даже его труп не тронула. Впереди какой-то подвох. Нужно выслать вперед верховой дозор из трех человек.

Не отрываясь от своего занятия, проводник выплюнул окурочок в сторону. Руки его мастерски нащупали заветный карман, и вскоре он снова дымил очередной сигаретой.

– Это моя дорога, не лезь. Псина странная, согласен. Только и нас не четверо, отобьемся в случае чего, обоз большой, а зверь, может, свое логово охраняет. Нужно двигать отсюда, и так задержались дольше положенного. Пойдем быстрее, на скорости проскочим.

Чего-то подобного я и ожидал. Проводник надеялся на численное превосходство и скорость. Вполне может случиться так, что он окажется прав, а я дую на воду. Честно говоря, в тот момент мне очень хотелось, чтобы все случилось именно так. Через пять минут обоз двинулся вперед, увеличив скорость настолько, что вся охрана пересела на верховых лошадей, которые до того момента были привязаны к фургонам и шли без седоков. Мне никто лошадки не предложил, да и кавалерист из меня совершенно никакой, поэтому пришлось лезть на облучок второго фургона к угрюмому вознице по прозвищу Коваль. Невысокий, крепко сбитый мужик правил лошадьми, не обращая на пассажира ровным счетом никакого внимания.

До глубоких сумерек мы шли на довольно приличной скорости, и все это время обоз преследовал перекликающийся звериный вой. Лошади нервничали, видимо, ни с чем подобным им раньше встречаться не приходилось. Охранники давали пару выстрелов по кустам, порой приступавшим к самой обочине дороги, тогда вой ненадолго утихал. Но стоило немного снизить скорость, как возникал пронзительный заунывный хор нескольких псов, заставлял возниц снова щелкать вожжами. Псевдособы шли на приличном расстоянии, держась то справа, то по левую сторону от колонны. Погода не отставала от прогноза. За все время, что мы были в пути, ни разу не поднялся ветер, даже дождь огрызался редкими зарядами мелкой водяной пыли, которую слабый ветерок бросал в лицо. Нехорошее предчувствие буквально душило, поэтому, проклиная упрямство местного начальства, я надел шлем и «ночник». Вскоре совсем стемнело, но луна так и не показалась. По общему каналу Энке предупредил, что конвой ожидает короткий привал. И действительно, через пятнадцать минут головной фургон стал сворачивать с дороги вправо, на еле видневшуюся в темноте грунтовую дорогу. Мимо проскакало трое всадников, одетых в армейские плащ-накидки. Лейтенант все же решил выслать дозор, это добрый знак. Я все время вглядывался в сгущающуюся тьму, а потом подключил «ночник». Лучше не стало, только все вокруг расцветилось в разные оттенки зеленого и черного. Однако отчетливо просматривались неяркие точки, нанесенные светящейся краской на плащи дозорных. Неплохо придумано: ориентир для возниц, и сами не потеряются в случае чего. Вдруг впереди у дороги мелькнула быстрая тень, бросившаяся наперерез передней повозке. Ее возница резко натянул вожжи, лошади резко и обиженно заржали. Однако наш кучер с управлением не справился. Грунтовка входила в поворот, а Коваль слишком поздно начал придерживать лошадей. Кони жалобно закричали, и крик этот, переходящий в задушенные хрипы, слился со звуками перестрелки, начавшейся впереди.

Прежде чем фургон стал заваливаться набок, удалось сделать две вещи: соскочить с

облучка в кювет, подняв тучу брызг, и крикнуть Ксении по выделенному каналу:

– Прыгай и прячься!

Выдирая ноги из грязи, я тоже устремился в сторону от упавшей повозки, стараясь найти укрытие под кронами деревьев, росших вдоль дороги довольно плотно. Немного отдышавшись и переведя автомат на огонь очередями, я осмотрелся. Случилось то, чего, по идее, вполне можно было избежать, продолжи конвой движение ночью. Звери устроили нам засаду, атаковав сразу с трех сторон. От хвоста колонны слышалась беспорядочная стрельба, неразборчивые крики. Впереди тоже все оказалось не лучше. Небольшая стая псевдособов атаковала дозорных, отсекая их от конвоя. Еще пятеро собак-переростков уже лакомились парной кониной, завалив упряжку переднего фургона. Дозорных со своей позиции рассмотреть не удавалось, да и репликант не отзывался. Поэтому я двинулся вперед, к месту нападения на первый фургон. Сознание царапнул злобный мыслимпульс, и следом прямо на меня выскочила рыжевато-белая самка. И тут же без задержки зверь прыгнул вперед, целя зубами в горло. Уйти с линии броска помешало некстати подвернувшееся дерево, и в следующий миг я уже стоял, прижатый к замшелому стволу тяжелой тушей, а в лицо пахло смрадом падали. В свете «ночника» глаза псевдособа казались почти белыми, что придавало происходящему некий налет нереальности. Перехватив автомат за основание приклада и ствол, я крутанул оружие вперед и вправо. Это стоило ощутимых усилий, собачья пасть клацала двумя рядами желтых клыков, с которых капали сгустки слюны, прямо перед носом. Досадливо визгнув, собака отскочила на расстояние вытянутой руки, и я едва успел перехватить автомат обеими руками за ствол, чтобы без замаха ударить самку в висок. Глухо треснула кость, псевдособ без единого звука рухнул в траву. Снова взяв оружие как положено, я дважды выстрелил самке в горбатую холку, где сосредоточены главные артерии и сердце. Туша дернулась в конвульсиях, сознание обожгло мыслимпульсом страха и боли. Тишину зверя слушать нет времени, я быстро пошел дальше. У поваленного фургона я пристрелил еще двух самок, терзавших тело Коваля. Водила не успел соскочить с облучка, ему прищемило левую ногу. Его автомат остался прикрепленным к держателю на стене повозки, а кобура с пистолетом была именно на левом бедре. Собаки разорвали плотную ткань «кондора», словно гнилую тряпку. Такого раньше не случалось, полимер, из которого костюм делается, так просто не взять. Однако водила ехал без шлема и с расстегнутым воротом, хотя горло он некоторое время закрывал руками. Судя по следам крови, собаки начали его поедать живьем, водила умер лишь пару мгновений назад. Впереди слышались резкие хлопки выстрелов, я узнал характерный голос американского карабина. Мовчан или тот, кто взял его автомат, еще жил и отстреливался.

Первый фургон развернуло так, что он встал поперек дороги. Лошади пытались спастись от хищников, но упряжь намертво держала животных, да и оглобли были из легкого, но очень прочного сплава, они даже не погнулись. Трое здоровенных псов стояли тут же, отрывая от еще дергавшихся в конвульсии лошадиных туш порядочного размера куски. Один из псевдособов настолько увлекся пиршеством, что почти полностью залез в распоротое нутро несчастной коняги, пожирая дымящиеся потроха. Ветер дул в мою сторону, мне удалось подойти метров на десять, не потревожив стаю. Но в тот миг, когда я осторожно поднял автомат и выцелил самого крупного из этой тройцы, произошло следующее. Справа от моей позиции, на высоком пригорке, до которого было около полусотни метров, появилась невысокая фигура, по виду определенно человек. На Ксению силуэт не походил, незнакомец носил традиционный в наших краях дождевик с остроконечным капюшоном, скрывающий фигуру. Никто из державных таких тоже не носил, это особенно врезалось в память, чужую снарягу я запоминаю очень хорошо. Через два удара сердца фигура незнакомца озарилась неярким голубовато-белым светом. Потом он развернулся, и стало ясно, что он держит в левой руке некий предмет, испускающий необычное сияние. Сразу, опережая другие мысли, пришла догадка: собаками кто-то управляет, и это точно не мозгоед, того я бы почуял уже давно. Но как только я перевел прицел на отлично видимый силуэт «наводчика», тот скрылся в кустарнике, а мило

закусывавшие парной кониной псевдособы, не сговариваясь, кинулись прямо на меня. Этого не могло быть в природе. Зверь, пускай самый хитрый и коварный, это всего лишь животное, раб инстинктов. Этот незнакомец меня срисовал и указал псам цель. Переведя ствол автомата на собак, распластавшихся в разбеге и последовавшем длинном прыжке, я дал по ним длинную очередь. На таком расстоянии почти все пули нашли своих жертв. Прыгнувший пес извернулся, кусая раненый бок, и пролетел у моего левого плеча, с треском вломившись в заросший травой глубокий кювет. Двое других словили по несколько серьезных ранений конечностей, сломавшись в момент прыжка, а затем покатались кувырком вправо, налетев друг на друга. Не выпуская их из вида и крутанувшись влево, я не целясь дал веерную очередь в том направлении, куда улетел первый подранок. Послышался громкий визг, оборвавшийся на пятом выстреле, очевидно, остальные три пули ушли зря.

– Ступающий, берегись!

Инстинкты опередили мысль и даже узнавание. Я кинулся на землю и перекатился под корни иссохшего старого тополя. Раздавшийся в наушнике голос Ксении прозвучал одновременно с ослепительно яркой молнией, ударившей в то место, где я только что стоял. Следом сухо треснуло два выстрела подряд, и ощущение давящей на мозг угрозы разом пропало. Перекатившись еще пару раз и оказавшись под прикрытием ствола дерева, я поднялся на колено и осмотрелся. В том месте, где я должен был стоять, землю разорвало и оплавало до стеклянной корки. Сила ударившего туда сгустка энергии была такова, что я только сейчас ощутил резкий запах паленой синтетики, из которого сделано большинство экипировки и сам костюм. Досталось даже трупам псевдособов, оказавшимся на том же расстоянии, что и я. Тушки зверей сжались, покрывшись толстой коркой. К искусственной гари примешался тяжелый дух горелого мяса. Не будь на мне костюма, шлема и перчаток, скорее всего, я разделил бы участь хищников. Слева за кустами мелькнул силуэт, я перевел ствол автомата в ту сторону, но тут же опустил оружие. По характерному рисунку винтовки я узнал репликанта.

Девушка приблизилась и, остановившись рядом, спросила:

– Ты не ранен, Ступающий?

Может быть, мне показалось, а может, так оно и было на самом деле, но в голосе репликанта мне почудилась искренняя тревога.

Но ответить пришлось коротко, благо я действительно не пострадал:

– Цел, костюм спас. Что это было?

– Это крисп, портативное энергетическое оружие Ждущих в Темноте. Один был здесь только что, мне удалось его ранить.

Интересно, раньше пауки вообще не пользовались ничем подобным, хотя в бою мы сталкивались не раз. Скорее всего, тогда нас не считали серьезной угрозой, поэтому при встрече просто давили мыслеимпульсами либо отгоняли, словно надоедливых мошек. Очевидно, теперь все будет совсем по-взрослому.

– Куда пауков уполз?

Девушка указала стволом винтовки на юго-запад, где за деревьями виднелись какие-то развалины. Небольшой хутор, два деревянных дома с надворными постройками. Именно туда нас вел Мовчан. Словно предворяя мои мысли, от дороги послышался треск кустов, и к повернутой повозке вышел наш проводник, тащивший на себе раненого охранника. Я обернулся к девушке, рассказал про непонятную фигуру и о своих подозрениях.

– У Вейт много слуг, есть и те, кто работает на них без всякой выгоды. Вейт умеют создавать живые приборы, которые подчиняют слабый разум. Этот все было только для тебя, Ступающий.

Понятно, что я своим присутствием подставил под удар обоз сечевых, враг отлично осведомлен. Но это не репликант. Некто устроивший засаду знал про обоз, но не знал про инцидент у липового «Агропрома». А вот в нынешнем караване точно идет некто сведущий. На сей раз известен маршрут и точки, где удобнее всего напасть. Где эта «добрая душа», скорее всего, узнать не выйдет. Точно его нет среди мертвых, и Мовчан больно упирался,

когда Серый его упрасивал взять меня в попутчики. Нет, это может быть кто угодно, выявить так, с наскока не получится.

Не отрывая взгляда от возившегося с раненым проводника, я сказал:

– Про пауков местным говорить не станем. Расскажем, что видели человека с оружием, бегущего к развалинам.

– Что это нам даст?

– Немцы народ осторожный, им главное – доставить груз, которым они так дорожат. Разбираться с угрозой точно не станут. Повернут обоз на шлях и удвоят скорость движения. И им хорошо, и мы сможем быстро убраться отсюда.

– Ты не сразишься со Ждущим?!

В голосе девушки на этот раз прозвучали оттенки ярости и удивления. Видимо, в отчетах я выгляжу былинным богатырем, не иначе.

Но вслух я ответил:

– Он тоже хочет, чтобы глупый человек пошел по его следу. И я тоже хочу, но не стану этого делать. Поверь, шанс увидеть, какого цвета у него потроха, представится скорее, чем ты думаешь. Но место для этого я выберу сам.

Я вынул из разгрузки фонарик и, сняв шлем, три раза свистнул, одновременно мигая фонарем в сторону повозки. Предосторожность оказалась не лишней, проводник и его раненый товарищ мгновенно ощерились. Водя стволами, они всматривались в темноту все то время, пока мы не подошли совсем близко. В узком луче мелькнуло заляпанное кровью бледное лицо Мовчана. Проводник замахал руками, прося убрать фонарь. Ксения без расспросов присела возле раненого, закинув винтовку за спину, и принялась рыться у себя в сумке, висевшей слева у пояса.

Мы с проводником отошли, тот вытряс из смятой пачки сигарету и, жадно затянувшись, начал рассказывать:

– Полгода ходили, всяко бывало. Бандюки наскакивали, нечисть тоже попадалась...

– Это еще не финал, проводник.

Огонек сигареты дрогнул, выдавая нервную дрожь. Меня тоже потряхивало, адреналин так просто из крови не уйдет. Во время следующей затяжки лицо сечевого, повернутое ко мне вполоборота, осветилось багрово-красным. В голубых выцветших глазах блеснула догадка.

– Ты знал, что на нас готовится засада, это все из-за тебя?!

Произнеся это вслух, Мовчан сильно рисковал. Нам непременно нужно было к Развилке, а если проводник поделится своими догадками с кем-то еще, этого никогда не произойдет. Я, не меняя темпа движения, начал готовиться провести прием и свернуть сечевому шею. Второго тоже можно пустить в расход, раны, которые я видел, довольно серьезные, и разбираться никто не станет. Но, видимо, над семейством Тараса сияла счастливая звезда. Сзади донесли голоса, обернувшись, я увидел яркие лучи ручных фонарей. К повозкам подошло четверо державников под предводительством Энке.

Вложив в голос как можно больше усталого безразличия, я ответил:

– Не смешно, проводник. Я раз пять сказал тебе и этому бундесу¹⁹, что собаки неправильные и что идти нужно быстро. Но вы твердили свое, вот и поплатились.

– Но раньше...

Тут меня действительно взяла нешуточная досада. Как-то я уже упоминал, что дураки в Зоне быстро кончаются, но никогда не переводятся насовсем. Понадобилось каких-то полгода, для того чтобы услышать от опытного старателя нечто подобное.

Едва сдерживаясь, я возразил:

– Мы живем в таком месте, где подобные слова говорят только кандидаты в скорые

¹⁹ Презрительное прозвище, означающее гражданина Германии, просто немца. Для самих немцев очень оскорбительно.

покойники или те, чье везение уже на исходе. Если ты не из их числа, очнись!

Мовчан хотел что-то возразить, но к нам подошел Энке, и проводник стал сбивчиво на ломаном английском объяснять, что случилось. Выходило скверно, однако вежливый мулат его выслушал и указал на повозку, где трое сечевых поднимали опрокинутый фургон.

– Хорошо, чиф!²⁰ Идите к повозкам, мы с господином Василеф вас догоним.

Пряча недовольную гримасу, проводник пошел в указанном направлении, что-то сердито выкрикивая по-украински.

Энке пристально смотрел ему вслед, а потом, развернувшись ко мне всем корпусом, спросил уже по-немецки:

– Насколько все плохо?

Как я и предполагал, немец оказался не из простых. Еще во время первого короткого разговора он оценивающе осматривал мою снарягу и оружие. Видимо, погоню носил не зря. Время на пикировку тратить не хотелось, враг все еще был недалеко, действовать нужно быстро. Поэтому я двинул главный козырь без особой подготовки:

– Вы угодили в засаду, кто-то на Кордоне или раньше сдал ваш маршрут. Я видел вооруженного человека, который каким-то образом координировал нападение стаи.

Глаза Энке недобро сощурились, лицо его было покрыто точками сгоревшего пороха, на левой щеке свежий пластырь телесного цвета.

– Такое невозможно без сообщников внутри отряда. Вы думаете, это проводник или кто-то из его людей?

– Вряд ли. Встречный бой, да еще в темноте...

Немец понимающе закивал, губы лейтенанта невольно тронула понимающая улыбка. Во взгляде, брошенном на меня, промелькнуло удивление.

– Согласен, риск погибнуть слишком велик. Агент никогда бы с нами не пошел, если только от него не хотели избавиться.

– Тогда он в любом случае не опасен, так поступают с отработанным материалом.

Мы остановились в десятке метров от головной повозки. Державники уже поставили вторую повозку на колеса, привели двух лошадей. Животные фыркали, тревожно ржали, стараясь держаться ближе к свету и людям. Истерзанные останки их сородичей уже оттащили на обочину и, залив какой-то горючей смесью, подожгли. Трупы занялись быстро, их окутали языки рыжего пламени, но от чадного дыма почти тут же запахло паленым, стало немного светлее, но огонь окутала почти непроницаемая пелена гари, так что пламя казалось черным.

Теперь мяч был на стороне немца. Если все это только инсценировка и он каким-то образом связан с агентами Вейт, то обоз двинется к запасной точке отдыха. А если лейтенант действительно так переживает за груз, все будет так, как я рассказал репликанту.

Энке, не спуская с меня пронизательного взгляда, наклонился к прикрепленному у плеча спикеру радиации и четко произнес слова приказа:

– Хайнц, пусть Генрих разворачивает повозки. Мы возвращаемся на маршрут, пусть не жалеет плетей, мы пойдем очень быстро.

Еще час ушел на то, чтобы запрячь наши повозки свежими лошадьми. Поскольку именно они снова должны были возглавить колонну, это снова была парная упряжка. В ходе нападения пострадали все, однако у немцев оказался припасен сюрприз на этот случай. Все четыре фургона MSF оказались оснащены выдвижными пулеметными турелями, а трое охранников даже экипированы ручными огнеметами. Стая атаковала их не менее яростно, по отрывкам разговоров я понял, что речь шла как минимум о двух десятках крупных особей. Они отстояли почти всех лошадей, но животные оказались сильно напуганы, кроме того, отдав нам свою тягу, фургоны, стоявшие в порядке крайними, запрягли одиночками. Поэтому

²⁰ Американская идиома разговорной речи. Chief (англ.) дословно – руководитель, тот, кто ведет. Чаще всего используется в уничижительном смысле. Как русское выражение при обращении к таксисту: «Эй, командир! В аэропорт за пятьсот доеду?»

караван сбавил треть хода и в прежние сроки мы уже не укладывались. На трассу конвой вышел к трем часам утра, когда ночь стала совершенно непроглядной из-за набежавших с юго-востока низких облаков. Дождь так и не случился, зато ветер крепчал с каждой минутой и к четырем часам утра превратился в шквал, поднявший тучи пыли с холмов. Пришлось снова останавливаться и ждать, пока лошадиники укутают своих четвероногих подопечных в пылезащитные попоны. Люди тоже накинули маски. Но обычные, с дыхательными фильтрами. Дышать в таких намного легче, чем в ребризерных замкнутого цикла. Однако противогаз, он и в Африке противогаз. Мовчан шел впереди, Ксения все так же сидела рядом с водилой, на облучке. Я шел рядом с проводником, но из-за трудностей с продвижением мы не тратили сил на разговоры. «Ночник» мало помогал в той круговерти из пылевых облаков, окутавших весь обоз, словно плотное колючее покрывало. Несколько раз впереди мне удавалось разглядеть мелькающие за песчаной завесой смутные тени. Однако из-за ветра радиационный фон несколько повысился, и это вполне могли оказаться глюки «ночника». Больше всего напрягало собственное невежество по поводу боевых возможностей Ждущих в Темноте. Поэтому приходилось вспоминать все, что я знал о пауках из школьного курса биологии. Но все это было так давно, а опыт столкновений с пауками в бою так скуден, что никакой толковой тактики придумать не получалось. Переключившись на шифрованный канал, я вызвал репликанта и, чтобы не вызывать подозрений у сечевых, пошел рядом с передней повозкой. Девушка откликнулась сразу, и не сказать чтобы мой вопрос ее сильно удивил.

– Послушай... Ксения... Ты солдат, там у себя?

– Нет, я не воин. Мое призвание – это шак-тха. Вы зовете это умение «разведка». Но у нас это гораздо шире.

– Но стреляешь ты очень хорошо.

В последовавшем ответе репликанта мне послышались веселые нотки. Похоже, мои вопросы ее каким-то образом забавляли.

– Наши воины гораздо крупнее... сильнее женщин.

– Так вы не?..

Слова опять застряли у меня в горле, тем более что вопрос вырвался непроизвольно. Отчего пришла запоздалая досада за свое праздное любопытство в такой неподходящий момент.

Девушка ответила дрожащим от смеха голосом, что я все же стерпел, почтя наказанием за глупость:

– У нас с людьми больше общего, чем тебе кажется, Ступающий.

Переждав, пока стыд немного уйдет, я все же перешел к тому, ради чего начал этот разговор:

– В таких условиях, как сейчас, как бы напали Ждущие в Темноте?

Голос репликанта в одно мгновение стал совершенно иным. Сейчас в нем звучали собранность и сосредоточенность. Будь она человеком, я решил бы, что ненависть Ксении к паукам ненамного слабее моей собственной.

– Они боятся холода, паучья кровь медленнее разбегается по жилам. Именно для этого они носят доспехи. Но века эволюции никуда не денешь, будь это песчаный шторм, мы бы уже сражались с ними.

– Значит, сейчас нападения не будет?

– Их цель сейчас – устранить тебя. Пройти через портал могли только четверо. Нет, рисковать успехом ради скорости не в их привычках.

– Спасибо.

Слышать этот голос так долго было нестерпимо. Находиться рядом – еще более мучительно, поэтому, скомкав конец беседы, я снова пошел вперед. Вынув ПДА, я глянул на еле видимый экран коммуникатора и сверился с картой местности. Колонна шла почти так же медленно, как если бы мы забрели в призрачные пустоши серых земель. К пяти тридцати утра мы продвинулись вперед всего на два десятка километров. Кроме того, если раньше

трасса шла относительно прямо, то теперь дорога петляла среди холмов, что тоже не добавляло скорости. Ветер, начавшийся два с половиной часа назад, не стихал, лишь слегка изменил направление, перестав задувать прямо в лицо. Теперь сила этого природного шквала клонила всех вправо, заставляя прилагать еще больше усилий, для того чтобы не сбиться с пути. Помогали самые настоящие бетонные столбики, как на обычных проселочных дорогах. Раз или два головная повозка цепляла такие бортом, отчего раздавался дикий скрип, пугавший лошадей.

Но кроме обычных неудобств были еще мои собственные невеселые мысли по поводу затаившихся где-то пауков. Враг лучше экипирован и вооружен более мощным оружием. Плюс у него тактическое преимущество при нападении, эффект внезапности полностью на их стороне. Репликант сказал, что от холода пауки дергаются, но, будь я на их месте, я обратил бы эту информацию в свою пользу. Напасть, когда мы этого не ожидаем, уничтожить цель и уйти в суматохе. Конечно, это рискованно. И вот тут я вспомнил, как Ждущие воевали со мной. Всегда это засада, всегда двойное или трехкратное превосходство в живой силе и маневре. Нет, Ксения права. Их слишком мало даже для рискованной атаки на большой конвой. Следовательно, нас будут ждать у Развилки либо недалеко от этого бандитского форпоста. Тогда нас будет только двое или... Стоп! Похоже, у меня тоже есть козырь в этой игре. Пауки не знают точно, кто такая Ксения. Им известна легенда, но не более того. Будь иначе, то при недавней стычке они объявились бы всей кодлой. И пусть из козырей только шестерка, но все же...

Оставшееся до рассвета время ветер дул с прежней силой, меняя лишь направление. Но как только солнечный свет стал пробиваться сквозь низко нависавшие над холмами тучи, буря вдруг прекратилась, словно с темнотой ушла вся ее сила. Счетчик радиации тоже понемногу успокоился, излучение пришло в норму. Когда рассвело настолько, что местность стала просматриваться на полкилометра окрест, по колонне прошла команда остановиться. Пользуясь затишьем, Энке приказал перегруппироваться и снять с лошадей антирадиационные попоны. Я тоже снял маску, в легкие ворвался сырой, пахнущий землей и травами степной воздух. Чтобы осмотреться, я вынул монокуляр и внимательно осмотрел окрестности. Холмистая равнина, покрытая сплошным ковром серо-желтой высокой травы, да видневшийся на северо-востоке ржавый остов легкового автомобиля. До машины по прямой всего метров сто, судя по очертаниям кузова, это был ВАЗ, кофейного цвета «трешка». Никакого движения, даже намек на него заметить не удалось. Спрятав оптику в карман разгрузки, я вынул ПДА и стал искать скелет машины на карте. Но, как ни старался, ничего похожего не обнаружилось. По маршрутизатору получалось, что до Развилки еще довольно далеко. И на всем пути машина отмечена не была. Будь это на восточной дороге, ничего страшного. «Белый шум» постоянно выталкивает в нашу реальность всякий мусор, что-то появляется, а что-то исчезает. Но тут, где кругом твердая земля, неизвестных предметов быть не должно.

Я совсем было собирался пойти к проводнику и сказать о находке, но Мовчан сам подошел и устало поинтересовался:

– Ничего странного не заметил, пока шли?

– Нет, но впереди на дороге лежит ржавая тачка, которой нет на карте.

Проводник, с раздражением треснув липучкой клапана, снял перчатку с правой руки и, с силой проведя пятерней по грязному лицу, отрицательно замотал головой:

– Это знак, скоро будет блокпост.

– Ваш?

На лице державника мгновенно появилась гримаса еле сдерживаемого бешенства. Он вынул из болтавшейся на боку старомодной планшетки пачку бумаг. Сунув мне несколько, выдернул сложенный вдвое замызганный серый лист с какими-то фиолетовыми печатями и помахал им в воздухе.

– А вот ни фиги! Про батьку Соловья слышать доводилось?

– Новый положенец от блатных?

– Смотри там не ляпни. Там, в холмах, два пулеметных гнезда и бункер со всеми удобствами. От ученых остался, а Соловей вычистил и отремонтировал.

– Я думал, блатным работать запаadlo.

Шутка заставила проводника невольно улыбнуться, но потом осторожность взяла верх, и, прогнав веселье, Мовчан почти прошипел, понизив голос до сердитого шепота:

– Шутник, да?! Короче, Солдат! Помалкивай там, а то бандиты народ нервный. Помни, я за тебя поручился, но в случае чего...

Сообщение о бандитской заставе немного приободрило. Успокоив подозрения проводника, я пошел ко второй повозке. Ксения уже взобралась на крышу фургона и лежа осматривала окрестности через винтовочную оптику.

Как только я приблизился, девушка тихо сообщила:

– Возле ржавой машины есть трос, кто-то намеренно перегородил шоссе.

– Там блокпост нашей местной мафии. Сейчас поравняемся, будут плату за проезд взимать.

– Не поняла.

– Просто бандиты.

Девушка, ненадолго замолчав, снова принялась аккуратно водить стволом винтовки.

Видимо, силясь разглядеть укрепления, она вскоре с тревогой в голосе сообщила:

– Странно, я ничего больше не вижу. Следов людей нет, замаскированных позиций поблизости тоже.

– Так все и задумано. Не делай резких движений. Это территория принадлежит уголовникам, у наших гостеприимных хозяев с ними договор о дружбе.

Снова пришла команда начать движение, и колонна двинулась вперед, но очень медленно. Однако все застопорилось, когда до ржавой «трешки» оставалось метров двадцать. Из середины колонны прискакало двое верховых державников. Не сбавляя хода, они на полном скаку перемахнули через перегораживающий дорогу скелет машины и скрылись за поворотом. Ксения, зачехлив винтовку, спустилась на землю и встала рядом. Минут пять ничего вообще не происходило, вперед пробежал Энке и его двое бойцов. Репликант посмотрел на меня с выражением легкой тревоги, хотя я и сам начинал беспокоиться. Не очень хочется, чтобы из простой задумки сократить время на возвращение вышла очередная долгоиграющая заморочка. В ожидании прошло еще минут десять, когда из-за поворота появился лейтенант.

Я думал, что немец просто пойдет по своим делам, и был немного удивлен, когда Энке обратился ко мне без всяких предисловий:

– Я уже три месяца хожу этим маршрутом, Василеф, но такое со мной еще не случалось. Блокпост не охраняется, в бункере пусто. На радиовывоз никто не отзывается.

Смутное предчувствие чего-то подобного грызло меня с того самого момента, как только поднялась эта странная буря. Просто так уйти... это даже для бандитов слишком.

– Все когда-то бывает в первый раз, господин обер-лейтенант. Что сказал проводник?

Лицо немца исказила кислая гримаса, а в последовавшем ответе сквозило плохо скрываемое пренебрежение к Мовчану и его людям:

– Чиф сидит в бункере и курит свои вонючие сигареты одну за другой. Его люди добросовестно все обыскали, но ничего не нашли.

– И почему вы говорите это мне?

– Потому что вы из русского клана, который постоянно живет в настоящем аду. Ваши парни на войне, а эти только расслабляются под свою странную музыку и стреляют по крысам! Раньше они были неплохими солдатами, но сейчас размякли, а моих людей слишком мало на целый конвой.

Энке посмотрел мне в глаза с какой-то диковатой смесью надежды, злости и отчаянья, что переспрашивать и уточнять, что именно он от меня хочет, не было нужды.

Но я все же уточнил:

– Хотите, чтобы я осмотрел блокпост?

– Да, черт возьми! Или сразу скажите, что тут случилось, и мы двинемся дальше.

Чем дольше мы тут стоим, тем сильнее крепло предчувствие, что впереди ждет нечто еще более худшее. Я вопросительно посмотрел на Ксению, девушка неопределенно пожала плечами.

– Мы с родственницей немного знаем местную природу. Отзовите ваших людей и державников тоже, а мы осмотрим все еще раз. Я бы еще связался с местным... с батькой Соловьем. Пусть не думает, что это вы перебили его людей.

– Что вы хотите за помощь, Василеф?

Вопрос оказался весьма ко времени. Все эти приключения изрядно тормозили продвижение, и у меня вполне созрело временное решение, хотя согласится ли немец на такое, это еще вопрос.

– Позже мы обсудим это, благодарю, что спросили. А сейчас давайте работать.

Еще некоторое время ушло на суматоху, связанную с отводом всех людей с территории блокпоста. Державники особо сильно упирались, но лейтенант умел настоять на своем. Сечевые удалились, бросая в нашу с Ксенией сторону косые, недоброжелательные взгляды. Удостоверившись, что больше никого нет, мы с репликантом пошли к остову машины. Это действительно был древний «жигуль», сейчас почти полностью съеденный ржавчиной. За поворотом я увидел небольшую утоптанную площадку, за которой из склона невысокого холма виднелась бетонная стена наблюдательной площадки бункера. Две узкие щели амбразур держали под контролем дорогу и противоположный участок степи. Чуть поодаль виднелась арка шлюзовой камеры. Массивная стальная дверь сейчас была открыта наружу, изнутри пробивалась рассеянная полоска света.

Ксения сделала было шаг вперед, но я удержал.

Указав репликанту на три плоских холма слева и справа от бункера, находившихся на небольшом удалении, я попросил:

– Пока не ходи со мной. Займи позицию, где понравится, и следи за окрестностями. Сканер есть?

– Да.

– Послушай эфир, найди кодированные переговоры, посмотри удаление и интенсивность радиообмена.

– Но я тоже хороший следопыт и...

– Иди, если хочешь выполнить свое задание, не мешай мне работать.

Девушка набросила маску и, чуть пригнувшись, быстро пошла в сторону холмов. В тот миг, когда ее лицо скрывалось за серо-зеленой маской, я увидел промелькнувшую досаду и что-то еще. Не отвлекаясь больше, я повесил автомат на плечо и, выйдя на середину утоптанной площадки, служившей чем-то вроде стоянки для проезжающих, затянул древнюю бурятскую молитву следопыта. С каждым произнесенным словом звуки и запахи вливались в протяжную монотонную мелодию, рассказывая все, что тут случилось.

Предчувствия не обманули – пауки были здесь как раз во время бури. Один накрыл блокпост волнами ужаса и страха, а двое других ждали где-то неподалеку. Люди, всего шестеро хорошо вооруженных бойцов, побросав оружие, стали выскакивать наружу и металась в панике. С пауками было человек пять людей, они ловили оглушенных бандитов и, связывая попарно, уводили на восток. Не понимаю как, но люди совершенно четко ориентировались среди непроглядной темноты и плотной пылевой завесы. Пленников уводили на восток, в небольшой овраг, видневшийся у подножья самого высокого из трех холмов. Трое людей вернулись, забрали одну повозку и трех лошадей. Двоих впрягли в фургон, а одна пошла под седлом. Мародеры собрали все припасы, оружие. Повозка и верховая лошадь тоже двинулись на восток, к оврагу. Схема знакомая, даже цель ясна.

Очнувшись от транса, я тронул тангенту рации и вызвал репликанта:

– Что слышно в эфире?

– Три групповых кодированных источника радиообмена. Направлением на юго-восток. Удаление сложно сказать, но сигнал слабый. Километра два, может быть чуть больше.

- Хорошо, видишь холм на юго-востоке?
- Да, отчетливо.
- Со своей позиции сможешь прикрыть меня, когда подойду к оврагу у подножья?
- Что ты нашел?
- Пока только след... так прикроешь?
- Хорошо, Ступающий.

След от тяжело нагруженного фургона был еле виден. Буря уничтожила почти все следы, неудивительно, что люди Мовчана ничего не смогли обнаружить. Мне помогал сильно примятый сухостой, который прихотлив на излом, да еще выворачиваемые из почвы копытами лошадей мелкие камешки. Нападавшие обернули копыта тряпками, но, видимо, сильно торопились, две обмотки соскочили, и подковы оставляли четкий след в траве и на сырой от постоянных дождей земле. К тому же пленные были обуты в специальные армейские кроссовки, имевшие характерный глубокий рисунок протектора.

- Ступающий, человек с темным лицом хочет знать, как идут поиски.

Голос Ксении звучал напряженно, и я буквально чувствовал ее сердитый взгляд у себя на затылке. Странная девица, но придется еще некоторое время терпеть. Свою рацию я заблокировал, оставив только закрытый канал, в поиске ничего не должно отвлекать.

– Пусть начинают движение, а он сам может идти к моей позиции, дай ему координаты, но сначала спустись сюда сама. Нужно твое мнение.

- Теперь оно тебе понадобилось?

Строптивный оборотень – это именно то самое чудо, которое я не желаю терпеть вообще. Но пришлось сдержаться, поскольку придется.

- Ты хочешь расторгнуть наш договор, кадавр?
- А ты долго будешь обращаться со мной как с какой-то преступницей?!

Теперь еще и нервы. Не ожидал, что скопировать удастся даже чужие эмоции. Однако истерика мне точно нужна меньше всего.

- Спускайся и предупреди Энке. Быстро.

Некоторое время в канале было тихо, лишь слышалось ее учащенное дыхание.

Через пару секунд послышался ровный, как ни в чем не бывало, голос Ксении:

- Хорошо, я иду.

След от колес тянулся до самого оврага и был хорошо различим в невысокой, росшей клочками траве. Из-за постоянных дождей почву вымывало, поэтому идти приходилось осторожно, выбирая дорогу. Когда холм заслонила от взгляда дорога, местность пошла под уклон, и вскоре я оказался у края оврага, заросшего невероятно густыми зарослями шиповника. Раздвигая колючие ветки стволом автомата, я стал спускаться вниз, пока не дошел до самого дна. Тут меня ожидала именно та самая картина, подобную которой приходилось видеть раньше. На дне оврага чернел выжженный неизвестным способом круг, примерно шести метров в диаметре. В центре его высилась небольшая трехсторонняя пирамида, связанная из десятков человеческих костей. От каждой корявой грани ее отходил выкопанный в земле глубокий желоб, тянувшийся к расположенным вокруг пирамиды человеческим черепам, насаженным на алюминиевые оглобли, в свою очередь с силой воткнутые в землю. Вся поверхность центрального конуса оказалась тщательно обмазана кровью и остатками внутренностей, а черепа на шестах, напротив, были тщательно выскоблены изнутри и снаружи.

Что-то блеснуло в черной массе у северной грани пирамиды, и я подошел ближе, чтобы рассмотреть как следует. Пришлось присесть на корточки и ножом подцепить блестящий предмет. Это был нателный золотой крест весьма вычурной формы, с выпуклым распятием. Положив украшение обратно и поднявшись, я услышал за спиной негромкий вздох. Обернувшись, увидел, как на краю оврага замерла Ксения. Картина жертвенника смотрелась оттуда еще более впечатляюще, это я помню еще по тому, как в первый раз увидел нечто подобное год назад. Девушка спустилась вниз, в ее движениях чувствовалась неуверенность. Маску она так и не сняла, что, учитывая обстоятельства, было даже неплохо. Несмотря на

сырость и прохладу, тяжелый дух разложения и паленого мяса в смеси составляли убойное сочетание. Но репликант почти не смотрел на пирамиду, ее больше интересовало мое спокойствие.

Встав передо мной, девушка, пристально смотря мне в глаза, спросила:

– Еще там, у бункера, ты знал про это место?

Подобрав с земли несколько осколков костей и обугленную пуговицу, я покатав останки в ладонях и понюхал. Свежие кости, которым меньше пяти часов, имеют более резкий запах. Устроившие этот бардак, несомненно, были тут еще три часа тому назад.

Подняв глаза на девушку, я коротко ответил:

– Догадывался. Но следы могут рассказать не все.

Маска мешала увидеть всю гамму эмоций на лице Ксении, а голос она сумела сделать совершенно ровным. И по тому, как подрагивали ее плечи, я понял, каких усилий ей это стоило.

– Перед главной битвой военный вождь отряда Ждущих устраивает жертвоприношение. Это обязательно должны быть аборигены с оружием, не меньше трех и не больше двадцати.

– А что же про холод? Ты говорила, что они в такую погоду не нападают.

Репликант с силой поддала ногой по пирамиде, отчего связки из жил не выдержали и все сооружение завалилось набок. Затем она принялась топтать загадочные символы, выжженные на земле, и вдруг зло ответила:

– Не знаю!.. Ритуал проводят перед главной битвой, а на нас не напали. Я не знаю, что тут случилось, Ступающий!

Она ринулась к краю оврага, чтобы выбраться наверх. В следующий миг я сделал то, чего от себя никак не ожидал. Быстро шагнув ей навстречу, я поймал девушку за плечо и, привлекая к себе, крепко обнял. Она было дернулась, потом еще и еще раз, пытаясь освободиться.

Но я держал крепко и, немного неуклюже прижав ее голову к плечу, сказал:

– Нам всем есть что предъявить мохноногим убийцам... Ксения. Соберись, если хочешь поквитаться.

С последним словом я разжал руки и выпустил ошеломленную девушку. Отбежав на три шага назад, Ксения, тяжело дыша, ошеломленно смотрела на меня. В воздухе повисло неловкое молчание.

– Черт, Василеф!.. Это настоящее дикарское капище!

Наше объяснение прервал появившийся у края оврага Энке. Немец спустился вниз по отлогому склону, поднимая фонтанчики пыли и хрустя галькой. Лейтенант некоторое время ходил кругами вокруг обрушенной пирамиды, подобрал несколько осколков костей и тут же бросил их обратно. Мы с репликантом молча переглянулись, как бы мысленно решив оставить объяснения на потом.

Незаметно сделав девушке жест молчать, я подошел к немцу и, не дожидаясь вопроса, объяснил:

– Это капище сектантов «Братства Обелиска», мне приходилось видеть такое раньше в Припяти.

Энке замер на месте, а потом, сняв свои модные очки с оранжевыми стеклами, с удивлением уставился на меня, словно увидел нечто диковинное:

– Вы были в запретном городе, Василеф?! Когда?!

– Давно, еще до Исхода. Мой отряд проводил разведку, там я видел такие же пирамиды.

– Но зачем сектанты пришли сюда?!

– Думаю, что ни вы, ни я не хотим этого выяснять, господин лейтенант.

Энке еще раз обвел заинтересованным взглядом все вокруг и, потянувшись к боковому карману брюк, извлек оттуда маленький цифровой фотоаппарат. Затем, сделав несколько снимков капища с разных позиций, он снова заговорил. В голосе наемника звучали

неподдельный страх и волнение:

– Пусть так. Действительно, причуды местных сумасшедших меня не касаются. Что вам удалось выяснить?

Своей цели мне, благодаря паукам, удалось добиться в кратчайшие сроки. Раз пришельцы идут за обозом, то лучше всего будет отделиться и двинуть к Развилке своим ходом.

Но для этого мне нужен был Энке и пара лошадей, поэтому я стал говорить негромким, проникновенным голосом, глядя немцу прямо в блестящие от возбуждения глаза:

– Сектанты захватили бандитов врасплох, потом разграбили блокпост и двинули на юго-восток. Тут они совершили свой ритуал, принесли пленников в жертву Обелиску.

– Дикость какая!

– У каждого своя вера, господин Энке. Вы делаете пожертвования в евро, а местные режут головы и строят из костей жертв пагоды.

Возбуждение постепенно покинуло лейтенанта, но страх остался. Энке замер на месте, став произвольно крутить головой и теребить рукоятку автомата, висящего на ременной петле у бедра. Охрипшим от волнения голосом он спросил:

– Куда они направились отсюда?

И это был главный вопрос дня. Правду говорить точно нельзя, но и отправлять столько людей на верную смерть тоже не годится.

Поэтому я лишь указал примерное направление:

– Следы ведут на юго-запад. Десять человек, одна повозка и пара верховых лошадей.

– Но ведь там ничего нет, только степь!

– Поправочка, господин Энке. Там нет ничего, о чем известно всем. Сектанты никогда не забредают на чужую территорию просто так.

Мои слова настолько поразили воображение лейтенанта, что немец еще некоторое время продолжал ходить среди обугленных останков и шелкать цифровиком.

Минут через пять он спрятал фотоаппарат, а затем, тщательно выговаривая каждое слово, обратился ко мне:

– Вы непростой человек, Василеф. Не будь вас, мы непременно вляпались бы в какую-то неприятность, я это чувствую. Я обещал отблагодарить вас, мое слово твердо. Так что вы хотите за помощь?

Пряча невольной набежавшую улыбку, я двинул свою просьбу, от которой зависел успех в нашей гонке с быстро убывающим временем:

– Двое ваших людей с лошадьми. До Развилки уже совсем близко, и нам хотелось бы побыстрее добраться до дома. Ваши люди подбросят нас к заставе у Сухого ручья, а оттуда вернутся назад к обозу.

Теперь все зависело от того, насколько серьезно он воспринял мои слова. На самом деле след повозки и верховых терялся. За холмами только голая степь, где след исчезает значительно быстрее. Поэтому точно сказать, куда направились бандиты, я не возьмусь. Но пауки следят за обозом, значит, нам непременно нужно затеряться. Пускай идут за державниками, повторно напасть на хорошо вооруженных людей пауки уже вряд ли решатся. А если даже и нападут, то нас там уже не будет.

Энке еще некоторое время задумчиво осматривал место жертвоприношения. Листал какие-то записи в своем ПДА. Я не стал его торопить, пусть переваривает. Взобравшись наверх по довольно крутому склону, цепляясь за крепко вросший кустарник, подошел к стоявшей в задумчивости девушке. Ксения неотрывно смотрела на капище, словно замороженная. Обернувшись на звук моих шагов, она слегка кивнула, показывая, что перебранки больше не будет. Мне не давала покоя та смесь гнева и страха, с которой репликант реагировала на увиденное. словно она была свидетелем чего-то похожего, но переживание это носило глубокий личностный оттенок.

Подойдя ближе, я спросил:

– Кто-то из близких попал к паукам в плен?

Плечи Ксении, все так же стоявшей ко мне спиной, передернулись, девушка, медленно кивнув, охрипшим голосом добавила:

– Двое старших братьев и отец.

– Мстить – это как утолять жажду соленой водой. Сколько бы ни выпил, в горле все так же сухо. Но как не пить, если кругом только песок и целый океан соленой, горькой воды!

Девушка обернулась, в смотровых прорезях маски ее серые глаза блестели. Я с удивлением понял, что иномирянка плачет или, вернее, еле сдерживает слезы. Черт, как же трудно понять, игра это или все же настоящее:

Ксения, чуть помедлив, спросила:

– Ступающий, ты воин, ты терял близких и друзей. Как тебе живется с этим?

– Трудно. Но пока есть с кем воевать и пока за мной и рядом идут друзья, все не так паршиво, как могло бы быть.

Ответ вырвался непроизвольно, сам собой. Вдруг в нескольких словах мне удалось выразить весь смысл того, что уже восемь долгих месяцев заставляет просыпаться и вставать с кровати. Мы стояли так некоторое время, пока впереди у холма я не увидел две быстро приближающиеся к оврагу фигуры. Минуту спустя удалось различить, что это всадники. Вынув монокуляр, я присмотрелся внимательнее и невольно улыбнулся так, что в мимолетно брошенном на меня взгляде Ксении различил тень легкой паники. Смех и приятное выражение лица не мой конек, что тут поделаешь? Спрятав оптику, я легонько подтолкнул девушку к тропинке, ведущей в обход оврага. Похоже, что Энке решил все же принять мое предложение. Девушка, недоуменно оглядываясь, пошла вперед.

Чтобы избежать ненужных расспросов, я пояснил:

– Попробуем сбить пауков со следа. Проедем верхом сколько сможем, нам нужно попасть на мою базу. Сейчас не лучший момент для открытого боя.

Девушка вдруг встала и, развернувшись ко мне лицом, посмотрела прямо в глаза. Наши взгляды встретились, и впервые за все это время мне не хотелось ее убить. Молчание прервал Энке, тоже поднявшийся на склон. Немец быстро подошел и, вежливо кивнув девушке, сообщил:

– Двое моих людей доведут вас, как условились. Вы необычный человек, Василеф. Хорошо, что наши пути пересеклись так удачно.

Я благодарно кивнул и постарался заверить наемника в том, что он заключил выгодную сделку. Судьба обоза мне была абсолютно безразлична. Сожаления вызывало только то, что, скорее всего, груз будет использован против «Альфы», а сейчас я ничего не могу сделать, чтобы помешать. Но внешне пришлось сохранять безразличие, пусть думают, что снова выехали на смекалке аборигенов задешево. Вещей у нас был самый минимум, поэтому мы без труда разместились позади охранников. Пришлось привязаться карабином к поясу всадника, чтобы попадать в его ритм движений. Ребята оказались молчаливыми, что в принципе меня совершенно устраивало. С самого начала всадники задали быстрый темп, и вскоре мы уже неслись по степи, оставляя позади кровавый алтарь и задумчиво стоявшего у края ямы немца.

Как я уже говорил, наездник из меня никакой. Все пять следующих часов, что мы неслись по степи, запомнились лишь урывками. Более всего пришлось быть сосредоточенным на том, чтобы не свалиться на полном скаку. Хотя выпрыгивать из быстро едущей машины приходилось, но повторять этот трюк еще раз желания не возникает. У лошади рессор нет, а скорость вышла вполне себе сопоставимая с автомобильной. Немцы оказались умелыми наездниками, и к тому времени, как начали собираться сумерки, мы уже въехали на растрескавшийся асфальт узкой однополосной дороги, которая вела к небольшому мосту, проложенному через пересохший лет двадцать назад ручей. С тех пор его так и называли – застава у Сухого ручья. Мост был достроен перед тем самым периодом, когда в Чернобыле случился тот страшный взрыв. Строители оставили три бытовки, горы неиспользованных материалов и, само собой, свалили. С тех пор застава стала пристанищем

для случайных путников, а после основания кланов часто переходила из рук в руки. Люди батки Соловья выбили какую-то мелкую группу почти четыре месяца назад, но бригадир отряженного для этой миссии отряда не пожелал возвращаться под крыло положенца. Последовали кратковременные разборки, но мятежный бригадир собрал вокруг себя тертый народ, в большинстве своем бывших военных и экзов, отбывших срока по бандитским статьям. Бывшие вояки и профессиональные налетчики легко, хоть и не без потерь отбили несколько хорошо скоординированных атак людей Соловья. Дошло до того, что батка Соловей зарядил нехилую сумму коменданту особого района, и тот выслал взвод мотострелков. И снова был бой, в котором мятежные урки показали, что настроены защитить захваченную территорию и оставить ее за собой. Не сказать, чтобы военные сильно старались выбить бандитов. Постреляли, сунулись с разных сторон, прощупывая слабые места в обороне, но, как только получили серьезный отпор, тут же отошли. Батка Соловей не отступился, боясь потерять авторитет, решил уморить мятежников голодом. Но снова бригадир проявил смекалку и пошел на сделку с самим Исмаилом. Не знаю как, но бригадиру удалось заинтересовать местного банкира в своей персоне. Думаю, что среди уголовников нашлись те, кто имел прочные связи с кланом Исмаила. Может быть, это был и сам бригадир. Кстати, имени его или прозвища никто не знал. Ходили слухи, что бригадир – беглый авторитет из крупной дальневосточной группировки, разгромленной два года назад. В свое время от сослуживцев слышал об этой банде. Занимались заказными убийствами, вымогательством и проворачивали все дела очень профессионально. Это значит, практически без стрельбы и ненужных жертв. Секрет успеха, по мнению моих «конторских» друзей²¹, очень прост: большинство бойцов вербовались тут же, в местах дислокации частей морской пехоты и флотской контрразведки. Стоило бойцу или офицеру дембельнуться или уволиться по каким-то своим причинам, его вербовали чуть ли не у ворот части. Внешне все выглядело довольно пристойно: некая частная охранная фирма набирает сотрудников, оплата в десятки раз выше, чем оклад командира части. Поэтому бойцы группировки не только имели боевые навыки, но и прошли диверсионно-специальную подготовку, а это предполагает доскональное знание методов розыска и дознания. Местные менты сразу подняли лапки вверх, а структуры более высокого уровня долго не замечали группировку, пока не стало слишком поздно. Кончилось все тем, что в область прибыл десант из столицы. Там были и прокурорские, и двое моих знакомых. Без боя не обошлось, ребят на флоте учили всякому, так что московским гостям было ой как непросто. Взяли почти всех, но несколько главарей ускользнули – сказались неслабая оперативная подготовка и личные бойцовские качества. Так что дыма без огня не бывает, бригадир вполне мог оказаться битым тузом из той паленой колоды.

В любом случае бригадир получил что хотел. Исмаил вышел на положенца, и вскоре между ними было заключено некое соглашение. К настоящему времени банда насчитывала около двадцати бойцов, имела современное вооружение и средства связи. И после нескольких случаев столкновения местных с другими отрядами и бандами поменьше я склонен думать, что бригадир имеет в большинстве крупных отрядов законспирированную сеть агентов и осведомителей. Раз или два наши пути пересекались, но в обоих случаях удалось разойтись мирно. Поэтому никакого подвоха от хозяина Развилки ожидать не следует. Однако чем ближе мы подъезжали, тем стремительнее нарастало чувство тревоги. Вскоре легкое беспокойство превратилось в раздражающе сильный импульс опасности, который заставил меня ощутимо дернуть всадника за пояс, с тем чтобы он остановился. Недоуменно оглянувшись, всадник стал придерживать коня, и вскоре конь замер, нетерпеливо перебирая копытами. Бока лошади мерно раздувались и опадали, скачка явно его утомила. Вскоре подъехал второй охранник, а Ксения выглянула из-за его плеча, словно

²¹ Контора, конторские – жаргонное название сотрудников ФСБ. Прозвище носит неформально-уважительный оттенок.

спрашивая, в чем дело.

Сделав девушке знак спешиться, я обратился к своему всаднику:

– Извини, друг. Дальше нас подвозить не надо, как-нибудь дойдем сами.

Немец недоуменно пожал плечами и вызвал по радиации начальство. Тут я его понимаю, приказ есть приказ, а мы – это только посылка, без прав и голоса. Затем последовал вызов от Энке, но уже мне. Сославшись на старую рану и близость моста, я поблагодарил лейтенанта за помощь, и тот отозвал своих людей. Как только всадники скрылись из вида, я сделал Ксении знак следовать за мной. Сойдя с дороги, мы вошли в заросли кустарника, который местами доходил мне до макушки. Стараясь идти осторожно, я повел Ксению к небольшой рощице в двух десятках метров от того места, где дорога делала поворот. Там был небольшой прямой отрезок трассы метров тридцать, а за ним уже и застава. После прошедшего недавно дождя идти было трудно из-за липкой грязи, в которую превратилась почва. Однако пульсирующее в висках чувство опасности гнало меня вперед и вперед, пока через час с небольшим мы не оказались среди скрученных в витые жгуты мертвых деревьев. Кое-как отскоблив обувь от грязи, я потащил репликанта к самому высокому дереву.

Девушка не вырывалась, но, перед тем как лезть вверх, все же спросила:

– Что с тобой, почему мы бежим в сторону от дороги?

Бывают в жизни такие моменты, когда ты понимаешь, что криком и приказами ничего сделать нельзя. Поэтому, сбавив лихорадочный темп, я остановился и сказал то, что чувствовал, даже осознавая всю нелепость каждого произнесенного слова:

– Там очень опасно. Стоит нам показаться у заставы сейчас, и оттуда мы никуда не уйдем. Нужно укрыться, понаблюдать.

Однако девушка повела себя не так, как можно было ожидать от большинства людей в похожей ситуации. Без всяких расспросов она полезла на дерево, будто в моих словах действительно содержалось внятное объяснение. Но в данный момент у меня не осталось сил на эмоции, даже на удивление. Отойдя от дерева на пятнадцать шагов, я установил три растяжки, чтобы к нам было труднее подобраться незаметно. С дерева, на котором уже обосновалась девушка, открывался хороший обзор на несколько километров окрест. С ее оптикой можно полностью контролировать подходы к высотке, на которой мы временно обустроились. Я спустился чуть левее и сел в густых зарослях колючего кустарника, метрах в десяти от позиции девушки. Беспричинный, непонятный страх начал отпускать только сейчас. Выцедив из поилки несколько долгих глотков прохладной воды, я вынул монокуляр и навел оптику на отлично просматривавшийся сейчас бетонный мостик, за которым виднелась баррикада из завешенных маскетью мешков с землей. Часовых было трое: два человека сидели за пулеметом у узкой амбразуры, а один прохаживался вдоль противопехотного ежа, умело сколоченного из неошкуренных жердей и колючей проволоки. Экипировка у всех троих была однообразная – самодельные «стрижи» с усиленным бронированием корпуса, четвертый класс, никак не меньше. Тот, что прохаживался вдоль заграждения, был вооружен американским автоматическим дробовиком двенадцатого калибра с магазином барабанного типа на двадцать патронов. Штука на любителя, но, в отличие от российских аналогов, этот может штатно стрелять игольчатыми боеприпасами. Рой таких стрелок из прочного сплава способен превратить любого практически в фарш. Оружие двух других бандитов я разглядеть не смог – бруствер слишком высок. Внешне все выглядело спокойно, ничего необычного. Когда в напряженном ожидании минул еще час, я начал было корить себя за необоснованный приступ несвойственной мне паники. Ксения тоже молчала, было еще хуже, если бы девушка стала отпускать в мой адрес всякие колкости.

Но вместо этого от девушки последовал доклад:

– К мосту приближается повозка, двое верховых и еще пятеро пеших. Все вооружены, фургон сильно нагружен.

В приближении лучше не стало, все же я видел только след, но отпустившее было чувство тревоги вдруг нахлынуло с новой силой. Стараясь рассмотреть все в деталях, я

нажал на клавишу увеличения и вскоре смог рассмотреть экипировку всадников, ехавших впереди фургона. Люди производили немного странное впечатление, хотя, что конкретно смущало, я пока не понял. Оба всадника одеты в поношенные «стрижи» какой-то неизвестной модификации, где основной упор был сделан на бронированные вставки. Поверх комбеза оба носили пончо армейского образца. И как только взгляд охватил группу в целом, я понял, что конкретно смущало в общей картине. Несмотря на нормальную погоду, все путники были в масках, скрывавших лица. Хотя в этом нет ничего особенного, однако перед блокпостом все обычно лица открывали. Напряглись и часовые, мерно вышагивавший вдоль заграждения боец сделал за спиной предостерегающий знак, и пулеметный расчет мгновенно на него отреагировал. Ствол крупнокалиберного КПВ²², установленного там на низкой треноге, чуть качнулся, беря приближавшуюся колонну на прицел, и головы обоих стрелков скрылись за верхней кромкой бруствера. Фургон и верховые сбавили скорость, а потом вообще остановились. Шедшие, а вернее будет сказать, бежавшие следом за повозкой пятеро закутанных в накидки людей тоже остановились. Один из всадников тронул изнуренную скачкой серую кобылу и подъехал к заграждению, что-то протягивая часовому. Всадник нарочито низко свесился из седла, его правая рука скрылась от меня за шеей лошади. В следующее мгновение какое-то наитие заставило меня перевести оптику на пулемет. За бруствером мелькнула прозрачная тень, потом еще одна. И вдруг ствол пулемета задрался вертикально вверх, а шлемы бойцов пропали из виду окончательно.

Когда я все еще силился разглядеть, что случилось, в наушнике прозвучал сдавленный шепот девушки:

– Всадник заколол часового!

Раздумывать было некогда, я отжал тангенту на передачу и как можно более твердым голосом приказал:

– Сиди тихо! Что бы ни случилось дальше, просто замри!

Тем временем события на заставе развивались стремительно. Всадник толкнул кобылу пятками в бока, животное взвилось вверх и, перескочив через заграждение, оказалось в трех метрах от баррикады. Вытянув вперед правую руку, человек навел ее на ближайший вагончик. В следующее мгновение сгусток синевато-белого пламени ударил в грудь выскочившего на порог бойца. Человека втокнуло обратно, а мгновение спустя крыша вагона лопнула под напором ударной волны, и до нас докатилось эхо взрыва. Всадник поскакал дальше, освобождая место для стремительного броска пеших бойцов, проворно рассыпавшихся в цепь у него в тылу. В этой картине был только один положительный момент. Все пятеро, как и второй всадник, оказались вооружены обычными «калашами», которые они, не стесняясь, пустили вход. Через пять долгих минут все было кончено. Фургон въехал на небольшую площадку возле баррикады и там остановился. Фигуры в плащах проворно обыскали заставу, собрав оружие и вынося из второго вагончика какие-то коробки. Заминка вышла только с пулеметом, двое возившихся у опрокинутого наборк станка не смогли его правильно разобрать, отчего ствол перекосялся влево и никак не хотел пролезать в узкую дверь фургона. Между «плащами», как для краткости я прозвал нападавших, возникла короткая перепалка. Они бросили пулемет на землю и тут же сцепились в нешуточной потасовке, в ход пошли ножи. К ним присоединился возница, который тоже

²² Имеется в виду 14,5 мм крупнокалиберный пулемет системы Владимирова, принятый на вооружение в 1949 г. КПВ остается самым популярным оружием поддержки пехоты. Тяжелая бронебойная шестидесятиграммовая пуля с высокой начальной скоростью позволяет пробивать 30 мм стальной лист с расстояния в полкилометра. Стрельба ведется с открытого затвора, что обеспечивает высокую скорострельность и кучность при ведении огня на подавление. Эффективная дальность стрельбы – 2000 м. Питание патронами осуществляется из металлической ленты с замкнутым звеном, собираемой из нерассыпных кусков на 10 патронов каждый, что повышает надежность и практически исключает перекося патрона и застревание ленты. Соединение кусков ленты осуществляется при помощи патрона. Стандартная емкость ленты для пехотного варианта – 40 патронов. Пехотный КПВ чаще всего монтируется на станке-треноге, как в описываемом случае, либо колесном станке (что является сейчас редкостью).

достал короткий матово-черный кривой клинок. Но, видимо, обращаться с ножом у кучера выходило не очень. Вскоре именно он схватился за бок и свалился замертво. Не знаю, чем бы это закончилось, но тут подъехал тот из всадников, что не был вооружен энергетической пушкой. Не колеблясь, он направил коня на дерущихся, широкая грудь чалого мерина разъединила спорщиков, и те покатались на землю. Всадник вынул из поясной кобуры пистолет и дважды выстрелил в барахтавшихся на земле «плащей». И вот дальше случилось то, что заставило меня на короткий миг потерять самообладание, настолько сильным и острым было чувство ненависти, затопившей сознание. Над дергающимися в конвульсиях телами прямо из воздуха появился гигантских размеров черный паук. Ждущий был закован в ртутнопереливающуюся серебром броню, покрывавшую почти две трети его узкого тела. Мерно покачиваясь на широко расставленных мощных лапах, паук подошел к всаднику почти вплотную. Тот мгновенно спрятал оружие и сполз с седла, рухнув ниц у ног Ждущего в Темноте. Лошадь стояла смиренно, словно оцепенев. В воздухе повисло такое напряжение, что казалось, он весь состоит из камня.

Превозмогая желание броситься туда и начать рвать эту тварь голыми руками, я все же нашел в себе силы сказать дрожащим от напряжения голосом:

– Ксения... нет! Очень тебя прошу, если хочешь победить, а не умереть – сиди тихо!

Репликант не ответил, но, когда я с большим трудом оторвал взгляд от далекой фигуры моего заклятого врага и посмотрел на дерево, фигура девушки осталась неподвижной. Ствол ее винтовки, удобно вложенный в развилку толстой ветки, даже не ворохнулся. Снова поднеся монокуляр к глазам, я увидел, что разборки закончились для всадника без видимых последствий. Теперь он снова был в седле, а трупы двоих спорщиков валялись там же, где их застала смерть. Пулемет тоже оказался брошен, его даже не потрудились оттащить в сторону и отсоединить короб с лентой. Так продолжалось еще несколько минут, пока фургон снова не тронулся с места, выехав за ограждение заставы на дорогу, ведущую прямо к Развилке. Трое пеших «плащей» снова мерно затрусили за повозкой, будто ничего особенного и не случилось. Простой всадник возглавил колонну, а тот, что разнес вагончик энергетическим взрывом, остался стоять посреди дороги, смотря куда-то вперед. Вдруг виски пронзил резкий импульс боли, в глазах на миг потемнело. Но навык, вколотенный с кровью в круге испытаний клана Изменяющих, просто так не уходит. Резко выдохнув, я сконцентрировался на рвущем сознание импульсе боли и осторожно, словно острое лезвие отравленного клинка, отвел его в сторону, заставив отступить. В то же мгновение всадник заметно покачнулся в седле и, вскинув левую руку к груди, быстро провел ладонью перед собой в воздухе. Боль тут же исчезла, а рядом с всадником возникло двое Ждущих. Некоторое время они неподвижно стояли на месте, я слышал отдаленное эхо мысли-импульсов, но ничего конкретного разобрать не получилось. До этой странной тройцы сейчас было всего двести с небольшим метров, я с огромным трудом подавлял желание выпустить по ним весь оставшийся у меня боекомплект. Удерживало какое-то подспудное чувство, говорившее, что случай вспомнить былое скоро непременно представится. Когда всадник ударил лошадь пятками, а пауки снова исчезли, набросив маскировку, я решился посмотреть на часы. Все, что случилось у заставы, заняло не более четверти часа. Прикинув скорость, с которой двигались пауки со своими прислужниками, напрашивался вывод, что примерно через полтора часа они будут у Развилки. Вызвав по рации репликанта, я приказал девушке спуститься вниз. Что бы ни случилось дальше, результат нам выгоден, но для получения этого выигрыша нужно проконтролировать ход самой партии.

Земля уже основательно подсохла, поэтому выйти к мосту получилось относительно быстро. Я бегло осмотрел тела, брошенные нападавшими где попало. Стреляли «плащи» не слишком умело, однако на таком расстоянии это не требуется. Молчавшая все это время Ксения подошла к трупам бандитов, застреленных всадником. Нападавшие не потрудились взять тела с собой, их тоже бросили прямо на дороге. Девушка перевернула одного из них, лежавшего ничком, и, вынув нож, срезала дыхательную маску, скрывавшую лицо. В следующий миг, не удержавшись от невольного вскрика, она позвала меня к себе. Странно,

что труп вызвал такие эмоции, раньше такого за репликантом не замечал. Но подойдя ближе и увидев лицо покойника, я тоже не удержался, ругнувшись вполголоса. Лицо трупа как две капли воды походило на тех пепельных обезьян, которые преследовали альфовский обоз в кочующих землях. Безносое вытянутое лицо, три пары абсолютно черных глаз и полный мелких игольчатых зубов круглый безгубый рот.

Глянув украдкой на Ксению, спросил:

– Знаешь, что это за твари?

С трудом оторвав полный ужаса и боли взгляд от лица покойника, девушка неопределенно кивнула головой и тихо пробормотала:

– Элроки... они живут в серых мирах, питаются всем, что имеет красную кровь.

– И почему он одет и ходит прямо?

Казалось, что последняя фраза привела девушку в чувство. Встав на ноги и приведя одежду в порядок, Ксения вдруг с силой отвесила трупу такого пинка, что тело завалилось набок.

Лицо репликанта покраснелось, глаза заблестели, и дрожащим голосом она сказала:

– Элроки умеют приспосабливаться, живут где угодно. Вейт отлавливают их еще маленькими, меняют, обучают всему, что нужно. Ты видел диких, они не слишком умные, просто звери и все.

– Среди нападавших было двое всадников, один сделал какую-то странную вещь...

Ксения, уже не слушая меня, подошла ближе и, открыв сумку, висевшую на поясе, вынула оттуда плоскую черную коробку, похожую на кусок шлифованного гранита. Зажав коробку между ладоней, девушка закрыла глаза, и я ощутил тот же самый болевой импульс, но гораздо слабее. Лицо репликанта осветилось голубым сиянием, которое окутало ее всю. Боль острыми толчками стала нарастать, в какой-то момент я понял, что не могу больше стоять на ногах. Инстинкт снова пришел на выручку, и с большим трудом мне удалось утихомирить боль. Осознав, что все это время я стоял на четвереньках, я разозлился и, рывком поднявшись на ноги, ринулся на замершего в каком-то подобии транса репликанта. Но в тот момент, когда я уже сжимал рукоять ножа, чтобы воткнуть его в глаз взбесившегося клона, девушка разжала руки, и черная коробка пропала, словно бы растворившись в воздухе. Открыв глаза и оперев в меня затуманенный взор, она слабо улыбнулась, но выражение лица Ксении тут же изменилось, когда она заметила нож у меня в руке.

Мгновенно отскочив назад, девушка вытянула безоружные руки вперед и громко закричала:

– Ступающий, нет! Не надо! Я не нападала на тебя!

Верилось как-то с трудом, но в тот момент промелькнула здравая мысль, что если она хотела меня обездвигить, то второй раз такой фокус не пройдет.

Вернув клинок в ножны, я сплюнул горечь пополам с кровью и сказал:

– Даю тебе пять секунд, чтобы объясниться. И на этот раз лучше, чтобы я поверил сразу, кадавр!

Продолжая все так же вытягивать руки, с неподдельным страхом в глазах, девушка заговорила срывающимся от волнения охрипшим голосом:

– Это устройство связи, я говорила со Старшими! Оно использует ментальную энергию живых, чтобы пройти через барьеры миров. Ждушие провели ритуал призыва. Это делается только перед решающей битвой. Через Завесу нельзя пройти более чем четверым, но Вейт используют способности элроков. Они проведут сюда целую армию этих тварей! Я должна была предупредить своих!

Вот оно как! Значит, я был свидетелем сразу двух сеансов межпространственной связи. Интересно, если кто-то опять захочет поболтать, меня снова вывернет наизнанку? Но во всем плохом обязательно есть что-то хорошее. Случись паукам набрать своих нанимателей сейчас, я тоже об этом узнаю. Спрятав нож, я примирительно махнул рукой:

– Ладно, проехали. Только в следующий раз предупреждай, а то непонятку не переживешь. Договорились?

Нужно было видеть, какое облегчение отразилось в глазах иномирянки. Опустив руки, она, не удержавшись на ногах, присела на обгорелую ступеньку развороченного вагончика и тихо сказала:

– Хорошо. Прости, если мои действия испугали тебя. Впредь буду осторожнее.

Странно, но после полученной встряски в голове неожиданно прояснилось. Решение, которое я так мучительно искал последние несколько дней, вдруг обрело необходимую четкость. Отстегнув основательно похудевший за время путешествия рюкзак, я вскрыл контейнер с инструментами, который всегда ношу только на самый крайний случай. Часто, когда находишь спасенных или некий груз, который нужно вернуть, тащить его на своем горбу просто невозможно. Поэтому специально для таких случаев каждый из артельщиков всегда носил набор из четырех артефактов, которые среди старателей зовутся просто шайбой. Этот легкий пористый кусок непонятного происхождения более всего похож на окатанный водой камень-голыш размером с обычную хоккейную шайбу. Серого цвета, очень легкий, он появляется в местах иссякших огненных ловушек. Две шайбы, положенные в карман раненого человека под двести кило, убавляют этот вес почти на три четверти. Единственный недостаток этого в высшей степени полезного камешка в том, что после трех-четырех часов работы силы артефакта быстро истощаются. После этого шайбу можно выбрасывать, она не останавливается. Но встречаются они довольно часто, поэтому и цена такого камня копеечная.

Я поднял валявшийся возле трупов часовых пулемет и осмотрел его. Элроки просто поторопились, забыв полностью отсоединить пулемет от станка. Порывшись в карманах у покойников, я нашел плоскогубцы, видимо припасенные как раз на такой случай, и быстро снял пулемет с треноги и положил увесистую болванку на землю. Примотать изолентой артефакты к станку и ствольной коробке пулемета заняло еще минут пять. Третью шайбу я положил внутрь патронного короба, без которого пулемет и станина – это просто груда железа. Хуже было то, что с «крупняка» кто-то снял оптику и, чтобы работать точно, придется больше полагаться на интуицию.

Подошедшая в самый последний момент Ксения только сейчас обратила внимание на предмет моих стараний и, похажив немного вокруг, все же спросила:

– Зачем тебе это?

Обвязав станину, патронный короб и тело пулемета веревочными лямками, я попробовал поднять сначала станок, потом сам пулемет. В оригинале для подобной операции нужны два-три человека, но учитывая то, что вес оружия существенно уменьшился, мы с девушкой вполне сможем выполнить следующую часть моего рискованного плана. Девушка присела возле станка и, зачем-то поскоблив его ногтем указательного пальца, снова вопросительно посмотрела мне в глаза.

Улыбнувшись как можно более дружелюбно и подмигнув, я возразил:

– Не только мне. Это нужно нам, чтобы радикально решить вопрос с Ждущими в самое ближайшее время. Бери вот эту треногу за спину, а я возьму остальное. Иди след в след, дальше будет земля бригадира.

– Там опасно?

Закрепив на спине девушки сложенный в походное положение станок, я поднял пулемет, подержав груз на весу, чтобы привыкнуть к тяжести. Будет не просто, но идти можно.

Оглянувшись на придавленного грузом репликанта, я все же ответил на очевидность:

– Для того чтобы исполнить мой план, нам нужно свернуть с дороги. Бригадир слывет большим выдумщиком по части минирования подходов к своей вотчине.

– И?..

– И мы с тобой это скоро проверим. Может быть, врут люди.

Свет вечернего солнца уже еле-еле пробивал низко висящие тучи, сизые и тяжелые от будущего дождя, запах которого витал в воздухе. Резкий, порывистый северо-западный ветер пригибал траву так, что, вместо того чтобы скрывать нас, серо-желтые стебли мешали идти.

Идти с тяжелым грузом и так не ахти какое удовольствие, а идти при встречном ветре вдвойне тяжело. Сойдя с дороги и спустившись по крутому откосу, мы снова очутились в степи, почти превратившейся в болото из-за постоянных дождей. Конечно, по асфальту идти проще, но когда впереди идет отряд нелюдей, ведомых Ждущими, лучше всего исключить любую возможность попадаться им на глаза. Появление такого количества разумных гостей из-за Завесы было самой скверной новостью за последнее время. Раньше приходилось иметь дело только с людьми. Я знаю, как они думают и куда нужно выстрелить или ударить ножом, чтобы победить. С пришельцами такой уверенности быть не может, поэтому мой новый план базировался на внезапности и подавляющем огневом превосходстве. И сейчас появилась уверенность, что так оно и будет на самом деле. Оба раза, когда всадник применял энергетическое оружие, расстояние от него до цели было не более десяти метров. К примеру, на заставе всадник вполне мог выстрелить по бытовке от заграждения, не приближаясь. Можно предположить, что это связано с рассеиванием импульса и уменьшением мощности. Хотя, может быть, все это не так, а проверка будет стоить мне или Ксении жизни. Последняя мысль неприятно удивила, ненависть к вору лица и голоса любимой женщины почти полностью исчезла, уступив место прежней глухой тоске.

Через час с небольшим мы достигли очередного куска запущенной лесополосы. Она тянулась от еле видневшихся развалин на юго-западе до того участка дороги, который оканчивался прямо у шлакоблочной арки, под которой были закрытые сейчас ворота Развилки. Место было ровное, почти лишенное холмов и оврагов. Подойти незамеченным к трехметровой ограде, сложенной из шлакоблоков, было практически невозможно. План предполагал наличие хотя бы одной высотки или холма. Таких было только два, и они наверняка под наблюдением. Будь я на месте бригадира, то, скорее всего, заминировал бы все удобные для дальнобойного оружия позиции или выставил постоянный пост охраны. Наблюдение изнутри периметра в таких случаях слабо эффективно, у хорошо подготовленного человека всегда есть шанс пройти незамеченным мимо часовых, сидящих так далеко. Более всего мне приглянулись развалины панельной многоэтажки примерно в ста пятидесяти метрах от стен бандитского форпоста. Сейчас от постройки осталось четыре этажа и два подъезда. Подходы к дому густо заросли кустарником и тонкими чахлыми деревцами, а на четвертый этаж, скорее всего, подняться без специального снаряжения вовсе не получится. Мы остановились в полусотне метров от подножия холма, чтобы перевести дух. Ксения, не проронившая во время марш-броска ни единой жалобы, тут же осела на землю, а потом и вовсе упала ничком, отрывисто дыша. Я тоже опустил пулемет и короб с патронами на землю, но садиться не стал. После такой нагрузки встать будет очень непросто, но девушке ничего говорить не стал, пусть отдыхает, пока есть возможность. Вынув монокуляр, я внимательно осмотрел окрестности возле развалин и почти сразу углядел три легких стежки, по которым некто посещает дом не чаще раза в трое суток. Люди бригадира точно обленились, если стали пренебрегать обычными в таких случаях предосторожностями. Есть ли в доме кто-то сейчас, сказать не возьмусь, но, зная, как и откуда часовые приходят, я вполне могу подобраться незамеченным. Убрав оптику и оглянувшись на девушку, все еще лежавшую на спине возле брошенного станка и винтовки, я присел рядом. Ксения тут же встрепенулась, порываясь встать, но руки ее подломились. Однако, вовремя ухватив девушку за плечи, удалось удержать ее от падения.

Усадив репликанта напротив, я достал ПДА и, вызвав карту местности, стал объяснять суть задачи:

– Отряд Ждущих в Темноте в расположение базы еще не входил, иначе мы бы услышали. Поэтому используем шанс, чтобы закрепиться в этих развалинах, и будем наблюдать.

Когда я подхватил девушку за плечи, наши руки невольно соприкоснулись. И хоть мы оба в перчатках, это случайное прикосновение вызвало некую неловкость. Поэтому Ксения вдруг стала иногда отводить глаза.

Но, пересилив себя, девушка совершенно обычным голосом спросила:

– Почему они вообще напали сейчас? Ритуал проведен, а ту заставу можно было пройти без крови.

Я сначала тоже задумался, поведение пауков казалось не слишком логичным. Но только на первый взгляд. И если вопрос с первым блокпостом решался проведением ритуала, то после нападения на заставу у моста все стало предельно понятно.

– Все-таки в обозе был предатель. Иначе пауки все так же следовали бы за обозом. Этот некто точно знал, куда мы направимся и как скоро там будем. Ты же видела, как сильно они торопились.

– Но мы выехали позже.

– Налегке, без груза и пеших сопровождающих. И если бы мы не остановились чуть раньше и не укрылись в роще...

В глазах Ксении, до этого отражавших напряженные размышления, вдруг промелькнул страх.

Элементы головоломки встали на свои места, и в следующий миг она, порывисто стиснув мою руку, воскликнула:

– То у них бы все получилось! Ступающий... У нас есть старая легенда о таких, как ты. Идущих своим путем, раздвигая ткань Вероятности, но не разрушая ее.

Времени было не так много, но прерывать девушку почему-то не хотелось. Все зовут меня этим странным именем уже довольно давно, однако слишком серьезно к подобным прозвищам я не отношусь. Первый раз за долгое время я встретил того, кто действительно верит во всю эту сверхъестественную хрень.

Репликант тем временем продолжал увлеченно рассказывать, не отпуская моей руки:

– Ткань Вероятности наделяет существ из разных миров способностью чувствовать узловые моменты времени, предугадывать события. Однако не все могут выдержать голос, которым она говорит со своими созданиями. Ты один из немногих включенных Тканью Ступающих, о которых нам известно.

– Это как?

– Многие лишаются рассудка, слыша вибрации Вероятности. Многие погибают, оступаясь в пути меж нитями. Ткань хранит тебя, ваша связь очень сильна. Когда Вероятность достигает узловой точки, ваши ритмы резонируют и... звучит музыка. Нас учат слушать, чувствовать, и ты звучишь очень громко.

– Вейт тоже слышат такую песню?

По легкой улыбке, тронувшей губы девушки, я понял, что задал наивный вопрос. Но по какой-то причине ей приятно на него отвечать.

Отпустив мою руку, Ксения вдруг прямо посмотрела мне в глаза и ответила так, что по спине у меня поползли мурашки:

– Нет, Хозяева Пламени не слышат музыки Вероятности. Поэтому-то они и хотят ее поработить.

– Это странно. Ну не слышат и что?

И снова Ксения улыбнулась, хотя на этот раз глаза ее уже не смеялись. Их переполняла почти осязаемая печаль. Ответила она совсем тихо, глядя куда-то в сторону:

– В музыке Вероятности сосредоточено движение самой жизни. Ее непрерывная цепь перерождений. В тот час, когда смолкнет последний ее аккорд, жизнь в обитаемых мирах умрет.

Сказано это было с таким внутренним надрывом, что я невольно проникся масштабами и трагизмом ситуации. Вдруг почувствовал себя раком-отшельником, волокущим на спине свой дом, отгороженным от остального мира его прочными стенками. И прочность Завесы сейчас оказалась не толще этих жалких известковых скорлупок.

Осторожно прикоснувшись к плечу девушки, я сказал:

– Хотя я ничего не слышу, а вся эта музыка заставляет только харкать кровью и ползать на карачках... Короче, я солдат. Тут все меня так называют, и, наверное, так оно и есть. Вейт пришли в мой дом, они хотят его разрушить. Пока я жив, этого не случится.

– Хорошо, что ты на нашей стороне и мне удалось тебе все объяснить.

В глазах посланницы Райн, ее человеческих глазах, было столько искренней радости, что я невольно внутренне содрогнулся. Это была улыбка Даши, ее взгляд и ее голос, но передо мной сидело нечто, перенявшее любимый облик, и это лишь подчеркивало всю чуждость репликанта. Раньше были злость и накатывавшие время от времени волны ярости, а сейчас не было ничего. Теперь, без влияния эмоций, я вдруг полностью осознал свою потерю и понял, что и как нужно сделать.

Страхнув руку иномирянки со своей, я поднялся и ответил:

– Я не на вашей стороне, это вы залезли без спроса на мою. Мне непонятны ваши ритуалы и легенды. Откровенно говоря, мне просто плевать. Но что случилось, того уже не изменить. Будем воевать – это все, что я умею.

Свет во взгляде девушки погас, как темнеют в костре умирающие угли. Не знаю, что из сказанного ее действительно взволновало, а что было просто непонятно, в мысли существа проникнуть не удалось ни разу со дня первой нашей встречи.

Ксения кивнула, а потом сказала, глядя куда-то в сторону:

– Пусть так.

Опять возникла эта неловкость, будто мы не двое случайных компаньонов, а настоящая семейная пара, только что учинившая очередную ссору. Ощущение было настолько явственным, сколь и основательно подзабытым. Стремясь сгладить неловкость, я начал объяснять, что и как будет дальше. Девушка повернулась, стала слушать, но больше наши взгляды не пересекались, и я мысленно перевел дух, с облегчением вернувшись к привычному образу действий.

Вызвав на экран ПДА карту местности, я подвинул коммуникатор ближе к сидящей девушке и стал объяснять:

– Раз им нужен я и Ждущие уверены, что мы с тобой находимся внутри, то их цель – как можно быстрее попасть внутрь комплекса. Прежде всего пауки постараются сработать очень быстро. Штурм должен пройти без единой задержки, иначе, как бы сильны они ни были, людей реально больше, и они у себя дома. Насколько у пауков хорошо с разведанными, мы уже убедились. Поэтому им, скорее всего, известен численный состав отряда бригадира. Может быть, не слишком точно, но цифра явно будет близка к реальной, в этом я уверен.

Ксения невольно втянулась в объяснения и, придирчиво осмотрев план Развилки, указала на главный вход в периметр, напротив которого мы и сидели сейчас:

– Элроков сразу же разоблачат, стоит людям увидеть, кто перед ними. Если один не снимает маску, это причуда, но когда трое или пятеро... Выглядит подозрительно. Крепость хорошо укреплена, я вижу мины у стен, перекрестные посты наблюдения. Войти незамеченными и победить будет очень сложно.

– Поэтому убийство на заставе им на руку. Через положенное время бригадир поймет, что случилось нечто поганое, и вышлет к заставе усиленную группу разведки.

Помимо воли я взглянул на Ксению. В слабых отсветах экрана коммуникатора лицо девушки казалось бледным и в то же время забавным. Она увлеченно следила за моим рассказом, время от времени прикусывая нижнюю губу. Поняв, куда я клоню, иномирянка оторвала взгляд от панели ПДА и коротко посмотрела в сторону слабо мерцавших редких огней за стеной бандитского форпоста.

– Людей в лагере станет гораздо меньше. И если будет достаточно темно, значит...

– Можно нападать, войдя именно в главные ворота. Ты верно поняла мою мысль. А сейчас я поднимусь на второй этаж и проверю там все. Как только закончу, поставим пулемет и подождем развития событий.

Я уже совсем было собрался идти, как вдруг Ксения спросила. И вопрос был не слишком удобный именно для меня.

– Ступающий, мы не предупредим людей в крепости о нападении?

На войне дороже всего стоят три вещи: время, вода и патроны. Поскольку только эти

три фактора влияют на ежемоментный выбор, который приходится делать. Предупредить бригадира – значит заставить его изменить обычный порядок реакции на раздражитель. Пауки все поймут и затаятся. В этом случае нам придется воевать с тремя-пятью элроками и двумя их хозяевами только вдвоем. Расклад паршивый, тут все ясно. И придется позволить им напасть, чтобы выиграть время и реализовать преимущество внезапности. Кроме того, бандиты – это не люди. Чем их меньше, тем нормальным людям легче дышится. Но девушке я этого говорить не стал, есть мысли, которые лучше держать при себе.

– Нет, мы будем молчать. Предупредив их, мы никого не спасем. Более того, обнаружим себя раньше времени. А если будем действовать по плану, у этих людей в периметре еще есть шанс выжить.

Репликант на этот раз воспринял мои слова без возражений. Не знаю, что она думала теперь, последний разговор получился не слишком приятным. И всякий раз, как между нами намечалось хоть какое-то взаимопонимание, все рушилось от неосторожного слова.

Проверив снарягу, я было повернулся, чтобы уйти, но в последний момент что-то заставило оглянуться и сказать как можно более мягким тоном:

– Что бы ни случилось, сиди тихо. Если я не дам сигнала выдвигаться, брось треногу и уходи к Промзоне. Я оставлю своим людям распоряжение на этот случай, они помогут.

Не дожидаясь ответа, я перехватил автомат поудобнее и пошел к холму, на макушке которого высились развалины. Словно обломки гнилого зуба, останки многоэтажки представляли не слишком привлекательное зрелище. Единственная северная торцевая стена смотрела как раз на тот участок дороги, от которого вел отвилочек к воротам базы бригадира. Расстояние по дальномеру выходило приличное – сто тридцать метров. Но, учитывая серьезность калибра КПВ, это даже хорошо. Главное, что энергетическая пушка Ждуших нас на таком расстоянии не достанет, а стрелкового оружия на такой хорошей позиции я не боялся.

Идти пришлось почти в полной темноте, сумерки постепенно перешли в глухую, непроглядную темень. Ветер сменил направление и теперь дул прямо в лицо. Морозящий время от времени дождь сейчас прекратился, но в воздухе ощущалась уже привычная для наших мест холодная сырость. У подножья холма кустарник, видимо, постоянно вырубали, там и сям высились небольшие аккуратные стожки изжелта-серого цвета. Убавив шаг, я вынул моток твердой алюминиевой проволоки и, размотав ее в полтораметровый прут, примотал к нижнему концу небольшой фонарик с узконаправленным лучом. «Ночник» включать бесполезно, бандиты, скорее всего, насытили местность вокруг удобной высоты растяжками и минами, а их в прибор ночного видения так просто не разглядишь. Метров через пятнадцать луч крохотного фонаря выхватил в траве тусклый длинный отблеск. Отложив прут, я присел и обнаружил леску с осевшими на ней каплями конденсата, искусно натянутую и спрятанную на едва различимой в зарослях тропинке. Снимать растяжку в таких случаях лучше не стоит. Иногда такая подлянка может ждать своего часа месяцами, тронь ее – и, вполне возможно, тут же последует взрыв. Вынув из разгрузки перевязочный пакет, я отмотал положенное количество белой марли и привязал на свесившийся к самой земле толстый прут. Отметив опасное место на карте ПДА, я перешагнул чуть провисшую леску и осторожно двинулся дальше, освещая себе путь фонарем. Когда тропинка пошла резко в гору, идти стало намного труднее. Тут кустарник никто не вырубал, и стоило большого труда не цеплять одеждой особо длинные побеги. Минут через десять ожил настроенный на поиск кодированных переговоров сканер радиочастот. Пришлось остановиться, чтобы взглянуть на улов. Сойдя с тропинки в узкую промоину, пробитую в почве постоянно стекающей вниз водой, я вынул ПДА и вызвал на экран карту района. Рядом с базой возникли три красные точки с отметкой примерных координат и времени радиоконтакта. Немного погодя от схематично обозначенных стен периметра базы потянулась пунктирная линия. Ведущая по дороге, в сторону разгромленной заставы. Программа сложила характеристики сигнала и показала условно-примерное направление движения очагов радиообмена. Все очень походило на усиленную маневренную группу, о

которой я говорил репликанту. Отметив время в правом верхнем углу экрана и сопоставив его с направлением источников, получалось, что контрольный срок выхода на связь был определен бандитами в районе двух часов. Хотелось бы знать больше, но программа собирала данные только по радиосигналам. Бригадир хорошо выдрессировал своих людей, так просто их не взять, даже если атака будет внезапной, легкой победы паукам не видать. Спрятав коммуникатор, я двинулся дальше, стараясь ускориться. Пауки, скорее всего, тоже следят за дорогой, и выход большой группы людей из ворот в неурочное время может послужить им сигналом к штурму главного входа в периметр. К вершине удалось выйти спустя почти полчаса. За это время растяжки попались еще три раза, все они стояли на тропинке очень давно. Ставя очередную метку, мне вдруг подумалось, что вскоре бандиты начнут подрываться на собственных сюрпризах, ибо одно дело – современные пластиковые мины, этим в принципе без разницы, сколько ждать своего часа в земле. С ручными гранатами так нельзя, чревато самоподрывом или чем похуже. Но с другой стороны, бандитов не жаль, чем меньше их, тем легче дышится обычным старателям.

Руины, занимавшие почти всю вершину, производили странное, гнетущее впечатление. От дома и так-то осталось не слишком много, но вблизи оказалось, что конструкция держится только чудом. Вход во второй от торцевой стены подъезд оказался завален обрушившимися вниз лестничными пролетами и более мелкими кусками бетона с торчащими во все стороны зубьями арматуры. Пройти туда в сумерках не получится, нужен дневной свет и один-два напарника. Второй подъезд на первый взгляд был цел, даже деревянные створки входной двери с облупившимися остатками зеленой краски сохранились. Это странно, потому как деревянные рамы, перила и двери шли на растопку в первую очередь. Опустив на глаза «ночник», спрятав предварительно фонарь и смотав в спираль щуп, в черно-зеленом свете все вокруг обрело некую резкость, и я вошел в подъезд, стараясь протиснуться в щель между дверью и косяком. Опыт подсказывал, что между петлями может быть зажата скрученная в жгут газета, внутри которой тоже обретается граната без чеки. Способ старый, но очень эффективный в городе. Как только я оказался внутри, в носшибанул острый запах плесени, сырого камня и ржавчины. Мысленно я похвалил бригадира еще раз. Будь на его месте обычный бандит, сейчас пришлось бы надевать респиратор. В таких местах обычно воняет мочой и дерьмом. И в прошлой жизни, и сейчас мне нередко улыбалась удача в буквальном смысле учуять засаду и быстро обезвредить лодырей, гадающих там, где работают. Еще одна растяжка, на этот раз совсем свежая, обнаружилась между первым и вторым этажом, на площадке, заваленной мелким щебнем. Обычная наступательная граната. Убить не убьет, но покалечить, подать сигнал шумом – это да. Ее пришлось снять, поскольку стояла граната таким образом, что и с помощью вешки ее не сразу удастся заметить. Вывинтив запал, я положил холодный кругляш в кармашек разгрузки, а сам запал разобрал и рассеял среди обломков. Может быть, там все нормально, однако привычка – это вторая натура, и за долгие годы я никогда не пользовался запалом, снаряженным кем-то еще. Подрывники очень творческий народ, каждый считает хорошим тоном придумать особо хитрую подлянку, единственную в своем роде.

Прислушавшись к окружению, я старался уловить чужое дыхание, шорох, вообще любой посторонний звук. Но слышно было только ветер, свистящий в прорехах стен, да где-то вдалеке раздавались одиночные хлопки выстрелов. На звук штурма не похоже, слишком все отрывисто. И вот это как раз и настораживало более всего. Растяжка свежая, не более суток прошло с того момента, как некто очень грамотный установил ее тут. Все чувства обострились, и пропустить чужое присутствие я никак не мог. Однако вокруг царил мертвая тишина. С того самого момента, как я выбрался на вершину холма, думать и действовать мешало тянущее чувство близкой беды. От развалин несло смертью, это определенно была западня. Об этом вопила каждая клеточка моего усталого организма, призывавшая уйти, бежать отсюда без оглядки. Но пока ничего, кроме предчувствий, не получалось противопоставить совершенно обыденной реальности. Окрест не было вообще ничего, даже

захудалой аномалии не нашлось, только сырой камень и грязь. Придирчиво осмотрев вход на площадку второго этажа, я прислонил пулемет к стенке, а сам осмотрел все квартиры, чьи двери выходили сюда. Первые предположения подтвердились полностью. Этаж превращен в опорный пункт наблюдения, и довольно грамотно. Смежные стены аккуратно разобраны, проемы окон заложены мешками с набранным тут же щебнем. В северной части получившегося помещения пустой лежак и закрытый от обзора пятачок с остывшей сейчас печкой-буржуйкой. Недалеко стояла стопка закопченных котелков и четыре десятилитровые канистры с водой. Все поставлено недавно, одна из канистр на четверть пуста. Сняв перчатку, я приоткрыл дверцу печи и поворошил прогоревшие до золы угли. Едва теплые, погасли не далее чем пару часов назад. Затащив пулемет в комнату, чьи окна выходили точно в сторону ворот, я снова вышел и попытался подняться на этаж выше. Но ничего не получилось: площадку завалило очень плотно, и пролезть наверх не представлялось возможным.

Поставив три собственные растяжки таким образом, чтобы перекрыть все возможные подходы к выбранной позиции, я отжал тангенту рации на передачу и вызвал репликанта:

– Как обстановка?

Девушка откликнулась почти мгновенно, в голосе ее слышались нотки облегчения, хотя это вполне могло мне и показаться:

– Все тихо, как у тебя?

– Пока не знаю, но выбора все равно нет. Поднимайся на второй этаж, следи за вешками, что я оставил, там старые растяжки... будь внимательна.

– Хорошо. Я иду.

Чувство опасности, возникшее недавно, резкими пульсирующими волнами накатывало время от времени, мешая полностью сосредоточиться на наблюдении. Расстояние приличное, но позиция действительно отменная: дорога и сложенное из бетонных блоков ограждение видны как на ладони. Внутренний двор, небольшая площадка перед трехэтажным зданием электростанции тоже просматриваются вполне отчетливо. Жаль только, что патронов к пулемету всего сорок штук. На заставе был целый ящик, но тогда пришлось бы жертвовать скоростью. Придется тщательнее выбирать цель, благо стрелять из «крупняка» – это навык из разряда тех, которые вспоминаешь сразу, как только берешь подходящий инструмент в руки. Сзади послышался легкий шорох, я мгновенно откатился прочь от окна в угол и навел ствол на дверной проем.

Оттуда медленно показалась рука с винтовкой, а потом послышался тихий шепот:

– Не стреляй, Ступающий.

Облегчение, смешанное с досадой на невнимательность репликанта, мгновенно выплеснулись наружу.

Чертыхаясь, я вскочил и, втащив девушку в комнату, тоже шепотом сделал ей выговор:

– Какого х... какого черта ты не вызвала меня по рации?!

Но, увидев удивленные глаза Ксении и сообразив, что немного перебрал с тоном, тут же разжал хватку, одновременно подхватив выпавшую из рук девушки треногу.

Отскочив на два шага назад, репликант оправил одежду и тоже шепотом принялся быстро объяснять:

– Прости, Ступающий... это место... оно угнетающе действует на меня. Тут всюду пахнет близкой смертью. Разве ты не чувствуешь этого?

Слова девушки заставили меня немного иначе посмотреть на ситуацию. Раз иномирянка чует западно, то мне, скорее всего, не померещилось. Однако реальность выглядит совершенно обычно. Может быть, это волнение и усталость сыграли свою роль. А может быть, нечто иное, но осмотр ничего не дал, хотя исчезновение наблюдателя, безусловно, странный факт. Вынув плоскогубцы, я принялся устанавливать пулемет в глубине комнаты, ибо штурм мог начаться в любой момент.

Оглянувшись на репликанта, я сказал уже нормальным голосом:

– Это место знало много смертей, да и чувства иногда тоже могут подводить. Выбери

место для стрельбы, но первой не стреляй, работать только под прикрытием огня пулемета. Пусть думают, что я тут один.

Еще полчаса ушло на то, чтобы укрепить станок в глубине комнаты, выставить прицел и разбрызгать вокруг станка и по стенам несколько литров воды. При работе из такого оружия поднимаются тучи пыли, которые демаскируют позицию. Снаружи постоянная сырость, но старые здания полны пыли, которая только и ждет своего часа. Огонь будет скрадываться тем, что станок я разместил в глубине комнаты, но меры эти временные, такой грохот трудно скрыть полностью. Само оружие было в хорошем состоянии, и оставалось только надеяться, что пулемет не подведет в нужный момент. Как обычно это и бывает в реальности, любой сторонний наблюдатель уже окрестил бы мои расчеты слишком рискованными. Но всегда найдется некий скептик, который, попивая пиво в уютном полумраке какой-нибудь модной забегаловки, осудит людей вроде меня. Присоединив патронный короб и проверив ленту, а затем медленно взведя затвор, я встал за пулемет и принялся ждать.

Ничего не происходило в течение часа. К этому времени караул у главных ворот сменился, а прожектора на трех вышках, расставленных вдоль стены, по несколько десятков раз обежали полосу голой земли, где кустарник, скорее всего, вырубался регулярно. Напряжение не спадало, как не оставляло и чувство тревоги, время от времени царявшее сознание, словно зазубренная заноза.

– Они идут! Удаление триста восемнадцать, северо-восток!

В наушнике раздался взволнованный шепот девушки. За все это время она не проронила ни слова. Репликант молча устроился в соседней комнате, разложив свою дорогую винтовку в десятке метров от моей позиции.

Опустив «ночник» на глаза, я посмотрел вправо и действительно увидел знакомый фургон, медленно едущий по дороге в сопровождении двух всадников, и... пеших снова было пятеро.

Вызвав репликанта по радиации, спросил:

– Это точно они?

– Ждущие вызвали подмогу, элроки свободно ходят между мирами, они... они не совсем живые.

Времени на то, чтобы разбираться, уже не осталось. Если это действительно те, кого мы ждем, скоро представится шанс это проверить. Процессия медленно продвигалась в направлении ворот, так что у меня хватило времени рассмотреть всех путников в подробностях. Действительно, фургон, одежда и даже лошади были похожи на виденных нами у заставы. Было что-то необычное во всей этой процессии, но, как всегда, эта странность требовала времени на осмысление, а как раз его-то и не было. Интересно другое – где они прятались все это время и почему медлили с нападением так долго? Мангруппа была выслана уже полтора часа назад, зачем же медлить?

Отжав тангенту радиации, я вызвал репликанта и приказал:

– Я буду работать по всадникам, попробую угомонить того, что с энергетическим оружием. Как только фургон поравняется с воротами, вали лошадь. Нельзя дать пехоте захватить внутренние здания и там закрепиться.

– Поняла.

Но все произошло немного не так, как планировалось. Я ожидал, что работать будут по схеме, виденной нами у заставы: подойдут вплотную и рывком вклинятся в ряды защитников, мешая им работать по нападающим. В тот момент, когда я уже поймал в прицел темную фигуру всадника в пончо, тот неожиданно ударил коня пятками, и животное резко вошло в галоп. Прильнув к гриве коня, всадник неся к запертым воротам во весь опор. Второй тоже припустил следом, но слегка приотстал. Все произошло так быстро, что я на какое-то время упустил обоих из вида. В следующие пару секунд я успел поймать две быстро движущиеся фигуры в прицел и только в самый последний момент успел сорвать «ночник» с головы. Тот из всадников, что скакал впереди, вытянул вперед руку с растопыренной

пятерней, будто бы защищался от чего-то, невидимого остальным. Охрана на воротах уже открыла огонь, с ближайших вышек потянулись трассы пулеметных очередей. Но это были обычные ручные машинки более мелкого калибра, иначе обоим всадникам пришел бы конец. Не знаю, как это получилось, но пули, словно бы не находя цели, летели мимо, и вскоре первый всадник уже был на расстоянии десятка метров от ворот. От его руки отделился сгусток голубовато-белого пламени, потом еще и еще один. И тут скачущий следом наездник растворился в воздухе, словно и не существовал вовсе. Теперь понятно: оба наездника казались отражением друг друга, словно две совершенно одинаковые копии.

В наушнике раздался крик Ксении, девушка уже не осторожничала, опять потеряв контроль:

– Фантом!.. Ждущие шли следом за первым всадником, это они!

Не отвечая, я прильнул к прицелу и, взяв положенное упреждение, выжал спуск. Гулкое эхо и рыжее пламя вперемешку с пороховой гарью заполнили комнату, когда КПВ огрызнулся короткой очередью.

Да-да-да-ахх! Да-ахх!

Прицел оказался немного сбит, но благодаря калибру все пять пуль ушли точно в цель. Всадник и все пространство позади него исчезли в облаке разрывов. Бронебойные пули рвали тела лошади и существа из другого мира на части. И тут же я услышал отдаленные крики и стрельбу. Видимо, один или два выстрела угодили в пауков, бежавших следом. Каким-то образом это сбilo маскировку, и две большие шестилапые тени впрыгнули в опрокинутые ворота, оказавшись во внутреннем дворе Развилки. Там уже творился организованный переполох, из окон вторых этажей раздались автоматные и пулеметные очереди. Видимо, и этот вариант был предусмотрен бригадиром, так что и тут мой расчет оправдался. Но не все оказалось так гладко. Пауки завертелись на месте. Их броня окуталась слабым мерцанием, и в следующее мгновение электричество погасло, все погрузилось в полную темноту. Защитники продолжали стрелять, но, скорее всего, огонь потерял былую эффективность, чего нельзя сказать о нападавших. Темень разорвали несколько вспышек ослепительно-белого пламени, и стена главного здания электростанции со стоном осела вниз, погребая под собой всех, кто за ней находился. В это время фургон уже достиг ворот, и я, развернув пулемет, дал пару коротких очередей по сгрудившимся за повозкой элрокам.

Да-да-да-ахх! Да-ахх! Да-да-да-ахх! Да-ахх!

Вновь комната наполнилась едким дымом, ствол слегка повело. Однако на этот раз пули легли правее и ниже цели, взрыв щебень и подняв тучу осколков. Только один из пяти бежавших за фургоном элроков упал, пуля почти располовинила тело на две неравные части. За общим грохотом я не слышал, как стреляла Ксения, но лошадь в упряжке нырнула вперед, словно бы споткнувшись обо что-то невидимое. Фургон рыскнул влево и, зацепив бортом угол бетонного блока ограды, намертво перегородил вход в периметр. Уцелевшие элроки попытались перелезть через неожиданное препятствие, но их тут же сшибло несколькими точными выстрелами. По тому, как головы прищельцев дергались от попаданий, я понял, что девушка тоже ведет свой личный счет. На какое-то время мне показалось, что некая тень накрывает всю комнату, но в следующий миг все встало на свои места. Света от вспышек выстрелов уже было не так много, как в первые секунды боя, пришлось снова надвинуть «ночник» на глаза. Картина, открывшаяся во всполохах белого и зеленого, была плачевна. Двое Ждущих сломали сопротивление охраны и тех, кто присоединился к бою чуть позже. Присмотревшись, удалось даже отличить пауков друг от друга. Все же первая очередь не пропала даром, один из Ждущих лишился передней конечности и поэтому сейчас стоял, прислонившись к стене здания, похожего на бойлерную. Он прикрывал второго паука, который взобрался по обломкам обрушенной боковой стены соседнего, самого большого корпуса электростанции. Тот, что наверху, методично стрелял из энергетического оружия на любое движение или ответный выстрел. Еще пара минут, и все будет кончено, если и нужно вмешаться, то момент очень подходящий.

– Антон! Моя винтовка против них бесполезна! Нужно стрелять, эти твари не

остановятся! Нужно...

В раздавшемся голосе девушки слышалось отчаянье. Она явно не понимала моих намерений, видимо предполагая какую-то особую хитрость. Но, само собой, ничего подобного в действительности не было. Опасаясь промахнуться, я выбрал сначала того из пауков, что стоял выше. Тварь стояла вполоборота, увлеченно расстреливая что-то этажом выше. Странно, однако нас до сих пор не обнаружили, словно бы ничего и не было. Предчувствия и замеченные мелочи будоражили подсознание, от тревоги волосы шевелились на затылке. Но сейчас не существовало больше ничего, кроме медленно поворачивающейся ко мне боком далекой уродливой фигуры паука.

Не выпуская из прорези прицела ненавистного врага, я почти прошипел в ответ:
– Молчи, не мешай.

Сейчас, как никогда за эти долгие восемь месяцев, я ощутил миг полного спокойствия. Посторонних мыслей не было, голова очистилась от страхов и сомнений, все обрело предельную четкость. Помня недавний промах, я взял чуть выше и левее, а потом почти с нежностью выжал тугой спуск.

Да-да-да-ахх!

Светящиеся зеленым трассы пуль ушли точно в середину фигуры, замершей в долгом мгновении перед распадом. Еще доли секунды, и вот тело паука распалось, исчезая в облаке ошметков плоти и фрагментов брони. Не останавливаясь, я перенес прицел ниже, разворачивая ствол почти под самый обрез брестера.

Да-да-да-ахх! Да-да-да-ахх!

Пулемет осекся, на высокой ноте сухо щелкнул боек. Все, лента вышла до последнего выстрела. Отпустив приклад и нагревшуюся коробку, я еще раз взглянул вверх опущенного ствола туда, вниз. На том самом месте, где недавно стоял, опершись о стену, раненый паук, теперь темнела неровная дыра, валялись какие-то светящиеся белым ошметки.

Сжав тангенту рации, я спросил, сам не знаю кого и зачем:

– Попал?

Но вместо голоса репликанта в наушнике раздался оглушительный вой, ничего общего не имеющий с радиопомехами. Что-то огромное заслонило оконный проем, и в следующий миг я уже летел к дальней стене, отброшенный сильным ударом в грудь. Большой черный паук в матово блестящих черных латах, покрывавших его грудь и часть головы, ворвался в комнату откуда-то сверху. Превозмогая боль, я перекатился на левый бок и, вынув пистолет, выпустил в ненавистную морду с медленно двигающимися жвалами весь магазин. Бронебойные пули с визгом отскакивали, а Ждущий в Темноте только покачивался на лапах от слабых ударов.

Сознание царапнул чужой мыслеимпульс, преобразовавшийся в слова:

– Расплата... Ты не получишь смерти воина, человек! Они ошибались, ты всего лишь...

Шесть выстрелов прогремели в наполненной оседающей пылью комнате, словно удары колокола. Паук пошатнулся, из левого бока брызнули искры вперемешку с брызгами черной крови. Очевидно, в броне была брешь. В пяти шагах от нас стояла Ксения, посылая пулю за пулей в бок ослабившего бдительность паука. Ждущий, не оборачиваясь, метнул в девушку сеть. Сгусток серой блестящей субстанции пролетел в пустоту. Репликант бросился вниз и в перекате успел выстрелить еще несколько раз. Понимая, что это всего лишь отсрочка, я высвободил автомат и навскидку стал стрелять по суставам мохнатых лап пришельца. Большой частью все ушло в пустоту, броня паука сделана на совесть, но один или два выстрела угодили в какой-то нервный узел, и задняя правая лапа подогнулась. Паук дрогнул, оседая вниз, но мгновением позже снова прыгнул вбок и...

– А-аах!

Две передние конечности, оканчивавшиеся острыми металлическими кинжалами, пригвоздили Ксению к стене. Девушка выронила винтовку, голова ее свесилась вбок. Бывает так, что в какой-то момент напряжение оставляет, струна, натянутая до предела, рвется с оглушительным звоном. И в этот момент со звоном струны приходит понимание, что дальше

этого мгновения нет больше ничего. Это последняя черта, последний миг бытия, дальше только черно-красная пустота. Комната, паук и мертвая иномирянка исчезли. Все окрасилось в багрово-красный и черный. Может быть, я уже умер, а может, это время вдруг окончательно замерло в некой исходной точке, но сейчас я видел только неясную большую тень впереди и ощущал в своих руках древко саперной лопатки. Интуитивно пришло понимание, что нужно идти вперед, стоять нельзя. Каждый шаг давался с трудом, черно-красная муть вокруг сопротивлялась, как плохо сваренный кисель, она сковывала каждое движение. Вот черная тень впереди обрела четкие очертания, утратив монолитность, она распалась на пульсирующие красные дорожки, прихотливо вившиеся по ее поверхности. Откуда-то из подсознания пришла одна-единственная мысль: уничтожить свет, уничтожить тень!

Каждый шаг отнимал быстро убывающие силы, но когда есть цель, все остальное уже не имеет никакого значения. Зажав лопатку в обеих руках, я оттолкнулся от земли и прыгнул вперед и вверх. Тень обрела движение, она разворачивалась в мою сторону, но медленнее, чем я падал вниз. В какой-то миг мы соприкоснулись, я упал вперед и тут же ударил в змеящуюся прямо подо мной трещину, сиявшую багрово-красным светом. Остро заточенное лезвие прошло сквозь свет с легким сопротивлением, тень сотрясли медленные, почти что ласковые волны. Но я вынул лопатку и ударил еще и еще раз. Не знаю, сколько это длилось, но вдруг мое сознание разорвал дикий, пронзающий все существо скрежет стекла о металл. Затем последовала ослепительная вспышка белого, самого яркого света, который я видел в жизни, и глухой удар. Воздух вдруг совершенно кончился, сознание померкло.

Очнулся я от слабого дуновения ветра. Сделав судорожный вдох, ощутил пороховую гарь, запах крови и сырости. Почти не ощущая своего тела, я сделал попытку шевельнуться, и мне это удалось. Что-то было зажато в правой руке, судорожно согнув руку в локте, поднес кулак к лицу. Все плыло и кружилось, как от большой кровопотери. Это был обломленный кусок черенка саперной лопатки, которой я бился в кошмаре с какими-то тенями. Кругом стояла все та же темнота, разглядеть ничего не получалось. Лицо, руки и грудь были в чем-то липком, но на ощупь броник цел, просто дико ломит виски и кружится голова. Нащупав в кармане горсть химических осветителей, я один за другим разломил три гибких стержня, и пространство вокруг осветилось зеленым тусклым светом. Паук был определенно мертв. Огромная туша – этот был почти в полтора раза больше напавших на Развилку. Он был похож на ту тварь, что убила Дашу и...

Переступив через почти разорванную на части тушу Ждущего в Темноте, спотыкаясь, поковылял к стене, где лежала маленькая фигурка девушки. Пospешно вынув еще один «светляк», воткнул светящуюся палочку в выбоину в стене. Взяв Ксению за плечи, я осторожно перевернул ее на спину и стал осматривать шею, грудь, стремясь найти раны. Но мохнатая ткань комбинезона везде была сухой, ран не удавалось нащупать. Свет... нужно больше света. Накатывающая волнами слабость заставила сознание скользить прочь от реальности, мысли вертелись вокруг ее поступка. Все прошлые разногласия исчезли перед лицом того, что сделала иномирянка. Нет корысти в том, чтобы рискнуть своей жизнью ради пешки, расходного материала, каким люди вроде меня всегда были и есть для двигающих фигуры по доске игроков. Что-то подсказывало: это не простой размен, а нечто личное. За все время, проведенное вместе, у нас не было возможности поговорить нормально, да я и не стремился. Но сейчас все это в прошлом, а я снова остался один...

– Он... Хозяин Пепла мертв, ты убил его, Ступающий?

Лицо девушки, до этого неподвижное и безжизненное, вдруг искривилось, а потом ее вырвало. Изумление было настолько велико, что в первый момент не вышло произнести ни звука. Реальность спорила с увиденным всего... черт знает, сколько пришлось валяться на полу, но ночь еще не прошла! Девушка вдруг тяжело поднялась и села, прислонившись спиной к стене, так что наши лица оказались на одном уровне, совсем близко друг от друга.

Утирая рукавом лохматого комбеза рот, она слабым голосом произнесла:

– Это не простой паук. Его имя звучит на вашем языке как Хозяин Пепла. Его умение –

это охота на таких, как ты.

Честно говоря, сейчас меня мало волновали пауэьи имена. Не знаю как, но, по-видимому, я просто забил паука, устроившего нам засаду, саперной лопаткой. И даже это не интересовало сейчас больше, чем то, как Ксении удалось выжить.

Не отрывая взгляда от ее лица, я спросил хриплым, более всего похожим на шепот голосом:

– Как ты выжила?

В глазах девушки читалось непонимание, а потом даже страх. Мельком глянув на свои руки, я понял, что с ног до головы заляпан черной пауэьей кровью. В сочетании с голосом это, скорее всего, выглядит мерзко и утрашающе.

С видимым усилием сохраняя ровный тон, девушка ответила:

– Он зацепил костюм, я сильно ударилаь головой и потеряла сознание...

Не слушая больше то, что говорил репликант, я вскочил и внимательно осмотрел стену над тем местом, где паук пригвоздил Ксению к стене. Две глубокие отметины, крови нет, и расстояние подходящее. Мир вокруг завертелся, и тело налилось свинцовой тяжестью. Ноги перестали держать, колени подогнулись, и я упал на грудy острых обломков, согнувшись в три погибели. Как бы со стороны я услышал, что издаю сухие лающие звуки. Впервые за долгое время я смеялся. Судьба выкинула очередной финт, и все обернулось невероятным везением. Оно миновало мою любимую, но запросто нашло вора, укравшего ее лицо и голос. Только Бог может измыслить такую каверзу над человеком. Жестокость бессмертных стократ превосходит любую мерзость, доступную простым людям.

Большое прямоугольное зеркало в просторной душевой, висевшее немного выше уровня глаз, было покрыто мелкой сеточкой трещин. Не помню точно, сколько времени ушло на то, чтобы оттереть черную пауэьую кровь, но, по-моему, я сидел в этой гулке, наполненной влажным горячим паром комнате уже больше трех часов. Отерев испарину с немного шершавой на ощупь поверхности зеркала, я снова всматривался в белые нити шрамов, покрывавших лицо, грудy и руки. Двойник, смотрящий из затуманенной глубины, был все так же непробиваемо спокоен. Так же, как и я, он сжал в кулак ладонь правой руки и посмотрел на нее. Шрамы появились и исчезли вновь, ничего не изменилось. Медленно пройдя вдоль низкой скамьи, тянувшейся до самого выхода, я подхватил дареное пушистое полотенце и вышел в прохладный после влажной жары душевой тамбур. Походя надев белье и камуфляжные футболку, куртку и штаны, вышел в раздевалку, где меня уже ждала Ксения.

Девушка тоже сменила потрепанный комбез на такие же, как у меня, куртку и штаны не по размеру, но на бедре ее красовалась тактическая кобура с пистолетом. Мое оружие и остальная снаряга были тут же, в просторном шкафчике. Комбинезон с рюкзаком, вычищенные и приведенные в порядок двумя местными хозяйками, как тут называли неопределенного возраста женщин, бывших, видимо, и кухарками, и прачками, радовали глаз. Открыв дверцу, я принялся выкладывать на скамью детали костюма, проверяя попутно, все ли удалось удалить. Надо признать, дело свое хозяйки знали: комбез и даже ботинки выглядели почти как новые. Одеваясь, я попутно рассовывал по карманам сложенные в отдельный пластиковый мешок вещи, который мне протянула девушка. Так же ощупывать пришлось каждый шов на предмет нежданного маячка, который вполне могли мне посадить люди бригадира. Но вскоре выяснилось, что я слегка переоценил либо возможности лидера «независимых» бандитов, а может быть, придал своей персоне слишком большое значение. Все, даже подошвы ботинок, не отзывалось на облучение вмонтированного в ПДА сканера, не прощупывалось пальцами.

Пришлось присесть на скамью, чтобы еще раз проверить шнуровку ботинок, чего я никогда особо не любил, однако занятие нужное, остаться без ног в рейде – это верное самоубийство.

Ксения присела рядом и вдруг спросила тихим, охрипшим от волнения голосом:

– Антон, почему ты засмеялся в тот раз?

Нет нужды уточнять, что она имела в виду. Кроме того, после боя с черным пауком что-то во мне изменилось. Глухая стена, которой я отгородился от окружающих, вдруг стала пропускать звуки. И сейчас даже иномирянку не хотелось больше называть воровкой или еще как-нибудь похуже. Это не означает, что доверия к ней стало больше, просто сейчас в ней хотелось видеть не только чуждое существо. Моя любимая поговорка гласит: «Хочешь узнать человека – пойди с ним на войну или сразись в поединке». И всякий раз, как мы с посланницей Райн шли в бой, возникало некое напряжение. Удара в спину все еще можно ожидать, хотя в каждом взгляде девушки чувствовался некий конфликт. Это ощущение было подобно тому, как наблюдать рыбу, быстро снующую на глубине. Вроде она близко, но вот достанешь ли ее острогой или глубина вновь обманет, наверняка сказать нельзя. И случилось так, что перелом в моем отношении к Ксении наступил в тот момент, когда случилась эта стычка с пауком. То была случайность или какой-то знак? Снаряд ведь тоже может попасть в одно и то же место, факт проверенный. Может быть, если относиться к ней без отстраненности, я смогу понять больше, чем сейчас.

Поэтому, оставив шнуровку, я посмотрел в оказавшиеся так близко знакомые до боли глаза и ответил предельно откровенно:

– Бог войны вчера очень неудачно подшутил надо мной. Тебя мне спасти удалось, а ту, чье лицо и голос ты носишь... Она умерла, моих сил и знаний не хватило на то, чтобы ее спасти.

Взгляд девушки затуманился, четко обозначившиеся желваки выдали сильные внутренние переживания. Ей удалось справиться с эмоциями, но голос все же дрогнул:

– Я все помню... все, до последнего слова. Но ты убил того паука, месть свершилась. Боги ведут каждого своей дорогой.

Горькая усмешка искривила рот помимо воли. Сколько раз подряд я говорил нечто подобное другим, не счесть. Но когда это коснется непосредственно кого-то близкого, логика отказывает.

– Соленый океан и горы песка, Ксения. Сколько бы ни убил, покоя не будет. Такова реальность, я смирился с положением вещей. Для меня уже нет выхода.

Девушка хотела сказать что-то еще, но я только отрицательно покачал головой и, снова принявшись за шнуровку, заговорил о другом:

– Но это все лирика. Ты связывалась со своими?

Поняв, что убедить упрямого землянина не получится, Ксения, упрямо мотнув головой, как бы отрицая мою позицию, ответила уже деловым тоном:

– Старейшие говорят, что в пределах, близких к Земле, обнаружен улей Вейт. После того как ты убил Хозяина Пепла, они затихли на время, однако час назад активность в зоне серых пределов возросла.

– Что это значит?

– Вторжение продолжается, Вейт накапливают силы, чтобы пробить Завесу, и это странно.

– Запасной план?

Девушка от усиленных раздумий сцепила пальцы в замок, закусив нижнюю губу. И неуверенно продолжила:

– Вероятнее всего, но... Один улей не может создать такой портал, нужно больше усилий, больше энергии.

И тут сложились несколько кусков мозаики, до этого разбросанных во времени. Туман немного рассеялся, и я увидел часть замысла агрессоров. Взяв ПДА, я вызвал карту Могильника с наложенными раньше маршрутами, присланными Слоном. Север и северо-восток города-призрака были исчерчены пунктирами маршрутов. Недоступными были юг и юго-восток. Все, с кем Слон говорил за последние несколько дней, уверяли, что пройти туда невозможно, и каждый указывал свою причину. И теперь было абсолютно ясно, что именно там и кроется нечто, способное пробить Завесу с другой стороны.

Я отчеркнул ногтем эти территории и сказал:

– Пробой будет изнутри. Это единственное место в Зоне, где сходятся дрейфующие земли «белого шума». Туман насыщен дикой энергией, и если ее правильно аккумулировать...

Лицо Ксении побледнело, в глазах застыл ужас. Она почти вырвала мой наладонник и лихорадочно принялась листать карту, вертя изображение под разными ракурсами.

Спohватившись и вернув мне коммуникатор, она пробормотала:

– Есть портативные генераторы поля, для того чтобы пробить Завесу и впустить Вейт, нужно шесть точек воздействия, шесть установок. Люди могли их получить от Ждущих либо собрать устройства здесь. Если это так, мы не успеем помешать. Старейшины слишком далеко, мы думали, что Хозяин Пепла – это ключевая фигура!

– Вы не одни. Здесь тоже есть силы, способные кое-что противопоставить любой угрозе. Просто так мы не сдадимся.

Девушка устало покачала головой, во взгляде посланницы Райн читалось отчаянье. Она вертела в руках уже знакомый мне прямоугольный передатчик, но не активировала его. Совсем упавшим голосом Ксения возразила:

– Для того чтобы сорвать взлом, нужно уничтожить модулятор поля. Только тогда произойдет разрыв цепи и энергия разрушит всю систему.

– Сколько их может быть?

– От трех до пяти. Уничтожить достаточно только один.

Шнуровка плотно легла, все именно так, как я и хотел. Ошибка иномирян в том, что нас, как аборигенов, совсем никто не принял в расчет. А я знал по крайней мере одну силу, которой все происходящее может быть только на руку.

Нехорошо улыбнувшись, я поднялся и, подмигнув Ксении, возразил:

– Все, что нам нужно, это просто рассказать обо всем нужным людям. Они помогут, тут у меня нет даже тени сомнений.

Девушка не стала задавать глупых вопросов, сразу догадавшись, о ком я говорю. Энтузиазма я не увидел, она лишь вяло возразила:

– Те, кого ты называешь Алхимиками, слишком неразвиты.

И тут пришла моя очередь веселиться. Слишком многие уже попались на этот крючок. Сильные кланы, отдельные вожди говорили ровно те же самые слова. Одни считали Алхимиков слабыми, другие – слишком малочисленными и трусливыми. Все они потом об этом сильно сожалели... перед смертью.

Поэтому я взял автомат на плечо и, указав девушке на дверь, ответил:

– Поживем – увидим.

Пройдя по узкому коридору и поднявшись по невысокой лестнице, мы оказались в просторном вестибюле. Это было соседнее с главным корпусом здание, где раньше был клуб или что-то похожее. Кругом сновали люди, бригадир уже успел выгнать всех на разбор завалов. Лавируя между запыленными, орущими друг на друга людьми, удалось выбраться во внутренний двор. Тут было немного попросторнее, видимо, я успел помыться как раз между сменами.

Ксения, указав рукой на боковую металлическую лестницу, ведущую прямо на второй этаж того же здания, сказала:

– Андрей Андреевич выделил мне комнату с кроватью. Мы скоро отправляемся?

У бригадира, оказывается, было имя-отчество! В любом случае нужно поговорить с этим феноменом с глазу на глаз и связаться с ребятами. События опять пошли галопом, поэтому нужно собирать артель.

– Подопрь кроватью дверь, сама ложись на пол. Оденься, проверь оружие и радиостанцию. Отдохни, если получится.

– Этот человек показался мне адекватным...

Обернувшись, я почти ласково взял девушку за плечи и посмотрел ей в глаза. Зрачки расширены, подбородок еле заметно подрагивает. Понятно, еще не отпустило.

– Этот... человек – бандит и убийца. Что бы он ни сказал, верить ему нельзя. Сейчас

бригадир раздумывает, качает ситуацию и ищет крайних. Неприятности в его вотчину пришли вместе с нами. Воровские понятия требуют найти виновника, нужно с кого-то спросить за ущерб. С пауков уже ничего не получить, а мы с тобой тут, рядом. И я не знаю, что будет выгоднее – отпустить нас, а может, продать другому бандиту, чтобы покрыть убытки. Делай как я сказал... пожалуйста.

Она открыла было рот, чтобы возразить, однако последние мои слова все изменили. Устало кивнув, девушка пошла наверх. Я же отправился к небольшому бревенчатому домику с надписью «Комендант» над крыльцом. Зная характер подобного типа людей, можно почти наверняка сказать, что бригадир сидит именно там. Чем большей власти такой человек хочет, тем скромнее будет титул, которым он себя обзовет. Разговор нам предстоит непростой: он будет стараться что-то узнать, а я попробую ничего конкретного не рассказывать. С этими мыслями я поднялся на крыльцо и вошел внутрь. В тамбуре, отделявшем основные комнаты от входа, сидело двое вооруженных автоматическими дробовиками охранников. Оружие пришлось сдать, но нож в нарукавном шве они не обнаружили. Скрытый за броневставкой комбеза, он не прощупывался, поэтому в случае чего можно будет и обнаглеть.

В светлой комнате, обшитой березовым шпоном, за раритетным двухтумбовым столом сидел сам бригадир. Пожалуй, лет ему добавляла светло-русская короткая борода и коротко стриженные волосы того же цвета. Внимательные, чуть лукавые голубые глаза бандитского лидера излучали дружелюбие и искренний интерес. Поднявшись мне навстречу, он протянул мне руку и после крепкого рукопожатия предложил сесть напротив.

И тут же перешел прямо к делу, надеясь ошеломить натиском:

– Хотел бы я, чтобы обстоятельства нашей встречи были более приятными. Я – Дорохов, это моя земля.

Надо сказать, что Судьба берегла этого человека, и очень сильно. В момент нападения на Развилку его тут не было. Что-то заставило бригадира лично возглавить мангруппу, выехавшую на разгромленную заставу. Про нападение он узнал, только когда тут все было почти кончено. Его люди добились двух тяжелораненых элроков, пытавшихся сбежать, – вот, пожалуй, и все его участие в битве. Лично мне еще никогда не приходилось видеть людей, которым везло бы так долго без чьей-либо помощи. Присев на край стула, я сложил руки так, чтобы в случае чего броском через стол оказаться у бандита за спиной. Учитывая обстоятельства, отсюда я могу просто не выйти, так что излишним будет принять некоторые меры предосторожности.

Глядя атаману мятежных урок прямо в глаза, я ответил любезностью на любезность:

– Васильев, мы встречались в прошлом году, правда, это было очень быстро и только по рации.

Все так же храня на лице лукавую полуулыбку, Дорохов подтверждающее кивнул. Не думаю, что он забыл о той встрече. Тогда его шакалы не успели снять раненых ученых с разбитой вертушки на окраине Улья. Норд подстрелил одного, но не убил по моему приказу. Не зная, сколько нас, люди бригадира отступили. Мы переговорили с Мешком – так звали того уголовника, которого Дорохов отправил ко мне, чтобы разрулить ситуацию. Пока я тянул время, подтянулись ребята из силового подразделения страховой компании, обеспечивавшей безопасность экспедиции. Поняв, что обманулся, бригадир сделал умное лицо и слинял. Деньги в тот раз вышли не ахти какие, но репутация повысилась существенно. Стали перепадать хорошие заказы от крупных фирм и организаций, так что в какой-то степени я даже благодарен Дорохову за тот случай.

Отбарабанив по краю столешницы некий простой ритм, бригадир наклонился вперед и ответил без тени любезности. Глаза его больше не смеялись, я видел перед собой хищного и опасного зверя.

– Кто старое помянет... Но сейчас меня интересует то, что случилось у меня дома. Ты случайно не в курсе, что это за пучеглазые черти?

И вот тут нужно проявить осторожность. Выйти отсюда, может быть, и получится, но мне тут еще жить и работать, поэтому сейчас лучше разойтись миром. Стараясь говорить

обычным тоном, я ответил:

– Я видел только следы у Сухого ручья. Разобрался, что был бой, и пошел следом, чтобы предупредить твоих людей.

– Давно про фишку на холме знаешь?

Вопрос был задан с умыслом. Если отвечу, что знаю давно, то и повесить нападение будет уже не так сложно. А можно даже «Альфе» предъявить, ведь он точно знает, кто я и откуда.

Поэтому лучше сказать часть правды, что и было сделано:

– Только дурак не посадил бы в развалинах дозор. А твои люди еще и лентяи. Протоптали к посту целые проспекты, которые и со спутника увидеть можно. Для того чтобы такой косяк увидеть, даже напрягаться не надо.

В мимолетном взгляде бригадира, брошенном куда-то в окно, промелькнули досада и злость. Но ни капли удивления, что позволило мысленно перевести дух. Теперь кому-то перепадет люлей, ведь общеизвестно, что больнее всего бьют именно своих. Все еще злясь, Дорохов теперь смотрел куда-то в угол за моим плечом, а потом снова хлопнул по столешнице два раза, и входная дверь с легким скрипом отворилась. Вошел один из давешних охранников, в руках он нес мое оружие, которое и сложил на край стола.

– Ладно, похоже, что не при делах ты. До двадцати одного можешь оставаться бесплатно, потом все по обычной таксе. Не задерживаю, будь здоров, Васильев.

Собираться не торопясь, с достоинством стоило немалых усилий. Те долгие минуты, пока я проверял оружие и определял все по местам, тянулись словно резиновые. Лишь выйдя на улицу, я почувствовал, что разговор получился. Пока бригадир не передумал, лучше убираться с Развилки как можно быстрее. Однако не только мне пришла в голову эта замечательная идея. ПДА завибрировал в нагрудном чехле разгрузки ровно в тот самый момент, когда рука уже тянулась достать коммуникатор оттуда. Отойдя с дороги, по которой в сторону вторых ворот уже тянулись подводы, нагруженные битым кирпичом и прочим мусором, я вынул коммуникатор. Три текстовых сообщения пришли почти одновременно: два от Слона и Норда, а также одно от Сажи. Артельщики сообщали, что на каждого из них по отдельности вышли представители «Державы» с предложением продать координаты моего точного местоположения под угрозой смерти. Норд своего гонца захватил и допрашивал где-то час, а Слон просто прикинулся валенком, и эмиссар сечевых вынужден был слинять. И что удивительно, друзья порознь пришли к одному и тому же выводу: сечевых тоже используют втемную, гонцы были, скорее всего, от Данселя. По крайней мере, перед смертью плененный Юрисом наемник успел назвать его имя. В письме Сажи было прямое предложение встречи и назывались координаты его личного схрона. Когда же введенные мной координаты автоматически наложились на карту местности, я понял, что события принимают весьма скверный оборот. Схрон Алхимика был не далее чем в дне пути от южной окраины Могильника. В сообщениях старателей, с которыми говорил Слон, говорилось, что в том районе есть разветвленная сеть подземных тепловых магистралей. А сам Слон от себя добавлял, что гражданских там только два верхних уровня, глубже идут коммуникации военного назначения еще советских времен. Значит, я все же угадал и Алхимики попадают в город под землей, минуя тот хаос, что творится на поверхности. Это не означает, что путь совершенно безопасен. Однако маршрут есть, и это самое главное на сегодняшний момент. Прикинув, как удобнее будет пройти, я отстучал артельщикам сигнал общего сбора и передал точку места встречи. Это был небольшой островок твердой земли в аномальном поле Беглова, в десятке километрах от указанного Алхимиком места. Там у нас был оборудован небольшой схрон на экстренный случай. В расположение «Альфы» возвращаться теперь рискованно, за башней наверняка плотно следят люди Данселя. А на острове есть почти все, что нужно для сборов, включая запасные комбезы, резервуар с водой и запас еды. Все, включая Кудряша и Мотрю с Горой, отозвались почти мгновенно. Всем артельщикам место было известно, мы бывали там раз или два. Юрис и Андрон выйдут к точке сбора уже через полчаса, а остальные будут там в зависимости от того, где находятся в

данный момент. Однако мы все встретимся там не позднее чем через сутки, этого времени нам с Ксенией вполне хватит, если выйдем уже сейчас. Проблема была только со Слоном, старый не хотел оставлять башню, но спорить с ним на расстоянии было совершенно бесполезно. Хотя если люди Данселя поймут, что старик в башне один, могут попытаться его захватить. Однако сейчас уже ничего сделать нельзя, да и координат места встречи старик не знает. Саже ответил, что буду в указанном им месте через сорок часов, тот с готовностью принял мои условия, лишь напомнил, что время дорого. Выйдя к открытым настежь воротам, я набрал короткое сообщение для иномирянки и, получив подтверждение, принялся ждать, переводя мысленно дух. Похоже, что бригадир все же поверил в рассказанную мной историю, иначе бы нас просто не выпустили с территории.

Ксения подошла в тот самый момент, когда я уже спрятал ПДА в карман. Лицо девушки выглядело осунувшимся. Под покрасневшими от недосыпа глазами залегли глубокие тени. У каждого есть свой предел возможностей, это правило работает во всех мирах.

Уставшим, немного севшим голосом она спросила:

– Что случилось?

– Планы слегка изменились. Помощники Вейт расшифровали мою оперативную базу, к Промзоне идти опасно. Сейчас выйдем из периметра и направимся к небольшой землянке, потом будет встреча с тем, кто поможет нам пройти в Могильник. Ты сможешь?

– Я должна, и я смогу. Веди, Ступающий.

Губы девушки тронула усталая улыбка, отчего у меня непроизвольно сжалось сердце. За то короткое время, что мы были вместе, я уже привык к ее манере держаться. Не уверен, но даже стал уважать то упорство, с которым девушка переносила все тяготы походной жизни. В бою она проявила себя хорошо, поэтому да, безразличия и тем более ненависти я больше к ней не испытывал.

Мы вышли из ворот вместе с небольшой вереницей транзитных путешественников. Сейчас народу в восточных областях Зоны стало не слишком много, поэтому пятеро вольняг, договорившихся идти вместе до передового блокпоста «Альфы», это уже практически толпа. У одного из попутчиков была довольно ветхая самодельная подвода, запряженная молодой норовистой лошастью. Парень недавно прибыл в Зону, рассчитывая начать свое небольшое дело по перевозкам, мне удалось пристроить девушку среди плотно притороченного скарба за небольшую плату. Ксения пыталась протестовать, но когда я заметил, что уставший воин – это практически готовый труп, она быстро сдалась. И вскоре уже крепко спала, укрытая куском брезента, также выпрошенного мной у начинающего предпринимателя совершенно бесплатно. Иногда даже самым сильным из нас нужен отдых, те самые несколько мгновений забытья, которые потом отзовутся крохотной каплей везения, брошенной на весы Судьбы. Заняв место рядом, я пошел возле мерно покачивающейся во сне девушки, просто отдавшись монотонному ритму ходьбы. Просто идти без маски, вдыхая сырой, холодный ветер, пропитанный привычными уже ароматами поздней осени, это для меня лучшая форма отдыха. Пользуясь случаем, снова крутил всю известную информацию о запасном плане агрессора. Не исключено, что комбинация изначально задумывалась Вейт как многоходовая. За это была прочная связь группы человеческих наемников с Могильником, чья недоступность для простых старателей и большинства группировок несет большую выгоду. Учитывая тот факт, что с пауками я раньше уже сталкивался и побеждал, Вейт решили использовать их как отвлекающий фактор. Убьют меня – хорошо, а если не выйдет, то непременно задержат. Но в обоих случаях агрессор просчитался. Задержка вышла не такой уж и большой, с помощью братьев Сажи по клану мы вполне сможем пройти в город в самое ближайшее время. И более того, Одессит проговорился, что подобное развитие событий не стало для Алхимиков неожиданностью. Просто сейчас они вступают в игру, как и планировали. Ошиблись не только Вейт, но и их противники, когда недооценили землян. Хотя сейчас это стало преимуществом. В чужой игре у нас появилась возможность составить свою партию.

Порывы холодного, промозглого ветра стали злее. Наш небольшой караван вышел на прямой участок трассы, освободившись из плена невысоких холмов, мешавших ветру делать то, что ему заблагорассудится. Тут заканчивался относительно безопасный путь, который обрывался вместе со старым отрезком шоссе, ведущего к окраинам Могильника. Дальше были только три небольших пласта «белого шума». Медленно дрейфуя, они относительно стабильно сменяли друг друга. Места там пустынные, совершенно безжизненные относительно тех, что встречаются, если идти дальше на восток. Сюда часто приезжают ученые, поскольку район этот считался почти безопасным, да и блокпост самой вменяемой в Зоне группировки давал некоторую гарантию безопасности в случае чего. Само собой, это иллюзия, ведь, случись что серьезное, пятеро бойцов с автоматами и одним старым ручным пулеметом никого спасти не смогут, но даже слабое утешение – это и есть прибежище фанатиков от науки. Им большего и не нужно. Часа три шли тихо, без особых происшествий. Старатели иногда переговаривались между собой, но громкие разговоры среди нормальных добытчиков удачи – это нонсенс. У костра, под чарку с нехитрой закуской, это одно, а в поле, где каждая кочка может обернуться смертельной ловушкой, лучше помалкивать да слушать и посматривать по сторонам. Погода испортилась, с востока пришли низкие облака нехорошего, черно-сизого оттенка. Ветер, словно того и ждал, задул с все возрастающей силой. Ксения заворочалась на повозке и, открыв глаза, резко села, отчего возница, обернувшийся на шорох брезента, заметно вздрогнул. Проведя рукой по волосам, девушка взяла винтовку, которая лежала все это время подле нее, и, спрыгнув с телеги, подошла ко мне:

– Долго я спала?

Приложив палец к губам, показал, что нужно говорить как можно более тише. Понимающе кивнув, Ксения придвинулась чуть ближе, чем мне того хотелось, однако на этот раз я твердо решил придерживаться новых правил. И пускай по-прежнему вид иномирянки внушал определенный дискомфорт, но с прежней враждебностью покончено. Доверять ей нельзя, но и отгораживаться после всего пережитого вместе уже не годится.

Взглянув на часы для верности, я ответил:

– Около трех часов. Можно было еще немного, тут места относительно спокойные.

Вздыхнув полной грудью пару раз, заслоняясь рукой от порывов влажного ветра, иномирянка вдруг пробормотала что-то на незнакомом гортанном языке. Уловив мой вопросительный взгляд, тут же пояснила:

– У нас даже такого нет. Тут все полно жизни, даже ветер и дождь насыщены ею. Мне кажется, я понимаю, почему ты избрал своим домом это место.

Чтобы девушка не увидела мою кривую усмешку, пришлось натянуть шерстяной полог шапки, скрывавшей лицо почти полностью. Заметив это, Ксения открыла было рот, чтобы опять за что-то извиниться, но я не дал:

– Твои слова не обидели меня. Нельзя ходить тут с открытым лицом, я просто немного расслабился. Просто скоро нам придется сойти с дороги, место, куда мы идем, лежит чуть западнее.

Но выражение лица девушки говорило, что мои слова ее не убеждают. Щеки иномирянки вдруг покраснели, но я не дал этому разговору уйти в обычный наш тупик, поинтересовавшись:

– И почему же я здесь, как ты думаешь?

Видимо, все же вышло ее удивить, потому что, когда Ксения вновь посмотрела мне в глаза, в них читалось именно удивление. Осторожно подбирая слова, она ответила:

– В таких местах, как это, острее ощущается пульс жизни. Она короче, и оттого вкус каждого мгновения так остер и неповторимо ярк. Я угадала?

Что тут скажешь, она умеет красиво обставить чужую мотивацию, ведь со стороны наши поступки и образ жизни выглядят почти всегда иначе, чем мы сами их ощущаем. С самого первого дня в армии и потом, уже на войне, меня поразила простота бытия и то, как окружающие относятся друг к другу. И действительно, жизнь вдруг обрела тот изначальный,

поразительный в своей гениальной простоте смысл. Вот ты есть, а кого-то уже нет. Он стоял, говорил, смеялся и крыл матом всех и вся. А теперь есть тело, но вот того живого и деятельного пацана внутри уже нет. Духов за людей никогда не считал, этих проще понимать как хитрых и опасных животных. Враг для меня всегда аморфное зло, без конкретного лица или голоса. И вот все сливается в один стакан, смешиваясь в невообразимо забористый коктейль, попробовав который хоть раз никогда больше не захочешь чего-то еще. Посланица Райн смогла сказать красивее, ее образы звучат даже поэтично. А в войне очень мало поэзии и нет утонченной изящности, какую вкладывают в нее те же японцы.

Поэтому я только подмигнул девушке и ответил коротко:

– Почти... А сейчас пойдем к водиле, нужно предупредить, что мы уходим.

Водила, избранный ватажниками между собой еще до нашего появления, ничего против расставания не имел. Пожав друг другу руки, мы попрощались, как принято в наших краях – не желая ни легкой дороги, ни тем более удачи.

Сойдя с дороги у невысокого могильного кургана с покосившимся и проржавевшим от времени крестом на макушке, мы пересекли широкий клин степного сухостоя, за которым начинались довольно густые лесопосадки. Войдя в лес, мы оказались в густой тени. Как и везде в Зоне, деревья тут перекрутило, что не мешало им жить какой-то своей, непонятной жизнью. Все без исключения тут имело темно-рыжий оттенок, даже трава и росший клочками там и сям мох. Найдя знакомую тропинку по незаметным постороннему приметам, я повел девушку к схрону, до которого оставалось часа три, может быть чуть больше. Лесопосадки были частью одной из тех самых спокойных аномалий, которые дрейфовали не так хаотично, как глубинные, находящиеся далеко на севере и северо-востоке Зоны. После известных событий трудно было оставаться в башне, смотреть на Дашины вещи, впитывать остатки ее запаха. Поэтому я долгое время бродил по Зоне совершенно без всякой цели. Именно бродил, просто шел куда глаза глядят, лишь иногда прерываясь на короткий отдых. Может быть, от сильного истощения, а может, по высшему наитию стали мерещиться тропинки в нехоженном лесу, в котором я сам не понял, как очутился. И опять же от полного безразличия к собственной дальнейшей судьбе я пошел по еле видимой в зарослях кустарника тропинке и через некоторое время набрел на поляну с полуразвалившейся землянкой на ней. Внутри ничего примечательного не оказалось, а из ценных вещей только печка-буржуйка, хорошо приспособленная в левом углу землянки возле входа. Рассыпавшийся в труху деревянный столик и две провалившиеся вовнутрь самодельные лежанки говорили о том, что жилищем не пользовались уже очень давно. И опять же, почти не осознавая собственных действий, я вынес на поляну все гнилье и мусор. Некоторое время ушло на рытье траншеи, в которую и отправилось почти все, оставшееся от прошлых хозяев. Замаскировав все срезанным заранее дерном, я с разных сторон осмотрел траншею. Вышло очень неплохо, словно бы ничего тут и не было вовсе.

Позже, прочищая печку, пришла мимолетная мысль о том, что хозяева уже не вернуться. А подумалось так из-за найденных в мусоре рваных кульков из-под сахара, круп и пары вздувшихся банок тушенки. Заначка была очень старая, скорее всего советских времен, да и следов возле хижины нет, даже месячной давности. Размышляя так, протопил буржуйку найденным вокруг более-менее сухим валежником, уселся на расстеленном возле теплого закопченного бока печи походном коврике. Живой огонь неторопливо, с достоинством пожирал сучья, по землянке поползли робкие волны первого тепла. Во мне вдруг проснулся зверский аппетит, и в следующие полчаса я уже уничтожил две банки тушенки, которые опять же непонятно как оказались в рюкзаке. Как это случилось, до сих пор не упомяну. Все после смерти Даши сливалось в один нескончаемо длинный день, проживаемый без особого вкуса к процессу. А после был сон, более всего похожий на смерть, полное небытие. Черный провал, который длился по внутренним ощущениям всего один миг, а на самом деле прошло трое полных суток и еще пара часов. Сон не заставил боль уйти, однако в голове прояснилось, туман апатии рассеялся. Осознав, что лучше будет вернуться назад, в башню, я попытался выбраться с поляны, но удалось это не сразу. Немного скособочившийся от горя

«шифер» сыграл со мной скверную шутку. Каким-то образом я прошел по узкой границе стыка двух «медленных» пластов блуждающей земли, а поляна с землянкой были чем-то вроде глаза бури в обычном мире. Маршрутизатор в какой-то момент отключился из-за перегрузки. Так случается довольно часто, если окажешься близко к границам серых земель. Данные с бреднянского сервера вступают в конфликт с потоком данных со спутника, и коммуникатор просто вырубается.

Еще трое суток я ощупью искал дорогу назад, обозначая дорогу вешками. Сбивался с пути, возвращался с полдороги к поляне, пока в какой-то момент не удалось нащупать те прошлые ощущения и выбраться из леса на твердую землю. Немного позже появилась связь и коммуникатор снова вырубился, на этот раз из-за тонны сообщений от артельщиков. Ребята искали меня все это время; как только я снова включил ПДА, они примчались всей артелью, а Норд без разговоров врезал мне в табло от души. Потом он еще неделю со мной не разговаривал, пока я не принес его любимый французский коньяк и мы не распили эту бутылку как раньше, из горла. Традиция эта повелась после одного случая, еще во время войны в Таджикистане. Мы, следуя отработанной еще за речкой тактике коллег из ГРУ, охотились за караванами с дурью, шедшими через границу плотным потоком. Местные сдавали наших погранцов духам с завидной регулярностью, доверия приграничным жителям и тем более военным не было никакого. И вот, по договоренности с пограничниками, мы выходили на сопредельную территорию и стерегли горные тропы, по которым духи гоняли караваны с тюками, полными чистого афганского героина. Между собой мы называли каждый выход экс, от длинного революционного термина – «экспроприация», означавшего вооруженный налет. В тот раз экс не получился, нам попало всего четыре осла, груженных мелкой контрабандой, видимо, разведка облажалась. Однако среди прочего я нашел целый ящик французского коньяку, причем совершенно настоящего. Найти в мусульманской стране дорогой алкоголь – это уже чудо. Короче, нам с Нордом тогда осталась всего пара бутылок. Остальное ушло интендантам, командиру отряда, курировавшему наш участок, бутылку подарили капитану Шубину, хотя он взял лишь из солидарности. Этот странный, хитрый как змей особист признавал только русскую водку. Поскольку импортной «амброзии» было мало для нормального шабаша, мы отпивали по глотку после каждого удачного возвращения из поиска. Из горла, за жилым модулем связистов. После недельного бойкота, выставив перед угрюмо дующим кофе Юрисом пузатую зеленую бутылку, я рассказал старому другу все, не таясь. Постояли в глухом тупичке на заднем дворе башни, прикончили коньяк досуха. И с тех пор больше я в загул никогда не ударялся. Ведь кроме собственной дороги командир обязан видеть путь своих подчиненных, идущих следом, и не заслонять его собственными проблемами.

Туман окутывал деревья слева и справа от тропинки, поэтому пришлось повязать на пояс страховочный трос, другой конец которого был пристегнут к кольцу на поясе у Ксении. Тропа, ведущая к схрону, настолько узкая, что, уйдя с нее даже на полшага, можно потеряться навсегда. Старые вешки пришлось уничтожить после пары случаев, когда, возвращаясь в землянку, обнаруживались трупы неизвестных бродяг, отыскавших ход на поляну. Все они попадали сюда случайно, везения незнакомцев хватало только на то, чтобы сделать пару шагов к землянке, одному даже удалось открыть дверь. Поэтому теперь все вешки были убраны, а стесы на стволах деревьев тщательно замаскированы мхом или затерты землей. Конечно, неприятно осознавать, что ты не единственный можешь отыскать дорогу там, где ее не должно быть, но в мире нет ничего исключительного, все так или иначе повторяется. Когда тропинка совершенно истончилась и исчезла, я поманил девушку к себе и, взяв ее за руку, заставил сделать ровно три широких шага вперед, затем прыгнул следом. Снова последовал мягкий толчок в спину, и мы оказались на поляне.

– Зра-а-асте вам!

Из кустов навстречу едва распрямившейся девушке поднялась могучая фигура Мотри. Артельщик, весь утыканный ветками и обсыпанный палой листвой, напоминал оживший овраг.

Заметив мой одобрительный жест, Иван опустил автомат, до этого момента как бы случайно направленный девушке в пах, и доложил:

– Все собрались, Антон Константиныч. В эфире тихо, по пути стереглись как только можно. Дошли без косяков и гостей.

Восстановив дыхание после прорыва барьера, я махнул рукой на землянку и приказал подобравшемуся бойцу:

– Выходим через полчаса, снимайся с фишки и добери боеприпасов по максимуму. Больше привалов по пути не будет, нас уже ждут.

Мотря кивнул и, забросив автомат за спину, мелкой рысью кинулся к землянке. Оттуда уже начали выходить остальные артельщики. Узнав меня, раздался приветственный ропоток, ребята подошли ближе, и каждый вежливо поздоровался с Ксенией. Только Юрис слегка задержался с любезностями, пристально всматриваясь в лицо девушки. Сделав всем знак снова зайти в помещение, я открыл дверь, обшитую дерном, и вошел в расширенную до нужных размеров комнату, теперь способную вместить шесть человек. Сев к обитому жестью откидному столику, я повесил автомат на гвоздь в углу и, пригласив всех садиться, сначала попросил высказаться Юриса.

Тот еще раз взглянул на Ксению, но, увидев мой нетерпеливый жест, начал говорить:

– Наемник, которого ты ищешь, в «Державе» уже давно не состоит. Дансель выполнил несколько поручений, набрал свою группу и исчез, прихватив кое-чего из имущества группировки.

Мысленно усмехнувшись ловкости агента Вейт, я согласно кивнул. Ожидаемый ход, если в прикрытии больше нет нужды.

– Удалось ли выяснить примерное место его дислокации? Такому ухарю непременно нужна база, да и люди с ним, скорее всего, самые обычные.

Холодная, торжествующая улыбка тронула тонкие губы Норда, а в голубых глазах снайпера зажегся нехороший огонек. Так Юрис улыбался, если цеплял на мушку очень трудную мишень.

– Державники искали его, но безуспешно. Три группы по шесть человек шерстили окрестности Могильника, агентура шуровала на Кордоне и у нас в Промзоне. Но все без толку.

– А ты его нашел, я прав?

Юрис, все так же улыбаясь одними уголками рта, вынул свой ПДА и, нажав что-то, самодовольно скрестил длинные руки на груди. У всех, кроме Ксении, запищали коммуникаторы, пришло обновление карты. Вынув свой наладонник и открыв обновленную карту, понял, что теперь красным обведен участок северозападной окраины Могильника.

Подняв на друга укоризненный взгляд, я спросил:

– С чего ты решил, что норвег там?

– Все просто: группа державников, отправленная в этот район, нашла какие-то следы наемника, но из-за надвигающейся волны вынуждена была отступить.

– И?..

– И больше на связь не выходила. Шестеро отлично экипированных парней просто исчезли.

– Как Буревестник со своими людьми...

Информация ценная. Да и чутью Юриса я доверял полностью. Когда дело касается отслеживания особо продуманных парней, Норду нет равных. Значит, все указывает на окраины города, где мне уже однажды довелось побывать. Если Сажа откроет нам проход через территории своего клана, норвегу не уйти. Закрыв ПДА, я оглядел остальных. Кудряш угрюмо ковырял край столешницы ножом, Мотря безразлично крутил в пальцах счастливый патрон от крупнокалиберной винтовки, который, по его же словам, снял с трупа какого-то сомалийского снайпера в Африке. Горан поглаживал бороду и нюхал сигарету, не имея возможности закурить. Лишь Андрон смотрел на Юриса блестящими от азарта глазами, парень все еще не наигрался. Но, так или иначе, все они готовы идти за мной хоть в

Могильник, хоть в могилу самую настоящую, это сейчас главное.

Хлопнув по столешнице и привлекая всеобщее внимание, я сказал:

– Значит, так тому и быть. Ставлю задачу. Работаем по варианту «шесть», построение походное. Гора, Кудряш – вы берете на себя прикрытие, страхуйте Норда и Д... Ксению.

Обернувшись к иномирянке, я указал девушке на пристально изучавшего ее лицо Норда и объяснил:

– Ты работаешь в связке с нашим лучшим стрелком, делай все, что он скажет.

– Но...

– В бою у каждого свое место. Как только твои знания об аппаратуре понадобятся, я скажу.

На лице девушки отразилась внутренняя борьба, однако через мгновение она согласно кивнула, и я обратился к оживившемуся Мотре:

– Иван, ты и Андрон будете в резерве. Пока мы на маршруте, всякое может случиться. Присматривайте за тылами, не дайте противнику обойти нас, это очень важно. Сейчас всем проверить экипировку и довооружиться. Район пакостный, скорее всего, пойдем под землей, проверьте дыхательные аппараты. Фильтры поменяйте обязательно, Могильник и раньше кишел зонами радиоактивных очаговых испарений, а теперь и подавно там жопа. Выходим через двадцать минут, если кому нужна помощь, обращайтесь. Это все. А теперь просьбы, жалобы, предложения? Тогда вольно, разойдись.

Как всегда, никто ничего не попросил и ни на что не пожаловался. Чтобы никому не мешать, я взял новые фильтры из раскрытого тут же подпола, куда все потянулись руками, как только прошла команда «вольно». Протолкавшись к выходу, подцепил из ящика в углу вскрытый «цинк» с патронами и вышел на воздух. Набивка магазинов – это почти интимный процесс плюс законный предлог собраться с мыслями. Отойдя на десяток шагов, я расстелил уже довольно потрепанный походный коврик и разложил патроны на промасленную рогожку, которую всегда ношу с собой как раз для подобных целей. Привычно разобрал по очереди все десять магазинов, проверил подающие пружины у каждого, поджал ослабшие плоскогубцами. Сам процесс набивки магазина не занял много времени, хотя подсознательно мне хотелось растянуть удовольствие. Чистка оружия и проверка разгрузки и подсумков на предмет разрывов или расхлябанности сторожковых застежек отняли почти все оставшееся до выхода время. Внутренние часы не подвели: как только я застегнул клапан крайнего левого подсумка, где лежали два обихоженных «рога», отряд уже построился на поляне перед входом. Проверив укладку у каждого бойца, осмотрев их оружие, дал отмашку начать движение. Норд, а следом за ним и обряженная в свой лохматый комбез Ксения вышли первыми. Снайперы скрылись в тумане, сделав всего пару шагов от края густого кустарника, окаймлявшего поляну. Следом шагнули Кудряш, Мотря и Андрон, а мы с Гораном задержались, чтобы восстановить минные закладки для незваных гостей. Дождавшись, пока сапер шагнет в туман, я, не оглядываясь, прыгнул следом.

Путь наш лежал через наиболее стабильный пласт Бегловки, представлявший собой внешне какой-то городской квартал. Целых зданий там не осталось, все постройки давно обрушились от постоянных землетрясений. Поэтому пришлось пробираться сквозь заваленные щебнем улицы, сторожась засад, которые в Бегловке иногда встречаются. Вообще никто не смог остаться внутри даже самой спокойной кочующей территории во время перемещения. Но, как сказала Ксения, элроки живут именно в таких местах.

Пару кварталов удалось миновать без происшествий, однако ближе к границам сектора, который явственно обозначился на востоке полосой белесой густой дымки, по рации меня вызвал Норд:

– Три косых, юго-восток. Один – шесть!

Это нехорошо. Группа из шести человек села у границы зоны безопасного перехода, и на случайность это никак не походило. Отметив рядом руины, бывшие когда-то пятиэтажным кирпичным домом, я отметил его на карте и передал группе координаты.

Отжав тангенту рации на передачу, приказал:

– Вариант один – три! Группа, вперед!

Мотря сразу же метнулся на полуразрушенный второй этаж, расчихлив пулемет с навинченным на ствол барабаном «тихаря». Иван сразу, как только пришел в артель, прикипел сердцем к ковровскому брату моего АЕК – пулемету «Барсук»²³. Сейчас Мотря птицей взлетел на лестницу, и уже через пару мгновений в наушнике я услышал двойной щелчок, теперь улица впереди простреливается метров на триста с гарантией. Горан пополз вперед и выставил пять противопехотных мин вдоль единственной узкой тропинки, ведущей сквозь завалы к границе сектора. Оба фланга перекрывали точно такие же горы щебня, пройти там незамеченным практически невозможно. Сапер, сделав свою работу, убрался на первый этаж, прикрывая наши тылы. Кудряш и Андрон сели на правый фланг, где у Мотри слепая зона, оттуда тоже могли пролезть, если Норд не всех пересчитал. Вариант один – три, это значит, что сейчас мы просто сидим и ждем. Я поднялся выше позиций артельщиков и, расстелив коврик, лег в узкой щели между боковой стеной и куском лестничной площадки не существующего ныне третьего этажа.

Осмотревшись, отжал тангенту на передачу и сказал в общий канал:

– Группа, один – три – тишина!

Навинтив «тихарь» и пристроив автомат поудобнее, я зацелил свой сектор, чтобы противник не смог пройти слева, по развалинам какого-то одноэтажного промтоварного магазина. Там была плоская, провалившаяся сейчас в середине крыша, по ней вполне можно перебраться к нам под прикрытием подавляющего огня. Все в отряде имели глушенные первые номера, поэтому за нами сейчас элемент внезапности и преимущество первого выстрела. Пройдет пара драгоценных секунд, прежде чем враг обнаружит, откуда пришла смерть.

Снова ожила рация, Норд опять пробормотал условленную фразу. Голос друга был отстраненным, сейчас он, скорее всего, подцепил и ведет пару мишеней. Юрис очень любил валить одной пулей пару духов, это был его фирменный дубль «глаза змея».

– Семерик, один – шесть!

Как только смолк его голос, я увидел в прицел серые фигуры. Сначала одну, потом двоих, и вот уже все шестеро идут к нам, держась стены еще одной разрушенной пятиэтажки. Все прикинуты как наемники: немецкие короткоствольные карабины G-36²⁴ со

²³ Имеется в виду АЕК 999 «Барсук». Единый пулемет кал. 7,62 × 54R мм. Прямой конкурент «Печенега», превосходящий его по ряду тактических возможностей, надежности и боевым характеристикам при проведении диверсионных операций. В частности, на «Барсук» устанавливается специально для него разработанный прибор беспламенной и бесшумной стрельбы, существенно снижающий звук выстрела и убирающий факел вспышки у дульного среза ствола. Дульный тормоз-компенсатор имеет в два раза более высокий коэффициент рассеивания дульной вспышки, хорошо компенсирует вертикальную отдачу. Выполненный из высококачественной оружейной стали ствол «Барсука» снабжен кожухом воздушного охлаждения и выдерживает без замены вдвое больший настрел, нежели «Печенег». Снабженный пластиковым цевьем и имеющий существенно более низкую отдачу, чем «Печенег», пулемет АЕК-999 отлично подходит для стрельбы с рук и навскидку, чего лишен тот же «Печенег». Наконец, АЕК-999 полностью унифицирован с пулеметом Калашникова РПК, что также является несомненным достоинством этого уникального в своих простоте, надежности и эффективности образца легкого стрелкового оружия. В настоящее время не выпускается, отдельные образцы имеются на вооружении некоторых подразделений глубинной разведки МО ГШ РФ и МВД РФ. Автору непонятны причины, по которым перспективно более лучший образец вооружения не пошел в серию. ТТХ: Патрон: 7,62 × 53 мм. Масса: 8,74 кг. Длина: 1188 мм. Длина ствола: 605 мм. Начальная скорость пули: 825 м/с. Темп стрельбы: 650 выстр./мин. Боевая скорострельность: 250 выстр./мин. Прицельная дальность: 1500 м. Емкость ленты: 100, 200 патронов.

²⁴ В данном случае артельщики столкнулись с отрядом, чьи бойцы вооружены укороченным вариантом германской штурмовой винтовки G-36. Разработанная компанией «Хеклер и Кох» в 1989 г., винтовка была принята на вооружение в 1995 г., а с 1999 успешно экспортируется в страны ЕС и Великобританию.

G-36 построена на основе автоматике с газовым двигателем с коротким ходом газового поршня. Затвор поворотный, с семью радиальными боевыми упорами. Расположен в затворной раме, которая двигается по одному направляющему стержню, на который надета возвратная пружина. Это существенно снижает отдачу, что вкупе с пятищелевым пламегасителем делает удобным управление огнем при стрельбе очередями. На

штурмовым обвесом. Комбезы облегченные, американские, «следопыт» – это серьезно. Такую одежду используют только миротворцы, которых часто видят на украинском «общевоинском полигоне». Военная разработка, немного похожа на «горца», но менее надежен в плане бронезащиты, да и экзоскелет работает плоховато, народ часто жаловался на немотивированные отказы. Насторожило другое: двое наемников, шедших в середине колонны, несли два укутанных в чехлы длинных контейнера. Теперь можно сказать однозначно: это не за нами. Поисковики не тащат с собой столько груза, тем более в такой неудобной таре. Но и отпустить нельзя, случись чего – скинуть груз и пойти по нашему следу им будет что высморкаться.

Отжав тангенту на передачу, я тихо приказал:

– Костер, костер, костер!

В следующий миг произошло сразу несколько событий. Двое нагруженных наемников осели вниз, будто устали. Затем негромко хлопнула противопехотка и перед ведущим наемником вырос клубок белесого дыма с росчерками злого порохового пламени внутри. Ролики стеганули по идущим на уровне пояса, двое сразу повалились на землю, остальные попытались залечь, но тут заработал пулемет Ивана. Кудряш и Андрон тоже подключились. Я же так и не успел выстрелить ни разу. Спустя десять секунд все было кончено.

Не трогаясь с места, я приказал:

– Четвертый, пятый – контроль. Шестой, седьмой – внимание в своих секторах. Второй и третий – внимание по точке событий!

Андрон и Кудряш вышли к месту, где в разных позах раскинулись наши неожиданные попутчики. Минут пять они осматривали тела. Андрон нашел одного тяжелораненого, и они с Кудряшом оттащили пленного в сторону, прислонив к стене. Последовавшие за этим три щелчка означали, что живых больше нет. Я запросил Норда, но снайпер доложил, что впереди чисто. Вызвав остальных, приказал собраться у трупов, нужно посмотреть, кто это был. Времени до встречи с Сажей осталось не так много, поэтому работать придется очень грубо.

Пленный оказался в скверном состоянии. Человека, которому пробило оба легких и снесло полчелюсти, трудно заставить говорить, поэтому я вынул пистолет и прикончил бедолагу.

Подозвав к себе Андрона, спросил:

– В следующий раз заставлю сделать это лично тебя. Вот на фига ты попер к стенке истекающего кровью и соплями покойника?

Азарт в глазах парня сменила растерянность, лицо постепенно приняло виноватое выражение, и он даже не стал оправдываться, что вселяло определенную долю оптимизма. Что сделано, того уже не поправить, это закон.

Еще раз отметив время, указал Андруну на остальных:

– Всех обшмонать на предмет документов, карты памяти с раций и ПДА снять. Трупы в подвал, оружие и взрывчатку уничтожить.

верхней поверхности затворной рамы расположена рукоятка взведения, выступающая над верхней поверхностью ствольной коробки. В походном положении рукоятка взведения расположена вдоль оси оружия и удерживается в этом положении пружиной, а для взведения может отгибаться в любую сторону примерно на 90 градусов. Это удобно для заряжания с любой руки, что повышает скорость перезарядки оружия. При стрельбе рукоятка двигается вместе с затворной рамой.

Ствольная коробка выполнена из пластика со стальными вставками, УСМ выполнен в виде единого блока вместе с пистолетной рукояткой и спусковой скобой и крепится к ствольной коробке при помощи поперечных штифтов. Ударно-спусковой механизм может поставляться в нескольких вариантах – с наличием или отсутствием режима стрельбы с отсечкой по 2 или 3 патрона. Пластиковое цевье также крепится к ствольной коробке при помощи штифтов, так что для неполной разборки необходим только патрон или иной предмет, подходящий для выталкивания штифтов из отверстий.

Калибр: 5.56 × 45 мм НАТО. Емкость магазина: 30 патронов либо 100 патронов в барабанном магазине типа «Beta C». Может оснащаться любым обвесом и оптикой. Удобное и надежное оружие при весьма умеренной цене.

Подошли Кудряш и Горан. Приятель Ивана был чуть менее угрюм, чем обычно, а югослав все еще не мог успокоиться после удачно поставленной и сработавшей как положено пакости.

Кудряш указал на труп и поинтересовался:

– Чего не побеседовал?

– Говорить он уже не мог, а для писанины сам видишь...

Кудряш согласно кивнул и мельком глянул через плечо на то, как Мотря и Андрон скидывают трупы в широкую трещину в стене одноэтажного здания, похожего на типовой советский овощной магазин.

– Командир, как они нас нашли?

Вопрос нехороший, если принять за аксиому тот факт, что эти парни шли именно по нашу душу. Нет, кофры слишком тяжелые на вид, не стыкуется это с обычной игрой в кошки-мышки.

– Вряд ли это за нами. Снаряга не та, плюс ящики наверняка тяжелые. Думаю, случайно столкнулись, мы идем к удобной точке перехода, и кто-то другой тоже выбрал эту дорогу. Руины кругом, нормально пройти почти нигде.

Горан вдруг выступил вперед, глаза сапера загорелись любопытством. Я всегда знал, что этот мужик с нами не только из-за призрачного славянского братства. Такие, как он, всегда слепо идут за удачей, поэтому требуют отдельного присмотра.

Почти ласково обводя взглядом заляпанные кровью тела бывших владельцев кофров, он сказал:

– Это не оружие, на обоих ящиках электронные замки. Там внутри...

Решив оборвать сочинение гипотезы о несметных сокровищах какого-нибудь местного Аладдина, я возразил:

– Гора, не дури. Фиг его знает, что там. Может, миллион евробаксов мелкими купюрами, а может, какая-нибудь научная дрянь, от которой сначала сдохнешь ты, а потом и все мы тоже.

Огонек тут же погас, профессионализм взял верх над жадностью, и югослав, согласно кивнув, повернулся было, чтобы уйти, но я остановил:

– Как только ребята стаскают трупы в подвал, посмотри, как там чего. Заминируй ящики похитрее. Пусть те, кто за ними придет, порадуются находке на полную катушку.

Если что-то забираешь, нужно оставить взамен нечто равнозначное. Пуще денег любой подрывник любит творить свои шедевральные пакости. Горан тут не исключение. Это было видно по тому, как югослав кинулся к немаленькой куче оружия, собранного с пленных.

Через полчаса, когда бывшее поле боя выглядело почти так же, как и до стычки, мы двинулись дальше, к границе тумана. Горан заминировал подвал и оружие, сложенное возле трупов неизвестных бродяг, которым не повезло попасться у нас на пути. Было в этой группе что-то тревожащее, заставлявшее вспоминать лица, искать совпадения в прошлом. И острее всего я почувствовал неслучайность встречи в момент перед уходом с края блуждающей земли. Как всегда, проводив югослава тычком в спину, я уже совсем напрягнул ноги, чтобы прыгнуть следом. И в последние мгновения перед прыжком до слуха донеслось отдаленное эхо взрыва. Оглянувшись, я увидел белое облако пыли как раз в том самом месте, где Горан все опутал леской и выставил самодельный фугас. Он так хлопнуть не мог, значит, в ящиках точно были не деньги. Земля под ногами мелко задрожала, по спине побежали мурашки. Так бывает, если приходит местная разновидность волны – Мертвая Зыбь. Все живое, которому не повезло оказаться в пределах «белого шума», умирает от радиального выброса неизвестного излучения. Оно идет ровно от центра данного пласта реальности, но убивает только живых, поэтому в серых землях нет даже крыс и тараканов. Что провоцирует такой всплеск, никто не знает, наука пока многозначительно молчит. Не раздумывая больше, я прыгнул в туман и вскоре оказался в степи, рядом с отряхивающимися от грязи артельщиками.

Ко мне тут же подошла Ксения и сообщила:

– Старейшие сказали, что в нашем районе только что был сильный энергетический всплеск. Но я ничего не почувствовала, так не должно быть. А ты, Ступающий, чувствуешь?

– Нет. Однако кто-то потревожил сюрприз Горана в подвале, куда мы сложили трупы. По оставленному нами пласту блуждающей земли прошла Мертвая Зыбь. Все живое там умерло, и очень быстро.

– Как?!

– Люди несли нечто опасное. Однако это точно не обычная взрывчатка. Раньше в Бегловке воевали довольно часто, но Зыбь поднялась впервые. Наверняка в кофрах был маяк, а группу встречали. Контрольный срок вышел, отправили кого-то посмотреть и...

На лице девушки появилось понимающее выражение, а потом она неожиданно улыбнулась. Глянув на югослава, она одобрительно покачала головой:

– Твой воин очень хитрый человек, Ступающий.

– Еще какой, других не держим. Ладно, нужно идти, Сажа ждет. Прошу тебя, отключи свою болталку на то время, пока мы в рейде. Есть шанс, что по ней нас могут запросто вычислить.

– Это так не работает, но я сделаю, что смогу.

Еще через пару часов мы пересекли безликую равнину, всю заросшую привычной уже травой, достигавшей плеча взрослого человека.

А когда степь перешла в развалины какой-то деревни, Норд доложил о новом контакте:

– Косарь с четвертью! Один – четыре!

Однако мой приказ рассредоточиться опередил вызов на резервной частоте, оговоренной с Сажей для связи.

Привычный уже, многоликий голос Алхимика раздался в наушнике сразу следом за докладом Юриса:

– Ступающий в Паутине, мы рады, что ты пришел так скоро. Пусть твои люди опустят оружие, им не причинят вреда. Следуйте за провожатыми у проселка, время пришло.

Комитетом по встрече оказались бойцы клана в уже знакомых нам самодельных комбезах, с ручными пулеметами наперевес. Не произнося ни слова, они дождались, пока Ксения и Норд выйдут из укрытий, чтобы присоединиться к основной группе. Как только это произошло, все трое синхронно повернулись через левое плечо и пошли прочь от развалин по раскисшему от частых дождей проселку. Мы шли следом, пока странная троица не свернула на узкую, едва видимую в кустарнике тропинку. Я уже приготовился к долгому переходу, но не тут-то было. Еще через пятьдесят шагов троица замерла перед участком леса, плотно заросшим высокими, искореженными деревьями. Боец, стоявший в середине шеренги, вынул откуда-то небольшой черный жезл и повел им перед собой. Деревья вдруг подернулись рябью, замерцали и исчезли, будто кто-то отдернул гигантский занавес. Вместо унылой рощи взгляду открылась ровная асфальтированная дорога, ведущая к воротам, искусно встроенным в плоский холм. Бункер или бывший военный склад госрезерва. Провожатые тронулись вперед, и нам ничего не оставалось, как пройти следом. Оглядевшись, я заметил три хорошо замаскированных огневых точки, простреливавших дорогу и окрестности. Маскировка восстановилась сама собой, провожатый с жезлом даже не обернулся. С этой стороны было неплохо видно, что происходило с другой стороны, так что внезапное нападение защитникам бункера не грозит. За чуть приоткрывшимся массивным створом нас уже ждали. Прямо за воротами стояла открытая, выкрашенная в темно-зеленый цвет платформа с местом для водителя и двумя рядами скамеек у низких бортиков. Бензиновой гари в воздухе не ощущалось, значит, повозка использует электродвигатель. Однако за рулем никого не оказалось, я разглядел над водительским сидением стойку с вебкамерой. Повозка управлялась дистанционно, минимум контактов с посетителями. Артельщики немного нервничали, постоянно озираясь вокруг. Пришлось подать пример и взобраться первым. Электротележка тронулась, как только двое Алхимиков уселись позади нас, а тот парень с жезлом занял место на скамье рядом с пустым водительским креслом. Тележка плавно развернулась и помчалась вниз, тихо урча мотором.

Ехали не слишком долго, видимо, нас запустили в ту часть комплекса, где совершались торговые сделки особого рода, без свидетелей. Наконец повозка остановилась у небольшого пандуса, за которым была глухая стена и двери лифта. Сопровождающие вышли, сделав жест следовать за ними. Грузовой лифт оказался старым, но ухоженным ровесником Второй мировой войны. Не знаю, как глубоко мы спустились, но в тесной кабине, источающей запахи смазки и разогретого железа, мы провели еще минут десять. Лифт спустился на приличную глубину, это я понял по тому, как мгновенно затихает любой звук. Метров сто, может быть глубже. Как только кабина остановилась, охранники отперли зарешеченную железную створку двери, но следом за нами не пошли. В узком коридоре, щедро освещенном лампами дневного света, стояла одинокая фигура в линялом плаще. Старый приятель вышел встречать сам, это одновременно льстило и настораживало. Увиденному подивился, пожалуй, только Андрон, парню никогда еще не приходилось общаться с Сажей в его новом воплощении.

Из вежливости Алхимик заговорил как обычные люди:

– Добро пожаловать в Святилище, защитники Вероятности. И ты, посланница высшего совета Девяти Мудрых, тоже будь гостьей в храме науки. Тебе и воинам Ступающего в Паутине будет предложен достойный отдых. С ним самим желают говорить профессора клана Алхимиков, это будет частный разговор. Не держите зла, таковы правила.

Артельщики напряглись, но я остановил раскрывшего было рот Норда. Уж больно неподходящее было место, для того чтобы качать права.

Ксения быстро шепнула, придержав за рукав, пока я разворачивался, чтобы следовать за Сажей:

– Они каким-то образом слушают наши шифрованные переговоры и знают язык народа Райн!

Я накрыл горячую, с обветренной кожей руку девушки и ободряюще подмигнул, чем вызвал не менее удивленный взгляд иномирянки.

– Может быть, у землян есть и другие сюрпризы, а?

Путь в зал, где располагались руководители клана, было не разглядеть. Нас окутала непроницаемая тьма, и все, что я мог сделать, это следовать за Сажей след в след. По субъективным ощущениям, мы прошли метров двадцать вдоль по коридору, ни разу не свернув. Потом Сажа вдруг исчез, и в расступившейся тьме я увидел длинный старомодный стол, покрытый красным бархатным сукном. Трое подобных моему приятелю фигур в плащах сидели лицом ко мне, но в глубине капюшонов тоже царил непроглядная тьма. Стоило мне сделать несколько шагов им навстречу, как перед столом возник уже знакомый грубо сколоченный табурет.

– Проходи, садись!

Я ощущал гул множества голосов в этой фразе, но еще больше мыслеимпульсов тянулись к столу откуда-то извне. Складывалось такое впечатление, что сотни шепотков на множестве языков стекаются к профессорам со всех концов Земли, а может, и не только. Увидев табуретку, я вдруг понял, как сильно устал.

Но усилием воли удалось подавить слабость и ответить:

– Благодарю, лучше стоя. Давайте сразу к делу. Вы позвали, я пришел, но время истекает, я чувствую, как уходят мгновения, которых мне может не хватить в скором времени.

Табурет исчез, растворившись в темноте. Фигура, сидящая в центре, слегка покачивая головой, наклонилась всем корпусом вперед. Снова зазвучал голос, отдающийся гулким, многократным эхом:

– Как пожелаешь.

Я подошел ближе, резонно предположив, что, если встать на то место, где только что стояла табуретка, это не будет нарушением протокола. Легкое беспокойство, досаждавшее мне последние несколько суток, обострилось. В этой комнате, наполненной бархатистой тьмой, невидимый ток времени ощущался почти болезненно.

– Вейт готовят пробой Завесы с нашей стороны. Это случится очень скоро. Пришельцев нужно остановить, помогите мне.

– Только тебе?

В голосе профессоров чувствовалась некая лукавая нотка. Алхимики все так же склонны к дешевым эффектам. Хотят показать, что знают больше, чем говорят.

Однако сейчас было не до игр, поэтому я резонно заметил:

– У каждого своя цель, важен результат. Помогите мне, и кто знает, может быть, это будет выгодно и вам тоже.

В комнате поднялся невообразимый гул, сотни мыслеимпульсов устремились к столу, окружив профессоров плотным, почти осязаемым коконом.

Сердце ударило всего раза три, когда последовал ответ:

– Пришельцы воюют уже много тысячелетий, мало кто из них самих помнит причину вражды. Земля ранена, люди искалечены лишь потому, что наша планета удобна для обмена ударами! Многие уже умерли на чужой войне. Мы не хотели вмешиваться, пока наемники Вейт не перешли границу Проклятого Города.

Знакомая песня, хотя не сказать, чтобы непонятная. Но когда враг уже вломился в дом, поздно спрашивать причину. Раз со мной говорят, значит, решение уже принято, узнать бы какое.

Сконцентрировавшись, я двинул свой главный аргумент:

– Тем более нам нужно торопиться, Райн помогут нам. Ксения сражалась с пауками на равных. Это много значит для меня.

Ответ последовал молниеносно, в булькающем голосе коллективного разума слышались гневные нотки:

– Райн не хотят сражаться, вся их надежда была на силу, которой обладает хранитель Вероятности нашего мира, то есть ты. Они столкнули вас со Ждущими, чтобы испытать возможности того, кто идет в Паутине, не разрывая ее. Твоей слабостью к умершим воспользовались, Ступающий.

После этих слов во рту появился кислый привкус. На душе стало муторно, но уйти с поля боя из-за личной обиды – это не по-мужски.

Стараясь унять легкий сумбур в мыслях, я спросил:

– Ксения предала меня? Даже тогда, в развалинах?

И снова вихрь образов шквалом пронесся вокруг меня. На этот раз ответа пришлось подождать достаточно долго.

Профессорский голос теперь зазвучал слегка раздраженно, будто бы нехотя:

– Мы знаем только, что Райн недовольны своей шпионкой, она отказывается обманом заставлять тебя сделать то, что нужно их совету Девяти. Ты умеешь внушить доверие, Ступающий.

Легче не стало, однако в душе я порадовался, что не ошибся в своих ощущениях по поводу девушки.

– Тем более вы можете вступить в игру, ничем не рискуя. Команда моя, пропустите нас в Могильник и предоставьте доступ к ресурсам клана.

Я уже приготовился ждать, но ответ прозвучал так же быстро, как и в начале беседы. Видимо, я запросил меньше, чем ожидалось, и профессора торопились закрепить сделку в нынешнем состоянии.

– Мы согласны... однако с вами пойдут и наши воины.

– Кто будет осуществлять общее командование?

Вместо ответа из темноты слева от стола выступила огромная, под два с половиной метра ростом фигура в бронекостюме и с роторным трехствольным пулеметом у левого бедра.

– Ступающий, это Номер Три. Командир отряда наших лучших солдат, последняя на данный момент модификация. У Тройки свои задачи, но до выхода на поверхность он будет вас сопровождать.

Бронированная туша, более всего похожая на ожившую каменную статую, качнулась вперед и, сделав пару шагов в мою сторону, снова замерла. На ум пришло сравнение с Девяткой, однако в этой глыбе чувствовался живой ум. Там, за броней, несомненно, было мыслящее, живое существо.

Стараясь не смотреть на Тройку, я уточнил:

– А потом?

– Мы выделим резервную частоту, в случае крайней необходимости ты сможешь позвать на помощь.

– А как же насчет припасов и прочего?

– Доцент Сажин ваш... друг. Он предоставит вам ограниченный доступ к нашему арсеналу. Это не жадность, просто мы не располагаем тем, что нужно вам в достаточном объеме. Оружие клана... другое, оно мало подходит для... для простых людей.

– Отлично, это все, на что я мог рассчитывать. Благодарю вас.

Свет, струившийся на красное сукно, начал меркнуть, это означало, что разговор окончен.

Я уже совсем было повернулся, чтобы уйти, как вдогонку прошелестел слабеющий шепот:

– Нужно вышвырнуть пришельцев вон из нашего общего дома. Сделай так, чтобы они убрались прочь и никогда не посмели вернуться, Ступающий.

Сажа ожидал в коридоре, куда меня вытолкнула вдруг ожившая тьма, получившая плотность и объем. Ничего не говоря, Алхимик жестом указал на единственный освещенный коридор и зашагал прочь. Невольно оглянувшись назад, я успел заметить в последнем отблеске гаснущего настенного светильника ровную поверхность стены, из которой меня только что выкинуло наружу. Давно полагаясь на внутреннее чутье, я просто пошел следом за удаляющейся фигурой доцента, как Сажу называли те, кто, похоже, действительно всем заправлял в клане. Мы быстро поравнялись, коридор был достаточно широк и позволял пройти еще как минимум двум людям, если они станут с нами плечом к плечу. Облицовка стен, выполненная в советской манере, когда цементный раствор кладется «шубой», казалась совершенно новой. Нигде не было заметно трещин, следов сочащейся влаги или разводов плесени.

Через несколько минут, когда коридор повернул направо, Сажа нарушил молчание и тихо спросил:

– Как ты думаешь, Ступающий, у тебя есть шанс выбросить Вейт из нашего мира? Ты сможешь навсегда остановить вторжение?

Прежде чем ответить, я мысленно подивился той наивности, которая сквозила в вопросах и приказах самых просвещенных существ в Зоне. По крайней мере, до этого времени мне казалось именно так. Пока есть дверь, пускай даже заколоченная гвоздями или замурованная самым крепким цементом, в нее обязательно кто-нибудь постучится. Ведь снаружи горит яркими огнями неоновая вывеска, что-то типа: «Если можешь, возьми». А во Вселенной точно есть те, кто уверен в своих силах. Даже сейчас, зная, что впереди ждет нешуточный бой, который станет последним для кого-то из артельщиков или меня самого, было четкое понимание цикличности происходящего. Пока есть нечто представляющее ценность, за права обладания будут драться насмерть. И закончится бой только в том случае, если сама дверь и то, что скрыто за ней, будет уничтожено. Другого пути нет. Однако вслух я этого не сказал, ведь воину не важно то, что будет после, он живет лишь настоящим.

– Сделаю все, что смогу, и еще немножечко того, что сделать не в силах. Или умру, пытаюсь. Ты и твои профессора приняли меня именно поэтому, разве не так?

Сажа ничего не ответил, лишь эхо его тревожных мятущихся мыслей на миг окутало меня с головой. Мы молча проследовали до двери, где хозяева разместили моих артельщиков.

Алхимик сделал пару шагов прочь от двери, но все же обернулся и проговорил очень тихим, подавленным голосом:

– Мне... очень жаль.

– Не стоит, друг. Приходя в Зону, каждый из нас делает только то, о чем мечтал, переходя черту. Именно поэтому отсюда никто не уходит навсегда, это место – наш единственный дом. Здесь мы нужны...

– Кому?

– Прежде всего самим себе. Это самое важное, осознавать смысл бытия.

Снова волна чужого смятения окатила меня холодной волной. В этот момент я осознал, что в подземном городе тысяч пять обитателей и каждый из них слышал мои слова. Все началось и закончилось через два стука сердца. Волна схлынула, Сажа, еле заметно качнув головой, развернулся и пошел прочь, растворившись в темноте бокового коридора, вход в который я раньше не заметил. Может быть, спорить не хотел, а может, просто сказать Алхимику было нечего. Пискнул в кармане ПДА, вынув коммуникатор, я увидел, что по новому каналу пришло сообщение от Тройки. Тут была карта нового маршрута и подробное изложение плана совместных действий. Получалось довольно рискованно, однако когда же было иначе? Согласно плану, нам давалось еще четыре часа на сборы, из них два часа на отдых. Невидимый таймер в голове все так же отстукивал последние мгновения перед решающим моментом, когда от противника отделяет только пара шагов и не более одного вдоха. Толкнув массивную дверь, я вошел в просторную длинную комнату. Освещенная спрятанными в длинные плафоны лампами дневного света, комната была обставлена очень по-спартански, но функционально: вдоль стен тянулись двухъярусные нары, в центре длинный стол и шесть табуреток. Ребята уже расслабились, на столе громоздились банки вскрытых консервов, но водки не было, тут закон соблюдался. Мотря, завалившийся на нижнем ярусе нар, прислонившись к стенке, брэнчал на неизвестно как попавшей сюда семиструнной гитаре. Иван под дружный хохот остальных артистично исполнял матерные куплеты про новгородского купца Садко. Ксения, сидевшая напротив исполнителя, смущенно прятала улыбку всякий раз, как Иван заворачивал особенно забористую строчку. Увидев меня, Матренин оборвал песню, все начали было подниматься. Но я махнул рукой, чтобы не ломать атмосферу, и, сев рядом с девушкой, налил себе густо заваренного чаю из алюминиевого котелка.

Девушка повернулась ко мне и, запинаясь, начала о своем:

– Антон, я... хочу рассказать о задании. Старейшие...

Иногда есть темы, на которые говорить нет необходимости. Ксения не предала моего доверия. Хотя ей были даны четкие указания на этот счет. Это сложный выбор, когда нет возможности переложить решение некоей дилеммы на кого-то еще и нужно самостоятельно сделать то, что будет правильным именно здесь и сейчас. Посланица Райн доверилась воспоминаниям Даши, доверилась ее чувствам ко мне и... может быть, это правильно лишь между нами, однако я рад, что она сделала именно такой выбор.

– Я все знаю. Сейчас это не важно, главное не то, что было тогда, а то, что произошло на самом деле. И... мы с Дашей благодарим тебя. Думаю, она сделала бы тот же самый выбор. Спасибо.

Во взгляде девушки читались удивление и какая-то затаенная боль. Потом глаза ее заблестели, по покрасневшей щеке скатилось несколько слезинок.

Смахнув их быстрым движением ладони, Ксения тихо, так, что слышал только я один, произнесла:

– Не благодари за то, чем я стала. Твоя... подруга... она подарила мне свои чувства, рассказала, какой ты там, под этой невыразительной маской. И в то же время я слышу твои мысли... иногда. Даша верила, что ты справишься с любой бедой, окажешься сильнее самого сильного врага, и я... я верю тоже. Это наивно, но есть вещи, которые лучше не усложнять. Что бы ни случилось там, в городе, я буду сражаться на твоей стороне, Ступающий.

После таких слов лучше ничего не говорить, чтобы не спугнуть момент. Поэтому я накрыл своей ладонью стиснутую в кулак руку девушки и легонько сжал. И хоть кругом были люди, но сейчас была только эта невидимая, тонкая нить понимания, протянувшаяся

между нами. Неожиданно голос Ивана стих, все смотрели на нас с Ксенией некоторое время. Горан усмехался в бороду, Андрон, поймав мимолетный взгляд Ксении, покраснел и уставился в пол, Кудряш неловко растянул губы в смущенной улыбке. Мотря отложил гитару и, потянувшись к своей кружке, с шумом отпил из нее остывший чай.

И лишь Норд, со значением кивнув в ответ на какие-то свои мысли, отобрал у Ивана гитару и, протянув ее через стол мне, попросил:

– Спой боевую, командир. Прошу от всех ребят, давай нашу, а?

Когда все слова уже сказаны и можно лишь заняться какими-то мелкими, ничего не значащими пустяками, душа требует чего-то теплого. И на помощь пришла песня из прошлой жизни, которую мы часто пели перед боевыми.

Немного подкрутив лады, я откашлялся и запел:

Мы выходим на рассвете,
Над Баграмом дует ветер,
Раздувая наши флаги до небес.
Только пыль встает над нами,
С нами Бог, и с нами знамя,
И родной АКМС наперевес!

Нестройным хором последние строчки подхватили все, кроме не знающего текст старой боевой песни афганских времен Горана:

Только пыль встает над нами,
С нами Бог, и с нами знамя,
И родной АКМС наперевес!

Глаза бойцов стали оживать, ритмичные строчки старой, как само военное ремесло, песни будоражили кровь.

Командир у нас хреновый,
Несмотря на то что новый,
Только нам на это дело наплевать.
Было б выпить что покрепче —
И не больше, и не меньше.
Все равно, с какой заразой воевать!

И снова грянул уже уверенный, окрепший речитатив. Слова рокотали в тесной комнате, словно дробный стук сапог по растрескавшейся от жары таджикской земле.

Было б выпить что покрепче —
И не больше, и не меньше.
Все равно, с какой заразой воевать!

С каждым новым куплетом уходило напряжение, легшее печатью на каждого из нас. Песня, сочиненная много лет назад, как бы сообщала нам, идущим в бой, отвагу певших ее до нас.

Ну а если кто-то помер,
За него сыграют в покер.
Здесь ребята не жалеют ни о чем.
Есть у нас еще в резерве
Деньги, водка и консервы

И могила, занесенная песком!

Снова грянул припев, подхваченный еще более дружно, слаженно. Сила тех, кто воевал так давно, что даже имена их стерлись из памяти поколений, гремела и звала за собой.

Есть у нас еще в резерве
Деньги, водка и консервы
И могила, занесенная песком!

Свет в комнате мигнул, потом зажегся снова, но никто не обратил на это внимания. Даже Ксения и Горан стали подпевать, настолько заразителен ритм, энергия, вложенная в нехитрые строчки.

Говорят, здесь рост немалый.
Может, стану генералом...
Ну а если вдруг не выйду из огня,
Ты найдешь себе другого
От несчастья такого
И, быть может, позабудешь про меня!

Боль, смерть и утрата – все это было там, в каждой строке. Казалось, что они несут вихрь чужих воспоминаний и образов, навсегда канувших в толще лет.

Ты найдешь себе другого
От несчастья такого
И, быть может, позабудешь про меня!²⁵

Сбацав лихой проигрыш, я прижал ладонью струны и, положив гитару на нижние нары за спиной, под одобрительные возгласы артельщиков принялся за еду. Это неправильно, однако отчего-то проснулся зверский аппетит. Заряд уверенности, сообщенный песней, все еще не мог успокоиться, люди переговаривались между собой, напряжение ушло, его место занял спокойный боевой азарт. Все шло правильно, теперь я точно это знаю. Подождав, пока все немного успокоятся, приказал отдыхать. Впереди был еще поход в арсенал, нужно посмотреть, что могут предложить Алхимики.

Тяжелая бронированная дверь арсенала отворялась, медленно уезжая влево. Тихо подвывали электромоторы, показывая, что не все в убежище Алхимиков настолько загадочно, есть и просто наши, привычные по ощущениям вещи. Сажа, встретивший нас только возле самого входа, сделав широкий приглашающий жест рукой, первым шагнул внутрь. Вновь зажглись лампы, упрятанные где-то высоко под потолком небольшого зала. Немного осмотревшись, я понял, что сюда наспех свозили все, на что профессора дали разрешение. Вдоль зала тянулись стеллажи с боеприпасами, оружием, отдельно в дальнем левом углу громоздились ящики с минами, гранатами и взрывчаткой. Последние я узнал по деревянной, изжелта-белой таре. Там, внутри, в воценой бумаге покоились килограммы чистой энергии в невзрачных кусках массы, похожей внешне на оконную замазку. Горан шагнул было в ту сторону, тоже увидев знакомые предметы, но я остановил подрывника:

– Гора, ты что, все на подвал потратил?

Ничуть не смущаясь, черногорец пожал плечами, все так же хищно поглядывая на

²⁵ Антон исполняет популярную боевую песню времен афганской войны. Текст Сергея Вениаминовича Шабуцкого. Песня написана в 1964 г., и сначала «ветер дул» над Сахарой. Позже переделали, ибо популярность свою песня приобрела уже в Афганистане. За основу предположительно взят переводной текст Р. Киплинга «Пыль».

открывшиеся его взору богатства:

– Командир, мало – не много.

– Понимаю, брат. Но тихо пройти не получится, нас уже ждут. Мы их по-другому удивим, останешься доволен, обещаю.

Обернувшись к прислушивавшимся к нашему разговору артельщикам, я подозвал Андруна и Кудряша:

– Идем в город, скорее всего, будет штурм укрепленных позиций. Работать будем по схеме «Вулкан».

На лицах бойцов почти одновременно появилась понимающая улыбка. Лишь Андрон приуныл, поскольку ему не нравилось то, что подразумевала эта схема. Сын моего земляка все еще хотел шагать в первых рядах, врываться в окопы, кромсать глотки ножиком, и все такое. Окликнув Сажу, я спросил, где лежит то, о чем так печалился наш молодой. Алхимик бесстрастно указал на стеллаж у правой стены. Там в ящиках покоились игрушки, о приобретении которых я мечтал уже довольно давно.

Когда мы все впятером подошли к стеллажу, я поинтересовался у Алхимика самым важным:

– А «тушняк»-то есть или все скромно, по-пролетарски?

Не уловив сарказма, Алхимик достал свой ПДА и на несколько секунд углубился в чтение каких-то ведомостей. Очевидно, все, что нам выкатили, собрали в графу «восполнимые потери». Найдя нужную строчку, Сажа удовлетворенно кивнул и указал на три ящика, стоящих слева от нас на полу.

– Гранаты ТБГ-7В²⁶, двадцать штук, гранатометы РПГ-7В1²⁷ в количестве шести штук. Все на месте.

Отпустив Алхимика, поблагодарив за помощь, я обратился к рядом стоявшим бойцам:

– Вы трое назначаетесь в подгруппу уничтожения. Поэтому берем каждый в дополнение к обычному вооружению по гранатомету. «Тушняк» тяжелый, а воевать придется долго. Закладок и схронов там нет, хотя я попробую договориться с местными, чтобы сбросили нам заначку на маршрут. Однако сильно не надеемся, все свое несем на собственном горбу. Берите по четыре выстрела на рыло, еще по паре гранат возьмем я и Мотря. Винтите «шайбы» на подсумки с гранатами, как только войдем в город, авось не выдохнутся. Налетай, не стесняйся!

Конечно, выбор, на первый взгляд, не идеальный. Но это только если не вдумываться в ситуацию. Южная окраина Могильника, где, скорее всего, и засел Дансель, оборудована сетью очаговых пунктов обороны. По словам Ксении, устройств, которые нужно уничтожить, до шести, и вокруг каждого будет достаточно охраны. На месте норвега я бы вынес уязвимый элемент системы за пределы основного периметра, спрятав его. Пусть противник видит крепость и идет в ловушку. Даже если кто-то прорвется, то цель Вейт все равно будет достигнута. Поэтому так важно будет присутствие девушки рядом, только она и сможет почувствовать излучение этого самого модулятора. По свойствам этого устройства данных очень мало. Ксения говорит, что больших разрушений не будет, хотя в свете того, что старейшины Райн были не до конца откровенны с девушкой, эти сведения могут оказаться недостоверны. В одном сомнений нет: если Райн желают похоронить своих врагов у нас либо нанести им серьезный урон, то сам принцип нам объяснили верно, скрыв лишь последствия.

²⁶ Имеется в виду 105 мм надкалиберная термобарическая реактивная граната. Эффективна против укреплений и скоплений живой силы противника. Принята на вооружение в 1988 г. До сих пор стоит на вооружении ВС РФ и является отличным средством огневого штурма в условиях города и горной местности.

²⁷ Модификация знаменитого ручного многозарядного гранатомета РПГ-7. Отличается от оригинала наличием сошек и новым оптическим прицелом, в прицельной сетке которого учтена баллистика боеприпасов типа той же ТБГ-7В. Слова тут излишни, РПГ-7 лучший по балансу «эффективность – мобильность» в мире.

Что касается наших союзников здесь, в Зоне, то, похоже, Алхимики не сомневаются в информации иномирян. Однако, зная их беззаветную преданность эксперименту как критерию поиска истины, я допускаю, что ученые решили пойти на риск. Об этом говорит и план, предоставленный мне Номером Три. До выхода на поверхность у спортплощадки заброшенной школы мы идем вместе, откуда отряд Алхимиков идет в центр восьмого микрорайона, где, согласно данным, сообщенным пленным наемником, видели Данселя. Разрушений в том месте не слишком много, так что организовать там оборону и разместить элементы устройства можно, и даже с комфортом, на крышах высотных зданий, к примеру. Алхимики пойдут не таясь, делая ставку на броню и неслабую огневую мощь. Видимо, они располагают некими данными, позволяющими оценить шансы своей группы на успех как весьма вероятные. Мы же опять идем сами по себе, профессорское собрание ничего, кроме туманных императивов на уничтожение Вейт, нам не дало. Но, похоже, они сами не знают, что с нами делать, куда отправить, это тревожило более всего остального. Как-либо скоординировать наши действия не получилось, Тройка просто отмалчивался, а Сажа вежливо отвечал, что профессора ведут какой-то диспут и в ближайшие дни недоступны. В сложившейся ситуации я решил использовать чужой план как отвлекающий маневр для себя. Пусть Алхимики таранят крепость наемника Вейт в лоб, пускай шумят как можно более громко. Мы дождемся момента активации портала, когда модулятор будет подстраивать частоты генераторов поля, Ксения его обязательно почувствует. Если Алхимики окажутся у цели первыми, не беда, главное, это прервать процесс уничтожения Завесы, а уж кто это сделает, совершенно не важно. Но если прав все же я, то увеличенная огневая мощь нам действительно понадобится.

У стойки с комбезами я снова задержался у выставленных в ряд импортных бельгийских «горцев», немецких «кондоров» и британских «дефкоммов». Дорогие многофункциональные игрушки манили примерить, опробовать в действии.

– Круто местные затарились, аж в глазах от зависти темнеет.

Неслышно подошедший Юрис с нескрываемым восхищением разглядывал обмундирование. А в какой-то момент, не удержавшись, даже погладил наплечник «горца». Мне ничего не оставалось, как только согласно покивать. Слов нет, любой из этих костюмов на порядок лучше нашего устаревшего барахлишка. И будь в запасе хотя бы пара недель, я не задумываясь обрядился сам и прикинул ребят в это великолепие. Однако сейчас, перед самым выходом, этого делать нельзя. Незнакомый прикид вполне может отказать, подвести. Не потому, что плохой, а именно в силу своей неизученности.

– Юрис, скажи парням, пускай подберут себе комбез по размеру.

– А местные дают добро?

– Все, что в этой комнате, собрали специально для нас. Но пробовать эту красоту не будем, пойдем в старом.

Норд одобрительно кивнул, хотя во взгляде друга и читалось явное неудовольствие. Не наша вина, что события неожиданно пошли кувырком и сейчас я вынужден на коленке планировать рискованную, очень серьезную операцию. Враг опередил нас, инициатива сейчас полностью на его стороне. Единственный шанс заключается в том, что верно угадан ход его дальнейших действий. И даже если эта догадка верна, придется идти в поиск полностью вслепую, полагаясь лишь на выучку ребят и собственную удачу.

Когда все необходимое было собрано и мы уже направились к выходу, Сажа вдруг задержал нас и быстро пошел в противоположный от выхода конец зала. Стенка замерцала и на короткий миг исчезла, пропустив Алхимика внутрь. Минуту спустя он вернулся, ведя следом самодвижущуюся тележку, на которой лежало три патронных ящика.

Подойдя ко мне почти вплотную, Сажа прошептал:

– В ящиках новые патроны, к вашему оружию они подойдут, но лучше никому об этом не знать.

Такой поворот меня несколько не удивил. Скорее всего, это козырная шестерка из крапленой колоды, с помощью которой клан ученых-экстремалов играет с остальными,

неизменно срывая банк. Подозвав остальных, я открыл ящик, в котором, судя по маркировке, лежали автоматные патроны 7,62 мм. Под рогожной стружкой лежали обычные патронные «цинки» совершенно стандартного вида. Вскрыв один наугад, я вынул обычный с виду патрон и тут же понял, что ошибся. Пуля, плотно обжатая пояском с алым ободом, была не совсем обычной. Рубашка ее серебрилась беспокойным, ртутным блеском. Но на ощупь поверхность была совершенно твердой и... теплой.

Положив необычный патрон обратно в короб, я спросил у Алхимика:

– Что это за металл?

Тот лишь неопределенно пожал плечами, во всем облике Сажи сквозила нервозность. Скорее всего, он уже пожалел, что выкатил тележку из закрытой части арсенала.

– Не имеет значения. Патроны не повредят вашего оружия, а пули имеют свойство пробивать композитную броню. Пороховая смесь идентична той, что используется у вас, опасности нет.

И снова я вынужден был, стиснув зубы, помотать головой. Ах как не вовремя открылись эти возможности, как сейчас недостает времени на подготовку!

Выдохнув сквозь зубы, я с сожалением закрыл крышку ящика и сказал:

– Сажа, я ценю твою помощь и еще больше ценю то, что ты сейчас сделал...

– Но?..

– Воевать я буду только с тем, что знаю. Может быть, мощь не та, однако стрелять неизвестными патронами не стану, да и ребятам точно такого не прикажу.

Алхимик чуть помедлил с ответом. Плечи его вдруг обреченно опустились. Воздух загудел от роя мысли-импульсов, чья общая тональность была сожалеющей.

Тихо, своим обычным голосом Сажа произнес:

– Мы... понимаем. Вас проводят в комнату отдыха. Постарайтесь отдохнуть, до отправления монорельса всего час и десять минут.

Превозмогая вдруг нахлынувшее чувство досады на обстоятельства, которые складываются именно так, а не иначе, я возразил:

– Думаешь, что мне нравится вести в бой людей вот так, лишая их шанса на возможное преимущество?! Неделя... мне нужно было еще семь дней!

Снова меня окутало эхо далеких голосов. Казалось, что с Сажей одновременно говорят сотни людей и не только. Иногда сознание царапали мысли совершенно чуждые, совсем не похожие на человеческие. Возникший неожиданно ветер чужих эмоций и туманных образов так же быстро угас. Запустив шестипалую руку в карман, Сажа выудил на свет небольшой овальный предмет, более всего напомнивший мне темную, почти черную каплю застывшей смолы. Доцент протянул предмет мне так решительно, что пришлось взять янтарную каплю. Ничего не случилось, а сам предмет оказался удивительно легким и почти неосязаемым.

Снова упрятав кисти рук в широкие рукава плаща, Сажа тихо сказал:

– Время – это то, над чем мы пока не имеем полной власти. Профессора знали, что ты не возьмешь ничего, что не смог бы добыть и без их помощи. Этот жест доброй воли ничего им не стоил. Но мы с тобой... Прости, но «друг» – это единственное подходящее слово для тех отношений, что есть между нами. Давно не приходилось говорить ничего подобного, но ты заставляешь вспомнить то, каким я был раньше. Нет, я не жалею о преображении, просто в Сообществе голос воспоминаний одного быстро теряется. Благодаря тебе я помню, кем был, это... хорошо. Поэтому я делаю то, что делаю. Предмет у тебя в руке – это нечто новое. Дизайн пришел мне во время активного поиска этим утром.

Сжав «каплю» в кулаке, я опять ничего не почувствовал. Пришло ощущение, будто пытаюсь схватить тень. Однако, разжав пальцы, увидел, что артефакт никуда не делся.

– Что он может?

– Я пока точно не уверен, но «капля» резонирует с вибрациями темной материи.

– А если без ваших научных приколов?

– Генераторы поля создают направленный поток античастиц... излучения, чтобы разорвать Завесу. Как только модулятор начнет перенаправлять их, артефакт даст тебе знать.

– Так это вроде детектора этой самой материи?

Сажа едва уловимо передернул плечами. Похоже, что я задал вопрос, на который он не хочет отвечать. Но вдруг, вместо булькающего многоголосья, доцент медленно, подбирая слова и запинаясь, заговорил надтреснутым баритоном, что было очень неожиданно. Может быть, это его настоящий, человеческий голос.

– Не знаю, может быть... вероятно. Но если ты хотел моей помощи, то прими это изделие, считай, что это моя личная просьба.

Что-то в голосе Алхимика заставило меня спрятать невесомый предмет в кармашек на поясе. И эта штука была там единственной за довольно продолжительный срок. Год я уже не носил ни одного артефакта в поясных контейнерах, однако на этот раз чуйка подсказывала, что зарок можно и нарушить. Сажа кивнул, и по комнате вновь пронесся ветерок мыслеобразов, более всего похожий на облегченный вздох.

Голос его снова звучал разобщенно, персональная интонация исчезла:

– Благодарю тебя, Ступающий. Теперь прощай, мы увидимся вновь, но это будет... не так скоро.

Алхимик махнул рукой, и тележка уехала прочь, растворившись за фальшивой стеной. Не прощаясь более ни с кем, Сажа вышел из арсенала. Мы подались было следом, но в коридоре нас ждал один из бойцов Тройки. Доцент исчез, хотя в коридоре более не было боковых ходов. Сгибаясь под тяжестью набранного добра, мы пошли следом за тяжело шагающим солдатом по левому рукаву коридора. Предстояло еще раз проверить оружие и распределить полезный груз между бойцами.

Свет в тоннеле периодически мерцал, роняя желтые пятна мутного света на железный пол вагона. Окон тут не было, свет просачивался сквозь частые узкие щели вентиляционных отверстий в крыше. Юрис, сидевший напротив, поглаживал замотанное мохнатым тряпьем цевье винтовки, что-то тихо напевая на своем мелодичном языке. Двигатель, скрытый где-то под полом, завыл на высоких оборотах, и мерная смена пятен света превратилась в частое, почти стробоскопическое мерцание. Чтобы не видеть этого, я прикрыл глаза и наугад начал вспоминать карту городских кварталов в том районе, под которым мы скоро окажемся. Получалось сносно, память пока не подводит. В такие моменты очень остро чувствуешь переход от ожидания чего-то к непосредственным действиям. Мысль гонится за событиями, стремясь их предсказать и подсказать телу нужные действия. В то же время сознание и опыт шепчут, что, как ни гадай, в реальности все может сложиться совершенно иначе.

– Номер Три вызывает отряд Ступающего!

Мысли рассеялись, когда в наушнике раздался сдавленный шепот командира отряда Алхимиков. Вопреки внушительной фигуре, голос Тройки звучал как легкое дуновение ледяного ветерка.

– Здесь Ступающий, говори.

– Мы приближаемся к цели, ваш район поиска – вдоль проспекта Космонавтики и далее на юго-восток. Это понятно?

– Точно так, все понял. Юг и юго-восток. Проспект Космонавтики и улицы Хорошилова и Подгорная.

– Номер Три – отбой связи.

Резко скрипнули тормоза, вагон качнуло, и под лязг вагонной сцепки распахнулись широкие двери. Впереди уже стучали о бетонный пол кованые сапоги бойцов Тройки. Алхимики, бывшие в первом вагоне, выгрузились чуть раньше и сразу же потопали вперед, не включая наплечных фонарей.

Выждав немного, чтобы не наступать тяжеловесам на пятки, я приказал:

– Отряд! На выход бегом!.. Марш!

Первыми выскочили Мотря и Андрон, за ними следом Гора и Кудряш. Трубы гранатометов да характерные горбыли гранатных подсумков делали их фигуры чуть толще и массивнее, чем у других. Следом вышли Ксения и Юрис. Девушка за все время не произнесла ни слова, Змей тоже не откалывал обычных шуточек, все подсознательно

чувствовали серьезность момента. Мандраж, собранность и, конечно, страх, который, как его ни загоняй внутрь, все равно вылезет в нервическом дрожании пальцев и противной сухости во рту. Как только я ступил на узкий перрон, двери нашего и соседнего вагонов с лязгом захлопнулись. Под вой моторов вагончики стали пятиться, набирая скорость, покуда не скрылись в широком жерле тоннеля. Дороги назад не было – вот что нам дали понять.

Не дав людям опомниться, я приказал:

– Группа, в колонну по одному становись! Норд, Ксения – в голову, Мотря – ко мне. Приборы ночного видения включить. Режим работы – пассивный. Соблюдать радиомолчание до контакта с противником. Вперед марш!

Важно показать остальным, что вокруг не было и нет ничего такого, о чем командиру неизвестно, чего бы он не предусмотрел. Даже если это не так, то бойцам об этом категорически знать не следует. Мы быстрым шагом двинулись прочь с перрона и, пройдя метров двадцать по узкому тоннелю, оказались возле массивной овальной двери. Норд, Гора и Андрон по моему знаку начали вращать колесо запорного механизма. Судя по скорости их движений, это было не особенно трудно, за дверью ухаживали. Замки тихо лязгнули, и дверь чуть приоткрылась вовнутрь.

– Отряд, построение походное! Дозорная подгруппа – вперед, дистанция сто!

Юрис и Ксения выскользнули наружу, тут же растворившись в серой дымке тумана, начавшего робко переползать через порог. Выйдя, как всегда, последним, я плотно затворил за собой обитую кровельным железом толстую деревянную дверь. Сработавший датчик привел в действие запирающий механизм люка там, глубоко внизу. Теперь мы полностью отрезаны, назад в тоннель хода нет. И хоть по плану Тройки дверь должна была открыться через шесть часов, в это верилось очень слабо. Все знали, что в лучшем случае мы сможем лишь на короткое время отсрочить прорыв Вейт, но никак не остановить могущественного захватчика. Легенды про некую превосходящую мощь, данную конкретно мне, – это удел иномирян, даже Алхимики, скорее всего, не восприняли эту информацию всерьез. Перехватив автомат поудобнее и погасив бесполезный сейчас «ночник», я шагнул на замусоренную улицу и, рывком преодолев невысокую кучу щебня, оказался у стены какого-то дома, рядом с остальными.

Примерно час с небольшим отряд продвигался вдоль проспекта Космонавтики, держась правой его части. Обзор затруднялся из-за постоянно висевшей в воздухе белесой дымки, сужавшей поле видимости до семидесяти, а иногда и менее десятка метров. Несмотря на то что фактически был уже поздний вечер, в Могильнике царило хмурое раннее утро. Белый свет струился из-за низких серых облаков, окутывавших верхушки высотных домов восьмого микрорайона, иногда проглядывавших в просветах между развалин. Буря, бушевавшая у самых городских окраин, здесь себя почти никак не проявляла. Лишь иногда мелкая статика пробегала по стенам домов, да голубовато-белые всполохи разрядов изредка с треском били в землю, рассыпая сотни злых искр. Пока все вокруг подтверждало мои изначальные догадки: нет патрулей, разведка не выявила закладок и пунктов скрытого наблюдения. Возможно, этому была еще одна причина – у Данселя слишком мало людей для обеспечения периметра. Однако же это могло обмануть лишь неискушенного в наших делах. Раз кто-то один нашел дорогу через внешний барьер, то эта удача может посетить и других. Могильник всегда кишел мелкими бандами мародеров, небольшие старательские артели тоже избирали его как базу довольно часто. В сводках, которые прислал Слон, я часто наткался на сообщения, в которых говорилось о бандитских налетах, после которых виновники уходили именно сюда. Преследователи подходили к границам бури и чаще всего успокаивали себя мыслями о том, что бандиты просто сгнули в ее электрическом хаосе. Это как в пруду, где завелась хищная щука: мелкая рыба исчезает, вода кажется абсолютно спокойной и прозрачной. Но это лишь до той поры, пока хищник не почует новую добычу, тогда все очень быстро преображается.

– Здесь Номер Три, враг обнаружен!

Вызов на выделенной частоте раздался в тот момент, когда мы добрались до второго

перекрестка, где был съезд на улицу Хорошилова. Тут же пискнул ПДА, на обновленной карте восьмого микрорайона появился восьмиугольник, охватывающий шесть домов. Опять все сошлось: Дансель выбрал несколько наименее разрушенных домов и разместил там генераторы поля. Другой вопрос, сколько их там.

– Сильнейшее сопротивление... тяжелое энергетическое оружие. Применяю маневр уклонения... продвижение остановлено.

Тут же снова обновилась карта. Один из шести красных квадратов периметра порозовел, а потом стал черным. В следующий миг что-то заставило посмотреть на окутанные дымом многоэтажки. У основания одной из них мелькнула короткая вспышка рыжего огня, и здание, накренившись, стало быстро оседать на правый бок. Ударившись о соседний дом, панельная многоэтажка исчезла в клубах пыли. Тут же ожила рация, по внутренней связи вызывал Норд. Голос друга был спокоен, что не сулило ничего хорошего его противнику:

– Здесь второй, контакт. Два – три, семь. Избушка в три окна!

Не успел я среагировать, как следом откликнулась Ксения. Девушка шла с Нордом в паре, но сейчас работала самостоятельно. Немного путаясь в докладе, она быстро произнесла:

– Здесь седьмой. Два – три одиннадцать. Тоже... избушка!

Карта снова обновилась, но теперь данные пришли от дозорной подгруппы. Вниз по улице было две укрепленные точки. Сейчас Норд и Ксения сидели примерно в ста семидесяти мерах от цели. Пока рано было что-либо предпринимать. Начни мы сейчас, и противник перегруппируется, вызовет подмогу. Нет, нужно обождать. Отщелкнув на общей частоте два длинных и два коротких тона, я жестом позвал к себе Мотрю. Пулеметчик подбежал быстро, почти стелясь над землей. Развернув к нему ПДА, я указал на небольшой домик в сотне метров от обнаруженных снайперами опорных пунктов.

– Судя по карте, тут два этажа. Выбери лежку и затихарись покуда. Все понял?

Под маской лица не разглядишь, но, зная Мотрю как человека веселого и любящего действие, нет сомнений, что он улыбался. Легко поднявшись, артельщик в два прыжка снова пересек улицу и скрылся впереди. Я уже совсем было собрался окликнуть Кудряша и остальных, как вдруг приступ резкой боли сдавил голову словно раскаленным стальным обручем. Рот наполнился кровью, а в ушах раздался низкий, едва слышный гул. Превозмогая боль, я окинул взглядом рассредоточившихся впереди артельщиков. Никто из них не выказал никаких признаков паники, вообще все было как и раньше. Я уже потянулся к переключателю рации, чтобы вызвать Ксению, как все снова изменилось. Боль вдруг отступила так же внезапно, как и началась, но гул в ушах не пропал, продолжая заметно скрадывать остальные звуки.

Ксения отозвалась сама, когда приступ уже совершенно прошел:

– Маятник запущен. Есть первые колебания поля!

Снова обновилась карта по восьмому микрорайону. Тройка и его бойцы выжили, продолжая продвигаться на юг. Теперь уже соседняя с обрушенной многоэтажка мерцала розовым цветом. Это означало только одно: Номер Три продолжает бить в лоб. Бойцы Алхимиков брали этаж за этажом, медленно продвигаясь вверх к набирающему обороты сегменту устройства. Что-то изменилось, я это понял, когда посмотрел вверх. Тучи над городом стали приобретать чернильно-синий оттенок. Молнии белыми росчерками стремительно перебежали к особенно темному пятну на юго-востоке, висевшему довольно далеко от восьмого микрорайона, где сейчас бились бойцы Тройки. Черное облако висело всего в полукилометре от того места, где мы сейчас находились. Эпицентр этого своеобразного глаза бури теперь висел в районе улицы Подгорной, путь к которой нам преграждали вскрытые дозором опорники. Подняв маску и задержав дыхание, я сплюнул на землю кровавый сгусток. Не обращая внимания на манящий свежий ветерок, снова водрузил респиратор на место, протравив воздух. Вот теперь все будет очень быстро, вне зависимости от того, как все запланировано. Отжав тангенту на передачу, я отдал приказ подгруппе

уничтожения выдвигаться к позиции Мотри. Дождавшись, пока ребята отойдут на положенное расстояние, двинулся следом. Забег начался.

Несмотря на черноту, залившую все небо от края и до края, рассеянный белый свет никуда не исчез. Каким-то чудом все осталось как и час назад, лишь тени, отбрасываемые развалинами, стали глубже, да туман сгустился еще сильнее. Пропустив вперед гранатометчиков, я нырнул в первый попавшийся подъезд обрушенной панельной пятиэтажки и взобрался по осыпающейся лестнице на третий этаж. Перешагнув по пути через подозрительный обломок штукатурки, я вошел в пустую квартиру, чьи окна выходили прямо на дорогу. Мебель давно уже превратилась в бесформенные груды мусора. Лишь старый сервант с просевшими вниз полками скалился обломками пыльных стекол и такой же чумазой посуды. Войдя в зал, я тут же упал на пол и пополз к зияющему космами утеплителя окну с вывороченной прочь рамой. Пристроившись в углу, я вынул монокуляр и по оставленным дозорными ориентирам засек сначала одну, а затем и вторую лежку боевиков Данселя. То, что это были именно они, сомневаться не пришлось: обе позиции были укреплены изнутри насыпными заграждениями и хорошо замаскированы от случайного обнаружения. Оборона строилась по принципу перекрытия секторов, когда зоны сплошного поражения накладывались друг на друга в наиболее опасном месте. Первая точка имела в качестве основной боевой единицы станковый КПВ, плюс снайперская фишка в соседнем доме. Стрелок там был не слишком усидчивый, за то время, пока я осматривался, наемник ворохнулся уже раза три-четыре. Пулемет расположился в каком-то нежилом здании, на третьем этаже. Угловая стена дома и часть фасада снесены таким образом, чтобы пулеметчик имел широкий, почти на сто шестьдесят градусов, сектор обстрела. Обойти точку не получится, поскольку выходы на соседние улицы и проходные дворы оказались обрушены искусственно. Вторая точка имела два сорокамиллиметровых станковых автоматических гранатомета, смонтированных на самодельной сварной турели, располагавшейся на плоской крыше какого-то магазина типовой постройки. Спарку окружало тройное кольцо из мешков со щебнем, а сверху накрывала хитрая масксеть, мерцающая всеми оттенками серого, черного и коричневого. Там тоже была снайперская фишка. Но заметить стрелка не получилось, его я нашел только по метке, оставленной на карте Юрисом. Глазастый Норд как-то разглядел человека с ружьем в мешанине всяческого мусора, нагроможденного чуть правее и дальше магазина, на крыше которого размещалась спарка.

Ожила рация, артельщики один за другим доложились:

– Третий на месте.

– Пятый готов.

– Шестой на месте.

Как всегда, молчал Иван, поэтому я вызвал Норда. Юрис всегда выбирал позицию, которую труднее всего вычислить, при этом сам он видел любого из нас.

– Второй, подсвети четверку.

Через пару секунд пискнул ПДА, карта обновилась. Наведя оптику по указанным снайпером ориентирам, я увидел, что в том месте, где должен сидеть Иван, никого нет. Вдруг в окнах второго этажа несколько раз мелькнули быстрые тени, а потом все снова замерло. Прикинув расстояние, я вызвал Матренина еще раз, но тот не откликнулся.

– Группе: три, три, три.

Отдав приказ ждать, сохраняя позиции, я спустился вниз и короткими перебежками двинулся в направлении дома, выбранного Иваном. Возможно, он опять повредил рацию, но, получив выволочку за прошлый раз, Мотря стал осторожнее. Минут десять ушло на то, чтобы добраться до развалин здания, но попасть внутрь через дверь не вышло. Вход был обрушен, и пришлось несколько раз осторожно обойти дом вокруг, пока я не нашел узкий лаз в подвал. Проскользнув внутрь, я сразу же включил «ночник». Подвал оказался подтоплен, стоячая вода хлюпала при каждом шаге. Взобравшись на обломок полуразрушенной лестницы, я выбрался наверх и тут же услышал шум на втором этаже. Вынув пистолет, я осторожно стал подниматься, пока не увидел чей-то смутный силуэт на

площадке первого этажа. Присев на корточки, я тихо двинулся вдоль стены, стараясь не шуметь. Силуэт превратился в невысокую фигуру с характерным удлиненным профилем. На площадке стоял незнакомец в знакомом уже американском комбезе, с коротким автоматом в руках. Очень похоже, что история с кофрами получила неожиданное продолжение. Однако раз остальных не побеспокоили, значит, вычислить им удалось только Ивана. Спрятав пистолет в кобуру, я вынул из нарукавного шва нож и, осторожно подобрался к стоявшему на площадке человеку, резко встал и ударил так, чтобы клинок пошел сверху вниз. Острое жало пробило армированную ткань чуть выше предохранительного пояса костюма и почти без усилий перерубило позвоночник жертвы. Чуть крутанув клинок вправо, я быстро подхватил дернувшееся обмякшее тело и аккуратно оттащил труп на пролет ниже. Высвободив нож из раны, я обтер кровь о ткань чужого костюма. Вынув из подсумка гранату, я ослабил поясной ремень покойника и засунул гостинец туда, а потом вынул кольцо. Положив труп ничком, двинулся дальше. Случись что, любопытный приятель часового точно перевернет труп и получит свою порцию удивления. Со второго этажа слышались приглушенные голоса и звуки ударов. Взобравшись на площадку, я увидел тени сквозь дверной проем ближайшей квартиры.

Прислушавшись, удалось расслышать иностранную речь, перемежаемую глухими ударами, говорили по-английски, но как-то коряво:

– Сколько вас? Кто командир? Какое задание выполняет ваше подразделение?

– А хер вам в зубы!

Мотря жив, видимо, допрос только начался. Вынув из кармашка кусок хромированной железки, которую я ношу как раз на такой случай, высунул его в дверной проем. Мотря, связанный и обезоруженный, валялся на полу, а двое близнецов покойного часового уже разложили небольшой костерок для душевной беседы. Спрятав зеркало, я осторожно проскользнул вверх по лестнице, но на третьем этаже никого не оказалось. Не медля больше, я вынул пистолет и, привинтив на ствол «тихарь», снова спустился на этаж ниже. Не останавливаясь, я шагнул в комнату и дважды выстрелил в ближайшую фигуру, склонившуюся над артельщиком. Обе пули пробили шлем у основания, человека бросило вперед, и он рухнул на связанного Ивана ничком. Второй наемник среагировал почти мгновенно. Вскинув автомат, висевший на длинной ременной петле у бедра, он успел нажать на спуск. Короткая, патронов в пять, очередь глухо отстучала положенное. В тот же самый миг две моих пули уже нашли цель. Одна из них вошла незнакомцу над левым глазом, пробив щиток маски, вторая ударила в пластину бронежилета, пробив ее. Наемник выпустил автомат и, опрокинувшись на спину, замер. Проконтролировав обоих еще двумя выстрелами в корпус и голову, я спрятал пистолет и развязал Мотрю. Артельщик, тяжело кряхтя, поднялся, растирая запястья и косясь на трупы:

– Спасибо, командир! Еще бы чуток, и остался без пальцев, а потом... ну ты в курсе процедуры. С-с-суки рваные!

Мотря с досадой пнул в бок одного из покойников. Я выщелкнул полупустой магазин и, вынув из подсумка полный, загнал его в пистоль. Ситуация еще более хреновая, потому что Норд проморгал появление чужаков, да и Мотря уже второй раз упарывает косяк будь здоров. Однако сейчас разбираться некогда, позиция засвечена, и нужно как можно быстрее уходить отсюда. О том, чтобы отменять экс, речи быть не может, механизм уже запущен, я почти физически ощущаю, как откуда-то из глубин междумирья к земле идет нечто темное и невероятно чуждое. Не страх, но животный ужас накатывал волнами, стремясь нарушить обычный ход мыслей. Едва хватало сил загнать это мерзкое чувство обратно, чтобы вновь ощутить привычное спокойствие, овладевавшее мною всякий раз во время боя.

– Как это получилось, Иван?

Мотря лихорадочно вколол себе двойную дозу антидота от радиации, а затем лихорадочно начал собирать свою снарягу, сложенную в углу комнаты.

Голос бойца звучал глухо, но я чувствовал сквозящие в нем досаду и растерянность:

– А хрен его знает как! Растяжки выставил, шел тихо...

И тут меня осенила быстрая как молния догадка.

Не медля больше ни минуты, я шагнул к артельщику и, внимательно осмотрев его взлохмаченную разгрузку, спросил:

– Иван, спрошу только один раз, и лучше тебе ответить честно.

– Ну чего сразу я-то?!

– Колись, чего взял с караванщиков крайний раз, быстро!

Руки Матренина замерли, он вдруг лихорадочно полез в карман брюк и выдернул оттуда массивные наручные часы. Это были дорогие швейцарские «котлы», способные выдержать двести метров под водой и молодецкий удар каблуком кованого сапога. Дорогая вещица, скорее всего, имела внутри какой-то маяк. Положив часы на пол, я вынул пистолет и выстрелил. Брызнули осколки, злосчастный хронометр разнесло на части.

Повернувшись к Ивану, я ровным голосом приказал:

– Группы обшмонай... и заминировать не забудь. Перебазируйся в соседнее здание, там сектор поуже, но здесь оставаться нельзя. За косяк ответишь, когда вернемся домой. Подстава серьезная, будем думать, как с тобой поступить. Все. Теперь в темпе вальса!

Движения артельщика были чуть более нервными, чем обычно, и по тому, как он не возразил, я понял, что момент он прочувствовал. Но если уйдет Мотря, следом подастся и Кудряш. Потерять вне боя сразу двух хороших бойцов – это позор. Но сейчас думать об этом некогда. Снова выбравшись на улицу, я так же осторожно пересек улицу и минут через пять добрался до своей лежки.

Через минуту Мотря доложил, что обустроился, и я, проверив готовность остальных, приказал:

– Группа: костер, костер, костер!

Дальше время начало скакать, как это обычно и бывает в бою. Две гранаты ушли к спарке, одна пошла к пулеметной точке. При назначении целей прежде всего учитывается характер их размещения. Пулемет был в помещении, там же разместились и остальные боевики, значит, эффект поражения будет максимальным. «Тушняк», как у нас называют гранатометные выстрелы к РПГ, бывает разный. Со склада Алхимиков я приказал брать только те, что дают эффект объемного взрыва. Внутри таких гранат горючая смесь, которая расплывается при подрыве и выжигает в ограниченном пространстве все и вся. А вот спарка на крыше магазина – это цель посложнее. Попасть трудно, да и эффект на открытом воздухе будет заметно более слабым, поэтому там лучше взять количеством.

Граната, пущенная в окно дома, разорвалась где-то в глубине комнаты. Земля ощутимо дрогнула, и в том месте образовалось большое облако из огня и черного жирного дыма. Один за другим прогремели еще несколько разрывов, от стены отделился большой кусок и сполз вниз, на землю, окутанный плотной пылевой завесой.

Искаженные помехами, в наушнике один за другим последовали доклады снайперов:

– Второй, минус два.

– Седьмой, минус один.

С магазином все вышло не так красиво. Лишь один выстрел достиг цели, красивый клуб пламени накрыл спарку почти полностью. Второй выстрел ушел выше, граната лишь чиркнула по брустверу, пролетев дальше. Две объятые пламенем фигуры вырвались из огня и заметались по крыше. Заработал пулемет Мотри, фигурки одна за другой попадали, догорая. От магазина побежало сразу трое, я вскинул автомат и, посадив на мушку бегущего впереди человека, плавно выжал спуск. В плечо мягко отдало, и человек упал лицом вперед. Бегущий следом споткнулся о бьющееся в конвульсиях тело, но падал он уже мертвым.

Голос Ксении снова сообщил:

– Седьмой, минус два.

И в этот момент дома впереди ожили. По нам ударило сразу десять или больше стволов. Перед домом, где я сидел, разорвалось сразу две гранаты, кто-то бил из станкового гранатомета, который прятался дальше тех, что мы уничтожили.

Тут же послышался спокойный голос Юриса:

– Избушка справа три – пять! Десяток карандашей справа один – четыре!

Пора было менять позицию. Откатившись от окна, я сполз по лестнице вниз. Над головой в стену ударило три пули подряд. Стекла маски запорошило пылью, а потом под стеной разорвалось сразу две гранаты, отчего дом резко качнуло.

Сползая все ниже и ниже по лестнице, я сумел вызвать взрывников:

– Номерам три, пять и шесть – работа по избушкам, только по избушкам! Второй и седьмой, наводите огневиков!

Внутренний таймер буквально вопил о том, что время на исходе. Сейчас бой распался на отдельные схватки, основная линия обороны прорвана. Это заметно по той лихорадочной спешке, с которой противник бросил на нас свежие силы. Юрис и Ксения уже не докладывали о пораженных целях. Остальные тоже сбились, часто окликая друг друга по принятым в отряде позывным. В эфире на общей частоте артели царил обычный в таких случаях хаос, когда каждый видит только свой сектор или боится напарника. Выход был только один – нужно передать командование и идти вперед. До перекрестка, за которым находится искомое устройство, оставалось каких-то двести метров, судя по карте. Глянув вверх, я успел заметить, что пятно в небе стало ярче. Чернота приобрела какой-то странный оттенок, будто бы внутри нее плясало множество огней, бывших еще более темными. Как пламя может быть темнее самой черноты, я умом понять не мог, однако же сейчас наблюдал это своими собственными глазами. Руки сами непроизвольно начали сжимать автомат.

Переключившись на общую частоту, я произнес как можно более отчетливо:

– Отряду слушать! Иду на прорыв... координаты: двенадцать, семь, три пять, по улитке два. Точка сбора – восемнадцатый квадрат. Второй принимает командование группой. Береги девчонку, брат!

Отметив на карте точное место прорыва, я вполуха послушал разноголосые подтверждения, ребята услышали. Скатившись вниз, я рывком преодолел расстояние до противоположной стороны дороги и, прижавшись к стене дома, побежал вперед. Мгновение спустя послышался резкий шорох и из окна дома, где был мой НП, вырвался сноп белого дыма. Накрыли-таки, хоть и поздно.

В наушнике снова раздался голос, это был Андрон:

– Пятый, цель вижу! Цель поражена! Они отступают!

Где-то впереди ухнул глухой разрыв. Хотя за общим шумом перестрелки это скорее напомнило эхо. Я быстро вынул ПДА и, сориентировавшись, снова пересек улицу, свернув к перекрестку, ведущему на Подгорную улицу. Глянув вверх, увидел, как черное пятно расширяется, жадно втягивая в себя электрические разряды молний. Боль снова пришла минут пять назад. Но, преодолевая жуткую мигрень, я ловил мысли в этом раскаленном озере боли, чтобы сохранить возможность трезво оценивать обстановку. В какой-то момент я остановился, чтобы перевести дух, оперся плечом об угол какого-то жилого дома. Это был узкий проход, ведущий во двор, состоящий из трех точно таких же пятиэтажек. Снова вынул ПДА, я увидел, как шесть зеленых точек, мерцая, приближаются ко мне. План сработал, оборона оказалась прорвана, а защитники рассеяны. Я уже совсем было собрался обозначить себя, как вдруг заметил движение метрах в пятидесяти вниз по улице. Там один за другим в моем направлении шло человек десять боевиков. Двое несли станок и длинную трубу пулемета. Видимо, это было подкрепление, а мы шли верной дорогой.

Отжав тангенту на передачу, я сказал:

– Группе, один – десять! Косарь, юго-восток!

Отозвались все, и это была хорошая новость. Плохо то, что нас раскидало и я оказался метров на сто впереди остальных. Но медлить нельзя, еще немного, и наемники выйдут во двор и укрепятся в одном из домов. Выбить их оттуда можно, но время звенело в моей голове надорванной струной, его больше не осталось. Счет шел на минуты, которых тоже становится все меньше. Взяв на прицел фигурки пулеметчиков, я прицелился и выжал спуск. «Тихарь» скрадывал звуки выстрелов, поэтому первое время никто из боевиков не понял, что произошло. Сначала один, а затем и второй наемники упали, сбив слаженно бегущих

товарищей. Воспользовавшись возникшей кутерьмой, я сместился правее, укрывшись за ржавым остовом бензовоза, и дал по копошащимся боевикам еще пару коротких очередей. Задел двоих, но упал только один. В этот момент кто-то из них заметил, откуда стреляют, и тишину разорвало эхо автоматных очередей. По кузову щелкнуло несколько пуль. Поэтому я отступил и снова оказался за углом разрушенной пятиэтажки. Сейчас они поймут, что против них только один человек, задавят огнем и попробуют обойти. Отступать нельзя, впереди уже виднелось какое-то белое здание, над которым и висело черное пятно образующегося портала. До него по прямой было метров сто пятьдесят, но сейчас мне точно не пройти. Ребята не успеют, слишком много завалов вокруг.

Дада-дах! Ахх!

От угла дома, за которым я прятался, отлетели солидные куски щебня. Мысль о том, что наемники каким-то образом свинтили пулемет и сейчас размешают мои внутренности с грязью, пришла, уже когда я распластался на земле.

Дада-да-ах!

Не раздумывая, я вынул одну из немногих оставшихся гранат и кинул ее на звук выстрелов. Рубчатый кругляш «феньки» описал красивую дугу и скрылся за остовом бензовоза. Пару мгновений спустя хлопнул взрыв, пулемет осекся на полуслове и заглох. Воспользовавшись передышкой, я выщелкнул порожный «рог», заменив его новым. Тихо взведя затвор и перекатившись на пару метров вправо так, чтобы оказаться точно под машиной, я замер. Боль в висках стала тише, хотя, может быть, я просто притерпелся. Стараясь двигаться как можно более осторожно, я пополз вперед, чтобы обойти наемников с фланга. По левой стороне улицы было много завалов, мусор сбился в невысокие кучки, и под их прикрытием можно попробовать войти в мертвую зону, где пулеметчик не достанет.

Дада-да-ах!

Впереди возникла стена из пыли, каменного крошева и земли. Пулемет ожил раньше, чем я рассчитывал. Не думая больше ни о чем, вскочил и в прыжке рухнул за обломок лицевой панели, отслоившейся с фасада рухнувшего соседнего дома, возле которого стоял ржавый бензовоз. Продолжая ползти вперед, глубже втискивая себя в изрытый трещинами асфальт, я думал только о раскручивавшейся неподалеку в небе воронке.

Дада-да-ах! Дада-да-ах!

Очереди ложились рядом, но в какой-то момент я ощутил, что огонь стал отставать. Пули теперь били правее и уже чуть позади, лишь каменная крошка пополам с пылью и стеклянной мелочью осколков пригоршнями обсыпала с ног до головы.

Вдруг, когда я уже почти дополз до конца завала и приготовился закинуть гранату на звук, а потом бежать через небольшой скверик к разрушенному остову какого-то памятника, справа и впереди сначала раздался сдвоенный взрыв, а потом в наушнике раздался дрожащий от радости голос Юриса:

– Здесь второй, минус четыре. Командир, мы на месте, отзовись!

Осторожно перекатившись на бок, я достал ПДА. Противоударный экран не выдержал, слева направо тянулась сеточка трещин. Все шесть точек были возле дома, откуда я только что приполз. Вся внутренняя поверхность маски была липкой от кровавой слюны, каждый вдох давался с противным всхлипом.

Тихим свистящим шепотом, мало напоминавшим голос живого человека, я произнес:

– Там, внизу...

– Чисто, командир, поднимайся!

Осторожно приподнимаясь на локтях, я высунул голову и увидел внизу, прямо возле входа в скверик, жирное пятно копоты, оставленное гранатометным выстрелом. Там же валялся пулеметный станок, его отшвырнуло метра на три в сторону. Трупов я насчитал всего штуки три, остальных скрывала насыпь, и, чтобы увидеть все в подробностях, нужно было встать во весь рост. Решение пришло быстро.

Снова плюхнувшись на землю, я вызвал Норда и приказал:

– Прикрой по два – двенадцать, юго-восток!

Не дожидаясь ответа, я вскочил и ринулся вниз, стремясь добежать до низкого бортика, ограждавшего бюст академика Курчатова, отца советского ядерного проекта. Таких бюстов и памятников должно быть всегда много там, где есть «мирный атом», хотя могу и ошибаться. Несмотря на усталость и противный гул в ушах, двигаться ничего не мешало. Десяток метров, отделявших меня от укрытия, почти пролетел. Приземлившись точно за порушенной оградой, на закаменевшую от времени клумбу, я прижался к постаменту спиной и осмотрелся. Юрис оказался прав, взрывом накрыло двоих, еще четверо, со следами осколочных ранений, были убиты аккуратным выстрелом в голову. Дорога к небольшому белому домику в конце улицы была открыта. Вынув монокуляр, я внимательно осмотрел окрестности, однако вокруг дома никого больше не оказалось. Сердце ныло от нехорошего предчувствия, но черный вихрь с пляшущими в нем огнями темного пламени оказался сильнее осторожности. Скорее всего, устройство в подвале этого дома, а не в нем самом. Значит, это и есть последний рубеж. Глянув еще раз на карту, я сверился с обстановкой. Тройка и его бойцы брали четвертую высотку, но дела у Алхимиков шли не так успешно. Враг стоял насмерть, что вообще-то для наемников нехарактерно.

Отжав тангенту на передачу, я приказал:

– Группа, ко мне, построение походное, мы у цели.

Оттолкнувшись от стены и поднявшись во весь рост, я оглянулся. Быстрым шагом шесть запыленных фигур, пригибаясь, бежали в мою сторону. Все были живы, хотя всех запятнало так или иначе. В комбезах есть гелиевые кровоостанавливающие пакеты, и перевязка в бою не нужна, но увидеть ранение можно по характерным вздутиям пенящейся массы. Но раз все шли на своих ногах, нужно торопиться. Ксения подбежала первой, но, приостановившись в самый последний момент, замерла, притворившись, что поправляет поясной ремень под накидкой.

Юрис кивнул, остальные тоже дали знать, что все в порядке, поэтому я указал на здание и пояснил:

– Прибор, скорее всего, в подвале, никакого движения внутри нет, значит, здание заминировано. Гора, Кудряш – вперед. Мотря и Норд – прикрывайте саперов. Остальные со мной, валим все, что движется. Вперед марш!

До здания мы дошли быстро и без приключений. Похоже, что если кто и прятался внутри, то они все в подвале. Но дальше пошли напряги: Гора вдруг вскинул руку вверх и кинулся к порогу центрального входа. Минуту спустя он извлек из-под декоративной плиты электрический замыкатель. Наступи кто-нибудь, и все здание взлетит на воздух. Еще минут десять ушло на разминирование входа в подвал.

Мотря, Норд и я сняли тяжелую дверь с петель, и тут кое-что заставило меня оглянуться, а потом выпустить свой край и заорать:

– Все прочь из здания! Бегом к точке сбора!

Но было уже поздно. В десяти шагах от крыльца стоял человек в комбинезоне, но без шлема. Светлые, почти белые волосы его свободно ниспадали на плечи. А в серых водянистых глазах застыло безразличие. Тонкие губы кривились, словно человек хотел улыбнуться, но забыл, как это делается. Руки наемника были пусты и свободно болтались вдоль туловища. Харалд Дансель собственной персоной вышел будто бы из ниоткуда. К чести моих бойцов, никто не растерялся и все вскинули оружие, однако наемник опередил нас, воздев руки к небу и хлопнув в ладоши. На какое-то мгновение я увидел клубок синего огня, раздавленный бледными ладонями Данселя. Волна черного пламени, точно такого, что я видел внутри открывающегося портала, прошла от стоящего неподвижно норвежца во все стороны. Дикая, невыносимо чистая в своем высоком градусе боль от прикосновения самого краешка этой волны заставила меня без памяти рухнуть на пол.

Последнее, что я услышал, были слова того самого сгустка темноты, которого я отправил прочь из своего сна почти месяц тому назад:

– Ну вот и все. Игра окончена, человек.

Сознание погасло лишь на короткий миг, по крайней мере, когда мне снова удалось

открыть глаза, вокруг мало что изменилось. Шок от неизвестного излучения, которое испускали руки Данселя, вырубил, но не убил. С трудом преодолевая слабость во всем теле, я поднялся сначала на колени, а потом встал во весь рост. Пыль забила смотровые линзы, фильтры почти не пропускали воздух, настолько были забиты кровавой слизью. Сорвав с лица маску, я с хрипом вдохнул отравленный воздух и, нащупав в рукаве нож, шагнул навстречу наемнику. Дансель ничего не говорил, не попытался бежать, с толикой превосходства и удивления наблюдая за мной. Тело переполняла ватная слабость, но вдруг откуда-то извне стал поступать сначала тонкий, а затем все более нарастающий поток сил. С каждым шагом тело обретало былую подвижность, а шум в голове практически прекратился. И когда до ухмылявшегося наемника оставалась всего пара шагов, я ощущал себя даже слегка отдохнувшим. Задумываться над тем, что это – обман чувств или здешний воздух вдруг обрел целительную силу, я не стал, так же молча шагнул к наемнику и без замаха вогнал клинок ему точно под подбородок. Норвежец вздрогнул, тело его сотрясли обычные в таком случае конвульсии, и он обмяк. Тело мешком рухнуло на землю, похоже, он действительно был мертв. Отерев клинок о чужой рукав, я перешагнул через тело и посмотрел вверх. Глаз бури уже выбросил длинные протуберанцы, состоящие из темного огня, оплетая белую башенку здания, они образовали полупрозрачный плотный кокон. Отбросив посторонние мысли и сосредоточившись, я вошел в знакомый уже по схваткам с иномирными транс. В ткани Вероятности царил жуткий хаос: зеленые и багрово-красные нити причинно-следственных связей окутала черная дымка, а кокон вокруг здания просвечивал ярко-алым.

Идти снова стало очень трудно, однако сквозь снова появившийся шум я услышал слабый голос Ксении:

– Ступающий, оглянись!

В зелено-черном тумане каждое движение стоило ощутимых усилий. Медленно, почти как в ночном кошмаре, я стал оборачиваться, и тут в плечо ударил сгусток черноты. Мозг обожгло, перед глазами все помутилось, но сквозь пелену и хаотичное переплетение нитей я увидел мертвое лицо Данселя. Фигуру наемника окутала плотная завеса из черного тумана. А из-за спины ко мне тянулось шесть длинных щупальцев. Одна из них снова дернулась мне навстречу, но я уже был готов и увернулся. Беззвучно открывая рот, норвег качнулся вперед, и на этот раз все шесть отростков ринулись на меня. Выпад был неотразим, уклониться от такого не получилось бы, даже будь я мастером-рукопашником. Как в замедленной съемке, щупальца летели прямо на меня, отсекая пути к бегству.

И тут откуда-то издали снова послышался голос посланницы Райн:

– Вероятность защитит, позови ее!

Отбросив сомнения, я потянулся к мерцавшим вокруг алым нитям руками и потянул их на себя. Ожгло холодом, руки занемели, словно от удара током, но нити стали собираться вокруг меня с невиданной быстротой. И когда щупальца уже были совсем рядом, алая мешанина из нитей сомкнулась между нами, образовав глухую стену. Земля дрогнула, я услышал дикий многоголосый рев. В нем слышались боль, страх и удивление. Потом нити вновь расступились, растекшись вокруг меня. Ткань Вероятности восстанавливалась, оружие Вейт не причинило ей вреда. Я увидел лежащего неподалеку ничком Данселя. Наемник силился подняться, остатки темного кокона истончились, лицо норвега дергалось, рот кривился в невообразимых гримасах, но ни единого слова он сказать не сумел. Откуда-то пришло понимание, что сам наемник уже давно мертв, сейчас это просто послушная марионетка, которая вдруг сломалась. Я видел, как клубящийся за спиной человека черный туман мерцал, редкие темные нити бегали вдоль всего тела Данселя, силясь поднять его на ноги. Но такого шанса я давать не намерен. Выбрав пульсирующие зеленым нити паутины, я вновь собрал их в пучок. Но вместо того чтобы отпустить, дернул их резко от себя. Уже привычно обожгло холодом, но на этот раз силы оставили меня совершенно.

Кровь стучала в висках подобно колоколам, обитым войлоком, так что я с трудом услышал далекий и обрывающийся голос Ксении:

– Не отпускай его, Ступающий. Уже почти закончила, еще совсем... немного. Прощай, я так счастлива была узнать тебя, Антон Васильев. Прощай и прости меня-я-а-а!

Наверное, злость придавала сил, а может быть, что-то еще, но руки сами сжались в кулаки. Зеленый огонь затопил все вокруг, выжигая остатки чувств, все слилось в один бешеный калейдоскоп красок и звуков, в которых главным был дикий рев, исполненный боли и страха. Он все рос и рос, пока что-то не лопнуло с пронзительно чистым хрустальным звоном, будто оборвалась единственная оставшаяся струна. Буйство красок вдруг опало, схлынуло прочь, как и не бывало вовсе. Первое, что я увидел, это серое, чистое небо над головой. Портал исчез, электрический шторм тоже прекратился. Сейчас вокруг царила обычная поздняя осень, сырой ветер бросал в лицо редкие дождевые капли. Таймер внутри остановился, и угроза, висевшая над головой, больше не давила, ее просто не было вовсе. С трудом сделав несколько шагов, я опустился на землю и посмотрел вокруг. Тело Данселя лежало неподалеку бесформенной грудой воняющего мяса. Похоже, что он был мертв уже очень давно. Белое здание стояло на месте, но перед глазами все плыло, я не видел четких граней, только смутные силуэты. Сколько осталось в живых, кто уцелел? Стараясь сфокусироваться на знакомых фигурах, я до рези в глазах вглядывался в них. Два... Четыре... Пять. Всего пятеро, кого же не будет хватать за столом, чья рюмка останется накрыта куском хлеба на этот раз?

Первым подбежал Юрис. Вытянув вперед руку, я ощутил, как друг схватил ее. На лицо сразу же упал респиратор. Руку обожгло резкой болью, и оттуда по телу разлились волны горячего тепла.

Отстраняя маску, я спросил:

– Кто?!

Другие руки отодрали мои слабеющие пальцы от маски, потом резкий рывок, и я взлетел над землей. Снова оказаться на носилках – это уже слишком.

Но жгущий меня изнутри вопрос прорывался сквозь респиратор:

– Юрис, кто?!

Весь мир вдруг сузился до этого острого желания узнать, встретится с потерей, чтобы она быстрее резанула по нервам, ибо лица всех, кто бился рядом в этот раз, стояли перед внутренним взором, заслоняя рвущийся из легких натужный кашель. Жесткая рука Норда легла мне на грудь, прижав к носилкам. Склонившись надо мной, он глухо проговорил сквозь маску:

– Ладно, один хрен не уймешься. Когда норвег что-то взорвал, мы сначала валялись без памяти. Потом очнулся, пацаны верещат, всем бо-бо. Тебя нет, перед домом черная воронка метров десять в ширину. Ксения нам вколола какую-то вакцину, фиг его знает, что это было, но стало легче. До сих пор кровь из ушей идет иногда.

– Умерл... она?

Тряхнув головой, Норд с расстановкой продолжил. Я чувствовал, что каждое слово дается ему не просто. Вокруг мелькали развалины, где-то впереди громко матерился в рацию Иван, выкрикивая позывной Тройки.

– Да не дергайся ты, лежи спокойно! Гора мины снял, мы эту штуку нашли. Я взорвать хотел, тем более ты сам приказывал, но... Она сказала, что можно отключить. Тогда есть шанс тебя вытащить. Потом кутерьма. Она орет, чтобы все уходило, я не смог ее вытащить. Там возникло какое-то поле. Мы снаружи, она и эта штука – внутри. Короче, нет там ничего сейчас, даже пепла не осталось.

Силы оставили меня окончательно, опять я жив благодаря жертве, принесенной теперь уже призраком той, что была мне дороже всего на свете. Но вдруг возникшая где-то в глубине души злость на себя угасла. Раз нет тела, то, может быть, все не так, как кажется. Но сейчас об этом думать без толку, гадания не моя стихия. Что бы там ни было, а свой дом мы отстояли. Пусть цена оказалась велика, но вновь удалось пройти по самому краю, сохранив жизни идущих следом. Это тоже счастье – знать, что кто-то другой сделал очередной шаг на пути к собственной заветной цели. Пускай так и будет.

К вечеру ветер стал стихать и мне удалось выбраться из башни, пока Слон отвлекся на какие-то свои хозяйственные дела. Накинув старый ватник поверх домашней, застиранной до белизны «камки», я вышел на задний двор. Холодный воздух с непривычки обжигал, вызвав новый позыв натужного, сухого кашля. Взяв с земли старый алюминиевый ящик, в таких раньше развозили молоко, я присел, опершись спиной о кирпичный бок водонапорной башни, ставшей моим настоящим домом. По сути, теперь это единственное место, которое я могу так назвать, а люди, живущие в ней и сейчас разбредшиеся кто куда, это настоящая и единственная семья. После того как портал закрылся, восьмой микрорайон исчез, просто растворился в облаке тумана, который обычно скрывает пласты серых земель. Сгинули и бойцы клана, но Ивану удалось докричаться до Сажи, к нам выслали спасательный отряд и вывезли прочь из разваливавшегося на куски города. Что там сейчас происходит, никто толком не знает, а я и не интересуюсь. Портал закрыт, а Завеса уплотнилась настолько, что «белый шум» стал на некоторое время тише. Пласты разорванных миров утихли, некоторые исчезли совсем. Я получил серьезные радиационные ожоги, отравился испарениями и в любом другом месте склеил бы лапы в тот же день. Алхимики сначала отказались помочь, даже несмотря на заступничество Сажи. Как всегда, все решилось с помощью денег. Артельщики скинулись, и в результате наша банда осталась практически без гроша. Профессора согласились сделать все, что смогут, но поставили одно условие: я ничего не должен видеть. И пришел сон, глубокий как смерть, который длился почти восемь недель. Добавилась пара уродливых шрамов, но в остальном я чувствовал себя сносно. На память о Могильнике остался сухой кашель, подступающий к горлу каждый раз, стоит только вдохнуть холодный воздух. Сажа сказал, что со временем это пройдет. Ничего не остается, как поверить ему на слово. Тем более что время – это все что у меня теперь есть.

Было и еще кое-что, заставлявшее отказаться даже от мимолетного подобия сна, тех сорока минут в сутки, которые я убиваю на это бесполезное занятие. Иногда мне мерещится далекий женский голос. Он зовет по имени, но голос этот так слаб, что даже во сне едва слышен. Ксения исчезла, и все же раз от раза крепло ощущение, что ей удалось каким-то непостижимым образом избежать смерти. Может быть, я просто выдаю желаемое за действительное, но интуиция говорит иное.

– Погода дрянь, а ты шарись под дождем, как бездомный бродяга! Привет, Ступающий!

Привычный ход мыслей прервал знакомый пропитой голос. Оторвав глаза от земли, я увидел Тихона, стоящего в тех шагах напротив. Грузная низенькая фигура Подорожника не претерпела никаких видимых изменений с момента нашей последней встречи. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу и перманентно роясь в безразмерных карманах своего линялого брезентового дождевика.

Указав прищельцу на валяющийся неподалеку ящик, я спросил:

– Как тебя еще пропускают только? Зайдем в дом, угощу, чем богат.

Однако привычный ритуал оказался нарушен. Тихон не стал садиться и даже не сделал ни единого движения в сторону входа в башню.

Вместо этого он почти нараспев заговорил серьезным, не похожим на свой обычный шутовской тон голосом:

– Совет Девяти шлет тебе благодарность, Ступающий мира Земля. Враг побежден.

Кашель снова подловил на вздохе, и почти минуту меня коржило в его колких спазмах. Попутно мелькнула мысль, что раз прислали весть через Тихона, то в Завесе закрыты не все дыры. Это вызвало даже не гнев, а лишь легкую досаду. Прокашлявшись, я сплюнул на землю, но крови не было. Деньги Алхимики взяли не зря.

– Передай им – не стоит благодарности. Заходить еще не приглашаю, воевать за них не буду.

Во взгляде Тихона я увидел незнакомое раньше выражение. Подорожник смотрел на меня с пониманием и сочувствием. Наклонив шишковатую голову в знак того, что услышал и передаст мои слова адресату, он добавил:

– Ну, надеюсь, что меня ты не прогонишь, если что. Пора мне, пойду. До встречи, Ступающий.

– Заходи, если снова будешь в наших краях. Увидимся еще.

Он развернулся, и в последний момент я различил ехидную улыбку, мелькнувшую на заскорузлом от грязи фиолетовом лице. Как Тихон исчез, я не успел заметить. Подорожник просто растворился в воздухе, как и обычно. Поднялся ветер, вспомнил свою работу и морозящий дождик. Вместе они заставили меня снова подняться и зайти внутрь башни. Слон все так же гремел железками в оружейке, похоже, мое отсутствие прошло незамеченным. Пройдя в подвал, я присел на разоренную постель и снова уставился в темноту. Но мысли разбредались, думать ни о чем вообще не хотелось. Вдруг на столе замерцал экран ПДА, пришло новое сообщение. Взяв коммуникатор, я открыл письмо, пришедшее от неизвестного адресата. Там было всего два слова: «ОНА ЖИВА». Закрыв сообщение, я рывком поднялся с кровати и пошел к шкафу где висел комбез и прочая снаряга. Может быть, это подстава, а может быть, некто действительно дает мне знать, что девушку не сожгло во время взрыва. Мы не были с ней друзьями, даже симпатия стала появляться лишь в те короткие мгновения, затерявшиеся в водовороте событий. Однако сейчас это не имеет значения. Впереди снова есть цель, а что может быть важнее для того, кто просто мчался вперед, не разбирая пути? Все должно иметь смысл, в этом и есть настоящее счастье.

Иркутск – Тайшет. Зима 2012 г.

Автор выражает благодарность:

Дмитрию Орлову, Юрчук Андрею, Пастухову Алексею.

Всем активным участникам форума на моем сайте <http://akolentiev.do.am/>, а также сайтах <http://threesta.net/forum> и <http://stalker-book.com/>

Отдельно хочу поблагодарить моего друга и коллегу Новикова Сергея. Его идея с аномалией «банка» во многом продвинула сюжет романа в нужном направлении.

Благодарность и низкий поклон всем моим читателям, помнившим Антона и его друзей. Вы позвали, он вернулся. Только мой голос был бы вряд ли услышан.

С искренним уважением, Колентьев Алексей